ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1(7)
2018

ISSN 2500-3372 (print)
ISSN 2542-1190 (online)

СЕРИЯ:
Политические, социологические
и экономические науки

ISSN 2500-3372 (print) ISSN 2542-1190 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия: Политические, социологические и экономические науки

2018 № 1(7)

Издается с 2016 года

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия:
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.
Редакционная коллегия:
Морозова Е. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.
Антонов К. А., д-р социол. наук, НГТУ (Новосибирск, Россия).
Зеленин А. А., д-р полит. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Косинский П. Д., д-р экон. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, профессор Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).
Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор КемГУ (Кемерово, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, профессор, ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск. Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY
Series: Political, Sociological and Economic Sciences

2018 no 1(7)

Founded in 2016

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board:
B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair;
O. O. Babich, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.
Editorial board:
E. A. Morozova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.
K. A. Antonov, Dr. of Sociology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
A. A Zelenin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. Philosophy. Sciences, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
P. D. Kosinski, Dr. of Economics, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. V. Omelichkin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
G. S. Solodova, Dr. Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk. Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376

Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6

Сайт издания: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94233

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.
Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67376

Published 4 times a year

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.

Web-site: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
94233 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.
Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff
The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

Статьи, опубликованные в данном номере журнала, представлены в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: «Моногорода». Конференция проводится при поддержке гранта РФФИ 18-010-20017 Г.

The current issue features research papers presented at the Applied Research Conference «Regional Development: Economy and Society. One-industry Cities» funded by the Russian Foundation for Basic Research, grant № 18-010-20017 G.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Социальное развитие городов атомной электроэнергетики России (на примере Десногорска)
Вячеслав А. Лазаренко *6*

Инструменты развития отечественной системы публичного управления в сфере функционирования государственно-частного партнерства
Оксана Ю. Лукьяненко *14*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Социальное самочувствие населения северных моногородов (на примере Нерюнгринской городской агломерации)
Терентий С. Ермолаев *21*

Социально-ответственное проектирование в моногороде на примере г. Юрга Кемеровской области
Наталия А. Колодий, Владимир А. Трифонов *27*

Жизненные стратегии жителей моногорода: привлекательность места жительства и миграционные установки
Наталья Л. Мосиенко, Анастасия А. Черепанова *34*

Социологическое сопровождение управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях
Анна В. Сухачева, Оксана П. Кочнева, Альмира Р. Латфулина *42*

Экспертная оценка агломерационных связей в решении проблем модернизации моногородов юга Кузбасса
Ольга А. Урбан, Наталия В. Демчук *51*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Восприятие конкуренции на региональных потребительских рынках фирмами-производителями
Светлана Н. Апенько , Сергей А. Мамонтов *58*

Стратегия управляемого воздействия на развитие экономики моногорода
Андрей Н. Важдаев, Артур А. Мицель *67*

Модели стратегического планирования на территориях с неопределенным государственным статусом
Светлана Н. Гриневская *74*

О координации инструментов стратегического планирования и управления развитием макро-, мезо- и микроэкономических систем в разрезе региональной политики
Баграт А. Ерзнкян, Руслан Ш. Магомедов *80*

Тенденции и особенности развития моногородов в России и повышение их конкурентоспособности
Марина В. Иванова *86*

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Social Development of Russians Nuclear Power Cities (the Case of Desnogorsk)
Viacheslav A. Lazarenko *12*

The Development Methods of National Public Administration in Public-Private Partnership
Oksana Yu. Lukyanenko *19*

SOCIOLOGY SCIENCE

Social Wellbeing of the Population of Northern Monotowns (the case of the Neryungri Urban Agglomeration)
Terenty S. Yermolayev *25*

Socially-Responsible Design in a Monotown: the Case of Yurga, Kemerovo Region
Nataliia A. Kolodii, Vladimir A. Trifonov *32*

Life Strategies of Monotown Residents: Attractiveness of Residence and Migration Attitudes
Natalya L. Mosienko, Anastasiya A. Cherepanova *40*

Sociological Support for Management Decisions at the Regional and Municipal Levels
Anna V. Sukhacheva, Oksana P. Kochneva, Al'mira R. Latfulina *48*

Expert Assessment of Agglomerative Communications in the Solution for Modernization Problems in Southern Kuzbass Monotowns
Olga A. Urban, Natalia V. Demchuk *56*

ECONOMICS SCIENCE

The Competition Development Perception on Regional Consumer Markets by Manufacturing Companies
Svetlana N. Apenko, Sergey A. Mamontov *65*

Strategy of the Managed Impact on the Development of the One-industry Town
Andrey N. Vazhdaev, Artur A. Mitsel *72*

Strategic Planning Models on the Territories with Undetermined State Status
Svetlana N. Grinevskaya *78*

On Coordination of Strategic Planning Tools and Management of Macro-, Meso- and Microeconomic Development in the Regional Policy
Bagrat H. Yerznkyan, Ruslan Sh. Magomedov *85*

Tendencies and Features of Development of Russian Monotowns and Their Competitive Recovery
Marina V. Ivanova *90*

Взаимосвязь стратегического планирования, инициативного и продуктового бюджетирования в России и за рубежом
Евгений А. Капогузов ***92***

Методические вопросы анализа риска недостижения цели стратегии развития моногорода
Роман М. Качалов ***97***

Интеграционная модель стратегического управления северными моногородами на принципах устойчивого развития
Галина А. Князева ***103***

Тенденции регионального развития экономики знаний в России (на примере Кемеровской области)
Дмитрий Г. Кочергин ***111***

Современные парадигмы пространственного развития
Елена В. Курушина ***117***

Хозяйственная агломерация как условие саморазвития территорий
Вера А. Любицкая ***123***

Использование ключевых показателей в оценке развития моногородов на региональном уровне
Людмила Н. Медведева, Михаил К. Старовойтов, Елена В. Гончарова, Юлия И. Гущина ***128***

Моногорода: социально-экономические проблемы и перспективы (на примере Ивановской области)
Елена Е. Николаева ***137***

Эффективная институциональная система управления как условие комплексного регионального и муниципального развития
Александр С. Новоселов, Асия С. Маршалова, Галина В. Ждан ***143***

Критерии выбора приоритетных национальных проектов с позиции обеспечения экономической безопасности
Анастасия Д. Пивень ***148***

Институциональные изменения, обеспечивающие инновационное развитие экономики «ресурсного региона» (на примере Красноярского края)
Игорь С. Пыжев ***155***

Моногорода Республики Беларусь: особенности оценки социально-экономического развития
Ирина Н. Русак ***161***

Управление социально-экономическим развитием моногородов
Ольга Д. Угольникова ***166***

Interrelation of Strategic Planning and Initiative and Product Budgeting in Russia and abroad
Eugeniy A. Kapoguzov ***95***

Methodical Issues in Assessing the Risk of Failure to Achieve the Strategy Goal of the Monotown Development
Roman M. Kachalov ***101***

Integration Model of Strategic Management of Northern Monotowns Based on the Principles of Sustainable Development
Galina A. Knyazeva ***109***

Tendencies of Knowledge-Based Regional Development in Russia (Example Kemerovo Region
Dmitrii G. Kochergin ***115***

Modern Paradigms of Spatial Development
Elena V. Kurushina ***121***

Economic Agglomeration as a Condition of Territorial Self-Development
Vera A. Liubitskaia ***127***

Key Indicators in Development Assessment of Monotowns at the Regional Level
Liudmila N. Medvedeva, Mikhail K. Starovoitov, Elena V. Goncharova, Iuliia I. Gushchina ***135***

Monotowns: Social and Economic Problems and Prospects (the Case of the Ivanovo Region)
Elena E. Nikolaeva ***141***

Effective Institutional Governance System as a Condition for Integrated Regional and Municipal Development
Alexander S. Novoselov, Asya S. Marshalova, Galina V. Zhdan ***146***

Selection Criteria for Priority National Projects from the Perspective of Economic Security
Anastasiia D. Piven ***153***

Institutional Changes in the Innovative Economy Development of a «Resource Region» (the case of the Krasnoyarsk Territory)
Igor S. Pyzhev ***159***

Monotowns of the Republic of Belarus: Assessment Features of Socio-Economic Development
Iryna N. Rusak ***165***

Management of Social and Economic Development of Monotowns
Olga D. Ugolnikova ***170***

УДК 325.1+316.42

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕСНОГОРСКА)

***Вячеслав А. Лазаренко*[1, @]**

[1] *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1*
[@] *lasarenko91@mail.ru*

Поступила в редакцию 10.01.2018. Принята к печати 15.02.2018.

Ключевые слова: социальное развитие, Десногорск, атомная промышленность, Смоленская АЭС, город-спутник АЭС, ЗАТО, миграционный отток.

Аннотация: В статье представлена оценка социального развития г. Десногорска по сравнению с остальными городами Смоленской области. Исследование показало, что по ряду показателей социального развития Десногорск является лидером в регионе, однако есть показатели, которые у города ниже среднего по всем городам области.

На основе индекса социального развития (комбинации нескольких показателей) было выявлено, что социальное развитие Десногорска опережает остальные города области, но с 1996 г. отрыв от регионального центра и остальных городов уменьшается, и постепенно Десногорск по своему развитию приближается к среднему по всем городам. Основной причиной замедления социального развития Десногорска является передача социальных обязательств от градообразующего предприятия администрации города и стремительное сокращение численности населения Десногорска.

В постсоветский период из Десногорска начался миграционный отток населения, в основном молодежи. Отток населения в первую очередь вызван монопрофильностью экономики и оптимизацией отрасли. В городе постепенно увеличивается социально-экономический разрыв между сотрудниками АЭС и остальными жителями.

В Десногорске самый низкий уровень трудовой мобильности по сравнению с другими городами области. Низкий уровень трудовой миграции наряду с миграционным оттоком говорит о низкой адаптации населения к экономическим и социальным изменениям.

Для цитирования: Лазаренко В. А. Социальное развитие городов атомной электроэнергетики России (на примере Десногорска) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 6–13. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-6-13.

Введение и постановка проблемы

На Российской Федерации в настоящий момент находится 10 действующих АЭС, и при каждой АЭС есть город-спутник, зачастую сильно зависящий в социально-экономическом отношении от градообразующего предприятия.

История развития г. Десногорск, самого молодого города Смоленской области, напрямую связана с историей Смоленской АЭС. Развитие гражданского сектора атомной промышленности, т. н. «мирного атома» началось в начале 1950 гг., когда был начат проект использования атомной энергии для производства электричества [1]. Первая в мире атомная электростанция была пущена в 1954 г. близ станции Обнинское (ныне г. Обнинск), Калужская область. Если выделять города при АЭС в отдельный тип городов, то Обнинск является первым в СССР и одним из первых в мире городом такого типа.

На выбор места для строительства такого сложного промышленного объекта, как атомная электростанция влияет несколько факторов, которые выделил в своих работах А. И. Трейвиш [2, с. 134–135]. Основным географическим преимуществом АЭС является возможность расположить станцию в энергодефицитном районе или таком, где существующая энергетическая база оказывает сильное отрицательное воздействие на окружающую среду (например загрязнение ТЭС воздушного бассейна). Однако существуют и лимитирующие факторы. При использовании открытых систем охлаждения возникает необходимость размещения атомных станций у крупных источников воды. Потенциальное радиационное воздействие АЭС устанавливает повышенные требования к радиационной защите, поэтому на первом этапе строительства станций это привело к выбору площадок для АЭС в менее освоенных районах СССР. Кроме того, при размещении крупных АЭС для повышения их экономичности (у АЭС высокая доля затрат по сравнению с остальными ЭС) учитывается не только наличие дефицита энергии, но и плотность потребления электроэнергии, а также обеспеченность района линиями электропередач.

Постановление о строительстве Смоленской АЭС было принято в 1966 г., затем 3 года выбиралась площадка на территории области. Рассматривались четыре варианта расположения промышленной площадки, в конечном итоге в 1968 г. был выбран участок в 40 км к северо-востоку от г. Рославля между притоком р. Десна (р. Сельчанкой) и проектируемым водохранилищем. С востока от выбранной площадки, на берегу плотины было решено начать строить рабочий поселок. 26 февраля 1974 г. населенный пункт был зарегистрирован как п. Десногорск, 9 сентября 1982 г. Смоленская АЭС была запущена, а 31 января 1989 г. п. Десногорск получил статус города.

На сегодняшний день в промышленной эксплуатации на Смоленской АЭС находится три энергоблока общей электрической мощностью 3000 МВт. Для замещения Смоленской АЭС планируется строительство Смоленской АЭС-2, проектируются два энергоблока, которые по планам будут введены в строй после 2024 г.

Социальная инфраструктура Десногорска с самого начала создавалась под управлением Министерства среднего машиностроения СССР (Минсредмаш, центральный орган, управляющий атомной промышленностью СССР, сейчас функции на территории России переданы Государственной корпорации Росатом). Город был неразрывно связан с основным предприятием и управлялся едиными структурами. После распада Советского Союза начался переход к разделению функций: управляющие структуры Смоленской АЭС стали постепенно передавать социальные обязательства администрации города. В 1990-е гг. на баланс города был передан ряд крупных объектов социальной инфраструктуры, содержание которых обходилось впоследствии городу очень дорого [3, с. 9]. Финансовые возможности администрации города намного уже, чем у ОАО «Концерн Росэнергоатом» (эксплуатирующая организация АЭС России).

Таким образом, на муниципальном уровне от Смоленской АЭС поступает небольшая часть налогов, законодательно социальная поддержка города со стороны Росатома сокращается. Однако неформально город все равно находится «под крылом» у основного предприятия: городской совет депутатов почти полностью сформирован из сотрудников АЭС и связанных с ней структур [3, с. 9–10]. В городе действует Совет руководителей предприятий и организаций, куда входят представители АЭС. В деятельность Совета в том числе входит разработка и принятие программ благоустройства города. Согласно интервью с представителями администрации города, большинство современных объектов социального значения были построены при софинансировании Концерна.

Социальное развитие Десногорска после распада Советского союза претерпело значительные изменения. Цель данного исследования посмотреть, как происходила динамика этого развития с 1991 г. по наши дни.

Обзор ранее выполненных исследований

В отечественной географии в 1970-е гг. одним из первых географические особенности расположения предприятий атомной промышленности рассмотрел А. И. Трейвиш [2]. Проанализировав действующие и строящиеся на тот момент АЭС Восточной Европы, А. И. Трейвиш выделил два основных типа районов размещения АЭС. К первому типу относятся остродефицитные по энергии районы с двумя подтипами: старопромышленные и быстро развивающиеся (осваемые) районы. Второй тип районов (менее распространенный): районы, сбалансированные или даже избыточные по электроэнергии, куда входят районы у крупных источников воды, идущей на охлаждение, и районы в узлах высоковольтных ЛЭП [4, с. 80]. Подробный анализ экономических, политических и географических проблем ядерной энергетики капиталистических стран сделал О. В. Витковский [5]. Одними из первых географов, кто комплексно изучал закрытые атомные города, являлись В. А. Тихонов, Г. М. Лаппо и П. М. Полян. В 1992–1995 гг. в рамках общего исследования процесса «утечки умов» В. А. Тихонов исследовал влияние социально-экономических трансформаций переходного периода на миграцию высококвалифицированных специалистов из бывших закрытых атомных городов России [6]. Автор рассмотрел миграционный обмен между этими городами и другими городами России, миграционный потенциал городов, рынок труда и уровень жизни. Г. М. Лаппо и П. М. Поляном в 1998 г. проведен анализ городского социума ЗАТО России (включая ЗАТО атомной отрасли) [7]. Исследователями были обозначены специфические особенности и проблемы недавно «открытых» городов (отчасти указанные в исследованиях В. А. Тихонова). В монографии группы авторов из УрГЭУ [8] проанализированы особенности развития атомных ЗАТО России, выявлены основные факторы и тенденции их размещения, формирования и функционирования. Исследование атомных ЗАТО в рамках изучения всей сети наукоградов России провел А. А. Агирречу [9]. Существует ряд географических исследований городов атомной электроэнергетики (городов-спутников АЭС), однако количество таких публикаций невелико, причем часть из них по исследованию предполагаемых спутников АЭС, которые еще не построены, а только проектируются [10].

Отдельных исследований социально-экономического развития города Десногорска или других городов-спутников АЭС немного. Отметим отдельно исследование Я. Д. Заусаевой «Атомные специалисты в структуре местных сообществ городов-спутников АЭС» [3]. В рамках данной работы исследователь рассмотрела функциональную роль сотрудников атомной отрасли в местных сообществах городов-спутников действующих (Курчатов, Десногорск, Полярные Зори, Удомля и Волгодонск) и недостроенных АЭС (Чистые Боры, Камские Поляны, Агидель). В работе проанализированы социальные и демографические характеристики сотрудников атомной отрасли, включая миграционную подвижность, положение на рынке труда и межсекторальную мобильность. Были выявлены различия роли данной группы в местных сообществах в зависимости от типа населенного пункта (город-спутник действующей АЭС или недостроенной станции).

Методика исследования

Для анализа социального развития г. Десногорска по сравнению с остальными городами Смоленской области были рассмотрены статистические показатели всех 15 городов области с помощью сравнительно-географического метода.

Источники данных. Основными источниками статистических данных являлись: база данных «Экономика городов России» «ГМЦ Росстата» (база данных «Мультистат»); база данных показателей муниципальных образований (БДП МО) Федеральной службы государственной статистики; база данных Всероссийской переписи населения 2010 г. Федеральной службы государственной статистики.

Статистические показатели. На основе исследования социального развития регионов России Н. В. Зубаревич [11, с. 97] были выбраны пять показателей, характеризующие уровень и динамику социального развития городов. Показатели следующие: размер среднемесячной зарплаты (рублей на душу населения), обеспеченность врачами (на 10 000 населения), обеспеченность жильем (кв. м на человек), обеспеченность канализацией (% жилого фонда) и

общий прирост населения (на 1 000 жителей). Такой ограниченный набор показателей по сравнению с методикой Н. В. Зубаревич объясняется узким набором доступных статистических данных городов России. Были выбраны те показатели социального развития, которые есть по всем 15 городам Смоленской области за весь период исследования (с 1991 по 2013 гг.). Следует учитывать, что обеспеченность врачами или обеспеченность жильем показатели относительные и зависят от динамики роста населения, однако такая зависимость найдена не везде: между динамикой врачей и динамикой населения корреляция была найдена только у трех городов, между динамикой обеспеченности жильем и динамикой населения – у 7 городов.

Для удобности анализа развития городов Смоленской области показатели были сведены к одному индексу – социальному индексу города (СИ). Каждый из индикаторов был нормирован методом линейного масштабирования по следующей формуле:

$$Индекс = \frac{X - X\min}{X\max - X\min} \quad (1),$$

где X – значение одного из пяти показателей i-го города в i-й год, $Xmax$ и $Xmin$ – «реперные точки»: максимальные и минимальные значения данного показателя из всего массива значений городов за i-й год.

Все индексы признавались равными по своему весу, поэтому агрегация происходила так же, как и в расчетах Н. В. Зубаревич, т. е. следующим образом:

$$СИ = \frac{A + B + C + D + E}{5} \quad (2),$$

где СИ – социальный индекс, A – индекс общего прироста населения, B – индекс заработной платы, C – индекс обеспеченности врачами, D – индекс обеспеченности жильем, E – индекс обеспеченности канализацией.

Для более широкого анализа уровня социального развития также была рассмотрена трудовая мобильность населения городов Смоленской области. По данным Всероссийской переписи населения за 2010 г., была подсчитана доля трудящихся, работа которых находится вне города их проживания. Подробная методика расчета этого показателя по данным переписей населения описана в работах Е. В. Антонова [12].

Для интерпретации и анализа полученных значений социального развития г. Десногорска по сравнению с остальными городами Смоленской области использовались исследования атомных городов (в частности работы В. А. Тихонова по городам атомной отрасли [6], Я. Д. Заусаевой по рынку труда городов-спутников АЭС [3; 13] и др.). Одним из основных источников информации для анализа показателей являлось полевое исследование, проведенное в Десногорске летом 2016 г. (опрос местных жителей и интервью с представителями администрации).

Результаты исследования и их обсуждение

Целью нашего исследования не было подробно проанализировать социальное развитие всех городов Смоленской области, было запланировано рассмотреть, как изменялись социальные показатели Десногорска по сравнению с другими городами области. Отметим несколько моментов из исследования НИСП: одним из социальных преимуществ области является относительная близость к Московской агломерации, которая принимает на себя часть трудовых ресурсов, трудовая миграция снижает напряженность на рынке труда области. Для региона характерна сильная депопуляция населения, в первую очередь, из-за миграционного оттока из области. Безработица и низкая заработная плата стимулируют эмиграцию в Москву и Московскую область.

На рисунке 1 показан социальный индекс всех городов Смоленской области в период с 1991 по 2013 гг. Можно заметить, что в период с 1991 по 2001 гг. Десногорск лидирует, однако с 1996 г. отрыв от регионального центра уменьшается, и уже в период 2006–2013 гг. лидирует Смоленск (что более естественно для российских регионов).

Основной причиной отставания СИ Десногорска от СИ Смоленска является стремительное сокращение населения Десногорска. Население Десногорска увеличивалось до 2000 г. (32 302 человек и 37 300 человек в 1989 г. и 2001 г.

Таблица. Динамика показателей социального развития городов Смоленской области (составлено автором по БД «Мультистат» «ГМЦ Росстата»; БДП МО Федеральной службы государственной статистики)
Table. Dynamics of social development indicators of the Smolensk region cities (made by the author according to the Multistat data base of The Main Interregional Center of Rosstat, the Federal State Statistics Service)

	Население, человек		Количество врачей на 10000 населения		Обеспеченность жильем, кв. м на человека		Обеспеченность канализацией, % жилого фонда		Среднемесячная заработная плата, руб. на душу населения
	2001 г. к 1991 г.	2013 г. к 2001 г.	2001 г. к 1991 г.	2013 г. к 2001 г.	2001 г. к 1991 г.	2013 г. к 2001 г.	2001 г. к 1991 г.	2013 г. к 2001 г.	2013 г. к 2001* г.
	%		%		%		%		%
Смоленск	99,3	95,2	109,0	68,7	129,9	131,9	104,6	101,8	347,3
Вязьма	97,8	94,7	102,8	74,9	114,7	116,5	106,3	101,9	360,0
Рославль	94,7	92,2	94,1	71,1	124,0	110,0	173,0	71,1	370,9
Ярцево	101,8	84,5	143,6	80,0	109,3	127,7	104,8	100,9	497,9

	Население, человек		Количество врачей на 10000 населения		Обеспеченность жильем, кв. м на человека		Обеспеченность канализацией, % жилого фонда		Среднемесячная заработная плата, руб. на душу населения
	2001 г. к 1991 г.	2013 г. к 2001 г.	2001 г. к 1991 г.	2013 г. к 2001 г.	2001 г. к 1991 г.	2013 г. к 2001 г.	2001 г. к 1991 г.	2013 г. к 2001 г.	2013 г. к 2001* г.
	%		%		%		%		%
Сафоново	91,8	85,8	122,9	87,4	121,9	119,5	107,0	100,5	429,2
Гагарин	101,0	101,3	106,9	74,5	119,6	85,9	106,0	120,9	487,4
Десногорск	108,1	78,0	101,7	94,0	101,8	139,2	100,0	100,0	338,6
Дорогобуж	94,8	81,3	25,9	47,8	73,7	133,9	123,6	100,7	291,0
Рудня	96,4	93,1	96,9	97,9	149,3	130,9	214,8	86,1	432,7
Ельня	112,6	91,4	107,4	74,6	121,9	104,2	156,5	102,1	560,0
Починок	98,1	82,8	83,5	100,2	132,7	166,9	139,0	69,5	605,3
Сычевка	90,3	92,7	93,7	156,1	114,5	59,1	124,0	103,2	490,2
Велиж	90,7	87,1	117,5	58,2	129,5	119,9	112,0	126,4	600,5
Демидов	98,0	71,5	90,3	135,5	121,0	104,2	66,3	98,9	537,2
Духовщина	93,1	75,9	94,9	86,1	119,0	76,8	213,0	129,1	662,7
* в ценах 2013 года									

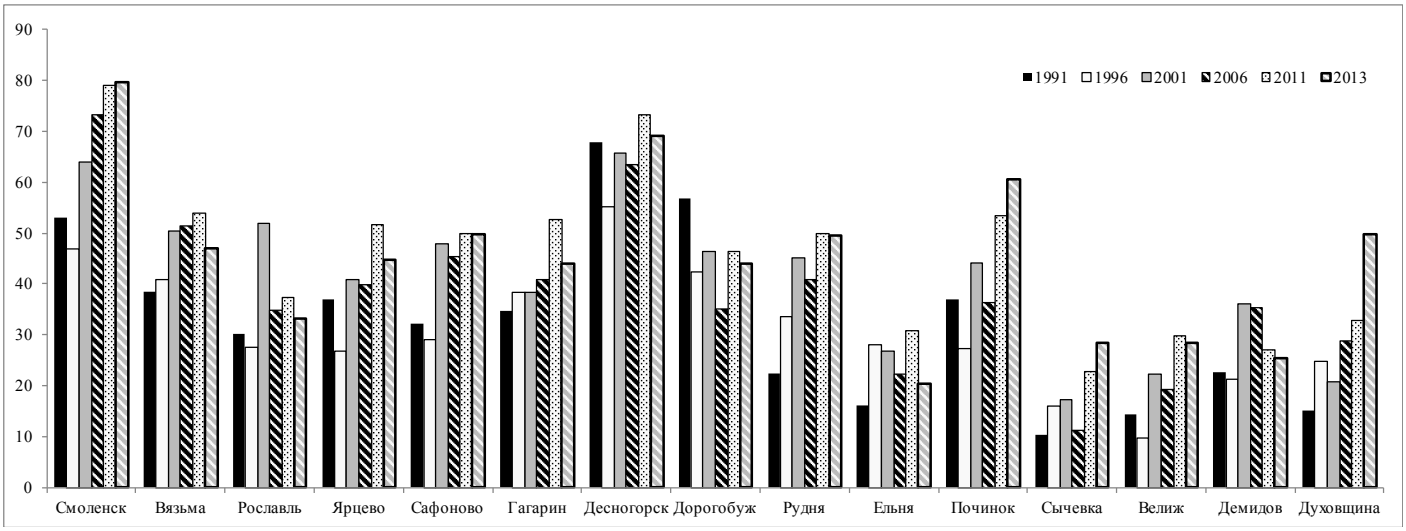


Рис. 1. Социальный индекс городов Смоленской области с 1991 по 2013 гг. (составлено автором по БД «Мультистат» «ГМЦ Росстата»; БДП МО Федеральной службы государственной статистики)
Fig. 1. Social index of the Smolensk region cities in 1991–2013 (made by the author according to the Multistat data base of The Main Interregional Center of Rosstat, the Federal State Statistics Service)

соответственно), после 2000 г. началось сокращение населения, причем довольно высокими темпами (см. табл.).

Снижение численности населения произошло из-за эмиграции из города, миграционный отток из города начался с 2002 г. В 2012 и 2013 гг. миграционный отток из города был одним из самых высоких в регионе. Причем естественный прирост населения был положительным вплоть до 2013 г. (с 1996 по 2013 гг. естественный прирост был чуть больше 1 %, но все же это был единственный город с положительным естественным приростом населения). Миграционный отток (в основном молодого) населения из города объясняется как объективными (узкий рынок труда и сокращения работников АЭС из-за оптимизации атомной промышленности), так и субъективными причинами (снижение престижности профессии атомщика среди молодежи). Отток молодежи в основном направлен в Смоленск и столичную агломерацию. Дополнительно стимулирует отток населения «замороженная» постройка Смоленской АЭС-2, которая сейчас находится на стадии проектирования, но существует в этом статусе уже долгое время, что создает среди населения мнение о «сворачивании» атомной отрасли в городе. Согласно интервью с работниками станции, существует миграционный отток (чаще временный, иногда постоянный) работников атомной отрасли в г. Сосновый Бор Ленин-

градской области, где находится Ленинградская АЭС, а также в ближайшее время вводятся в эксплуатацию первый и второй энергоблоки Ленинградской АЭС-2, в 2018 и 2019 гг. соответственно. Кроме того, миграционная связь, но в меньших объемах, существует в г. Курчатов, где расположена Курская АЭС, а в 2016 г. началась постройка Курской АЭС-2.

Десногорск весь рассматриваемый период является безусловным лидером в регионе по уровню заработной платы (в два раза выше среднего по всем остальным городам области и в полтора раза выше Смоленска) и обеспеченностью канализацией (100 % всего жилого фонда). По динамике роста населения город лидирует только до 1996 г. Полная обеспеченность канализацией объясняется «искусственным» возникновением города, когда жилой фонд формировался по высоким стандартам. Возможно, сейчас этот показатель реально ниже и завышается статистическими органами «автоматически», но он все равно явно выше, чем в других городах области.

В 2013 г. среднемесячная заработная плата на душу населения составила 36 154 руб., в 2016 г. этот показатель составляет 42 767. Хотя в Десногорске заработная плата самая высокая в регионе и каждый год растет, темпы роста зарплаты ниже, чем почти во всех городах области (ниже только в Дорогобуже) (см. таблицу). Низкие темпы также у Смоленска, Вязьмы и Рославля. Наиболее высокие темпы у самых малочисленных городов России, это связано, возможно, с «эффектом низкой базы» – в начале 2000-х гг. слаборазвитым городам оказывалась поддержка, общий уровень зарплаты бюджетников был повышен. Однако низкие темпы роста зарплаты в Десногорске могут быть еще одной причиной эмиграции.

Наиболее высокий уровень зарплат на градообразующем предприятии, но в последние годы высокими темпами растет уровень зарплат в сфере финансовой деятельности. Но все же если в период с 2008 по 2016 гг. (доступные данные) посчитать среднюю зарплату по всем отраслям кроме атомной промышленности (производство и распределение электроэнергии, газа и воды), то видно, что зарплаты у «атомщиков» больше, чем у «не-атомщиков» в два раза, и этот разрыв не сокращается. Наиболее низкие заработные платы в сфере образования, здравоохранения, социальных услуг, оптовой и розничной торговли. Социальная структура городов-спутников АЭС (включая Десногорск) была подробно рассмотрена Я. Заусаевой [3], автором было установлено, что в этих городах, особенно в монопрофильных (к каким неофициально относится Десногорск), существует социальная и экономическая дихотомия между «атомщиками» и «не-атомщиками». Такой разрыв заработной платы делает непрестижными все «не-атомные» сферы, особенно те, где самые низкие зарплаты. Например, в период с 2008 по 2016 гг. зарплата «атомщиков» была в 3,5–4 раза выше, чем в сфере образования и в 2,5–2,6 раза, чем в сфере здравоохранения. В 2016 г. зарплата в сфере здравоохранения составляла 51 % от средней по Десногорску, в сфере образования 43,2 %. Для сравнения, в Смоленске за тот же период этот показатель составлял 80 % и 70,6 % от среднего по городу. Низкая заработная плата (по сравнению со средней по городу) медицинских и педагогических работников Десногорска, а также проблемы с получением жилья молодым специалистам, создает ситуацию нехватки кадров работников этих сфер. На сегодняшний день практически все имеющиеся в центре занятости Десногорска вакансии – это вакансии врачей. По количеству врачей на 10 000 населения Десногорск все периоды находился примерно в середине по сравнению с остальными городами – 6–7 место в списке. Динамика с 1991 по 2013 гг. почти не меняется, количество врачей находится примерно на одном уровне (42 и 40,2 врача на 10 000 населения в 1991 и 2013 гг. соответственно, см. таблицу).

У Десногорска один из самых низких в регионе уровень обеспеченности жильем (кв. м на душу населения). Возможно, это объясняется привлекательностью социального и экономического положения города наряду с низким уровнем ввода жилья. С 1991 по 2006 гг. уровень обеспеченности жильем был одним из самых низких среди всех городов (а в период с 2001 по 2006 гг. самый низкий), около 17–20 при 17,8–23,8 среднего всех городов, что связано было с растущим населением. Однако когда с 2006 г. в городе началась убыль населения, уровень обеспеченности жильем повысился (27,6 в 2013 г. при 23,8 в среднем всех городов) и Десногорск стал занимать пятое место с конца в 2013 г., а в 2016 г. шестое место с конца.

По данным переписи 2010 г., трудовая мобильность жителей Десногорска является самой низкой среди всех городов (5 % трудового населения работает в другом населенном пункте), не считая Смоленска (2,9 %) (см. рис. 2). Из всех 800 человек, кто работал в 2010 г. в другом населенном пункте, 74 % работали в другом субъекте РФ. Согласно интервью, трудовые мигранты обычно едут в Москву и Московскую область, Ленинградскую (г. Сосновый бор) и Курскую (г. Курчатов) области. Более высокий уровень маятниковых мигрантов, работающих в других регионах только у более крупных городов, которые расположены ближе остальных к Московскому региону: Гагарин (87 %), Вязьма (81 %) и Ярцево (81 %). И хотя в 2010 г. в Десногорске был резкий миграционный отток населения (-7,4 %) такой низкий уровень трудовой миграции говорит о низкой адаптации населения к экономическим и социальным изменениям, жители предпочитают эмигрировать на постоянное место жительства, чем уезжать на временные заработки.

Выводы

1. Становление гражданского сектора атомной промышленности сформировало отдельный тип городов, социальное развитие которых до сих пор сильно зависит от деятельности атомной отрасли. Типичным примером является г. Десногорск, который возник благодаря строительству Смоленской АЭС и после перехода от плановой к рыночной экономике испытал сильные экономические и социальные потрясения.

2. После распада СССР социальное развитие г. Десногорска замедлилось. Социальный индекс растет, но постепенно приближается к среднему уровню. Основной причиной таких изменений является сокращение численности населения Десногорска. Имеет место миграционный отток, в основном молодежи, в другие города области или других субъектов России. Миграционный отток в большинстве случаев вызван оптимизацией отрасли и узким рынком труда. Высокий уровень средней зарплаты уже не сдерживает население, т. к. такая высокая зарплата главным образом только на основном предприятии, в других сферах,

особенно у медицинских и педагогических работников зарплата относительно низкая.

3. Оптимизация отрасли влияет на миграционные настроения населения, но ведет к постепенному увеличению заработной платы сотрудников АЭС. Такая тенденция только усугубляет социальное развитие, т. к. увеличивает социальную и экономическую дихотомию между сотрудниками АЭС и остальными жителями. Это влияет на остальные социальные показатели, в частности, снижает количество врачей в городе.

4. В городе в последние годы появилась проблема миграционного оттока молодежи, что вызвано как объективными (узкий рынок труда и сокращения работников АЭС из-за оптимизации атомной промышленности), так и субъективными причинами (снижение престижности профессии атомщика среди молодежи). Отток молодежи прежде всего направлен в Смоленск и столичную агломерацию.

5. В Десногорске самый низкий уровень трудовой мобильности, по сравнению с другими городами области, что в первую очередь связано с монопрофильностью города. Низкий уровень трудовой миграции наряду с миграционным оттоком говорит о низкой адаптации населения к экономическим и социальным изменениям.

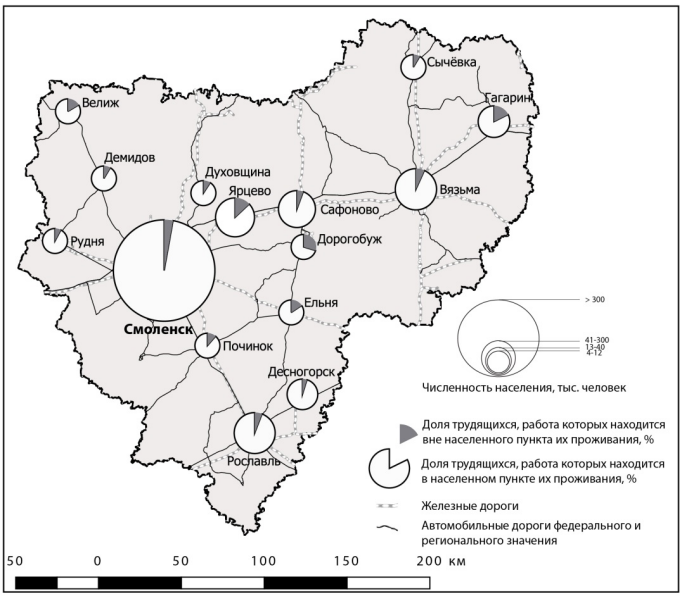


Рис. 2. Трудовая мобильность населения городов Смоленской области (составлено автором по данным Всероссийской переписи населения за 2010 г.)

Fig. 2. Labor mobility of the population in the Smolensk region cities (made by the author according to the All-Russian population census of 2010)

Литература

1. Андрюшин И. А., Чернышев А. К., Юдин Ю. А. Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Саров; Саранск: Красный Октябрь, 2003. 481 с.

2. Трейвиш А. И. Экономико-географические предпосылки развития атомной энергетики в социалистических странах Европы // Проблемы экономической географии зарубежной социалистической Европы. Серия: Вопросы географии. 1974. № 97. С. 129–139.

3. Заусаева Я. Д. Атомные специалисты в структуре местных сообществ городов-спутников АЭС: итоговый отчет о целевом использовании пожертвования // Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». 09.2012–04.2015. № 2012 005. 69 с. Режим доступа: http://nauka.x-pdf.ru/17raznoe/375929-1-itogoviy-otchet-celevom-ispolzovanii-pozhertvovaniya-atomnie-specialisti-strukture-mestnih-soobschestv-gorodov-sputnikov.php (дата обращения: 15.08.2017).

4. Трейвиш А. И. Географические вопросы формирования атомной энергетики // Размещение хозяйства и научно-техническая революция. Серия: Вопросы географии. 1979. № 112. С. 75–87.

5. Витковский О. В. Экономико- и политико-географические проблемы ядерной энергетики капиталистических стран // Итоги науки и техники. Т. 14. Серия: География зарубежных стран. М.: ВИНИТИ, 1988. 196 с.

6. Тихонов В. А. Закрытые города в открытом обществе. М.: ИНХП РАН, 1996. 43 с.

7. Лаппо Г., Полян П. Закрытые города // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 43–48.

8. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю., Дворядкина Е. Б., Новикова Н. В., Софронов В. Н. Закрытые атомные города России (особенности развития и управления). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2002. 186 с.

9. Агирречу А. А. Наукограды России: история формирования и развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 188 с.

10. Маликова Э. Р. Географические уровни исследования атомной энергетики: дис. … канд. геогр. наук; Перм. гос. ун-т. Уфа, 2007. 221 с.

11. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 261 с.

12. Антонов Е. В. Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 года // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 54–63.

13. Заусаева Я. Д. Институциональные факторы развития несостоявшихся атомных городов // Демоскоп Weekly. № 631-632. 12 с. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0631/analit04.php (дата обращения: 24.08.2017).

SOCIAL DEVELOPMENT OF RUSSIANS NUCLEAR POWER CITIES (THE CASE OF DESNOGORSK)

***Viacheslav A. Lazarenko*[1, @]**

[1] *Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*
[@] *lasarenko91@mail.ru*

Received 10.01.2018. Accepted 15.02.2018.

Keywords: social development, Desnogorsk, nuclear power industry, Smolensk NPP, satellite town of NPP, closed city, migration outflow.

Abstract: The article presents an assessment of social development of Desnogorsk in comparison with other cities in Smolensk region. According to the research, Desnogorsk is a leader on a numbers of social development parameters. However, some parameters are lower than the average values.

The social development of Desnogorsk is higher than that of the other cities in the region, but it has been declining since 1996 and now it is gradually approaching the average regional level. The main reason is the transfer of social responsibility from the city-forming enterprise to the city administration and the rapid population decline of the city.

In the post-Soviet period there began an out-migration from Desnogorsk, mainly among young population. It is primarily caused by the monopropellant economy and the optimization of the industry. The socio-economic gap between the employees of nuclear power plants and other residents is gradually increasing.

Desnogorsk displays the lowest level of labor mobility, if compared to other cities in the region. The low level of labor migration together with the migration outflow indicates a low adaptation of the population to economic and social changes.

For citation: Lazarenko V. A. Sotsial'noe razvitie gorodov atomnoi elektroenergetiki Rossii (na primere Desnogorska) [Social Development of Russians Nuclear Power Cities (the Case of Desnogorsk)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 6–13. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-6-13.

References

1. Andriushin I. A., Chernyshev A. K., Iudin Iu. A. *Ukroshchenie iadra. Stranitsy istorii iadernogo oruzhiia i iadernoi infrastruktury SSSR* [Taming of a kernel. Pages of history of nuclear weapon and nuclear infrastructure of the USSR]. Sarov; Saransk: Krasnyi Oktiabr', 2003, 481.
2. Treivish A. I. Ekonomiko-geograficheskie predposylki razvitiia atomnoi energetiki v sotsialisticheskikh stranakh Evropy [Economical and geographical prerequisites of development of nuclear power in the socialist countries of Europe]. *Problemy ekonomicheskoi geografii zarubezhnoi sotsialisticheskoi Evropy. Seriia: Voprosy geografii = Problems of economic geography of foreign socialist Europe. Series: Geography questions*, no. 97 (1974): 129–139.
3. Zausaeva Ia. D. Atomnye spetsialisty v strukture mestnykh soobshchestv gorodov-sputnikov AES: itogovyi otchet o tselevom ispol'zovanii pozhertvovaniia [Atomic experts in structure of local communities of satellite towns of the NPP: final report on target use of donation]. *Fond podderzhki sotsial'nykh issledovanii «Khamovniki» = Khamovniki Foundation for Social Research*, no. 2012 005 (09.2012–04.2015): 69. Available at: http://nauka.x-pdf.ru/17raznoe/375929-1-itogoviy-otchet-celevom-ispolzovanii-pozhertvovaniya-atomnie-specialisti-strukture-mestnih-soobschestv-gorodov-sputnikov.php (accessed 15.08.2017).
4. Treivish A. I. Geograficheskie voprosy formirovaniia atomnoi energetiki [Geographical matters of formation of nuclear power]. *Razmeshchenie khoziaistva i nauchno-tekhnicheskaia revoliutsiia. Seriia: Voprosy geografii = Placement of economy and scientific and technological revolution. Series: Geography questions*, no. 112 (1979): 75–87.
5. Vitkovskii O. V. Ekonomiko- i politiko-geograficheskie problemy iadernoi energetiki kapitalisticheskikh stran [Economical and political and geographical problems of nuclear power of the capitalist countries]. *Itogi nauki i tekhniki. Seriia: Geografiia zarubezhnykh stran* [Results of science and technology. Series: Geography of foreign countries]. Moscow: VINITI, vol. 14 (1988): 196.
6. Tikhonov V. A. *Zakrytye goroda v otkrytom obshchestve* [Closed cities in an open society]. Moscow: INKhP RAN, 1996, 43.
7. Lappo G., Polian P. Zakrytye goroda [Closed cities]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological research*, no. 2 (1998): 43–48.
8. Animitsa E. G., Vlasova N. Iu., Dvoriadkina E. B., Novikova N. V., Sofronov V. N. *Zakrytye atomnye goroda Rossii (osobennosti razvitiia i upravleniia)* [Closed nuclear cities in Russia (features of development and management)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ekon. un-ta, 2002, 186.
9. Agirrechu A. A. *Naukograd Rossii: istoriia formirovaniia i razvitiia* [The science cities of Russia: history of formation and development]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009, 188.
10. Malikova E. R. *Geograficheskie urovni issledovaniia atomnoi energetiki*. Diss. … kand. geogr. nauk [Geographical level, the study of nuclear energy. Cand. geogr. Sci. Diss.]. Perm. State. Univ. Ufa, 2007, 221.

11. Zubarevich N. V. *Sotsial'noe razvitie regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda* [Social development of Russian regions: problems and tendencies of transitional period]. Moscow: Editorial URSS, 2003.

12. Antonov E. V. Trudovaia mobil'nost' naseleniia Rossii po dannym Vserossiiskoi perepisi 2010 goda [Labor mobility of Russia's population according to the census of 2010]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 5: Geografiia = Moscow University Herald. Geography,* no. 2 (2016): 54–63.

13. Zausaeva Ia. D. Institutsional'nye faktory razvitiia nesostoiavshikhsia atomnykh gorodov [Institutional factors in the development of the failed nuclear cities]. *Demoskop Weekly = Demoskop Weekly*, no. 631-632 (23.02–08.03.2015): 12. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0631/analit04.php (accessed 24.08.2017).

УДК 323.21+338.22.021.2

ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Оксана Ю. Лукьяненко[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *klubkr@mail.ru*

Поступила в редакцию 09.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: публичное управление, государственно-частное партнерство, механизм управления, инструментарий управления, публично-частное партнерство.

Аннотация: В статье анализируется потенциал методологии и инструментария публичного управления в развитии института государственно-частного партнерства на различных уровнях. Доказывается необходимость интеграции инструментов публичного управления в существующую практику государственно-частного партнерства для повышения его эффективности и результативности. Установлено соответствие основных положений теории публичного управления задачам развития государственно-частного партнерства. Выделены основные проблемы современной практики развития государственно-частного партнерства, определяющие потребность во внедрении публичного управления. Раскрыты конкретные направления реализации государственно-частного партнерства на основе концепции и методов публичного управления. Предложен механизм управления государственно-частным партнерством на основе современного инструментария публичного управления. Определены перспективы трансформации традиционной системы государственно-частного партнерства в новую парадигму публично-частного партнерства. Результаты могут быть использованы органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при разработке и реализации проектов государственно-частного партнерства, коммерческими организациями при обосновании участия в проектах государственно-частного и муниципально-частного партнерства.

Для цитирования: Лукьяненко О. Ю. Инструменты развития отечественной системы публичного управления в сфере функционирования государственно-частного партнерства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 14–20. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-14-20.

Управление пространственными системами, ориентированное на рост качества жизни людей и повышение уровня безопасности граждан и государства продолжает оставаться одним из наиболее актуальных направлений исследования в современной экономической мысли [1; 2]. Достаточно активно развиваются новые концепции и парадигмы, отвечающие актуальным вызовам. В частности, концепции управления развитием территорий, таких как регионы, крупные муниципальные образования, отдельные пространственные подсистемы, прошли в XX в. эволюционный путь от директивного и индикативного управления к стратегическому подходу, новому государственному менеджменту и публичному управлению [3–5]. По мере этой эволюции растет размерность и сложность решаемых управленческих задач, связанные с увеличением количества заинтересованных сторон, расширением их интересов и необходимостью поиска компромиссов. Публичное управление – современная парадигма управления социально-экономическими системами различного уровня, ориентированная на критерии устойчивости развития, повышения качества жизни на основе тесного равноправного взаимодействия различных субъектов управления – бизнес-структур, общества и общественных организаций, государства и органов местного самоуправления [6, с. 11]. Его можно определить как деятельность органов государственной власти, местного самоуправления в непосредственном взаимодействии с бизнесом и обществом для повышения качества жизни и устойчивого социально-экономического развития территории [7, с. 33]. Важная особенность публичного управления состоит в том, что оно позволяет выйти на новый уровень качества государственного управления и регулирования экономических процессов, не отказываясь в современном сложном мире от государственной экономической политики как таковой, но вырабатывая ее в процессе многостороннего диалога, компромиссов, совместного поиска решений.

Известно, что один из главных аргументов противников активной позиции государства в постиндустриальной экономике – невозможность (в отличие от индустриального этапа) определить приоритеты развития и стимулировать их традиционными методами [8; 9]. Так, по мнению В. А. Мау, несостоятельны попытки воспроизвести образцы промышленной политики XIX–XX вв., основанной на концентрации инвестиций и их осознанном выделении на определенные отраслевые приоритеты [9, с. 10]. Однако публичное управление позволяет адекватно учесть сложность и слабую предсказуемость, турбулентность современного мира на основе улучшения информационного обеспечения, повышения уровня и качества экспертизы принимаемых решений, использования интеллектуального, креативного потенциала предпринимателей, экспертов, граждан.

Таким образом, публичное управление – это адекватный ответ на вызовы современного мира, обладающий значительным потенциалом решения социально-экономических задач. В данной статье остановимся на реализации потенциала публичного управления в рамках такого института, как государственно-частное партнерство (ГЧП). ГЧП полу-

чило значительное распространение во второй половине XX в. в ряде стран со зрелой рыночной экономикой (в частности, Великобритании) для решения инфраструктурных проблем (постройка автомобильных дорог, развитие коммунальной инфраструктуры). В россии институт ГЧП был официально признан в 2015 г. с принятием соответствующего федерального закона, хотя отдельные проекты, отвечающие признакам ГЧП, реализовывались значительно раньше. Подвидом ГЧП является муниципально-частное партнерство. Идея ГЧП в российском законодательстве заключается в том, что для решения вопросов государственного и местного значения, связанных с удовлетворением потребностей населения, привлекаются частные инвестиции на основе договора между публичным партнером (орган власти, местного самоуправления) и частным партнером – определенной бизнес-структурой.

Согласно Федеральному закону «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. №361-ФЗ), под ними понимается «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества». Это позволяет говорить о ГЧП, как о предметной области публичного управления, поскольку по целям, содержанию и управленческому инструментарию можно обнаружить очень много «точек пересечения».

Как видно из данных таблицы 1, концепция публичного управления вполне адекватна практике и перспективам развития ГЧП, обладает существенным потенциалом повышения результативности и эффективности ГЧП (особенно в части социальных эффектов управления). По мере расширения масштабов ГЧП, значимость внедрения методологии и инструментов публичного управления будет возрастать.

Таблица 1. Соответствие положений теории публичного управления и задач развития ГЧП
Table 1. Correspondence of the provisions of the public administration theory and the tasks of public-private partnership (PPP) development

Основные положения теории публичного управления [7, с. 46, 51]	Особенности и задачи ГЧП (сформулировано автором)
Объект – процессы развития территории, предоставления публичных услуг гражданам	ГЧП по своей природе предназначено для привлечения инвестиций – ключевого драйвера развития территории. Кроме того, эти инвестиции специально предназначаются для предоставления государственных и муниципальных (публичных) услуг
Цель публичного управления – рост качества жизни, где важную роль играет удовлетворенность населения государственными, муниципальными услугами	В рамках ГЧП создаются (строятся) объекты, непосредственно влияющие на качество жизни – объекты инфраструктуры, пути сообщения, объекты для охраны окружающей среды и решения экологических задач. Их появление в регионе, муниципальном образовании может существенно повысить степень удовлетворенности жителей
Один из принципов публичного управления – управление взаимодействием с заинтересованными сторонами (стейкхолдерами). Проводится оценка удовлетворенности населения	Действующим законодательством и нормативно-методическими материалами Минэкономразвития напрямую не предусматривается, но ряд проектов, вошедших в сборник «Лучшие практики реализации проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере» был связан с решением наиболее острых социальных проблем, значимых для населения. Целесообразно в перспективе предусматривать механизмы учета мнения населения о состоянии и возможных направлениях развития ГЧП
В публичном управлении важно использование детализированных регламентов, документированных процедур, опирающееся на информатизацию	Идет процесс разработки нормативно-методической базы, в частности, разработан «Региональный ГЧП-стандарт 2.0», методические рекомендации по ГЧП в регионах и др. Развивается информационная база, в частности, с 2015 г. составляется рейтинг регионов РФ по развитию ГЧП
В публичном управлении важна оценочная подсистема – формализованная по определенным правилам оценка результативности и эффективности. Существует ряд показателей результативности, эффективности и качества	Существуют традиционные подходы к оценке эффективности ГЧП (в частности, концепция «Value for Money», отражающая соотношение стоимости проекта и качества его выполнения, метод сравнительного анализа расходов государственного сектора). Целесообразно в перспективе предусматривать оценку социальной эффективности ГЧП и его влияния на качество жизни, как по объективным количественным показателям, так и на основе оценки населением

Основные положения теории публичного управления [7, с. 46, 51]	Особенности и задачи ГЧП (сформулировано автором)
Для постановки целей, определения содержания публичного управления составляются программные документы (Стратегии, Концепции, программы развития и т. д.) в процессе равноправного сотрудничества власти, общества, бизнеса	Проекты ГЧП учитываются при разработке стратегий регионов, муниципальных образований. Центром развития государственно-частного партнерства Минэкономразвития РФ разработана Концепция (стратегия) развития ГЧП в России до 2020 г. Целесообразно в перспективе выделять механизм ГЧП в качестве одного из возможных в региональных стратегиях, при необходимости – формировать отдельный документ стратегического уровня по ГЧП

По данным Ассоциации «Центр развития ГЧП», выпускающей совместно с Торгово-промышленной палатой РФ и Агентством стратегических инициатив исследование «Государственно-частное партнерство в России: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов», на начало 2017 г. в стране реализуются 2446 инфраструктурных проектов ГЧП, 480 рассматриваются органами власти, «на подходе» еще около 1000 проектов, которые прорабатываются на перспективность реализации в формате ГЧП. Преобладающей формой ГЧП при этом продолжает оставаться концессия (около 2000 проектов) [10]. Основная часть проектов концентрируется на муниципальном и региональном уровнях, т. е. ближе к реальным потребностям граждан (рис. 1).

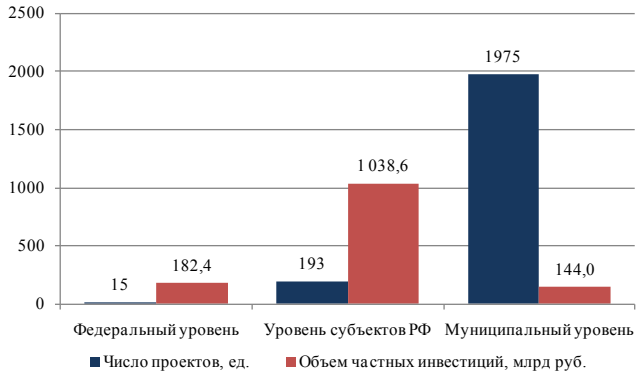


Рис. 1. Распределение проектов ГЧП и инвестиций в них по уровням публичного управления в России на 1 января 2017 г. (рассчитано по [10])
Fig. 1. The distribution of PPP projects and investments in them according to the levels of public administration in Russia on January 1, 2017 (calculated according to [10])

Наибольшая доля проектов реализуется на муниципальном уровне, поскольку обеспеченность инфраструктурными объектами относится к наиболее важным вопросам местного значения. В то же время каждый отдельный проект относительно скромен по объему (средняя величина инвестиций около 100 млн руб.), поэтому основная часть инвестиций сосредоточена на уровне субъектов Российской Федерации (средняя величина инвестиций на один проект здесь составляет уже около 5,4 млрд руб.). На федеральном уровне реализуется ограниченное число наиболее крупных проектов. Уровень развития ГЧП в регионах Сибирского федерального округа характеризуют данные таблицы 2.

В целом уровень развития ГЧП в Сибирском федеральном округе достаточно скромен по сравнению с общероссийским, выделяется здесь лишь Новосибирская область – один из лидеров в масштабах всей страны. Устойчивые позиции занимают Красноярский край и Республика Бурятия. В остальных регионах интегральный показатель развития ГЧП не достигает и 40 % от потенциальных 100 %. В частности, в Кемеровской области он составил 21,5 %, что соответствует 63 месту среди регионов России.

Реализация потенциала развития ГЧП в сибирских регионах требует внедрения инструментов публичного управления. В частности, продуктивным в этом отношении является такой инструмент, как форсайт (форсайт-прогноз). Его сущность заключается в вовлечении различных заинтересованных сторон (предприниматели, местное сообщество, государственная власть, ученые и эксперты) в разработку долгосрочных прогнозов стратегического развития. В свою очередь, это позволяет «встроить» проекты ГЧП в стратегическое видение будущего территории [11, с. 91]. Учитывая многообразие инструментов публичного управления, которые могут быть ориентированы на развитие ГЧП, можно предложить следующий механизм управления государственно-частным партнерством на основе современного инструментария (рис. 2).

Как видно из приведенных данных, ряд классических для публичного управления инструментов вполне отвечает требованиям и особенностям ГЧП:

1) стандарты и рейтинги в сфере ГЧП обеспечивают информационную базу для принятия решений, разработки документов регионального и муниципального уровня по ГЧП, позволяют организовать работу органов власти и местного самоуправления, способствуют тиражированию лучших региональных практик;

2) система сбалансированных показателей результатов развития ГЧП обеспечивает оценку степени достижения поставленных целей, формирует четкое представление о нужности (или ненужности) тех или иных действий для достижения стратегических целей, позволяет осуществлять мотивацию сотрудников;

3) презентации, публичные отчеты и доклады по итогам реализации ГЧП на территории позволяют повысить степень информированности граждан о ГЧП, получить обратную связь, популяризовать и продвигать идею ГЧП, вовлечь более широкие социальные круги в процессе прогнозирования и принятия решений о ГЧП;

4) публичные, экспертные обсуждения обеспечивают вовлечение всех заинтересованных сторон в процессы управления ГЧП, дают возможность более взвешенно и качественно принимать управленческие решения с учетом потенциала научного, экспертного сообщества и потребностей граждан;

Таблица 2. Рейтинг регионов Сибирского федерального округа по уровню развития ГЧП, 2016 г. (составлено по данным [10])
Table 2. Rating of regions of the Siberian Federal District according to the level of PPP development, 2016 (compiled according to the data of [10]

Регион	Интегральный показатель (максимум 100 %)	Сумма баллов по фактору «Опыт реализации проектов»	Сумма баллов по фактору «Нормативно-правовая база»	Сумма баллов по фактору «Институциональная среда»	Место в общероссийском рейтинге
Алтайский край	28,2	1,4	6,0	1,5	51
Забайкальский край	23,7	2,2	4,5	0,5	57
Иркутская область	33,0	3,9	4,3	1,5	46
Кемеровская область	21,5	2,5	3,3	0,5	63
Красноярский край	58,7	9,5	5,4	1,5	15
Новосибирская область	72,5	10,9	7,1	2,5	4
Омская область	29,1	3,4	3,7	1,5	49
Республика Алтай	51,6	5,2	6,8	3,4	25
Республика Бурятия	58,3	5,9	8,1	3,4	16
Республика Тыва	10,0	0,6	2,0	0,5	77
Республика Хакасия	10,5	1,3	1,3	0,5	76
Томская область	16,0	0,8	3,8	0,5	72

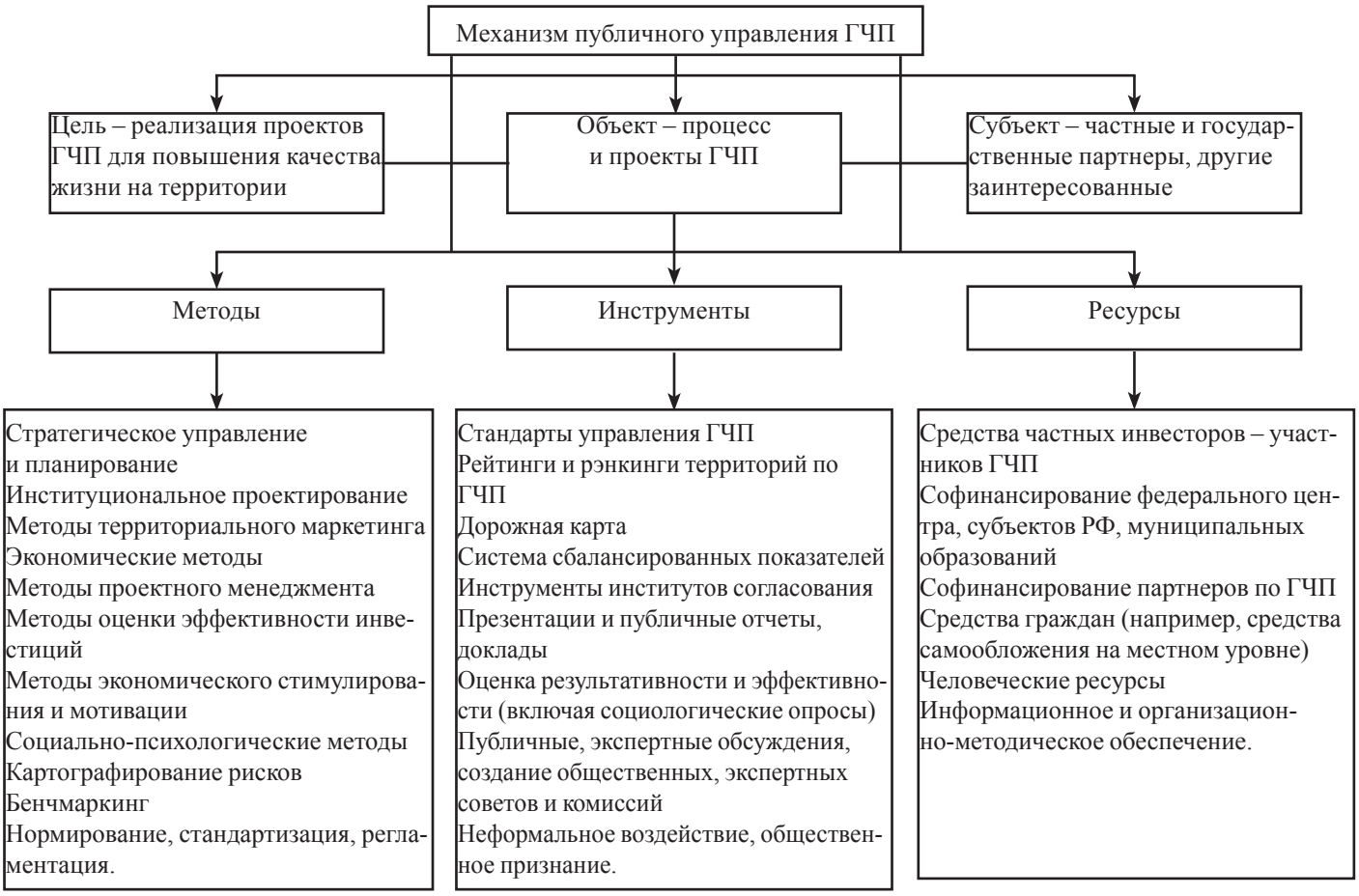


Рис. 2. Механизм развития ГЧП на основе современного инструментария публичного управления
Fig. 2. The mechanism of PPP development on the basis of modern public administration tools

5) оценка результативности и эффективности обеспечивает контроль принятых решений в сфере ГЧП, определение степени рациональности использования средств, уровня реализации экономических интересов участников ГЧП и заинтересованных сторон.

Таким образом, стратегическим направлением развития ГЧП становится повышение вовлечения заинтересованных сторон, учет мнений экспертов и широких слоев населения при принятии решений, повышение открытости (публичности) соответствующих процессов. В конечном счете все это обеспечивает повышение качества публичного управления в понимании международных стандартов – обеспечение соответствия характеристик требованиям (в данном случае, характеристик управления требованиям качества жизни).

В качестве конкретных численных показателей результативности, эффективности и качества публичного управления ГЧП на разных уровнях предлагается использовать следующие (табл. 3). Использование предложенных показателей обеспечивает комплексную оценку влияния проектов ГЧП на качество жизни территории, удовлетворенность граждан, в отличие от существующих подходов, оценивающих или бюджетную или коммерческую эффективность проектов ГЧП. Кроме того, представленные в таблице 3 показатели дают возможность оценить интенсивность и масштабы вложений в ГЧП на фоне инвестиционной активности территории в целом.

Генеральной целью стратегического управления территориями является, как уже было отмечено выше, повышение качества жизни людей. Поэтому публичное управление ГЧП позволяет повысить его статус из плоскости специфичного инструмента решения государственных и частных вопросов до уровня фактора качества жизни жителей региона или муниципального образования. Это требует выстраивания процесса публичного управления проектами ГЧП в логике повышения качества жизни на территории, исходя из стратегии развития, учитывая реальные потребности населения.

Более глубокое изучение потенциала ГЧП в повышении качества жизни (в разрезе отдельных направлений, сфер) позволит также расширить практику стимулирования и поддержки данных проектов с доказанным эффектом для решения социальных проблем. Безусловно, важно интегрировать проекты ГЧП в решение стратегических задач территории с учетом широкого общественного и экспертного обсуждения принимаемых решений. Все это позволяет говорить в перспективе о переходе от традиционной парадигмы государственно-частного партнерства, где есть две стороны и различные интересы к парадигме публично-частного партнерства для повышения качества жизни в контексте интеграции интересов основных заинтересованных сторон.

Таблица 3. Предлагаемые показатели оценки качества публичного управления ГЧП территории
Table 3. Indicators proposed for assessing the quality of public management of PPP territory

Название	Порядок расчета	Информационная ценность для управления территорией
1. Коэффициент стратегического соответствия проектов ГЧП	Отношение объема инвестиций в проекты ГЧП, предусмотренные документами стратегического планирования, целевыми программами для реализации целей территории, к общему объему инвестиций в проекты ГЧП на территории (безразмерный коэффициент или в процентах)	Показывает, какая доля инвестиций в проекты ГЧП соответствует стратегическим приоритетам развития территории
2. Коэффициент удовлетворенности населения проектами ГЧП	Отношение изменения объема инвестиций в проекты ГЧП к изменению удовлетворенности жителей территории деятельностью органов власти субъекта РФ (органов местного самоуправления) (безразмерный коэффициент или в процентах). Возможен расчет коэффициента по отдельным направлениям ГЧП (социальная инфраструктура, транспортная инфраструктура, информационно-коммуникационная инфраструктура и т. д.)	Показывает, как изменение средств на проекты ГЧП повлияло на удовлетворенность жителей территории (т. е., насколько ГЧП реально влияет на оценку жителями качества жизни на территории)
3. Коэффициент влияния проектов ГЧП на качество жизни	Отношение изменения места территории в рейтинге развития ГЧП к изменению места территории в рейтинге индекса развития человеческого капитала (или рейтинге качества жизни «РИА Рейтинг») (безразмерный коэффициент или в процентах)	Характеризует степень влияния проектов ГЧП на изменение качества жизни населения территории
4. Коэффициент привлекательности территории для проектов ГЧП	Отношение места территории в рейтинге развития ГЧП к месту территории в рейтинге инвестиционной привлекательности (Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов или «Эксперт РА») (безразмерный коэффициент)	Отражает сравнительную привлекательность территории для инвестиций в целом и отдельно для проектов ГЧП
5. Доля проектов ГЧП в инвестиционной деятельности	Отношение инвестиций по проектам ГЧП к общему объему инвестиций в основной капитал территории, процентов	Характеризует уровень развития ГЧП территории в сравнении с общим уровнем, масштабами инвестиционных процессов

Литература

1. Клейнер Г. Б., Щепетова С. Е., Качалов Р. М. В круге света системной парадигмы // Экономическая наука современной России. 2017. № 3. С. 159–162.
2. Татаркин А. И. Модернизационное обновление российского пространства на основе инновационных инициатив // Регион: экономика и социология. 2016. № 1. С. 6–33.
3. Антонов Г. Д., Иванова О. П., Тумин В. М. Управление конкурентоспособностью организаций и территорий. М.: Инфра-М, 2016. 345 с.
4. Поварич И. П., Акулов А. О. Менеджмент как наука и стадии его жизненного цикла // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 5. С. 94–103.
5. Фадейкина Н. В. Предпосылки создания в России эффективной системы публичного управления устойчивым социально-экономическим развитием публично-правовых образований на основе современных моделей электронного правительства и электронного бюджета // Сибирская финансовая школа. 2013. № 4. С. 43–54.
6. Федулова Е. А. Процессный подход как основа формирования системы публичного управления территориями // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2014. № 3. Режим доступа: http://vestnik-ku.ru/articles/2014/3/10.pdf (дата обращения 18.01.2018).
7. Федулова Е. А. Разработка, реализация и оценка инвестиционной стратегии в системе публичного управления экономическим развитием территории. Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела, 2014. 398 с.
8. Ясин Е. Г., Акиндинова Н. В., Якобсон Л. И., Яковлев А. А. Выбор пути: сценарии развития России // Инвестиции в России. 2013. № 6. С. 45.
9. Мау В. А. Экономика и политика в 2011 году: глобальный кризис и поиск новой модели роста // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 4–26.
10. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов». Режим доступа: pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2017_B5_Block_31-03-2017-web.pdf (дата обращения 20.01.2018).
11. Лимарева Д. А. Публичное управление развитием государственно-частного партнерства: дис. ... канд. экон. наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, 2013. 201 с.

THE DEVELOPMENT METHODS OF NATIONAL PUBLIC ADMINISTRATION IN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

***Oksana Yu. Lukyanenko*[1, @]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *klubkr@mail.ru*

Received 09.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: public administration, public-private partnership, management mechanism, management instruments, public-private partnership.

Abstract: The article analyzes the potential based on the methodology and instruments of the public administration paradigm in the development the institution of public-private partnership at various levels. The need to integrate public administration tools into the existing practice public private partnership is proved to increase its effectiveness and effectiveness. The study establishes correspondence between the main provisions of the public administration theory and the tasks of the public-private partnership development. It singles out the main modern practice development of public-private partnership, defining the need for the introduction of public administration. The research has revealed concrete directions of the implementation in public-private partnership on the basis of the public administration concept and methods. A mechanism of public-private partnership management based on modern tools is proposed. The article outlines some prospects for the transformation the traditional system of public-private partnership into a new paradigm public-private partnership. The results can be used by the authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments when developing and implementing public-private partnership projects, or by commercial organizations when justifying participation in public-private and municipal-private partnership projects.

For citation: Lukyanenko O. Yu. Instrumenty razvitiia otechestvennoi sistemy publichnogo upravleniia v sfere funktsionirovaniia gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [The Development Methods of National Public Administration in Public-Private Partnership]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 14–20. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-14-20.

References

1. Kleiner G. B., Shchepetova S. E., Kachalov R. M. V kruge sveta sistemnoi paradigmy [In the circle of light of the system paradigm]. *Ekonomicheskaia nauka sovremennoi Rossii = Economic science of modern Russia*, no. 3 (2017): 159–162.

2. Tatarkin A. I. Modernizatsionnoe obnovlenie rossiiskogo prostranstva na osnove innovatsionnykh initsiativ [Modernization update of the Russian space on the basis of innovative initiatives]. *Region: ekonomika i sotsiologiia = Region: Economics and Sociology*, no. 1 (2016): 6–33.

3. Antonov G. D., Ivanova O. P., Tumin V. M. *Upravlenie konkurentosposobnost'iu organizatsii i territorii* [Management of competitiveness of organizations and territories]. Moscow: Infra-M, 2016, 345.

4. Povarich I. P., Akulov A. O. Menedzhment kak nauka i stadii ego zhiznennogo tsikla [Management as a science and stages of its life cycle]. *Problemy teorii i praktiki upravleniia = Problems of theory and practice of management,* no. 5 (2011): 94–103.

5. Fadeikina N. V. Predposylki sozdaniia v Rossii effektivnoi sistemy publichnogo upravleniia ustoichivym sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem publichno-pravovykh obrazovanii na osnove sovremennykh modelei elektronnogo pravitel'stva i elektronnogo biudzheta [The prerequisites for creating an effective public administration system in Russia for the sustainable social and economic development of public-legal entities on the basis of modern models of e-government and the electronic budget]. *Sibirskaia finansovaia shkola = Siberian Financial School,* no. 4 (2013): 43–54.

6. Fedulova E. A. Protsessnyi podkhod kak osnova formirovaniia sistemy publichnogo upravleniia territoriiami [Process approach as the basis for the formation of a system of public management of territories]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniia i venchurnogo investirovaniia Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta = Corporate Governance and Innovative Development of the North: Vestnik of the Research Center for Corporate Law, Corporate Governance and Venture Investment of the Syktyvkar State University*, no. 3 (2014). Available at: http://vestnik-ku.ru/articles/2014/3/10.pdf (accessed 18.01.2018).

7. Fedulova E. A. *Razrabotka, realizatsiia i otsenka investitsionnoi strategii v sisteme publichnogo upravleniia ekonomicheskim razvitiem territorii* [Development, implementation and evaluation of investment strategy in the system of public management of the economic development of the territory]. Novosibirsk: Sibirskaia akademiia finansov i bankovskogo dela, 2014, 398.

8. Iasin E. G., Akindinova N. V., Iakobson L. I., Iakovlev A. A. Vybor puti: stsenarii razvitiia Rossii [Selection of the way: scenarios of Russia's development]. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, no. 6 (2013): 45.

9. Mau V. A. Ekonomika i politika v 2011 godu: global'nyi krizis i poisk novoi modeli rosta [Economics and Politics in 2011: the Global Crisis and the Search for a New Growth Model]. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*, no. 2 (2012): 4–26.

10. *Issledovanie «Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii 2016–2017: tekushchee sostoianie i trendy, reiting regionov»* [Research «Public-Private Partnership in Russia 2016-2017: Current Status and Trends, Ranking Regions»]. Available at: pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2017_B5_Block_31-03-2017-web.pdf (accessed 20.01.2018).

11. Limareva D. A. *Publichnoe upravlenie razvitiem gosudarstvenno-chastnogo partnerstva*. Diss. kand. ekon. nauk [Public management of public-private partnership development. Cand. ekon. Sci. Diss.]. Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF. Rostov-on-Don, 2013, 201.

УДК 316.334.56(571.56–13)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ МОНОГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕРЮНГРИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)

***Терентий С. Ермолаев*[1, @]**

[1] *Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1*

[@] *tererm@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: монопрофильная городская агломерация, социокультурный аспект, социальная политика, реиндустриализация, качество жизнедеятельности, социальное сотрудничество.

Аннотация: Реструктуризация монопрофильных городов – одна из самых острых проблем социально-экономического развития России. Ее суть фокусируется в устаревшей материально-технической базе, слабых ростках малого и среднего бизнеса, недостаточном качестве жизни, низкой мобильности человеческого капитала, отсутствии инноваций. В самом большом по территории субъекте Российской Федерации – Республике Саха (Якутия) – находится и наибольшее число монопоселений в Дальневосточном федеральном округе. Рывок к цивилизационному фронтиру требует освоения передовых практик инновационного развития моногородов, коренной модернизации всей городской инфраструктуры. Любой проект реструктуризации монопоселения должен учитывать все социокультурные риски и быть привлекательным, прежде всего, для проживающего в нем населения. Без эффективной и системной социальной политики на региональном уровне в сотрудничестве с открытой корпоративностью градообразующих предприятий невозможно провести позитивную трансформацию монопрофильных городских агломераций. Изучение социального самочувствия населения в условиях реструктуризации северных моногородов даст возможность выработать технологии оптимизации взаимоотношений в системе «муниципальная власть – корпорация – население», создаст предпосылки городов нового поколения.

Для цитирования: Ермолаев Т. С. Социальное самочувствие населения северных моногородов (на примере Нерюнгринской городской агломерации) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 21–26. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-21-26.

История урбанизационных процессов в нашей стране неразрывно связана с индустриализацией экономики, в ходе которой решалась задача концентрации трудовых ресурсов вокруг производственных центров. Именно так возникли населенные пункты, которые в настоящее время именуются моногородами. В Дальневосточном федеральном округе больше всего монопоселений концентрируется в самом крупном субъекте федерации – Республике Саха (Якутия). Их 15, и на 1 января 2017 г. в этих монопоселениях проживало 152507 человек, или 16 % населения республики [1].

На современном этапе развития северных монопрофильных населенных пунктов следует четко дистанцироваться от позиции, согласно которой ресурсы территории монопоселений рассматриваются лишь как место извлечения максимальных доходов при минимальных затратах на экологическую безопасность, развитие инфраструктуры и инвестиций в человеческий капитал. В отличие от жителей мегаполисов, имеющих возможности проектирования долгосрочных жизненных стратегий, представители малых монопрофильных поселений ориентированы на защитные стратегии выживания. В условиях падения уровня жизни населения, отсутствия рабочих мест, резкого сокращения спектра социальных услуг происходит неумолимое разрушение городской среды проживания. В результате растет отток наиболее квалифицированных специалистов в более благополучные регионы России. Отток молодых и активных людей значительно снижает человеческий потенциал городов, приводит к падению качества жизни и запустению. Северный моногород стремительно стареет, начинает формироваться стратегия выживания, неуклонно снижается уровень потребностей, и свертываются внутренние ресурсы [2]. На четвертой волне индустриализации в Южную Якутию пришли крупные российские бизнес-структуры, первые шаги которых продемонстрировали, что социальная ответственность еще не стала неотъемлемой частью их повседневной деятельности. Нельзя исключать опасности «корпоративной колонизации» со стороны крупных компаний-«варягов», имеющих значительные инвестиционные ресурсы, высокий потенциал лоббирования нужных им решений в государственных структурах и способных вести добычу природных ресурсов на северных территориях без учета интересов местного населения [2]. Мы наблюдаем эффект исторического «бумеранга»: если в советское время в процессе возведения индустриальной магистрали на обочине социального прогресса оказались коренные жители региона, то в настоящее время в положение «вне игры» попали бывшие покорители северных просторов.

Историография вопроса показывает недостаточность разработанности проблем социального пространства моно-

профильных поселений. Наибольший интерес в данном контексте вызывают работы Н. В. Губиной [3], Н. В. Дулиной [4], О. З. Муштук [5], Н. В. Рудаковой [6], Е. Н. Бочкановой [7], А. В. Рафальсон [8]. На региональном уровне исследование социальных проблем развития моногородов выглядит крайне недостаточным и фрагментированным. Наибольшую сложность при исследовании социального самочувствия населения моногородов представляет оптимальный выбор индикаторов качества жизни, спектр которого огромен – начиная от доходов и заканчивая состоянием гражданских институтов. Огромный спектр параметров качества жизни в условиях трансформации российского общества подвергается своеобразной девальвации под давлением массовой бедности и углубляющейся дифференциации. Несмотря на кризисные явления, следует кардинально избавляться от сырьевого проклятия северных территорий и бесплатного приложения населения монопоселений к градообразующим предприятиям. Надо, наконец, осознать, что именно малые промышленные города являются самодостаточными образованиями, обладают потенциалом устойчивого развития, играют исключительную геополитическую роль на огромных слабозаселенных пространствах страны и выполняют важнейшую государственную задачу по сохранению ее генофонда.

Под Южной Якутией понимается территория двух муниципальных образований: «Нерюнгринский район» и «Алданский район», где по состоянию на 1 января 2016 г. проживало 116404 человек. Выделение Южно-Якутского региона в указанных границах определяется уникальным сочетанием на его территории богатейших минеральных ресурсов, развитой транспортной инфраструктуры и наличием квалифицированных трудовых ресурсов. По данным ВПН-2010 абсолютно преобладающим по численности этносом на территории МО «Нерюнгринский район» и МО «Алданский район» являются русские – 98303 человек (76,5 %), далее расположились украинцы – 6669 (5,1 %) и якуты – 3629 (2,8 %). Кроме этого, здесь проживают коренные малочисленные народы Севера – эвенки (2,5 %) и эвены (0,3 %), а также представители более ста народов России и зарубежных стран. Другой отличительной особенностью народонаселения региона является значительный удельный вес городских жителей – по состоянию на 1 января 2016 г. – 112226 человек (96,4 %). Между тем, следует констатировать регрессивную динамику в общей численности населения региона. Так, с 2002 по 2016 гг. (на 1 января) общая численность населения в Нерюнгринском районе снизилась с 89796 до 75973 человек, или на 16 %; эта тенденция коснулась и Алданского района – с 49346 до 40431 человек (на 18 %) [10]. Данное явление произошло, прежде всего, за счет выезда за пределы региона представителей славянских народов (русские, украинцы, белорусы) и одновременного увеличения количества мигрантов из Центральной Азии и Закавказья. Также постоянно растет численность татар и бурят, удельный вес остальных народов в составе населения колеблется.

Нерюнгринский район является одним из основных промышленных районов республики, обладающим существенным промышленным потенциалом. На долю региона приходится около 20 % выпуска продукции и услуг в республике, здесь добывается 94,7 % угля, вырабатывается свыше 30 % электроэнергии. По состоянию на 1 января 2017 г. в Нерюнгринском районе проживают 74986 человек, или 7,8 % населения Республики Саха (Якутия). 97 % жителей района сконцентрированы в г. Нерюнгри и прилегающих к нему поселках городского типа – Серебряный Бор, Чульман и Беркакит, которые обладают глубокими производственными, культурными и рекреационными связями с городом и вместе составляют моноцентричную городскую агломерацию (см. таблицу) [11].

Таблица. Характеристика населенных пунктов, входящих в состав Нерюнгринской городской агломерации
Table. Characteristics of the settlements within the Neryungri urban agglomeration

Населенный пункт	Численность населения на 01.01.2017 (человек)	Основные отрасли экономики	Крупнейшие организации
Нерюнгри	57247	Добыча и обогащение каменного угля, добыча золота, производство машин и оборудования, строительство, торговля и сельское хозяйство.	ОАО ХК «Якутуголь», АО «Нерюнгринская птицефабрика», ОАО УК «Нерюнгриуголь», ЗАО «Малые разрезы Нерюнгри», ООО «Эрчим-Тхан»
Чульман	8101	Электроэнергетика, воздушные перевозки, торговля	Чульманская ТЭЦ, аэропорт Нерюнгри, Нерюнгринский центр аэронавигации СВС
Серебряный Бор	3568	Электроэнергетика, сельское хозяйство, производство мебели, торговля	Нерюнгринская ГРЭС, ОАО «Нерюнгриэнергоремонт», ОАО «Нерюнгринские районные электрические сети»
Беркакит	3601	Железнодорожные перевозки	Железнодорожная станция «Беркакит» (ОАО «РЖД»)

Специфические особенности данной городской агломерации определяются следующим: 1) экстремальными природно-климатическими условиями, влияющими на жизнедеятельность населения (световые режимы, особый уровень витальных потребностей северян в питании, одежде, жилье, коммунальном обслуживании); 2) географической удаленностью от экономических центров, с чем связаны высокие издержки в вывозе сырьевого продукта и удорожание ввоза товаров народного потребления; 3) монопрофильностью поселений вследствие реализации ведомственного подхода к освоению природных ресурсов и образования узкоотраслевых производственных комплексов (Нерюнгри – добыча и обогащение угля; Беркакит – железнодорожные перевозки; Серебряный Бор – электроэнергетика; Чульман – воздушные перевозки); 4) многоядерной пространственной структурой (моногород – рабочие поселки), которая при недостаточной координации и эффективности муниципального управления чревата дезинтеграцией социального поля и ухудшением качества жизни населения; 5) сохранением остаточного принципа финансирования социальной сферы, что уменьшает возможности удовлетворения жизненных потребностей людей.

По сравнению с другими районами республики, Нерюнгринский район обладает самым высоким уровнем развития транспортной инфраструктуры, наряду с соседним Алданским районом. Они представляют собой 8,7 % территории Якутии, имеющих круглогодичную транспортную доступность. Здесь проложены железнодорожная магистраль, связывающая Транссиб и БАМ с республикой, автодорога федерального значения А-360 «Большой Невер – Якутск», магистральные высоковольтные линии, нефтепровод ВСТО, а также газопровод «Сила Сибири». Обеспеченность всеми видами транспорта позволила создать в 2017 г. на территории района ТОСЭР «Южная Якутия» [12].

В настоящее время в структуре населения агломерации сформировались новые социальные общности, кстати, становящиеся типичными для северного моногорода. Осознание проживания в северном моногороде для значительной части населения становится своеобразной ментальной культурой. Первая социальная общность состоит по существу из первого поколения городских пенсионеров, т. е. той общности, которая в период индустриального освоения северных городов относила себя к поколению первопроходцев, а в настоящее время приняла решение не уезжать из города на «материк». Ее численность в городской агломерации Нерюнгри на 1 января 2017 г. составляла 20766 человек (27,6 %). Ко второй общности следует относить студенчество, формирующееся в последние 10 лет из числа детей родителей, приехавших осваивать северные территории во второй трети прошлого века. Сегодня в Нерюнгри проживает примерно 3000 молодых людей, обучающихся в системе высшего и среднего специального образования. В целом доля молодежи в общей численности населения агломерации составляет около 33 %. В настоящий момент в структуре населения есть также две солидные возрастные общности – 20–29 лет и 45–54 года. На них приходится примерно 34 тыс. человек, или почти 40 % всего населения. Следует учесть, что группа 45–54 года, составляющая около 18 тыс. человек, в ближайшее пятилетие начнет перемещаться в группу 55–64 лет [13], вследствие чего к 2020 г. значительно вырастет удельный вес населения старше трудоспособного возраста, и угаснет его экономическая активность. Перспективной задачей в области социальной политики станет «удержание» возрастной общности 20–29 лет на территории региона, в противном случае, вследствие отсутствия рабочих мест и достойной зарплаты, данная возрастная общность может обеспечить отток до 16 тыс. жителей. Повышение удельного веса пенсионеров объективно увеличит спрос на медицинские и социальные услуги и ухудшит показатель среднедушевых доходов населения муниципального образования. Среднедушевые денежные доходы в 2016 г. равнялись 22850 руб. в месяц (для сравнения – по республике – 37804 руб. в 2016 г.) [14]. Обеспеченность населения врачами в 2017 г. составляла 37 врачей на 10000 человек населения, что значительно ниже и российского (46,4), и среднереспубликанского показателя (56) [15]. Следует особо подчеркнуть, что в Нерюнгринской городской агломерации происходит неуклонное снижение обеспеченности населения медицинским персоналом (в первую очередь, узкопрофильными специалистами). Нерюнгринская центральная районная больница испытывает критические сложности в оказании специализированной медицинской помощи населению из-за абсолютной изношенности медицинского оборудования. Ситуация усугубляется тем, что практически все районные медучреждения требуют капитального ремонта. Для системы общего среднего образования городской агломерации характерным является тренд уменьшения количества учащихся, что объективно связано с «демографической ямой» 90-х гг. прошлого столетия. Наполняемость классов держится на уровне 90 %, количественное соотношение учитель-ученик составляет 1 к 9, в то время как установленный действующим законодательством норматив составляет 11 учеников на одного учителя. Вместе с этим наблюдается значительный дефицит педагогов в школах и увеличение числа учителей пенсионного возраста. Главная причина сложившейся ситуации – недостаточный уровень заработной платы [16]. К этому следует добавить, что практически все помещения образовательных учреждений городской агломерации требуют срочного капитального ремонта. В культурной сфере происходит неумолимая деградация материально-технической базы. Развитие социокультурного потенциала городской молодежи сдерживается рядом негативных факторов: отсутствием внятной перспективы получить жилье; хронической безработицей; отсутствием развитой досуговой и образовательной инфраструктуры; весьма высоким уровнем участия несовершеннолетних и молодежи в совершении преступлений; слабой молодежной политикой на муниципальном уровне.

Текущий этап промышленной модернизации характеризуется ростом предложения рабочей силы при уменьшении ее спроса на региональном рынке труда. Потенциал индустриального роста ограничен вахтовым методом работ при строительстве и эксплуатации нефтепровода ВСТО, Инаглинского угольного комплекса; в разнообразных старательских артелях, используемым без учета интересов местных трудовых ресурсов. «Корпоративная колонизация» региона крупными бизнес-структурами («Мечел», «Транснефть», «Евраз», «Полюс Золото», «РусГидро», «Трансстрой») ориентирована на ускоренную добычу природных ресурсов, минимизацию налоговых платежей в муниципальный бюджет, экономию расходов на развитие инфраструктуры региона. Сокращение объема финансовых ресурсов, которыми

располагает регион для проведения социальной политики, негативным образом сказывается на уровне и качестве жизни населения. Несмотря на наличие развитой транспортно-логистической инфраструктуры (Малый БАМ, АЯМ) на территории региона, население недовольно существующей ситуацией в социально-экономической сфере жизнедеятельности монопоселений, являющихся ключевыми для российского ТЭК. В результате регулярными становятся манифестации малоимущих и неконкурентоспособных групп общества, в частности, нерюнгринских пенсионеров по поводу начисления «северного стажа».

В рыночных условиях былое конкурентное преимущество Южной Якутии как важной ресурсной базы теряет свою значимость, обостряя проблемы социально-экономического характера. В настоящее время монопоселения Нерюнгринского района характеризуют высокая зависимость муниципальных бюджетов от градообразующих предприятий; низкая диверсификация видов деятельности и сфер занятости населения, незначительные объемы малого и среднего предпринимательства, уменьшение спроса на местную рабочую силу, молодежная безработица; снижение демографического потенциала населения вследствие миграционной убыли и роста доли пожилых людей; значительный износ жилищного фонда. С формированием ТОСЭР связываются преодоление моноотраслевой направленности Южной Якутии, создание новых производств и рабочих мест, развитие интеллектуального и инновационного потенциала региона, брендирование местных товаров и услуг, повышение доходов и улучшение качества жизни населения.

Литература

1. Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). Режим доступа: http://www.sakha.gov.ru/ (дата обращения: 07.12.2017).

2. Ермолаев Т. С. Этносоциальные риски промышленной модернизации и проблемы взаимоотношений между государством, бизнесом и местным сообществом // Этносоциальное развитие народов Республики Саха (Якутия) в условиях современного промышленного освоения и изменения социоприродной среды. Отчет НИР. Якутск, 2016. С. 14–16.

3. Губина Н. В. Социальный тонус монопрофильного города: проблемы методологии исследования и управления. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2010. 224 с.

4. Дулина Н. В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. 385 с.

5. Муштук О. З. Групповой социально-политический портрет москвичей: социальное самочувствие Москвы осенью 2003 г. // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2004. № 1. С. 34–45.

6. Рудакова Н. В. Уровень жизни горожан как критерий эффективности муниципального управления // Социология. 2005. № 3-4. С. 63–72.

7. Бочканова Е. Н. Социальное самочувствие горожан как детерминанта содержания и направленности муниципальной политики: автореф. дис. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2007. 25 с.

8. Рафальсон А. В. Объективный индикатор качества жизни населения моногородов России // Политика и общество. 2013. № 5. С. 587–596.

9. Всероссийская перепись населения 2010. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 24.12.2017).

10. Муниципальное образование «Нерюнгринский район». Режим доступа: http://www.neruadmin.ru/gov/admin_nra/ (дата обращения: 12.01.2018).

11. ТОСЭР «Южная Якутия»: Планы и перспективы. 16.09.2016. Режим доступа: http://ysia.ru/glavnoe/toser-yuzhnaya-yakutiya-plany-i-perspektivy/ (дата обращения: 18.11.2017).

12. База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба государственной статистики. Республика Саха (Якутия). Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst98/DBInet.cgi#1 (дата обращения: 14.01.2018).

13. Официальная статистика. Население. Режим доступа: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/ (дата обращения: 23.12.2017).

14. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований Республики Саха (Якутия). Режим доступа: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/municipal_statistics (дата обращения: 15.12.2017).

15. Аналитический отчет о результатах деятельности образовательных организаций г. Нерюнгри за 2017 г. Режим доступа: http://www.nerungri.edu.ru/muuo/web/index.php?option=com_content&task=blogsection&id=41&Itemid=138. (дата обращения: 19.01.2018).

SOCIAL WELLBEING OF THE POPULATION OF NORTHERN MONOTOWNS (THE CASE OF THE NERYUNGRI URBAN AGGLOMERATION)

***Terenty S. Yermolayev*[1, @]**

[1] *Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1, Petrovsky St., Yakutsk, Russia, 677027*
[@] *tererm@mail.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: mono-industry urban agglomeration, socio-cultural approach, social wellbeing, industrialization, quality of life, social partnership.

Abstract: The problem of monotown restructuring is today extremely acute for Russia in the social, economic and political terms. The core of the problem lies in the obsolete technological base, underdevelopment of small and medium business, poor quality of life, weak mobility of human capital and lack of innovations. Most mono-settlements in Yakutia (15) are located in the Far Eastern Federal District. On January 1, 2016, there lived 152,507 people, or 16% of the whole population of the republic. Development of civilization frontier requires mastering the best practices of innovative infrastructure development infrastructure and its total modernization. Any attractive investment project should take into account the potential socio-cultural risks and be attractive for the local population. Therefore, the problem of monotowns, especially in the Russian context, is the main problem of the implementation of a coherent social policy, systematically deployed at corporate and regional levels. A research on the social wellbeing of the population in the conditions of transformation of the Northern mono-settlements will make it possible to improve relations between the local authorities and the population, creating the preconditions for a constructive public dialogue and consolidation of the society. This experience will give a specific technology and identify possible potentials for the formation of new generation cities.

For citation: Ermolaev T. S. Sotsial'noe samochuvstvie naseleniia severnykh monogorodov (na primere Neriungrinskoi gorodskoi aglomeratsii) [Social Wellbeing of the Population of the Northern Monotowns (the case of the Neryungri Urban Agglomeration)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 21–26. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-21-26.

References

1. *Ofitsial'nyi informatsionnyi portal Respubliki Sakha (Iakutiia)* [The official information portal of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Available at: http://www.sakha.gov.ru (accessed 07.12.2017).
2. Ermolaev T. S. Etnosotsial'nye riski promyshlennoi modernizatsii i problemy vzaimootnoshenii mezhdu gosudarstvom, biznesom i mestnym soobshchestvom [Ethnosocial risks of industrial modernization and problems of relations between the government, business and the local community]. *Etnosotsial'noe razvitie narodov Respubliki Sakha (Iakutiia) v usloviiakh sovremennogo promyshlennogo osvoeniia i izmeneniia sotsioprirodnoi sredy. Otchet NIR* [Ethnosocial development of the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) in conditions of modern industrial development and changes in the socio-natural environment. Research report]. Yakutsk, 2016, 14–16.
3. Gubina N. V. *Sotsial'nyi tonus monoprofil'nogo goroda: problemy metodologii issledovaniia i upravleniia* [The social tone of the single-industry town: problems of research methodology and management]. Kazan': Izd-vo Instituta istorii AN RT, 2010, 224.
4. Dulina N. V. *Gorod v transformiruiushchemsia obshchestve: metodologiia i praktika issledovaniia* [The city in a transforming society: methodology and practice of research]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2006, 385.
5. Mushtuk O. Z. Gruppovoi sotsial'no-politicheskii portret moskvichei: sotsial'noe samochuvstvie Moskvy osen'iu 2003 g. [Group socio-political portrait of Moscow residents: social well-being of Moscow in the fall of 2003]. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' – Observer = Scientific and analytical journal Observer-Observer*, no. 1 (2004): 34–45.
6. Rudakova N. V. Uroven' zhizni gorozhan kak kriterii effektivnosti munitsipal'nogo upravleniia [The standard of living of citizens as a criterion of efficiency of municipal management]. *Sotsiologiia = Sociology*, no. 3-4 (2005): 63–72.
7. Bochkanova E. N. *Sotsial'noe samochuvstvie gorozhan kak determinanta soderzhaniia i napravlennosti munitsipal'noi politiki*. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [The social well-being of citizens as a determinant of the content and direction of municipal policy. Cand. social. Sci. Diss. Abstr.]. Ekaterinburg, 2007, 25.
8. Rafal'son A. V. Ob"ektivnyi indikator kachestva zhizni naseleniia monogorodov Rossii [An objective indicator of the quality of life of the population of monotowns in Russia]. *Politika i obshchestvo = Politics and society*, no. 5 (2013): 587–596.
9. *Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010* [All-Russia Population Census 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 24.12.2017).
10. *Munitsipal'noe obrazovanie «Neriungrinskii raion»* [The municipality «Nerungrinsky district» Available at: http://www.neruadmin.ru/gov/admin_nra (accessed 12.01.2018).

11. *TOSER «Iuzhnaia Iakutiia»: Plany i perspektivy* [TOSER «South Yakutia» plans and prospects]. 16.09.2016. Available at: http://ysia.ru/glavnoe/toser-yuzhnaya-yakutiya-plany-i-perspektivy (accessed 18.11.2017).

12. *Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovanii. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Respublika Sakha (Iakutiia)* [Database of indicators of municipalities. Federal Service of State Statistics. The Republic of Sakha (Yakutia)]. Available at: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst98/DBInet.cgi#1 (accessed 14.01.2018).

13. *Ofitsial'naia statistika. Naselenie* [Official statistics. Population]. Available at: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/statistics/population/ (accessed 23.12.2017).

14. *Osnovnye pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia munitsipal'nykh obrazovanii Respubliki Sakha (Iakutiia)* [The main indicators of socio-economic position of municipal formations of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Available at: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/municipal_statistics (accessed 15.12.2017).

15. *Analiticheskii otchet o rezul'tatakh deiatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsii g. Neriungri za 2017 g.* [Analytical report on the results of activity of educational institutions of Nerungry for 2017]. Available at: http://www.nerungri.edu.ru/muuo/web/index.php?option=com_content&task=blogsection&id=41&Itemid=138 (accessed 19.01.2018).

УДК 316.3:332.12

СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В МОНОГОРОДЕ НА ПРИМЕРЕ Г. ЮРГА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

***Наталия А. Колодий*[1, @1], *Владимир А. Трифонов*[2, @2, *]**

[1] *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, 634034, г. Томск, пр. Ленина, 30*
[2] *Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета, Россия, 652055, г. Юрга, ул. Ленинградская, 26*
[@1] *kolna@tpu.ru*
[@2] *v.trifonov@rambler.ru*

Поступила в редакцию 23.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногород, социально-ответственное проектирование, качество жизни, умный город, урбанизм, прогнозирование, краудсорсинговая платформа.

Аннотация: Территории многих моногородов и более мелких поселений с некогда развитой промышленностью на современном этапе развития не удовлетворяют новым потребностям людей. Без тщательно выработанной концепции освоения этих территорий последние становятся зонами отчуждения. Слабое внимание к этим объектам приводит к их деградации, формированию на их территории складских зон, мелкого и не всегда легального производства, концентрации сомнительного бизнеса. На сегодняшний день сложились три конкурирующие программы, которые претендуют на реализацию и воплощение в практиках городского развития: Smart City (умный город), Culture-led (лидерство посредством интенсивного культурного развития), Livable City (комфортный город). Все они могут улучшать качество жизни основных социально-демографических групп или просто способствовать экономическому процветанию городов. Содержание области исследования: выявление, анализ и разрешение проблем становления и развития теории и практики управления «умными городами» как социальными и экономическими системами с целью вскрытия устойчивых связей и закономерностей, определяющих природу и содержание этих проблем, логику и механизмы их разрешения. В частности, реализация социально-ответственного проектирования «умного города» на примере моногорода Юрга Кемеровской области будет способствовать формированию практик общественного обсуждения и решения вопросов, связанных с формированием устойчивой комфортной и безопасной городской среды.

Для цитирования: Колодий Н. А., Трифонов В. А. Социально-ответственное проектирование в моногороде на примере г. Юрга Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 27–33. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-27-33.

Анализ состояния среды обитания показывает, что сегодня произошла не только новая технологическая революция, в которой ключевую роль играют те инновационные тренды, о которых все время так много говорится и пишется: роботизация, искусственный интеллект, big data, финансовые проектные платформы, распределенные реестры активов, криптовалюта, но и еще одна революция – в городской среде. Среда обитания становится ключевым фактором, который предопределяет для все большего количества людей выбор места жительства и, как следствие, места работы, учебы и т. д.

Территории многих городов и более мелких поселений с некогда развитой промышленностью на современном этапе развития не удовлетворяют новым потребностям людей. Без тщательно выработанной концепции освоения этих территорий последние становятся зонами отчуждения. Слабое внимание к этим объектам приводит к их деградации, формированию на их территории складских зон, мелкого и не всегда легального производства, концентрации сомнительного бизнеса.

Таким образом, актуальность данной работы, в первую очередь, заключается в необходимости реализации новых, современных социально-ответственных проектов применительно к г. Юрге как моногороду с целью ухода от монозависимости.

В то же самое время в Кемеровской области население решает самостоятельно, какие новые общественные пространства появятся в городе. В 2018 г. голосование за проекты благоустройства станет обязательным. Проекты, которые наберут большинство голосов, будут реализованы. Те, которые окажутся непопулярными, придётся доработать и предложить населению вновь. Муниципалитеты на сегодня уже разработали проекты программ благоустройства на ближайший год.

Настоящий город для реальных людей должен быть живым, устойчиво развивающимся, безопасным, привлекательным и здоровым (Lively, Sustainable, Safe, Attractive), несмотря на вызовы глобализации, демографические колебания, финансовые кризисы и изменение стилей жизни.

На сегодняшний день сложились следующие конкурирующие программы, которые претендуют на реализацию и

**** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00244.***

воплощение в практиках городского развития: Smart City (умный город), Culture-led (лидерство посредством интенсивного культурного развития), Livable City (комфортный город). Все они, будучи реализованными, могут улучшать качество жизни основных социально-демографических групп или просто способствовать экономическому процветанию городов. Ни одна из них не реализуется в полном объёме и в силу финансовых проблем, и в силу того, что нет синергетического эффекта в любых видах деятельности, меняющих город. Есть лишь частичное воплощение. Нужны продуманные меры и решения, чтобы процесс стал эффективным, системным и управляемым с использованием интернет-вещей.

Так, Ван Роб Краненбург, основатель европейского «мозгового центра» по обсуждению Интернета вещей, выделяет 4 стадии интернет-вещей [1].

1. Умные вещи – то, что имеем на сегодняшний день: умные часы, телефон, беспилотные автомобили и т. д. Несмотря на успехи в создании беспилотных автомобилей, такие машины разрешены далеко не во всех странах, и даже в тех, где разрешены, разработчики сталкиваются с проблемами. Показателен пример Джорджа Хоца (George Hotz). Он представил устройство Comma One, которое всего за одну тысячу долларов позволяет установить автопилот на простой автомобиль.

2. Умный дом – то, что будет в ближайшем будущем и уже есть сейчас, т. е. все вещи в доме объединены в единую сеть: кондиционер включается, когда входят в комнату, люстра включается в ночное время суток, человек с любой точки мира может включить или выключить какой-либо прибор и т. д. Системы умного дома, производства, дополненная реальность – всё может контролироваться без ввода команд рукой или даже без голоса, а только силой мысли.

3. Сенсорная планета. Сенсоры расположены в самых различных местах: почва, вода, воздух. Все находится под контролем. Можно предсказывать землетрясения, погоду с математической точностью, а все процессы на земле будут под контролем человека.

4. Умный город. Приборы и дома объединяются в умные кварталы. Светофоры отслеживают активность на дорогах. Навигаторы прокладывают самый быстрый маршрут. Фонари загораются, когда на улице есть люди, и тем самым очень экономят электроэнергию. Сам город оснащен сенсорами и датчиками, данные из которых стекаются в городскую сеть, администрацию, смартфон. Система управления «умным городом» подразумевает, что город видит себя в трех измерениях: город для комфортной жизни гражданина, город как эффективный менеджер внутренних процессов и город для страны – что особенно важно для Москвы, которая составляет пятую часть экономики России.

Глобальный опыт показывает, что качество городской среды – это баланс между государственным контролем, коммерческими инициативами и вовлеченностью горожан.

Именно все вышеперечисленное позволят реализовать, воплощать в жизнь принципы нового урбанизма: многокомфортный и разнокомфортный дом, квартал, улица; многофункциональность и разнообразие; экоустойчивость и т. д. [2]. Система управления городом должна измениться – датчики погоды, пассажиропотоков, климата позволят иначе принимать решения. В Лондоне, например, с помощью социально-демографической классификации жителей, опросов и инструментов геолокации поняли, какие школы, магазины и жилье нужно строить и в каких районах.

Одним из самых посещаемых разделов городского сайта Чикаго стала страница, отражающая движение снегоочистительных машин, и это неудивительно: за зимние месяцы в городе выпадет до 100 см снега (для сравнения: в Москве – около 136 см). Это не так много, но для жителей это часто становится сюрпризом – и они смотрят график движения снегоуборочных машин в реальном времени, чтобы скорректировать свои собственные маршруты.

Застройщик Belmont Partners, принадлежащий подконтрольной Биллу Гейтсу инвестиционной группе Cascade Investment, приобрел огромный участок земли к западу Финикса (штат Аризона) для строительства нового «умного» города Белмонт. Как сообщает местное издание AZ Central, миллиардер и основатель Microsoft вложил в проект $80 миллионов [3].

В России планируется создать 50 «умных городов». В этих городах будет внедрена интегрированная цифровая платформа управления, с помощью которой будет принимать 75 % решений об управлении городскими ресурсами (см. таблицу 1) [4].

Таблица 1. Ожидаемые показатели проекта программы «Цифровая экономика России» по разделу «Умные города»
Table 1. Expected indicators of the «Digital Economy of Russia» project in the «Smart Cities» section

Показатели и индикаторы	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Количество городов концепции «50 «умных» городов России», участников ТОП-10 Рейтинга «Умных городов стран ЕАЭС»	–	5	5	5	6	6	6	6
Количество «умных» агломераций (количество агломераций)	–	–	2	2	2	2	3	5
Доля новых потребителей (в том числе домохозяйств в новостройках) и потребителей, заменивших приборы учета в течение 2017–2020 гг. (в том числе в ходе капитального ремонта), которые применяют приборы дистанционного учета потребления тепло-, энерго- и водных ресурсов, %	–	10	50	90	90	90	95	95

Показатели и индикаторы	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Доля заявлений на подключение к сетям электро- и теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения, поданных в электронном виде, %	5	20	40	50	60	70	80	90
Доля пользователей цифровых сервисов городов концепции «50 «умных» городов России», функционирующих с использованием городских открытых данных (доля городского населения), %	–	–	10	15	20	20	25	25
Доля строящихся с применением цифровых моделей зданий и сооружений объектов недвижимости (доля от общего количества строящихся объектов недвижимости), %	10	20	30	40	50	60	70	80
Уровень загрязнения по основным загрязнителям атмосферного воздуха в городах концепции «50 «умных» городов России», по сравнению с 2017 годом, %	–	–	–	5	10	10	20	20

Для решения проблем современных городов используется аналитика больших данных (Big Data). Эксперты наметили три главные вехи, через которые предстоит пройти анализу данных, прежде чем эксперимент по упразднению руководства можно будет реализовать и в бизнесе. Они представлены на рисунке.

Первый этап – это эффективный сбор информации и ее анализ в достаточном объеме, чтобы получать адекватные отчеты о происходящем.

Второй этап – глубокий анализ разносторонней информации, позволяющий «проектировать» сценарии развития и принимать верные управленческие решения.

Третий этап – это построение системы, в которой внутренние данные компании дополняются информацией от третьих лиц и налажены информационные обмены [5].

Различные общественные группы, опираясь на свои возможности и ресурсы, испытывая недоверие к сугубо научным или властно-ресурсным способам решения проблем, создают свои варианты сбора больших данных о каком-либо явлении, свою модель социальной аналитики, свою модель управленческих решений, по-своему аккумулируют опыт и зачастую вступают во взаимодействие с профессиональными научными или бизнес-сообществами, лоббируя сформированную технологию решения проблемы.

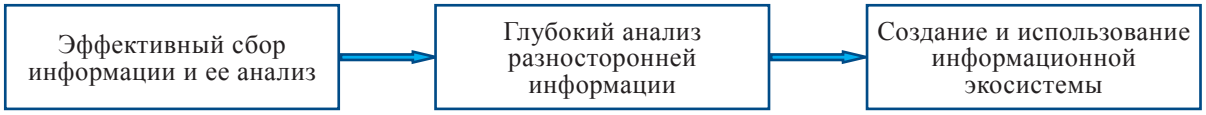


Рис. Вехи анализа данных
Fig. Milestones of data analysis

В частности, будучи реализованным, проект социально-ответственного проектирования на примере моногорода Юрга Кемеровской области, в первую очередь, будет способствовать формированию практик общественного обсуждения и решения вопросов, связанных с формированием устойчивой комфортной и безопасной городской среды [6–7].

Соучаствующее проектирование (социально-ориентированное) – это процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач развития территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта [8].

Юрга – один из городов Кемеровской области, где начал осуществляться проект социально-ответственного проектирования. Моногорода нуждаются в поддержке государства, так как «результатом изменений в истории, технологиях, политике является искаженная ситуация на рынке рабочей силы: диспропорции спроса и предложения, не отражающий реальную ситуацию уровень официальной безработицы, теневой рынок труда, дискриминация и прекариальность» [9, с. 6].

В условиях структурной безработицы или перепрофилирования производства постепенно деградирует интеллектуальный и трудовой потенциал моногородов [10, с. 488], что абсолютно недопустимо. Моногород Юрга – территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) – экономическая зона с льготными налоговыми условиями, создаваемая для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики, проведением научно-исследовательских работ, созданием высокотехнологических производств и креативного городского пространства.

Проект социально-ответственного проектирования реально использовать в г. Юрге и для этого имеются предпосылки.

1. В рамках реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» в Юргинском городском округе планируется провести благоустройство дворовых и

общественных территорий города (площадей, набережных, улиц, парков, скверов и иных территорий). Благоустройство данных территорий предусмотрено подпрограммой «Формирование современной городской среды на 2017 год» муниципальной программы «Жилищно-коммунальный и дорожный комплекс, благоустройство на территории Юргинского городского округа» на 2016–2019 гг.

2. Выбор дворовой территории и наиболее посещаемой общественной территории для включения в подпрограмму «Формирование современной городской среды на 2017 год» производится через общественное обсуждение.

3. Выделена субсидия в размере 24 млн рублей, из них 2/3 объема выделенных средств будет направлено на благоустройство дворов – 16 млн рублей, и 1/3 – 8 млн рублей – на благоустройство общественной территории.

4. Принято решение доработать проекты «Реконструкция парка «Кировский», «Реконструкция сквера им. Басырова», составить по ним проектно-сметную документацию для дальнейшего включения в муниципальную программу «Формирование современной городской среды на 2018–2022 годы».

5. Объемы и источники финансирования муниципальной программы в целом и с разбивкой по годам ее реализации изложены в следующей редакции и представлены в таблице 2 [11].

Таблица 2. Объемы и источники финансирования муниципальной программы «Жилищно-коммунальный и дорожный комплекс, благоустройство на территории Юргинского городского округа» на 2016–2019 гг.
Table 2. Volumes and sources of financing of the municipal program «Housing and communal and road complex, improvement on the territory of the Yurga urban district» for 2016–2019

	Источник финансирования		Объем финансовых ресурсов, тыс. рублей				
			Всего	2016	2017	2018	2019
Объемы и источники финансирования муниципальной программы в целом и с разбивкой по годам ее реализации	Всего	Расчет	2477031,7	725429,3	677068,0	539617,2	534917,2
		Утверждено	1085415,9	424741,9	302588,5	175463,0	182622,5
	Городской бюджет	Расчет	2313648,0	638333,3	600780,3	539617,2	534917,2
		Утверждено	970559,8	337645,9	274828,4	175463,0	182622,5
	Иные не запрещенные законодательством источники:						
	Федеральный бюджет	Расчет	17520,0	–	17520,0	–	–
		Утверждено	17520,0	–	17520,0	–	–
	Областной бюджет	Расчет	94685,3	39677,7	55007,6	–	–
		Утверждено	46157,7	39677,7	6480,0	–	–
	Средства НКО «Фонд развития моногородов»	Расчет	51178,4	47418,3	3760,1	–	–
		Утверждено	51178,4	47418,3	3760,1	–	–

Проект социально-ответственного проектирования даст положительный результат по улучшению экологической обстановки; расширению возможности для самореализации граждан; повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности города; увеличению валового регионального продукта; развитию высокотехнологичных производственных отраслей и т. д. Этому обстоятельству будет способствовать разработка концепции краудсорсинговых платформ, Интернет-портала как форм модерирования городских проблем и взаимодействия с community. Разработка интерфейса социального взаимодействия в создаваемой управляемой социальной сети обеспечит системность и стабильность коммуникаций реальных людей, власти и бизнеса в управлении процессами модернизации городских систем. Часть проблем социально-ответственного проектирования в моногородах уже обсуждается на краудплатформе Томск 7.0. Технологии и творчество [12].

Реализация данного проекта позволит найти и научно обосновать новые инструменты и стратегии стимулирования гражданской вовлеченности в модернизацию городской жизни. Эти инструменты и стратегии, в свою очередь, будут способствовать укреплению социальных связей и коллективной идентичности. Почти во всех российских (включая сибирские) городах, как отмечается авторами книги «Цифровая Россия: новая реальность», наиболее активно граждане участвуют в решении проблем, влияющих на их повседневную жизнь: в частности, это касается состояния инфраструктуры ЖКХ, качества оказания социальных услуг, безопасности. Значительно меньший интерес люди проявляют к разработке и принятию управленческих решений и законодательных актов [13].

Новые инструменты и стратегии стимулирования гражданской вовлеченности могут быть использованы как в уже проверенных на практике, так и в новых форматах виртуального общественного взаимодействия. Необходимо

особо отметить, что применять эти форматы на местном уровне необходимо с учетом локальной специфики.

Изучение возможностей «реализации права на город» жителей необходимо для того, чтобы понять, активны или пассивны городские сообщества и общины и каково их влияние на выбор стратегии устойчивого развития города.

Анализ этих факторов сделает прогнозирование сценариев развития Российских городов с учётом возникшего в обществе тренда – со-проектирования среды обитания, соучастия в городском развитии – более реалистичным. К тому же проект позволит критически проанализировать текущее состояние дел в области городского моделирования и наметить подходы моделирования, которые будут реализованы в дальнейшем.

Одним из основных результатов этого проекта является разработка новой платформы моделирования, адаптированной к контексту российских городов. Разработка платформы систематизирует данные междисциплинарных источников, охватывающие демографические модели, модели выбора местожительства, роль стейкхолдеров, транспортные и эконометрические модели.

ICT-решения в сфере городских технологий, а именно решения, расширяющие доступ к информационным и культурным ресурсам города, мобильности, транспортной системы и апробация этих решений, могут быть использованы в разных планах. Например, в деятельности проектных команд, занимающихся разработкой проектных решений; для решения конкретных кейсов, связанных с развитием урбанизированных территорий; в реализации партисипаторных городских проектов, предполагающих донесение принципов формирования комфортной городской среды до девелоперского и строительного сообществ; в решении спорных проблем города, когда сталкиваются интересы горожан и строительных компаний, горожан с разными жизненными стратегиями, разными культурными практиками.

В большинстве случаев отсутствует легитимная площадка, где городская общественность могла бы артикулировать свою позицию, высказать свое мнение; выстроить постоянную систему коммуникаций между городским населением, проектировщиками развития города, строителями, властью. Благодаря этому проекту такая реальная и виртуальная площадки будет смоделированы, и можно будет осуществить трансфер этой технологии в другие регионы и страны мира.

Литература

1. The 4th Annual Internet of Things Europe: Shaping Europe's Future Internet Policy – The road to Horizon 2020. 2012. Режим доступа: http://www.eu-ems.com/event_images/Downloads/IoT%20post%20conference%20report%20-%202012.pdf (дата обращения: 12.01.2018).

2. Мереке А. А., Исабаев А. А. Международный опыт создания экогородов-спутников // Вестник Казахской головной архитектурно-строительной академии. 2013. № 2. С. 40–45.

3. Илюхин О. Билл Гейтс потратит $80 миллионов на «умный» город в США // Вести.ru. 15.11.2017. Режим доступа: hitech.vesti.ru/article/689936 (дата обращения: 21.11.2017).

4. Королев И. Путину написали программу: В России построят 50 «умных» городов с Wi-Fi и беспилотниками // CNews.ru. 16.05.2017. Режим доступа: http://www.cnews.ru/news/top/2017-05-16_putinu_napisali_programmu_v_rossii_postroyat (дата обращения: 14.12.2017).

5. Комментарий Александра Агеева к статье Ольги Шаталовой «Данные выше». Режим доступа: http://www.inesnet.ru/2014/05/kommentarij-aleksandra-ageeva-v-state-olgi-shatalovoj-dannye-svyshe/ (дата обращения: 12.01.2018).

6. Trifonov V. A., Loyko O. T., Nesteruk D. N., Zhironkin S. A., Strekovtsova E. A. Managing a monotown as a priority social and economic development area // AIP Conference Proceedings: Proc. III Intern. Young Researchers Conf. 2017. Vol. 1800. Article number 050009. P. 1–5

7. Трифонов В. А. Особенности разработки и реализации различных стратегий инновационного развития градообразующих предприятий в современных условиях // Инновации. 2008. № 3. С. 94–96.

8. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / ред. Н. Снигирева, Д. Смирнов. Вологда: Проектная группа 8, 2015. 170 с.

9. Добрычева И. В. Рынок труда Кемеровской области – региона моногородов // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2017. С. 6–13.

10. Шабашев В. А., Добрычева И. В. Исследование занятости в монопрофильном муниципальном образовании – городе Юрге // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1-1. С. 487–494.

11. О внесении изменений в муниципальную программу «Жилищно-коммунальный и дорожный комплекс, благоустройство на территории Юргинского городского округа» на 2016–2019 годы, утвержденную постановлением Администрации города Юрги от 23.10.2015 № 1677. Режим доступа: http://www.yurga.org/pagedata/00001192/files/548pa_12052017.pdf (дата обращения: 05.02.2018).

12. Томск 7.0. Технологии и творчество. Режим доступа: http://tomsk.tpu.ru (дата обращения: 22.01.2018).

13. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. Цифровая Россия: новая реальность. М.: Мак-Кинзи и Компания СиАйЭс, 2017. 133 с.

SOCIALLY-RESPONSIBLE DESIGN IN A MONOTOWN: THE CASE OF YURGA, KEMEROVO REGION

***Nataliia A. Kolodii*[1, @1], *Vladimir A. Trifonov*[2, @2, *]**

[1] *Tomsk Polytechnic University, 30, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634034*
[2] *Yurga Technological Institute (branch) of Tomsk Polytechnic University, 26, Leningradskaya St., Yurga, Russia, 652055*
[@1] *kolna@tpu.ru*
[@2] *v.trifonov@rambler.ru*

Received 23.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: monotown, socially responsible design, quality of life, smart city, urbanism, forecasting, crowdsourcing platform.

Abstract: The territories of many single-industry towns and smaller settlements with a once-developed industry at the present stage of development do not satisfy the new needs of people. Without a carefully developed concept of development of these territories, the latter become zones of alienation. Weak attention to these objects leads to their degradation, the formation on their territory of storage areas, small and not always legal production, the concentration of questionable business. To date, there are three competing programs that claim to implement and implement in urban development practices: Smart City, Culture-led (leadership through intensive cultural development), Livable City (comfortable city). All of them can improve the quality of life of the main socio-demographic groups or simply contribute to the economic prosperity of cities. The content of the research area: the identification, analysis and resolution of the formation and development problems of the theory and practice of «smart cities» management as social and economic systems with the aim of revealing the stable links and regularities that determine the nature and content of these problems, the logic and mechanisms for their resolution. The project of socially responsible design of the «smart city» in the case of the monotown of Yurga, Kemerovo region, will contribute to the formation of practices of public discussion and the solution of issues related to the formation of a stable comfortable and safe urban environment.

For citation: Kolodii N. A., Trifonov V. A. Sotsial'no-otvetstvennoe proektirovanie v monogorode na primere g. Iurga Kemerovskoi oblasti [Socially-Responsible Design in a Monotown: the Case of Yurga, Kemerovo Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 27–33. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-27-33.

References

1. *The 4th Annual Internet of Things Europe: Shaping Europe's Future Internet Policy – The road to Horizon 2020, 2012.* Available at: http://www.eu-ems.com/event_images/Downloads/IoT%20post%20conference%20report%20-%202012.pdf (accessed 12.01.2018).
2. Mereke A. A., Isabaev A. A. Mezhdunarodnyi opyt sozdaniia ekogorodov-sputnikov [International experience of creating eco-cities-satellites]. *Vestnik Kazakhskoi golovnoi arkhitekturno-stroitel'noi akademii = Bulletin of the Kazakh Head Architectural and Construction Academy*, no. 2 (2013): 40–45.
3. Iliukhin O. Bill Geits potratit $80 millionov na «umnyi» gorod v SShA [Bill Gates will spend $80 million on a «smart» city in the USA]. *Vesti.ru*, 15.11.2017. Available at: hitech.vesti.ru/article/689936 (accessed 21.11.2017).
4. Korolev I. *Putinu napisali programmu: V Rossii postroiat 50 «umnykh» gorodov s Wi-Fi i bespilotnikami* [Putin wrote the program: 50 «smart» cities with Wi-Fi and drones will be built in Russia]. CNews.ru, 16.05.2017. Available at: http: //www.cnews.ru/news/top/2017-05-16_putinu_napisali_programmu_v_rossii_postroyat (accessed 14.12.2017).
5. *Kommentarii Aleksandra Ageeva k stat'e Ol'gi Shatalovoi «Dannye vyshe»* [Commentary by Alexander Ageyev in the article by Olga Shatalova «Data Above»]. Available at: http://www.inesnet.ru/2014/05/kommentarij-aleksandra-ageeva-v-state-olgi-shatalovoj-dannye-svyshe/ (accessed 12.01.2018).
6. Trifonov V. A., Loyko O. T., Nesteruk D. N., Zhironkin S. A., Strekovtsova E. A. Managing a monotown as a priority social and economic development area. *AIP Conference Proceedings: Proc. III Intern. Young Researchers Conf.*, vol. 1800 (2017): 1–5. Article number 050009.
7. Trifonov V. A. Osobennosti razrabotki i realizatsii razlichnykh strategii innovatsionnogo razvitiia gradoobrazuiushchikh predpriiatii v sovremennykh usloviiakh [Features of the development and implementation of various strategies for innovative development of city-forming enterprises in modern conditions]. *Innovatsii = Innovations*, no. 3 (2008): 94–96.
8. Sanoff H. *Souchastvuiushchee proektirovanie. Praktiki obshchestvennogo uchastiia v formirovanii sredy bol'shikh i malykh gorodov* [Participatory design. Practices of public participation in shaping the environment of big and small cities]. Ed. Snigireva N., Smirnov D. Vologda: Proektnaia gruppa 8, 2015, 170.

**** The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-010-00244.***

9. Dobrycheva I. V. Rynok truda Kemerovskoi oblasti – regiona monogorodov [The labor market of the Kemerovo region is the region of single-industry towns]. *Sotsial'no-ekonomicheskie, gumanitarnye nauki i iurisprudentsiia: voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Socio-economic, humanities and jurisprudence: issues of theory and practice: Proc. First Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Novosibirsk: Tsentr razvitiia nauchnogo sotrudnichestva, 2017, 6–13.

10. Shabashev V. A., Dobrycheva I. V. Issledovanie zaniatosti v monoprofil'nom munitsipal'nom obrazovanii – gorode Iurge [A study of employment in single-industry municipality of the city of Yurga]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, no. 1-1 (2016): 487–494.

11. *O vnesenii izmenenii v munitsipal'nuiu programmu «Zhilishchno-kommunal'nyi i dorozhnyi kompleks, blagoustroistvo na territorii Iurginskogo gorodskogo okruga» na 2016–2019 gody, utverzhdennuiu postanovleniem Administratsii goroda Iurgi ot 23.10.2015 № 1677* [On the introduction of changes to the municipal program «Housing and communal and road complex, landscaping in the territory of the Yurga urban district» for 2016–2019, approved by the resolution of the Administration of the city of Jurga on October 23, 2015 No. 1677]. Available at: http://www.yurga.org/pagedata/00001192/files/548pa_12052017.pdf (accessed 05.02.2018).

12. *Tomsk 7.0. Tekhnologii i tvorchestvo* [Tomsk 7.0.Technologies and creativity]. Available at: http://tomsk.tpu.ru (accessed 22.01.2018).

13. Aptekman A., Kalabin V., Klintsov V., Kuznetsova E., Kulagin V., Iasenovets I. *Tsifrovaia Rossiia: novaia real'nost'* [Digital Russia: New Reality]. Moscow: Mak-Kinzi i Kompaniia SiAiEs, 2017, 133.

УДК 316.4.063

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ЖИТЕЛЕЙ МОНОГОРОДА: ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ

Наталья Л. Мосиенко[1, 2, @1], Анастасия А. Черепанова[2, @2]

[1] Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17
[2] Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
[@1] nmosienko@ngs.ru
[@2] naalche@mail.ru

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: монофункциональный город, жизненные стратегии, качество городской среды, миграционные установки.

Аннотация: Жители моногородов сталкиваются со специфическим кругом проблем, влияющих на их социальное самочувствие. Целью исследования стало выявление и описание типов жизненных стратегий жителей моногорода с ориентацией на место жительства и место привлекательности городской среды и миграционных установок в них. Исследование реализовано с помощью стратегии кейс-стади методом глубинного интервью с жителями города Саянска, относящегося к категории моногородов с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения и ставшего исследовательским кейсом. Для описания контекста использованы также статистические данные о численности и миграции населения Саянска, историческая летопись города. На основе двух признаков (восприятие качества городской среды и сформированность миграционных установок) построена типология жизненных стратегий, описаны связанные с ними характеристики жителей. Исследование показало, что в жизненных стратегиях жителей наблюдается, с одной стороны, спектр в разной степени сформированных миграционных установок (в зависимости от характеристик жителей), а с другой – разная степень удовлетворенности качеством городской среды, делающая город привлекательным или непривлекательным в глазах населения.

Для цитирования: Мосиенко Н. Л., Черепанова А. А. Жизненные стратегии жителей моногорода: привлекательность места жительства и миграционные установки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 34–41. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-34-41.

Жители моногородов сталкиваются со специфическим кругом проблем, влияющих на их социальное самочувствие. От того, насколько благоприятна городская среда, зависит удовлетворенность или неудовлетворённость жителей ею, при этом адаптация к внешним неблагоприятным воздействиям может происходить по-разному, что проявляется в разных жизненных стратегиях.

Предметом данного исследования является связь между привлекательностью места жительства и миграционными установками в жизненных стратегиях жителей моногорода. В связи с этим была поставлена цель – выявить и описать типы жизненных стратегий жителей моногорода с ориентацией на место жительства и место привлекательности городской среды и миграционных установок в них. Исследование было реализовано с помощью стратегии кейс-стади методом глубинного интервью.

Исследовательским кейсом стал город Саянск Иркутской области – типичный сибирский монофункциональный город, относящийся к категории моногородов с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения. Для описания контекста использованы также статистические данные о миграции населения города Саянска, историческая летопись города.

Как известно, основной характеристикой моногорода является то, что его экономика основывается на функционировании одного крупного предприятия или промышленного комплекса. «Моногород – это муниципальное образование, в развитии которого определяющую роль играют предприятия градообразующего комплекса. В свою очередь градообразующий комплекс предприятий представляет собой одно из нескольких предприятий одной отрасли либо смежных отраслей, связанных единой технологической цепочкой, которые в сумме производят не менее 50 % валового продукта города, либо на которых работает не менее 25 % экономически активного населения города» [1]. Этот факт значительно сужает возможности жителей таких городов пользоваться всеми теми благами, которые доступны жителям многофункциональных городов. Следовательно, специфичность рынка труда, зависимость развития инфраструктуры, культуры, социальной жизни от работы предприятия может повлечь за собой в кризисных условиях социальную напряженность, а также отток населения.

В современной литературе исследуются различные аспекты жизнедеятельности монофункциональных городов [2–6]. Предлагаются также различные классификации моногородов. Так, В. Я. Любовный предлагает классифицировать их по особенности происхождения: возникшие как монопрофильные и продолжающие ими быть; ставшие монопрофильными в процессе развития; потерявшие монопрофильность из-за сужения экономической базы [7].

Существуют и другие классификации моногородов – например, по стадиям жизненного цикла города [8], по отраслям преобладающей промышленности [1]. Проблемные ситуации, возникающие в разных типах моногородов, зависят также от их размера, отрасли специализации, географического положения.

Правительством РФ был сформирован перечень монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов), в котором моногорода сгруппированы по ряду показателей в три категории [9].

1. города, находящиеся в наиболее сложном социально-экономическом положении (94 моногорода);

2. города с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения (154 моногорода – самая многочисленная группа);

3. города со стабильной социально-экономической ситуацией (71 моногород).

Отток населения является одним из наиболее острых социальных последствий проблем моногородов России. Одним из ключевых выталкивающих факторов является кризис градообразующего предприятия – сокращения, задержки зарплаты, простои производства и многие другие проблемы приводят к ухудшению социального самочувствия трудоспособного населения и заставляют его искать новые варианты трудоустройства, в том числе и вне города.

Иллюстрацией этого являются статистические данные о ситуации с оттоком населения из городов Иркутской области: в последние годы для абсолютного большинства территорий области характерна миграционная убыль населения. Так, в 2015 г. среди городов области наибольшая миграционная убыль населения в расчете на 1000 населения отмечалась в Усолье-Сибирском – 8,8, Тулуне – 3,6, Ангарске – 3,3, Усть-Илимске – 4. Сокращение численности населения наблюдается также во всех городах, кроме Черемхово и Шелехова, который относится к третьей категории моногородов [10].

В Саянске Иркутской области на протяжении последних лет наблюдается стабильное снижение численности населения, а также миграционная убыль населения (кроме 2015 г., когда наблюдался миграционный прирост) (таблица 1) [11].

В данном исследовании для нас важен аспект выбора человеком его места жительства. В частности, нам интересны жизненные стратегии жителей моногорода, влияние на них особенностей городской среды, ее пространственно-временных характеристик, развитости инфраструктуры, существующих проблемы. Мы полагаем, что характер этих стратегий (включающих миграционные установки) зависит от привлекательности моногорода как места жительства.

Таблица 1. Численность населения Саянска и миграционный прирост, количество человек
Table 1. The population of Sayansk and the migration increase, the number of people

Показатели	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Численность городского населения на 1 января года, следующего за отчетным	43810	43852	40615	39895	39453	39198	38887	38957	38897
Миграционный прирост		–419	–761		–304	–315	34	–16	

Понятие «жизненные стратегии» относится к междисциплинарным понятиям и определяется в литературе по-разному. Есть исследования, основанные на использовании данного понятия применительно к городским общностям [12]. В качестве примера исследования жизненных стратегий жителей моногорода приведем коллективную монографию «Город после комбината», отражающую результаты исследования социально-экономических стратегий жителей города Байкальска, относящегося к моногородам с наиболее сложным социально-экономическим положением и по сути оказавшимся на грани «выживания» [13].

Под жизненными стратегиями с ориентацией на место жительство мы понимаем долгосрочное планирование своей жизни, основанное на личных мотивах, ценностях, установках, сформированных под влиянием условий городской среды, личностных способов реагирования на проблемные ситуации, связанные с экономикой, инфраструктурой, рынком труда, экологией города, определяющие в целом деятельность и частные решения.

В таком понимании одним из элементов жизненной стратегии являются миграционные установки, которые могут быть сформированы в разной степени или не сформированы в зависимости от характеристик жителей моногорода – социально-демографических, личностных, а также от восприятия качества городской среды. Такое субъективное качество городской среды, удовлетворенность или неудовлетворённость жителей ею и отражает привлекательность города как места жительства. Недостаток материальных возможностей, ограниченность в выборе рабочих мест, плохие возможности для профессионального роста, получения образования и другие проблемы трансформируют жизненные стратегии жителей моногородов.

В соответствии с целью исследования были сформулированы следующие задачи: описать восприятие городской среды Саянска его жителями и спектр миграционных установок жителей, а также варианты жизненных стратегий жителей Саянска, связанных с привлекательностью города как места жительства.

Информационную базу исследования вариантов жизненных стратегий составили данные глубинных интервью с жителями Саянска, относящимися к разным возрастным и статусным группам:

• выпускники школ и техникумов, перед которыми в ближайшее время встанет вопрос о том, где продолжать учиться / работать;

• молодые люди, которые после окончания учебных заведений остались в Саянске или вернулись в Саянск;

• молодые люди, которые уехали в другой город на постоянное место жительства;

• люди средних лет, проживающие в Саянске;

• люди средних лет, проживающие в Саянске и работающие на градообразующем предприятии «Саянскхимпласт»;

• люди средних лет, сменившие место жительства и переехавшие в другой город;

• пожилые люди, проживающие в Саянске.

Всего в ходе исследования было проведено 21 глубинное интервью. (Сбор информации проходил в январе-феврале 2017 г.).

Качество городской среды и ее восприятие жителями. Саянск является самым молодым городом Иркутской области. В 2015 г. моногороду исполнилось 45 лет со дня его основания. Он расположен в 9 км от федеральной трассы М53 «Байкал» и в 28 км от ближайшей железнодорожной станции Зима.

Саянск является одним из ярких представителей сибирских моногородов, так как его основание связано с решением строительства на базе Зиминского химического комбината предприятия «Саянскхимпром» (в настоящее время «Саянскхимпласт»).

Говоря об истории города, респонденты рассказывали о своем восприятии условий среды в начале существования Саянска как весьма комфортных, а самого города в целом как очень привлекательного и перспективного. По словам жителей, Саянск в советский период был городом, где можно найти стабильную работу, и при этом жить рядом с природой, получать образование, развиваться духовно, заниматься спортом, т. е. в городе было все для полноценной городской жизни.

На сегодняшний день город имеет достаточно развитую городскую инфраструктуру: в городе имеется 7 общеобразовательных школ, спортивная школа, библиотеки, дом культуры, картинная галерея и историко-экологический музей. Также имеются теплично-парниковый комбинат, ТЭЦ, птицефабрика, хлебозавод и молочный комбинат, предприятия торговли, общественного питания и сферы услуг. В то же время вся основная инфраструктура была создана в период строительства города и в настоящее время практически не развивается.

На сегодняшний день город Саянск испытывает экономические и, как следствие, социальные трудности, в первую очередь связанные с проблемами градообразующего предприятия. Работа большинства цехов завода напрямую зависит от Ангарского завода полимеров, который является единственным поставщиком этилена на «Саянскхимпласт». Соответственно, проблемы на заводе в Ангарске приводят к простою завода в Саянске. Подобная ситуация произошла в начале февраля 2016 г. Тогда руководство завода перевело почти всех работников на сокращенную зарплатную ставку. Также была введена четырехдневная неделя для ряда подразделений. Такие ситуации, конечно, ведут к недовольству работников предприятия и членов их семей:

«Вот недавно завод стоял. Это все на зарплату существенно повлияло. Считай все лето просидели без содержания…» (авторский стиль, орфография и пунктуация сохранены);

«В Ангарске завод встал, на наш завод поставки прекратились. Не знаю там всех подробностей. Но у меня муж механик, и у них весь цех встал. Всех отправили в отпуск без содержания. Многих уволили, сократили. Сложно вообще было. Но потом, ближе к сентябрю завод заработал. Но это был жесткий период, конечно»;

«Конечно, и очень много проблем. В основном, по причине того, что город является моногородом, в том смысле, что есть градообразующее предприятие, которое диктует свои условия для города, для работников. И все, в том числе и предприниматели, все зависят ли от того работает ли химзавод. Работают ли работники, не отправляют ли их в вынужденный отпуск…».

В Саянске существуют проблемы, характерные для многих моногородов России. Респонденты отмечали, что серьезного ремонта требует больничный комплекс; за годы существования города ремонт дорог производился лишь на двух небольших участках; давно истек срок эксплуатации лифтов в многоэтажных домах; в аварийном состоянии находится и канализационный коллектор, на котором постоянно происходят аварии; ремонта требуют и ряд учреждений культуры, например, городская библиотека и ДК.

На вопросы о восприятии и оценках жителями городской среды, а также современной социально-экономической ситуации в городе респонденты отмечали, что город продолжает оставаться привлекательным для определенных групп горожан, в качестве фактора называют природно-экологическую ситуацию. Среди основных проблем, снижающих привлекательность города, называли следующие аспекты: социальная инфраструктура города (качество медицинского обслуживания, плохие возможности для получения образования), экономика города (проблемы градообразующего предприятия и их влияние на жизнь города и горожан), транспортная инфраструктура (функционирование общественного транспорта, дороги). Делая выводы из данных глубинных интервью, можно говорить о снижении привлекательности города как места жительства; стагнация в экономике города, проблемы с городской инфраструктурой приводят к недовольству жителей местом их проживания, что может быть фактором повышения социальной напряженности и влиять на желание уехать из города.

Миграционные установки. Что касается миграционных установок жителей, то они дифференцированы в зависимости от характеристик горожан и их восприятия городской среды Саянска. Наблюдаются различия по возрастному признаку: респонденты отмечают, что город является более комфортным для проживания людей среднего и пожилого возраста, но не для молодежи.

«Для молодежи, я считаю, ни перспектив, ничего нет. А для среднего возраста, для нашего очень комфортное место проживания. Для старшего возраста, естественно, наличие свежего воздуха, малое количество людей, шаговая доступность больниц, магазинов…».

Этого же мнения придерживается и молодежь. Респонденты первой группы говорят с уверенностью о том, что после того, как они закончат обучение в школе / колледже, они планируют уехать получать высшее образование и в дальнейшем останутся жить там. Та же позиция у тех, кто уже уехал учиться в другой город. Они довольны своим выбором и возвращаться в родной город не хотят. Нужно заметить, что молодые люди в основном относятся к городу положительно: все говорят о его чистоте, спокойствии, красоте, близости к природе. Особое напряжение вызывает ситуация на рынке туда: многие из респондентов

называли самой острой проблемой в городе именно отсутствие рабочих мест. Также отсутствие высших учебных заведений вынуждает выпускников покидать город.

Можно говорить о разном отношении к миграции и в зависимости от рода деятельности. В меньшей степени склонны к переезду пенсионеры (как работающие, так и нет). Единственной причиной, по которой респонденты этой группы могут покинуть город, они указывают переезд поближе к детям. Проблемы с поиском работы их уже не беспокоят, а в остальном, как уже было сказано, Саянск является благоприятным местом для жизни этой категории жителей.

У респондентов среднего возраста, которые проживают в Саянске и работают не на заводе, но имеют стабильную работу, также нет миграционных установок на ближайшее будущее. Респонденты, которые считают свою работу стабильной и востребованной, уверены, что без заработка они не останутся.

Иная ситуация с теми жителями, которые работают на градообразующем предприятии. Респонденты, которые были опрошены как представители этой группы, надеются, что завод в скором времени ожидают лучшие времена и не собираются покидать город. Однако, некоторые из респондентов на вопросы о знакомых, работающих на заводе, дали другое представление об этой группе населения. Молодые специалисты стремятся уехать туда, где больше перспектив в их профессиональной деятельности.

«Да, и молодежь не ждет, пока тут все восстановится. Уезжают с завода в другие места работать. Вот под Ленинградом открылся аналогичный завод. Друзья сына моего много кто туда уехал. Там какое-то бюджетное жилье дают, вот они туда и бегут…».

Стоит отметить, что респонденты среднего возраста, которые имеют несовершеннолетних детей, в основном не имеют сформированных миграционных планов на ближайшее будущее. Тем не менее, практически каждый из них говорит о том, что не хотели бы, чтобы дети в дальнейшем проживали в Саянске.

«– Хотите ли Вы, чтобы Ваш ребенок уехал учиться в другой город?

– Да, конечно. Перспективы никакой нет. Пусть уезжает. Чтобы получить образование и остаться в этом городе. Те же учреждения, которые были, позакрывались. Колледжа, где я училась, давно уже нет».

Они также отмечают, что в городе нет перспектив для молодежи, негде получать высшее образование и негде работать. То есть взрослое население убеждено, что шансы на жизненный успех молодежи есть только за пределами города.

Если говорить о направленности миграционных установок, то можно выделить несколько городов. Во-первых, это ближайшие крупные региональные центры – Иркутск, Красноярск и Новосибирск. Эти города пользуются популярностью у потенциальных студентов, так как там есть множество высших учебных заведений, а также больше шансов найти работу. В такие города, как Ангарск, Усолье-Сибирское, Норильск стремятся уехать те, кого не устраивают условия труда на заводе, так как это тоже промышленные города, но более успешные. В такого рода города стремятся уехать и те, кому по душе город с большими возможностями, чем Саянск, но и не такой крупный, как, например, Иркутск. Также некоторые уехали или хотели бы уехать в город Зима, который, по их словам, по благоприятности городской среды уступает Саянску, но, тот факт, что там реальнее найти работу, делает его привлекательнее.

По интервью заметно, что в основном из Саянска чаще стремятся переехать в города Иркутской области, нежели в другие регионы; чаще туда, где есть родственники и друзья. Это является как мотивом переезда, так и некоей гарантией того, что при возникших трудностях будет тот, кто сможет помочь.

Также можно говорить о том, что выпускники школ и колледжей предпочитают уезжать в Иркутск как самый близкий город с высшими учебными учреждениями.

«– Чем был обусловлен их (детей) выбор Иркутска?

– А младшие обе учиться уехали. В Иркутск конечно. Куда тут еще поедешь. Все практически уезжают туда. Тут же можно им и продукты отправить, овощи с огорода. Да и вообще удобно ездить домой».

То есть родители стараются отправлять своих детей учиться как можно ближе к дому, чтобы иметь возможность помогать продуктами, что является неким способом экономии.

Таким образом, можно говорить о том, что в меньшей степени склонны к миграции пожилые люди, люди пенсионного и предпенсионного возраста, люди средних лет со стабильным заработком, имеющие детей. Молодёжь, заканчивающая школу, колледжи – это та группа жителей, которая имеет наиболее сформированные миграционные установки. В первую очередь, причиной этому является отсутствие возможностей получения образования. Возвращаться же молодые люди не хотят, так как в городе существует дефицит рабочих мест.

Варианты жизненных стратегий с ориентацией на место жительства. По результатам анализа глубинных интервью с жителями города Саянска можно выделить некоторые стратегии, связанные с влиянием городской среды. Мы попытались сгруппировать их, опираясь на два основания-оси – это миграционные установки и восприятие жителями городской среды (таблица 2). Таким образом, на пересечении получился спектр разных жизненных стратегий жителей, которые характеризуются разным отношением к городской среде и разными миграционными установками.

Консерватизм в выборе места жительства и отсутствие проблематизации в восприятии городской среды. В основном, эта жизненная стратегия преобладает у старожилов города, у тех людей, которые приехали в город в годы его основания. Их территориальная идентичность связана со стройкой, возведением города «для себя». Они с теплом вспоминают первые годы жизни в городе, говоря о том, как они были рады, что на их плечи была возложена «ответственность по поднятию экономики страны». О нынешней ситуации в городе они говорят с меньшим энтузиазмом, но проблематизируют ее меньше других:

«Да все меня устраивает, мне много надо, что ли. А какие проблемы, да не знаю я. Мое дело в гараже полазить, да телевизор посмотреть. Не придаю я значение этим проблемам…».

Мысль о том, что «Этот город – город пенсионеров», прослеживается во многих интервью. Природа, лес, чистый воздух, близость инфраструктуры – факторы привлекательности города и нежелания уезжать.

Таким образом, спокойная, размеренная, стабильная жизнь, удовлетворенность качеством городской среды,

Таблица 2. Варианты жизненных стратегий с ориентацией на место жительства
Table 2. Variants of life strategies with a focus on residence

		Восприятие городской среды		
		Удовлетворенность городской средой	Частичная удовлетворенность городской средой	Неудовлетворенность городской средой
Миграционные установки	Не сформированы	Консерватизм в выборе места жительства и отсутствие проблематизации в восприятии городской среды	Поддержание своего устойчивого положения при нейтральном отношении к проблемам городской среды	Вынужденное приспособление к городской среде при полной неудовлетворенности ее условиями
	Сформированы	Ориентация на близость к родным при отсутствии проблематизации в восприятии городской среды	Ориентация на успех в другом городе по причине отсутствия возможностей здесь	Ориентация на успех с ярко выраженной неудовлетворенностью городской средой

нейтральное отношение к проблемам, отсутствие миграционных установок – характеристики данной группы.

Поддержание своего устойчивого положения при нейтральном отношении к проблемам городской среды. Эта стратегия характерна для людей средних лет, которые давно живут в городе, имеют собственное жилье, более или менее стабильную работу. Как правило, у них есть дети. Такие респонденты убеждены в том, что маленький городок, практически находящийся среди тайги, является отличным местом для воспитания детей. Прекрасная экология, тишина, безопасность, наличие мест дополнительного дошкольного / школьного образования являются причинами того, что у этих людей нет желания сменить место жительства. Основными проблемами они считают трудоустройство, проблемы на заводе, но придерживаются тех взглядов, что «жизнь прожить можно и в Саянске». Хотя все без исключения говорят о том, что детям нужно получать высшее образование, и, следовательно, учиться в другом городе. Но после учебы вариант с возвращением в город вполне вероятен, единственное опасение – это отсутствие рабочих мест. Чтобы исключить проблемную ситуацию с поиском работы, один из респондентов говорит о целевом обучении:

«У меня сын в этом году поступает. Будет учиться в Иркутске. И когда я заикнулась про химфак, он сказал, что не против вернуться. То есть после института нужно отрабатывать пять лет. Он сказал: «Ради бога, я вернусь, с удовольствием».

Отличительные черты этой стратегии: нежелание менять блага маленького спокойного города на другое место жительства; возможность растить детей в благоприятных условиях; сформированное мнение о проблемах города, но спокойное отношение к ним.

Вынужденное приспособление к городской среде при полной неудовлетворенности ее условиями. Высокая степень неудовлетворенности городской средой характерна для молодежи и людей, приехавших в город вынужденно. Например, один из респондентов переехал в Саянск с севера:

«Я попал в Саянск где-то четыре года назад, по причине переселения с Крайнего Севера… За счет этого получили сертификат, обустроились в Саянске. Вот так все и получилось».

Эта категория горожан, сравнивая жизнь в Саянске с жизнью предыдущих мест жительства (как правило, сел и ПГТ), говорят о том, что Саянск во многом привлекательнее, чем их родные населенные пункты. Также отмечаются положительные моменты, связанные с экологией, но они не являются ключевыми. Больше внимания уделяется проблемам города, в частности, трудоустройству. Тем не менее, миграционные установки на ближайшее время отсутствуют за неимением возможностей для переезда (финансовые трудности, ипотека и т. п.).

«Думаем об этом, но пока нет возможности. У нас ипотека. Такая ситуация, что пока не погасишь, будешь жить там».

Проблема отсутствия рабочих мест в городе решается этой группой, например, за счет маятниковой миграции (работа в ближайшем городе; работа вахтовым методом).

Ориентация на близость к родным при отсутствии проблематизации в восприятии городской среды. Эта стратегия характерна, например, для людей предпенсионного возраста, которые дорабатывают последние годы, не ощущают от проблем города особого дискомфорта, говорят о положительных сторонах маленького городка, что он им приходится по душе. Они также говорят о Саянске как о благоприятном месте жительства для пенсионеров, но не для молодежи. По их мнению, для молодежи в городе перспектив нет.

«Меня и сейчас дети зовут. А я не хочу, не знаю. Мне здесь уютнее. Здесь город не криминальный. Свежий воздух. Здесь очень хорошее место для пенсионеров…».

«Для молодежи тут никаких перспектив. Рабочих мест-то нет. Где им работать? Вся же молодежь бежит

в Иркутск, в Новосибирск, Красноярск. Единственное, если только клановость тут наша: сват, брат, сестра, сватья. Все работают только по знакомым, по блату, по родству. Простому устроится очень сложно».

Миграционные планы могут быть сформированы, но в основном, чтобы жить ближе к детям и внукам.

Ориентация на успех в другом городе по причине отсутствия возможностей здесь. Такие жители говорят о хороших условиях для поддержания здоровья, ценят тишину, спокойствие, территориальную близость ко всем объектам инфраструктуры. Но несмотря на удовлетворенность, также говорят и о проблемах города, самой актуальной из которых является ситуация на рынке труда, что в большинстве своем и вынуждает делать выбор в пользу другого города с большими возможностями. В основном, эта стратегия формируется у молодых людей, которые планируют уехать учиться и не возвращаться в родной город.

«…Сейчас доучусь, летом попробую поступить в Иркутск. А вообще, муж планирует перевестись в Ангарск на завод. И там жить. Наверное, квартиру в ипотеку брать. Там уже и сына в садик отдать. До Иркутска на электричке максимум 40 минут, можно и на автобусе…».

Ориентация на успех с ярко выраженной неудовлетворенностью городской средой. Эта стратегия отличается от предыдущей тем, что у респондентов, ее демонстрирующих, наблюдается высокая неудовлетворенность городской средой. В основном, это характерно для молодых людей, в частности, выпускников школ, планирующих уехать жить в большой город.

«– Считаете ли Вы, что в Саянске есть все, что нужно человеку для комфортной городской жизни?

– Для меня нет. Хочу в большой город. Там больше возможностей, развлечений…».

Итак, нас интересовало место городской среды в формировании жизненной стратегии жителей моногородов, а также наличие или отсутствие в них миграционных установок как специфического элемента. Проведенное исследование показывает, что в жизненных стратегиях жителей просматривается, с одной стороны, спектр в разной степени сформированных миграционных установок (в зависимости от характеристик жителей), а с другой – разная степень удовлетворенности качеством городской среды, делающая город привлекательным или непривлекательным в глазах населения.

Городская среда моногорода специфична, прежде всего, за счет рынка труда, который определяет поведение трудоспособного населения. Сильная зависимость жителей моногородов от преимущественно единственного источника рабочих мест формирует мысли о переезде в более благоприятные для жизни условия. Жители моногородов вынуждены приспосабливаться к существующим условиям или уезжать, строить свои жизненные стратегии, ориентируясь на возможности, предоставляемые городской средой, и на свое социальное самочувствие.

Литература

1. Маслова А. Н. Моногорода в России: проблемы и решения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4. № 5. С. 16–28.
2. Горяченко Е. Е. Жизнь моногородов Сибири // Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. С. 222–243.
3. Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. Москва: Дортранспечать, 2009. 110 с.
4. Макиева И. В., Кривогов И. В. Модернизация экономики моногородов // Вестник Финансового университета. 2011. № 5. С. 5–14.
5. Мыцких Н. П. Монопрофильные поселения: проблемы трансформации и развития // Наука и инновации. 2012. Т. 4. № 110. С. 24–26.
6. Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2010. 519 с.
7. Любовный В. Я., Кузнецова Г. Ю. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России // Библиотека местного самоуправления. М.: Московский общественный научный фонд, 2004. Вып. 54. 224 с.
8. Тургель И. Д., Зорин А. В. Имитационное моделирование жизненного цикла моноспециализированного горного города // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. № 2. С. 75–81.
9. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016).
10. Данные Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. Режим доступа: http://irkutskstat.gks.ru (дата обращения: 17.01.2018).
11. Данные Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://gks.ru (дата обращения: 17.01.2018).
12. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Амбарова П. А., Певная М. В., Кузьминчук А. А. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014. 200 с.
13. Город после комбината. Социально-экономические стратегии жителей города Байкальска / под общ. ред. М. Я. Рожанского. Иркутск: Центр независимых социальных исследований и образования, 2012. 140 с.

LIFE STRATEGIES OF MONOTOWN RESIDENTS: ATTRACTIVENESS OF RESIDENCE AND MIGRATION ATTITUDES

Natalya L. Mosienko[1, 2, @1], Anastasiya A. Cherepanova[2, @2]

[1] *Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences , 17, Ac. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, Russia, 630090*
[2] *Novsibirsk State National Research University, 1, Pirogova St., Novosibirsk, Russia, 630090*
[@1] *nmosienko@ngs.ru*
[@2] *naalche@mail.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: monotown, Life strategies, urban environment quality, migration attitudes.

Abstract: Residents of monotowns face a specific range of problems affecting their social well-being. The purpose of the study was to identify and describe the types of life strategies of monotown residents with a focus on the place of residence and the location of the attractiveness of the urban environment and migration attitudes in them. The study employed a case-study strategy of an in-depth interview with residents of Sayansk, a monotown that displays risks of socio-economic deterioration. To describe the context, the authors used statistical data on the population and migration of the Sayansk population, as well as historical chronicle of the town. Based on two indications (perception of the quality of the urban environment and the migration attitudes), the authors have constructed a typology of life strategies and described the related characteristics of inhabitants. The study shows that the life strategies of the inhabitants reveal, on the one hand, a spectrum of migration patterns (depending on the characteristics of the inhabitants), and, on the other hand, various degrees of satisfaction with the quality of the urban environment, which makes the city attractive or unattractive in the eyes of the population.

For citation: Mosienko N. L., Cherepanova A. A. Zhiznennye strategii zhitelei monogoroda: privlekatel'nost' mesta zhitel'stva i migratsionnye ustanovki [Life Strategies of Monotown Residents: Attractiveness of Residence and Migration Attitudes]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 34–41. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-34-41.

References

1. Maslova A. N. Monogoroda v Rossii: problemy i resheniia [Monotowns in Russia: problems and solutions]. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie = Problem analysis and state-management design*, 4, no. 5 (2011): 16–28.
2. Goriachenko E. E. Zhizn' monogorodov Sibiri [Life of monotowns of Siberia]. *Formirovanie blagopriiatnoi sredy dlia prozhivaniia v Sibiri* [Forming an enabling environment for living in Siberia]. Ed. Kuleshov V. V. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2010, 222–243.
3. Liubovnyi V. Ia. *Monoprofil'nye goroda v usloviiakh krizisa: sostoianie, problemy, vozmozhnosti reabilitatsii* [Monotowns in crisis: the state, problems, rehabilitation opportunities]. Moscow: Dortranspechat', 2009, 110.
4. Makieva I. V., Krivogov I. V. Modernizatsiia ekonomiki monogorodov [Modernization of monotowns economy]. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*, no. 5 (2011): 5–14.
5. Mytskikh N. P. Monoprofil'nye poseleniia: problemy transformatsii i razvitiia [Mono-profile settlements: the problems of transformation and development]. *Nauka i innovatsii = Science and innovations*, 4, no. 110 (2012): 24–26.
6. Turgel' I. D. *Monofunktsional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniia k ustoichivomu razvitiiu* [Monofunctional towns of Russia: from survival to sustainable development]. Ekaterinburg: UrAGS, 2010, 519.
7. Liubovnyi V. Ia., Kuznetsova G. Iu. Puti aktivizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monoprofil'nykh gorodov Rossii [Ways of social and economic development of monotowns of Russia]. *Biblioteka mestnogo samoupravleniia* [Library of local self-government]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, Iss. 54 (2004): 224.
8. Turgel' I. D., Zorin A. V. Imitatsionnoe modelirovanie zhiznennogo tsikla monospetsializirovannogo gornogo goroda [Simulation modeling of the life cycle of a mono-specialized mining city]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Izvestiya Ural State Economic University*, no. 2 (2006): 75–81.
9. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On approval of the list of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation of 29.07.2014 No. 1398-r (as amended on 13.05.2016).
10. *Dannye Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Irkutskoi oblasti* [Data of the Federal State Statistics Service for the Irkutsk Region]. Available at: http://irkutskstat.gks.ru (accessed 17.01.2018).
11. *Dannye Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Data of the Federal State Statistics Service]. Available at: http://gks.ru (accessed 17.01.2018).

12. Zborovskii G. E., Shuklina E. A., Ambarova P. A., Pevnaia M. V., Kuz'minchuk A. A. *Upravlenie strategiiami povedeniia gorodskikh obshchnostei: problemy i vozmozhnost*i [Managing the behavior strategies of urban communities: challenges and opportunities]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2014, 200.

13. *Gorod posle kombinata. Sotsial'no-ekonomicheskie strategii zhitelei goroda Baikal'ska* [The town after the factory. Socio-economic strategies of residents of the town of Baikalsk]. Ed. Rozhanskii M. Ia. Irkutsk: Tsentr nezavisimykh sotsial'nykh issledovanii i obrazovaniia, 2012, 140.

УДК 316.3+316.334.52

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Анна В. Сухачева[1, @1], Оксана П. Кочнева[1, @2], Альмира Р. Латфулина[1, @3]

[1] Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, 650070, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 38 А
[@1] anisha86@mail.ru
[@2] smiop@yandex.ru
[@3] almiralatfulina@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: социологическое исследование, обратная связь, регион, муниципальное образование, управление, управленческое решение.

Аннотация: Значимость использования социологического знания в управленческой деятельности зачастую остается недооцененной. Те же органы управления, которые ориентируются в своей работе на обратную связь, мнения, оценки, предложения управляемой подсистемы, оказываются в более выигрышном положении, являясь успешными руководителями. В работе обозначена целесообразность включения результатов социологических исследований в процессы управления, особенно если его объектом являются региональные и муниципальные сообщества, а также представлен обзор практики проведения социологических исследований Кузбасским центром изучения общественного мнения.
За годы функционирования центром проведено более 600 социологических исследований, из них большинство – в целях обеспечения администраций Кемеровской области, муниципальных образований региона обратной связью для возможности наиболее взвешенного принятия управленческих решений. Почти 30-летний опыт работы службы наглядно доказывает целесообразность использования социологической информации как для разрешения конкретных и узких проблем (оценка планируемых мероприятий, проектов; отношение к деятельности отдельных структур, руководителей и т. д.), так и для реализации долгосрочных целей: повышения социальной защищенности населения или повышения качества его жизни.

Для цитирования: Сухачева А. В., Кочнева О. П., Латфулина А. Р. Социологическое сопровождение управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 42–50. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-42-50.

Управление обществом, региональными и муниципальными сообществами – сложная, но неизбежная функция органов власти различного уровня. Чтобы ее реализация была успешной, требуется выполнение множества условий, среди которых важнейшая роль принадлежит информационному сопровождению. Принятие управленческих решений на основе достоверной, исчерпывающей, адекватной информации является залогом их эффективности. Одним из самых значимых источников такой информации являются результаты социологических исследований, проводимых на принципах научности и объективности, а поставщиком подобных сведений – профессиональные социологические службы, работающие как на государственном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Целью статьи является методологическое обоснование целесообразности и необходимости использования социологической информации при управлении обществом и описание опыта соответствующей деятельности Кузбасского центра изучения общественного мнения (КузбассЦИОМ).

Общество как научая категория имеет разные толкования – от человечества в его эволюционном развитии, его способа бытия, совокупности форм совместной жизнедеятельности до разновидности объединения, организации. Независимо от того, какой подход – узкий или широкий – мы выбираем к трактовке понятия общества, оно является сложной вероятностной системой, элементами которой выступают не только отдельно взятые индивидуумы, но и набор разнообразных социальных отношений, складывающихся между ними, формирующихся через призму частных и групповых интересов.

Под социальными отношениями мы понимаем «относительно самостоятельный, специфический вид общественных отношений, выражающий деятельность социальных субъектов по поводу их неодинакового положения в обществе и роли в общественной жизни» [1, с. 66]. В широком смысле социальные отношения могут быть отождествлены с общественными отношениями (в противопоставлении, например, природным условиям), в узком значении – выделены как отдельный вид общественных отношений (наряду с экономическими, правовыми, политическими, духовными и пр.), возникающих на основе неравного доступа социальных групп, индивидуумов к власти, собственности, жизненным благам в связи с различным положением в обществе.

Понятие «система» получило в литературе множество интерпретаций. Чаще всего считается, что система – это комплекс взаимодействующих элементов, образующих единое целое и рождающих новые интегральные свойства. Общество является многоуровневой и многофункциональной социальной системой со сложным набором связей и отношений между ее элементами и наличием управленческой компоненты. На рисунке 1 представлен классический вариант обобщенной модели функционирования социальной системы, на которой отражены базовые элементы

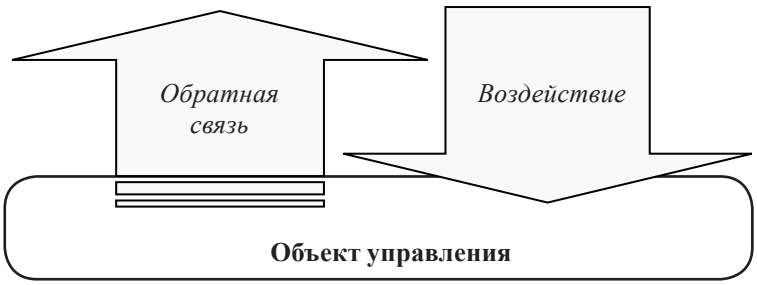


Рис. 1. Модель функционирования социальной системы (сост. по [2, с. 317])
Fig. 1. Model of social system functioning (comp. [2, p. 317])

системы управления социальными образованиями (она может быть дополнена и иными составными частями).

Характер отношения между субъектом и объектом управления может складываться различным образом: путем воздействия (как однонаправленное действие), взаимодействия (как взаимная положительная реакция контактирующих элементов), противодействия (как долговременная отрицательная реакция контактирующих элементов). Но если говорить об управлении, регулировании, то отношения должны быть представлены в форме целенаправленного воздействия.

При рассмотрении проблем регулирования процессов, происходящих внутри социальной системы, наиболее приемлемо употребление такого многозначного понятия, как «социальное управление». Отсутствие в научной литературе общепринятой интерпретации данного термина обусловлено разнообразием толкования его составных элементов – понятий «социальное» и «управление» [3, с. 59]. Не ставя целью данной работы проведение терминологического анализа, представим определение социального управления, в наибольшей степени отражающее позицию авторов: социальное управление в широком смысле слова – органически присущее общественной системе явление, обеспечивающее сохранение ее целостности, качественной специфики, воспроизводство и развитие; в узком – действие на общество по упорядочению и совершенствованию его социально-деятельностной структуры в процессе выработки и достижения цели [4, с. 169]. Осуществление деятельности по упорядочению общественных процессов основывается на сознательном использовании закономерностей, присущих общественным процессам.

Необходимость учета субъектом управления общественного мнения, обязательность обратной связи являются и элементом схемы функционирования социальной системы, и одним из основных положений социального управления, отмечаемые многими учеными. Для более полного представления места данного принципа в общей структуре социального управления можно привести подход, разработанный Л. Карапетяном (описан в [3, с. 61]). Ученый объединил все принципы в 2 группы:

1) социально-политические: единство экономического и политического управления, сочетание государственного и общественного управления, развитие демократии и вовлечение широких масс в управление, формирование и учет общественного мнения, сопряжение общественных и личных, общегосударственных и местных интересов;

2) организационно-административные: взаимосвязь общегосударственного (федерального), регионального и местного управления, объективность, полнота и оперативность информации, планирование и прогнозирование, рациональная организация аппарата управления и управленческого труда, сочетание коллегиальности, единоначалия и личной ответственности, проведение кадровой политики по признакам профессионализма, деловитости и высокого нравственного долга, гарантия законности, контроль исполнения.

Для взвешенного принятия управленческих решений необходимо эффективное информационное обеспечение, которое должно соответствовать таким основным критериям, как объем, полнота, достоверность, насыщенность, ценность, относительная открытость. Информация, полученная с помощью социологических исследований, является мощным инструментом в деле сопровождения и поддержания всех управленческих функций: от планирования до разработки системы мотивации и контроля, выдачи рекомендаций по мерам реагирования, корректировки дальнейших действий.

«Интегрирующим элементом системы социального управления является государство» [1, с. 357], и надо отметить, что именно представители властных органов (различного уровня) нередко являются инициаторами, заказчиками различных социологических исследований. Так, органы власти регионального и муниципального уровней Кемеровской области уделяют особое внимание состоянию общественного мнения, обращаясь в этих целях за информационной поддержкой к научно-исследовательским центрам, одним из которых является Кузбасский центр изучения общественного мнения.

История создания КузбассЦИОМа берет начало в 1980-х гг. В 1979 г. по инициативе старшего преподавателя Прошкина Бориса Георгиевича и декана экономического факультета Поварича Ильи Прохоровича в Кемеровском государственном университете (КемГУ) была создана социологическая лаборатория. За 10 лет существования из студенческого кружка лаборатория преобразовалась в региональный центр социологических исследований, назрела необходимость и потребность в его институализации. В 1990 г. при поддержке А. Г. Тулеева, который в тот период был председателем Кемеровского облисполкома, при КемГУ был организован Кузбасский центр изучения общественного мнения. В 1991 г. руководителем КузбассЦИОМ стала первый в регионе кандидат социологических наук (в дальнейшем доктор экономических наук) Елена Алексеевна Морозова. Работа над исследованиями, как правило, осуществлялась временными рабочими группами по принципу формирования проектных команд. В регионе

была создана и успешно функционирует областная сеть анкетеров и интервьюеров, которые обеспечивают проведение полевой части исследований (данными видами работ много лет руководит Кириллова Светлана Михайловна). Обработка и анализ социологической информации ведется с помощью специального пакета программ SPSS. Настройка системы оперативной и качественной обработки данных – заслуга Кулибакиной Ирины Борисовны. В настоящее время исследовательская группа функционирует на базе ГБУ ДПО «Кузбасский региональный институт развития профессионального образования» как социологический региональный центр.

За 28 лет работы в сфере изучения общественного мнения сотрудниками КузбассЦИОМа осуществлено свыше 620 социологических исследований, опрошено более 500 тысяч человек. Основным заказчиком социологической информации является администрация Кемеровской области, а также исполнительные органы власти муниципальных образований, среди которых своей активностью выделяется администрация г. Кемерово. Отчетные материалы тщательно изучаются и используются при принятии решений социально-экономического и политического характера.

На рисунке 2 представлены обобщенные данные по социологическим исследованиям, проведенным КузбассЦИОМ, начиная с 1990 г.

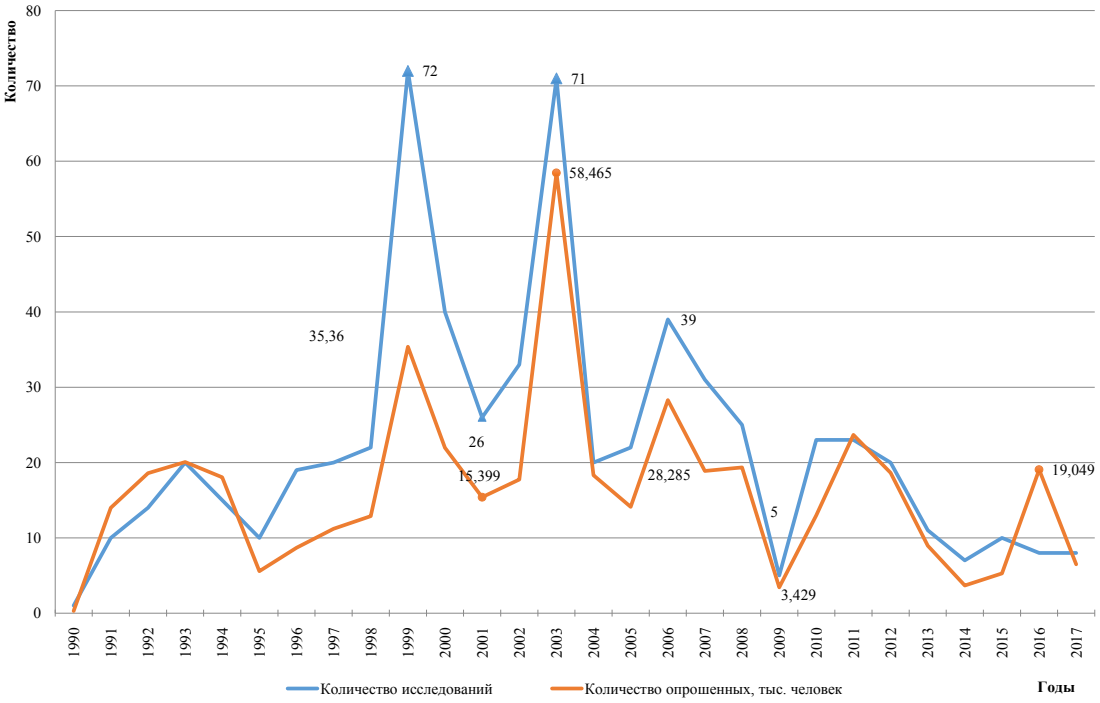


Рис. 2. Обобщенные количественные данные по исследованиям КузбассЦИОМ
Fig. 2. The generalized quantitative data on the researches conducted by the Kuzbass Center for the Study of Public Opinion

Максимальное число работ пришлось на 1999 г. и составило 72 исследования (практически таким же продуктивным был 2003 г.), минимальное – на кризисный 2009 г. – 5 исследований. При этом зависимость количества проведенных исследований и количества опрошенных – прямая. Исключением можно назвать 2016 г., когда в практике проведения социологических исследований КузбассЦИОМ впервые пришлось организовывать такое масштабное мероприятие, как экзит-пулл (опрос граждан на выходе из избирательных участков). В процессе него было опрошено свыше 10 000 человек. Напротив, самым минимальным по количеству респондентов стало исследование 1997 г., изучающее мнение депутатов Законодательного собрания Кемеровской области о предпочитаемой тематике планируемых социологических исследований. В целом заметим, что в исследованиях с малым количеством респондентов объектом обычно выступают руководящие работники, депутаты или узкие категории граждан.

Если рассматривать равномерность распределения количества исследований в течение года (рис. 3), можно обратить внимание на снижение спроса на социологические услуги в летние месяцы и, напротив, повышение – в осенне-зимний период. Самым «горячим» по статистике является ноябрь, затишье чаще случается в июле. На основе обозначенной тенденции можно предположить, что данная сфера научной деятельности имеет тенденцию к сезонности. Скорее всего, это связано с периодом отпусков административных работников, принимающих решения относительно необходимости проведения социологических исследований.

Стоит отметить, что КузбассЦИОМ за неполные 30 лет своей деятельности не только проводил собственные исследования по авторским методикам, но и вел сотрудничество с другими социологическими компаниями (ВЦИОМ, РОМИР, Левада-центром, Центром социального прогнозирования и маркетинга и др.), помогая им в проведении полевого этапа благодаря наличию обширной региональной сети анкетеров.

Для получения полной и объективной социологической информации организаторам и исполнителям исследования требуется серьезная и кропотливая работа, поскольку социологическое исследование представляет собой многоуров-

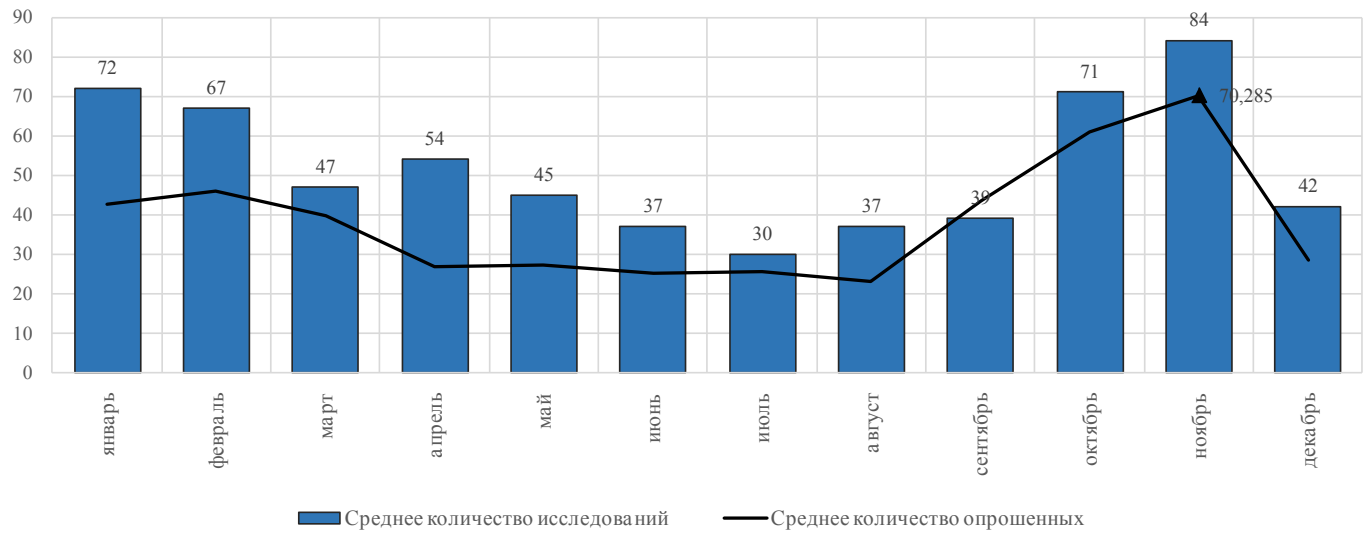


Рис. 3. Суммарное распределение исследований КузбассЦИОМ по месяцам, 1990–2017 гг.
Fig. 3. Total distribution of the researches performed by the Kuzbass Center for the Study of Public Opinion according to months, 1990–2017

невый, многофункциональный комплекс разноплановой деятельности по достижению поставленной цели и решению исследовательской проблемы. К проведению исследования привлекаются, с одной стороны, ученые, социологи-аналитики, программисты, с другой – многочисленный состав полевых работников (анкетеров и интервьюеров), работа которых требует коммуникативных навыков, физической выносливости, находчивости и гибкости. При планировании социологического исследования требуется учитывать строгую последовательность большинства работ, а также массу нюансов и возможные риски. Перечислим основные этапы организации исследования, которые сложились в практике КузбассЦИОМа:

– получение заказа, разработка и согласование с заказчиком программы исследования, решение финансовых, организационных вопросов, заключение договора;

– разработка инструментария, схемы выборки, организация сбора данных;

– полевой этап, контроль;

– кодировка данных, подготовка «задания» на их обработку, математическая обработка первичной социологической информации;

– анализ результатов исследования, подготовка отчета;

– передача отчета по результатам исследования заказчику;

– помещение материалов исследования в архив КузбассЦИОМ.

Необходимо отметить, что взаимодействие с заказчиком исследования не всегда завершается передачей только итогового отчета по результатам социологического исследования. По его запросу обработка данных, анализ результатов исследования могут быть продолжены, если это обусловлено необходимостью получения дополнительной информации, не оговоренной ранее. Также представители центра зачастую докладывают результаты исследований на совещаниях и других мероприятиях различного уровня.

При проведении исследований среди населения КузбассЦИОМ чаще всего использует такие методы сбора первичной информации, как уличный экспресс-опрос по квотной выборке и поквартирный опрос по квотно-маршрутной выборке. Реже применяются телефонные опросы.

Как уже отмечалось, за годы функционирования КузбассЦИОМ провел сотни исследований, результаты которых были востребованы управленческими структурами на региональном и муниципальном уровнях. Наиболее распространенными темами социологических исследований центра являются «Социально-политическая ситуация в муниципальных образованиях» и «Предвыборные настроения населения». Однако социологам приходилось изучать мнения граждан и по другим проблемам, тематический перечень которых очень широк. Для получения представления о разнообразии изучаемой проблематики, приведем перечень тем ряда исследований с указанием территории, население (или его отдельные категории) которой выступало в качестве объекта изучения, года их проведения и предмета исследования:

– «Трамвай» (г. Новокузнецк; 2016 г.; отношение к транспортному обслуживанию в городе и планам по демонтажу трамвайных путей);

– «Переселенцы из Украины» (Кемеровская область; 2015 г.; оценка условий жизни семей, прибывших из Украины в период боевых действий на ее территории, их планы на дальнейшую жизнь);

– «Зимнее и летнее время» (Кемеровская область; 2013 г.; отношение к изменению часового пояса и переводу часов на зимнее и летнее время);

– «Цены на хлеб» (Кемеровская область; 2004 и 2010 гг.; отношение к ценам на хлеб, их возможному повышению);

– «Гражданское общество» (Кемеровская область; 2007–2009 гг.; отношение к принципам и условиям формирования гражданского общества в России и Кемеровской области, уровень проявления гражданственности);

– «Чемпионат мира по хоккею с мячом» (г. Кемерово; 2007 г.; интерес к чемпионату мира по хоккею с мячом; отношение к вопросам его организации и проведению);

– «Социальная защита населения» – мониторинг на протяжении 15 лет с 2-годичной периодичностью (Keме-

ровская область; 1991–2006 гг.; уровень социальной защищенности населения, отношение к субъектам, объектам, механизмам, проблемам социальной защиты);

– «Московский (Притомский) проспект» (г. Кемерово, Центральный и Ленинский районы; 2006 г.; отношение к различным наименованиям проспекта);

– «Мост» (г. Кемерово; 2005 г.; информированность о временном закрытии Кузнецкого моста и готовность к переориентации транспортных потоков на Кузбасский мост);

– «День шахтера» (г. Кемерово; 2005 г.; отношение к празднованию Дня шахтера, организации различных мероприятий);

– «Льготы», «Монетизация льгот» (Кемеровская область; 2004–2005 гг.; отношение к изменению принципов выплаты пособий и обслуживания льготных категорий населения);

– «Референдум» (Гурьевск и Гурьевский район; Топки и Топкинский район, Мариинск и Мариинский район, Таштагол и Таштагольский район; 2001–2004 гг.; отношение к объединению муниципальных образований);

– «Студенты и власть» (г. Кемерово; 2003 г.; оценка работы органов управления различного уровня);

– «Платное образование» (Кемеровская область; 2001 г.; отношение к платным образовательным услугам, платежеспособный спрос населения на услуги образования);

– «Инвестиционный потенциал населения» (Кемеровская область; 2001 г.; готовность и возможности населения к инвестированию личных средств в экономику через финансовые структуры);

– «Кузнецкий металлургический комбинат: проблемы управления» (г. Новокузнецк; 2000 г.; отношение работников комбината к предприятию, собственникам, топ-менеджменту, производственным и социально-экономическим проблемам);

– «Потребность в жилье» (г. Кемерово; 1995 г.; текущие и перспективные планы населения по улучшению жилищных условий, предпочитаемые типы домостроений, платежеспособный спрос на жилье).

Приведенный выборочный список исследований КузбассЦИОМа наглядно демонстрирует широкую палитру интересов региональных и муниципальных органов власти к мнению населения, его отдельных категорий при выполнении управленческих функций. При этом исследования иногда нацелены на решение весьма конкретных и узких задач, а иногда носят долгосрочный, если не постоянный, характер.

Так, тема «Качество жизни» стала не только постоянно востребованной областной администрацией, но и отдельным исследовательским направлением, одной из основных сфер научных интересов, которому в Кузбасском центре изучения общественного мнения уделялось и уделяется особое внимание [5–12]. Социологами проводится социологический мониторинг качества жизни населения Кемеровской области с периодичностью раз в несколько лет. Вместе с тем под качеством жизни коллектив авторов, разрабатывавший методику исследования, понимает комплексную характеристику уровня и условий жизнедеятельности людей, отражающую степень удовлетворения ими различных потребностей и субъективное восприятие жизни и ее отдельных аспектов [7, с. 29]. Данная социологическая методика строится на подсчете частных, промежуточных и итоговых показателей. Сначала рассчитывается показатель уровня жизни, затем – частные коэффициенты по различным сферам жизнедеятельности людей, которые в совокупности отображают показатель условий жизни. При объединении показателей уровня и условий жизни (промежуточных) получается итоговый коэффициент – качества жизни. Данная методика была создана в рамках подготовки региональной программы «Качество жизни населения Кемеровской области на 2005–2008 годы». Исследования проводились в 2003 г. – до принятия программы, в 2005 г. – в процессе ее реализации – и в 2009 г. после завершения программы [7, с. 43–44].

Многие индикаторы, вошедшие в опросную методику по исследованию качества жизни, использовались в Кузбассе и ранее – при мониторинге социальной защищенности населения региона [13–16]. Е. А. Морозова в своих работах, посвященных социальной защите населения на основе системного подхода, выделяет 7 видов социальной защиты: политическая, правовая, трудовая, бытовая, потребительская, морально-психологическая и личная безопасность [15, с . 100]. Каждому выделенному виду социальной защиты соответствует множество направлений, которые, в свою очередь, реализуются с помощью конкретных действий и мер. В практике проведения социологических исследований принято измерять социальную защищенность, которая рассчитывается также по системной методике, основанной на отдельных индикаторах и интегральных показателях, дающих количественную оценку функционирования системы социальной защиты. В нее входят: 1) личная защищенность по видам и в целом; 2) удовлетворенность системой социальной защиты по видам и в целом; 3) степень социальной защищенности по видам и в целом (обобщенный показатель); 4) информированность о системе социальной защиты; 5) актуальность социальных проблем; 6) субъекты социальной защиты; 7) объекты социальной защиты; 8) механизмы социальной защиты; 9) ожидания, относительно социальной защищенности населения [15, с. 202].

По заданию Совета ректоров вузов Кемеровской области в 2013 и 2015 гг. среди студентов очной формы обучения всех 9 государственных вузов области было проведено два исследования-омнибуса под общим названием «Кузбасский студент» [17–20]. Тематические блоки затрагивали такие актуальные проблемы, как мотивация студентов к обучению (мотивы получения высшего образования, выбора вуза, направления подготовки), оценка качества профессиональной подготовки, межнациональные отношения в студенческой среде, социальная защита, корпоративная культура и др. Результаты, полученные в ходе исследований в образовательной среде, позволяют выявлять наиболее «узкие» места, прорабатывать их более детально в ходе научной деятельности [21–25].

Приведем еще один пример, наглядно демонстрирующий значимость социологического сопровождения управленческих решений при поиске оптимальных путей взаимодействия субъекта и объекта управления. В 2004 г. был принят федеральный закон о так называемой монетизации льгот, в соответствии с которым большинство социальных льгот были заменены ежемесячными денежными выплатами (в основном это касалось пенсионеров). Но это решение органов власти вызвало социальную напряженность и протестные акции среди получателей пенсий и других категорий населения в ряде регионов страны, т. к. многие восприняли предлагаемый денежный эквивалент несоразмерным их реальной стоимости (см., например, [26, 27]).

Администрация Кемеровской области сочла необходимым заранее изучить мнение населения по данному вопросу с привлечением социологов. Полученные результаты отразили неготовность кузбассовцев к таким переменам, в связи с чем в регионе было принято решение об отсрочке монетизации льгот, постепенной реализации данного проекта, усиления разъяснительной работы, чтобы население смогло более рационально подойти к предстоящим переменам, учесть опыт других регионов, страны в целом. В результате процесс перехода к денежной форме льгот в кузбасском регионе прошел планомерно и спокойно.

Таким образом, качественная и своевременная социологическая информация служит надежным инструментом в деле принятия эффективных управленческих решений, касающихся самых разных аспектов жизнедеятельности общества и его подсистем. Понимание властными структурами значимости обратной связи и использование ее способствуют более благоприятной социально-экономической и политической обстановке в обществе, росту удовлетворенности работой управленческих структур и жизнью в целом.

Литература

1. Социологический справочник / под общей ред. В. И. Воловича. Киев: Политиздат Украины, 1990. 382 с.
2. Латфуллин Г. Р., Райченко А. В. Теория организации: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
3. Морозова Е. А. Социальная политика в Кузбассе: Теоретические основы. Региональная практика. Обратная связь: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 563 с.
4. Социальное управление: словарь / под ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 198 с.
5. Пастухова Е. Я. Характеристики бедности и социальная защита бедных в регионе (на примере Кемеровской области): дис. … канд. экон. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2001. 177 с.
6. Шабашев В. А., Морозова Е. А. Уровень жизни, качество жизни, социальная защищенность – общее и особенное // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 6. С. 103–109.
7. Пастухова Е. Я., Прошкин Б. Г., Мухачева А. В. Качество жизни населения: теория и практика социологического изучения: монография / отв. ред. Е. А. Морозова. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. 262 с.
8. Морозова Е. А., Бельчик Т. А., Головина О. В., Кочнева О. П., Лузгарева О. И., Мухачева А. В., Пастухова Е. Я., Сухачева А. В. Социологическая оценка результативности социальной политики на региональном и муниципальном уровне // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-3. С. 119–124.
9. Пастухова Е. Я. Депривационный подход к анализу потребительских характеристик бедности в регионе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 41–43.
10. Морозова Е. А., Пастухова Е. Я., Головина О. В. Социологическая оценка уровня жизни населения // Человеческие ресурсы: проблемы инновационного развития и использования: сборник научных трудов. Посвящается 40-летию экономического факультета КемГУ. Кемерово: Министерство образования и науки Российской Федерации: Кемеровский государственный университет: Кузбасский центр САН ВШ: Научная школа «Социально-экономические проблемы управления человеческими ресурсами», 2014. С. 158–165.
11. Мухачёва А. В., Морозова Е. А. Качество жизни в условиях кризиса: региональный аспект: монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. 232 с.
12. Мухачёва А. В., Морозова Е. А. Подходы к типологизации регионов по качеству жизни населения // Сибирская финансовая школа. 2014. № 6. С. 34–39.
13. Морозова Е. А. Социальная защита населения: системный подход к анализу и управлению: дис. … д-ра экон. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2006. 464 с.
14. Морозова Е. А. Социальная защищенность: сущность и методы изучения // Социальная политика и социология. 2006. № 1. С. 143–156.
15. Морозова Е. А. Социальная защита населения: системное изучение. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 287 с.
16. Морозова Е. А., Добрынина А. Ю. Механизмы социальной защиты населения региона // Экономика региона. 2012. № 1. С. 235–241.
17. Морозова Е. А., Кочнева О. П., Сухачева А. В. Кузбасский студент – 2013 // Социологический ежегодник КемГУ (2013–2014 учебный год, 2014–2015 учебный год): сборник отчетов по результатам внутривузовских социологических исследований. Кемерово: Кемеровский государственный университет: Социологическая лаборатория, 2016. С. 62–120.
18. Морозова Е. А. Качество подготовки кадров для пищевой промышленности как фактор обеспечения населения продовольственными ресурсами // Техника и технология пищевых производств. 2016. Т. 40. № 1. С. 142–149.
19. Кочнева О. П., Морозова Е. А. Мотивы профессионального выбора студентов (на примере Кемеровской области) // Профессиональное образование и занятость молодежи: XXI век. Актуальные направления развития системы профессиональной ориентации учащейся молодежи: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 15–16 марта 2017 г.): в 2 ч. / ред. колл. В. И. Блинов, Н. Э. Касаткина, А. К. Кусаинов, В. А. Овчинников, Е. А. Пахомова, Е. Л. Руднева, А. В. Чепкасов, С. Н. Чистякова. Кемерово: КРИРПО, 2017. Ч. 2. С. 130–132.
20. Кочнева О. П. К вопросу о проблеме профессионального выбора молодежи в период экономики, основанной на знаниях (на примере студентов вузов Кемеровской области) // Российская экономика знаний: вклад региональных исследователей: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (Кемерово, 5–6 октября 2017 г.): в 2-х ч. / под общ. ред. Е. Е. Жернова. Кемерово, 2017. Ч. 2. С. 205–210.
21. Морозова Е. А. Образовательные планы старшеклассников как фактор потенциальной нестабильности рынка труда региона // Профессиональное образование и занятость молодежи: XXI век. Актуальные направления развития

системы профессиональной ориентации учащейся молодежи: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 15–16 марта 2017 г.): в 2 ч./ ред. колл. В. И. Блинов, Н. Э. Касаткина, А. К. Кусаинов, В. А. Овчинников, Е. А. Пахомова, Е. Л. Руднева, А. В. Чепкасов, С. Н. Чистякова. Кемерово: КРИРПО, 2017. Ч. 2. С. 53–55.

22. Морозова Е. А. Подготовка кадров с высшим образованием для региональной экономики: экспертное мнение руководящих работников вузов Кемеровской области // Russian Journal of Management. 2015. Т. 3. № 2. С. 191–198.

23. Морозова Е. А. Совершенствование управления вузами региона на основе анализа мнения студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 6. С. 102–109.

24. Морозова Е. А., Добрынина А. Ю. Образовательные и профессиональные намерения кузбасских старшеклассников как фактор формирования кадрового потенциала региона // Фундаментальные исследования. 2016. № 4-3. С. 641–645.

25. Морозова Е. А., Пфетцер С. А., Сухачева А. В. Социологические методы изучения коррупции и борьбы с ней в системе образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 126–136.

26. Бизюков П. В., Бирке П., Вальковой А. Ф., Вебстер Э., Галлас А., Герасимова Е. С., Головина С. Ю., Зайцева Л. В., Куренной А. М., Нуртдинова А. Ф., Орловский Ю. П., Прингл Т., Сафонов В. А., Скачкова Г. С., Тиетье О., Хюк Н. Коллективные трудовые конфликты: Россия в глобальном контексте: монография / под ред. Ю. П. Орловского, Е. С. Герасимовой. М.: Контракт, 2016. 320 с.

27. Азарова Е. Г., Антонова Н. В., Благодир А. Л., Сафонов А. Л., Воронин Ю. В., Захаров М. Л., Тучкова Э. Г., Роик В. Д., Миронова Т. К., Путило Н. В., Жаворонков Р. Н., Медведев А. В., Пудов А. Н., Ломакина Л. А., Серегина Л. В., Коршунова Т. Ю., Моцная О. В., Герасимова Е. С., Михайлов А. В., Кучма М. И., Чесалина О. В. Социальное обеспечение: настоящее и будущее: монография / отв. ред. Ю. В. Воронин, М. Л. Захаров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Контракт, 2017. 284 с.

SOCIOLOGICAL SUPPORT FOR MANAGEMENT DECISIONS AT THE REGIONAL AND MUNICIPAL LEVELS

Anna V. Sukhacheva[1, @1], Oksana P. Kochneva[1, @2], Al'mira R. Latfulina[1, @3]

[1] State educational establishment Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, 38-A, Tuhachevskiy St., Kemerovo, Russia, 650070
[@1] anisha86@mail.ru
[@2] smiop@yandex.ru
[@3] almiralatfulina@yandex.ru

Received 07.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: sociological research, feedback, region, municipal formation, management, management decision.

Abstract: The importance of using sociological knowledge in management is often underestimated. The same governing bodies, whose work is oriented to feedback, opinions, assessments, proposals of the managed subsystem, are in a more advantageous position, being more successful managers. The paper indicates the expediency of incorporating the results of sociological research into management processes, especially if it is the object of regional and municipal communities, as well as a review of the sociological research practice conducted by the Kuzbass Center for the Study of Public Opinion.

Over the years of its functioning, the Center has conducted more than 600 sociological studies to provide the Kemerovo region administrations and municipalities with a feedback that would enable them to adopt balanced managerial decisions. Almost 30 years of experience clearly demonstrates the usefulness of sociological information to solve both specific problems (i.e. evaluation of planned activities, projects, attitude to the activities of individual structures, leaders, etc.), and long-term goals, such as improving social security or quality of life.

For citation: Sukhacheva A. V., Kochneva O. P., Latfulina A. R. Sotsiologicheskoe soprovozhdenie upravlencheskikh reshenii na regional'nom i munitsipal'nom urovniakh [Sociological Support for Management Decisions at the Regional and Municipal Levels]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 42–50. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-42-50.

References

1. *Sotsiologicheskii spravochnik* [Sociological reference book]. Ed. V. I. Volovicha. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1990, 382.
2. Latfullin G. R., Raichenko A. V. *Teoriia organizatsii* [Theory of organization]. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 464.
3. Morozova E. A. *Sotsial'naia politika v Kuzbasse: Teoreticheskie osnovy. Regional'naia praktika. Obratnaia sviaz'* [Social Policy in Kuzbass: Theoretical Foundations. Regional practice. Feedback]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 563.
4. *Sotsial'noe upravlenie* [Social management]. Ed. V. I. Dobren'kova, I. M. Slepenkova. Moscow: Izd-vo MGU, 1994, 198.

5. Pastukhova E. Ia. *Kharakteristiki bednosti i sotsial'naia zashchita bednykh v regione* (na primere Kemerovskoi oblasti). Diss. kand. ekon. nauk [Characteristics of poverty and social protection of the poor in the region (case of the Kemerovo region). Cand. econ. Sci. Diss.]. Kemerovo State Univ. Kemerovo, 2001, 177.

6. Shabashev V. A., Morozova E. A. Uroven' zhizni, kachestvo zhizni, sotsial'naia zashchishchennost' – obshchee i osobennoe [The standard of living, the quality of life, social security – general and special]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta = Bulletin of Kuzbass State Technical University,* no. 6 (2005): 103–109.

7. Pastukhova E. Ia., Proshkin B. G., Mukhacheva A. V. *Kachestvo zhizni naseleniia: teoriia i praktika sotsiologicheskogo izucheniia* [Quality of life of the population: theory and practice of sociological study]. Ed. Morozova E. A. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 2011, 262.

8. Morozova E. A., Bel'chik T. A., Golovina O. V., Kochneva O. P., Luzgareva O. I., Mukhacheva A. V., Pastukhova E. Ia., Sukhacheva A. V. Sotsiologicheskaia otsenka rezul'tativnosti sotsial'noi politiki na regional'nom i munitsipal'nom urovne [Sociological assessment of social policy effectiveness on regional and municipal level]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University,* no. 3-3 (2013): 119–124.

9. Pastukhova E. Ia. Deprivatsionnyi podkhod k analizu potrebitel'skikh kharakteristik bednosti v regione [Deprivation approach to the analysis of the consumer characteristics of poverty in the region]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and Practice of Social Development,* no. 4 (2013): 41–43.

10. Morozova E. A., Pastukhova E. Ia., Golovina O. V. Sotsiologicheskaia otsenka urovnia zhizni naseleniia [Sociological assessment of the living standards of the population]. *Chelovecheskie resursy: problemy innovatsionnogo razvitiia i ispol'zovaniia. Posviashchaetsia 40-letiiu ekonomicheskogo fakul'teta KemGU* [Human resources: problems of innovative development and use. Dedicated to the 40th anniversary of the Faculty of Economics of Kemerovo State University]. Kemerovo: Ministerstvo obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet: Kuzbasskii tsentr SAN VSh: Nauchnaia shkola «Sotsial'no-ekonomicheskie problemy upravleniia chelovecheskimi resursami», 2014, 158–165.

11. Mukhacheva A. V., Morozova E. A. *Kachestvo zhizni v usloviiakh krizisa: regional'nyi aspekt* [Quality of life in crisis: regional aspect]. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 2016, 232.

12. Mukhacheva A. V., Morozova E. A. Podkhody k tipologizatsii regionov po kachestvu zhizni naseleniia [Region typology approaches by life quality]. *Sibirskaia finansovaia shkola = The Siberian Financial Schoo*l, no. 6 (2014): 34–39.

13. Morozova E. A. *Sotsial'naia zashchita naseleniia: sistemnyi podkhod k analizu i upravleniiu.* Diss. doktora ekon. nauk [Social protection of the population: a systematic approach to analysis and management. Dr. econ. Sci. Diss.]. Kemerovo State Univ. Kemerovo, 2006, 464.

14. Morozova E. A. Sotsial'naia zashchishchennost': sushchnost' i metody izucheniia [Social security: the essence and methods of studying]. *Sotsial'naia politika i sotsiologiia = Social Policy and Sociology*, no. 1 (2006): 143–156.

15. Morozova E. A. *Sotsial'naia zashchita naseleniia: sistemnoe izuchenie* [Social protection of the population: systematic study]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2006, 287.

16. Morozova E. A., Dobrynina A. Iu. Mekhanizmy sotsial'noi zashchity naseleniia regiona [Regional social protection mechanisms]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, no. 1(29) (2012): 235–241.

17. Morozova E. A., Kochneva O. P., Sukhacheva A. V. Kuzbasskii student – 2013 [Kuzbass student – 2013]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik KemGU (2013–2014 uchebnyi god, 2014–2015 uchebnyi god)* [Sociological Yearbook of KemSU (2013–2014 academic year, 2014–2015 academic year)]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet: Sotsiologicheskaia laboratoriia, 2016, 62–120.

18. Morozova E. A. Kachestvo podgotovki kadrov dlia pishchevoi promyshlennosti kak faktor obespecheniia naseleniia prodovol'stvennymi resursami [Quality of food industry personnel training as the factor of providing the population with food resources]. *Tekhnika i tekhnologiia pishchevykh proizvodstv = Food Processing: Techniques and Technology*, 40, no. 1 (2016): 142–149.

19. Kochneva O. P., Morozova E. A. Motivy professional'nogo vybora studentov (na primere Kemerovskoi oblasti) [Motives of professional choice among students (case of the Kemerovo region)]. *Professional'noe obrazovanie i zaniatost' molodezhi: XXI vek. Aktual'nye napravleniia razvitiia sistemy professional'noi orientatsii uchashcheisia molodezhi: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kemerovo, 15–16 marta 2017 g.)* [Vocational education and employment of youth: XXI century. Actual directions of the development of vocational guidance system for students: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (Kemerovo, March 15–16 2017)]. Ed. Blinov V. I., Kasatkina N. E., Kusainov A. K., Ovchinnikov V. A., Pakhomova E. A., Rudneva E. L., Chepkasov A. V., Chistiakova S. N.. Kemerovo: KRIRPO, part 2 (2017): 130–132.

20. Kochneva O. P. K voprosu o probleme professional'nogo vybora molodezhi v period ekonomiki, osnovannoi na znaniiakh (na primere studentov vuzov Kemerovskoi oblasti) [The problem of professional choice of young people in the knowledge-based economy period (as exemplified by Kemerovo region students of higher educational institutions)]. *Rossiiskaia ekonomika znanii: vklad regional'nykh issledovatelei: sbornik statei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Kemerovo, 5–6 oktiabria 2017)* [The Russian economy of knowledge: the contribution of regional researchers: Proc. Russian Sc. Conf. with international participation (Kemerovo, October 5–6 2017). Ed. Zhernov E. E. Kemerovo, part 2 (2017): 205–210.

21. Morozova E. A. Obrazovatel'nye plany starsheklassnikov kak faktor potencial'noi nestabil'nosti rynka truda regiona [Educational plans for high school students as a factor in the potential instability of the labor market in the region]. *Aktual'nye napravleniia razvitiia sistemy professional'noi orientatsii uchashcheisia molodezhi: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kemerovo, 15–16 marta 2017)* [Vocational education and employment of youth: XXI century. Actual directions of the development of vocational guidance system for students: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (Kemerovo, March 15–16 2017)].

Ed. Blinov V. I., Kasatkina N. E., Kusainov A. K., Ovchinnikov V. A., Pakhomova E. A., Rudneva E. L., Chepkasov A. V., Chistiakova S. N. Kemerovo: KRIRPO, part 2 (2017), 53–55.

22. Morozova E. A. Podgotovka kadrov s vysshim obrazovaniem dlia regional'noi ekonomiki: ekspertnoe mnenie rukovodiashchikh rabotnikov vuzov Kemerovskoi oblasti [Training of the university-educated personnel for the regional economy: expert opinion of the executives of Kemerovo Region universities]. *Russian Journal of Management*, 3, no. 2 (2015): 191–198.

23. Morozova E. A. Sovershenstvovanie upravleniia vuzami regiona na osnove analiza mneniia studentov [Improving the management of the regional higher education institutions on basis of the students opinions'' analysis]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis,* no. 6 (2014): 102–109.

24. Morozova E. A., Dobrynina A. Iu. Obrazovatel'nye i professional'nye namereniia kuzbasskikh starsheklassnikov kak faktor formirovaniia kadrovogo potentsiala regiona [Educational and vocational intentions of pupils of the Kuzbass as a factor of formation of personnel potential in the region]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 4-3 (2016): 641–645.

25. Morozova E. A., Pfettser S. A., Sukhacheva A. V. Sotsiologicheskie metody izucheniia korruptsii i bor'by s nei v sisteme obrazovaniia [Sociological methods of corruption studies and eradicating it in education]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad,* no. 3 (2017): 126–136.

26. Biziukov P. V., Birke P., Val'kovoi A. F., Vebster E., Gallas A., Gerasimova E. S., Golovina S. Iu., Zaitseva L. V., Kurennoi A. M., Nurtdinova A. F., Orlovskii Iu. P., Pringl T., Safonov V. A., Skachkova G. S., Tiet'e O., Khiuk N. *Kollektivnye trudovye konflikty: Rossiia v global'nom kontekste* [Collective labor conflicts: Russia in a global context]. Ed. Orlovskogo Iu. P., Gerasimovoi E. S. Moscow: Kontrakt, 2016, 320.

27. Azarova E. G., Antonova N. V., Blagodir A. L., Safonov A. L., Voronin Iu. V., Zakharov M. L., Tuchkova E. G., Roik V. D., Mironova T. K., Putilo N. V., Zhavoronkov R. N., Medvedev A. V., Pudov A. N., Lomakina L. A., Seregina L. V., Korshunova T. Iu., Motsnaia O. V., Gerasimova E. S., Mikhailov A. V., Kuchma M. I., Chesalina O. V. *Sotsial'noe obespechenie: nastoiashchee i budushchee* [Social security: present and future]. Ed. Ju. V. Voronin, M. L. Zaharov. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: Kontrakt, 2017, 284.

УДК 316.422+303.62

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА АГЛОМЕРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ МОДЕРНИЗАЦИИ МОНОГОРОДОВ ЮГА КУЗБАССА

Ольга А. Урбан[1, @1], Наталия В. Демчук[1, @2]

[1] Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, Россия, 654041, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23
[@1] urban-o@yandex.ru
[@2] pyzas@mail.ru

Поступила в редакцию 25.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногород, модернизация, агломерация, качество жизни, кадровый потенциал, экспертный опрос.

Аннотация: Особенность Новокузнецкой агломерации состоит в том, что города (поселения) агломерации относятся к моногородам, для которых ключевой проблемой развития является модернизация экономики на основе инновационной модели. В этой связи актуальной является проблема исследования преимуществ агломерации для решения задач модернизации входящих в ее состав моногородов. В статье данная проблема изучается с позиции эконом-социологического подхода. Предметом исследования стали совокупность условий жизни и качество жизни населения в агломерации как необходимые предпосылки обеспечения модернизации квалифицированными кадрами. С целью оценки социального благополучия населения был проведен анкетный опрос жителей Новокузнецкой агломерации (N=1023), которые выступили в качестве экспертов.
На основе системного анализа результатов опроса условия и качество жизни населения агломерации можно охарактеризовать как внутренне противоречивые. С одной стороны, агломерационные связи позволяют удовлетворить важные потребности населения, для значительной части населения характерны позитивный настрой на будущее, местная идентичность и включенность в различные формы общественно-полезной деятельности. С другой стороны, характеристики качества и условий жизни находятся преимущественно к среднему значению. Это означает, что они не относятся к факторам, которые привлекают квалифицированных специалистов, способных решать инновационные задачи модернизации. Результаты исследования представляют практический интерес для местных властей и руководителей предприятий моногородов. Без роста качества жизни, более полного удовлетворения потребностей населения и роста привлекательности территории как места жительства кадровые проблемы модернизации не решить.

Для цитирования: Урбан О. А., Демчук Н. В. Экспертная оценка агломерационных связей в решении проблем модернизации моногородов юга Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 51–57. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-51-57.

Отраслевые особенности экономики Кузбасса определили концентрацию хозяйственной жизни в моногородах. Исторически вокруг шахт, рудников, металлургических предприятий формировались поселения, которые по мере роста объемов производства трансформировались в города с монопрофильной структурой экономики, где доминирует добыча полезных ископаемых и (или) металлургическое производство с низким переделом. По сути все города в Кемеровской области, за исключением областного центра, относятся к монозависимым. В них проживает 70 % населения, качество и перспективы жизни которого зависят от модернизации экономики моногородов и создания новых рабочих мест в непрофильных (новых) сферах деятельности.

Территориальная близость моногородов, развитые транспортные коммуникации между ними способствовали формированию агломераций вокруг двух административно-промышленных городов – Кемерово и Новокузнецка. Агломерация Новокузнецка (1 320 тыс. человек) превосходит агломерацию областного центра Кемерово (685 тыс. человек) по численности населения и формирует основной угольно-металлургический промышленный потенциал региона. Здесь сосредоточены такие крупные города, как Новокузнецк, Прокопьевск, Киселевск, Междуреченск, а также Мыски, Осинники, Калтан, которые Постановлением Правительства РФ от 29 июня 2014 года № 709 в соответствии с установленными критериями отнесены к моногородам [1]. Для городов Южно-Кузбасской агломерации проблемы ухода от монозависимости особенно актуальны.

При широком употреблении терминов «агломерация» и «модернизация» в научной литературе не сформировалось единого понимания. Авторы статьи опираются на методологические походы к данным явлениям, разработанные в трудах ученых Кемеровского государственного университета [2–7]. Агломерация города – это проявление центростремительного процесса концентрации населенных пунктов вокруг крупного города, который на основе эндогенных или экзогенных факторов превратился в ядро (центр) пространственной структуры.

Города объединены интенсивными производственными, трудовыми, культурно-бытовыми и рекреационными связями, что означает многообразие взаимодействий во всех сферах жизнедеятельности. Это приводит к ежедневной

миграции жителей, которые ездят в соседний город на работу, учебу, культурные, спортивные мероприятия и др. По существу агломерация – это сложно построенный объект, обладающий новым качеством [4, с. 10]. В ядре агломерации сосредоточены технологические, кадровые, инфраструктурные и иные ресурсы для качественного развития периферии. Благодаря агломерационным связям осуществляется эффективное экономическое сжатие территории [8]. Это дает значительный социальный и экономический эффект и способствует решению задач местного значения, общих проблем территории и задач региональной экономики.

В моногороде существует тесная связь между функционированием градообразующего предприятия и социально-экономическими аспектами жизни поселения (уровнем и качеством жизни, состоянием рынка труда, экологией). Для монопрофильной экономики ключевые социальные риски сосредоточены на рынке труда и связаны с высоким уровнем безработицы при изменении конъюнктуры рынка градообразующего предприятия. Существенные негативные последствия мирового экономического кризиса испытали угольные, горнорудные, металлургические предприятия, которые являются градообразующими в моногородах юга Кузбасса. Неслучайно кузбасские города одними из первых вошли в программу поддержки российских моногородов (2010 г.).

Цель модернизации экономики моногородов – не только в преодолении технологического отставания предприятий, обеспечении конкурентоспособности и устойчивого экономического развития территории с привлечением инвестиций в развитие наукоемких отраслей промышленности, деловых услуг, рекреации, в том числе на основе развития малого и среднего предпринимательства. Главная цель модернизации – повышение качества жизни населения и создание комфортных условий проживания в моногородах. Известно, что модернизация экономики, обновление производственного аппарата предприятий во многом зависит от условий, существующих в городе и регионе (наличия научного потенциала, квалифицированных кадров, технологически сложных наукоемких производств, развитой инфраструктуры, готовности населения, бизнеса и власти к новациям и предпринимательской деятельности).

Как следует из понимания городской агломерации, агломерационные процессы формируют общие условия для модернизации моногородов: совместное использование демографического, культурно-образовательного, научного, промышленного потенциала агломерации; формирование единого рынка труда, оптимизация размещения инфраструктурных объектов и др. В этой связи теоретически и практически значимым направлением исследований является изучение взаимосвязи между агломерационными процессами и модернизацией моногородов, образующих агломерацию.

В контексте данного направления с позиции эконом-социологического подхода выделяется проблема кадрового обеспечения модернизации, которое связано не только с наличием квалифицированных и образованных работников, способных решать задачи структурных изменений в контексте инновационной модели экономики, но и с наличием благоприятной экологической и социально-экономической среды проживания в моногородах. Вряд ли перспективные и высококвалифицированные сотрудники согласятся работать там, где отсутствуют комфортные условия и перспективы жизни для них и их семей.

Предметом исследования становится совокупность социально-экономических условий жизни населения агломерации, которые создают предпосылки для социально-культурного развития жителей моногородов, в том числе небольших, более полного удовлетворения их потребностей и в общем для повышения качества жизни. Эти условия влияют на миграционные установки человека. Через их характеристику можно оценить кадровый потенциал модернизации моногорода, структура которого представлена, во-первых, частью экономически активного населения, обладающего компетенциями решать задачи модернизации в соответствии со стратегией регионального развития; во-вторых, кадровым резервом, формируемым прежде всего региональной системой высшего и среднего образования из числа выпускников школ различного типа поселений и городов области.

Таким образом, актуальность исследования субъективных оценок восприятия условий жизнедеятельности населения обусловлена значимостью данных показателей для кадрового обеспечения модернизации и для принятия обоснованных управленческих решений по улучшению качества жизни, удовлетворению потребностей жителей муниципальных образований с монопрофильной структурой экономики, образующих агломерацию. При этом сами агломерационные процессы, возникая естественным образом, становятся самостоятельным объектом управления и средством повышения модернизационного потенциала территории.

В рамках исследовательского проекта «Разработка системы управления социально-экономическим развитием городских агломераций в Кемеровской области» (2015–2016 гг.) (грант РГНФ(р) № 15-12-42003) был проведен опрос с целью изучения степени социального благополучия населения городских агломераций Кемеровской области (N=1720 человек, из них Кемеровская агломерация – 697 человек, Новокузнецкая – 1023 человек). Выборка квотная, стратифицированная по месту, району проживания, ошибка выборки – 5 %, степень уверенности – 0,95. Сроки проведения исследования: июль – ноябрь 2015 года.

Метод исследования – анкетный опрос. Участвующих в опросе жителей можно рассматривать в качестве экспертов, оценивающих социальное благополучие населения в территориальных границах агломерации. Анализ результатов проводился на базе программы SPSS с использованием частотных распределений, таблиц сопряженности признаков, критериев связи переменных, факторного анализа.

В систему показателей субъективной оценки социального благополучия были включены показатели качества жизни и отдельных аспектов качества жизни (удовлетворенность основными аспектами условий жизни: материальным положением, медицинским обслуживанием, образованием, экологией, социальной безопасностью, работой транспорта, возможностями проведения свободного времени, условиями жизни в городе в целом); степень уверенности в завтрашнем дне, возможности улучшения собственного положения в социально-экономической сфере и местная (региональная) идентичность.

Результаты экспертного опроса позволяют сделать выводы относительно качества жизни и совокупности социально-экономических условий жизнедеятельности

населения в Новокузнецкой агломерации, которые составляют модернизационный потенциал территории с точки зрения обеспечения кадрового ресурса модернизации.

Агломерация создает предпосылки для гибкого рынка рабочей силы и удовлетворения многообразных потребностей жителей в развлекательных, культурных, образовательных, медицинских учреждениях. Об этом свидетельствует высокий уровень внутренних контактов жителей агломерации. 88,7 % респондентов часто ездят в соседние населенные пункты не только за получением услуг, покупкой товаров, но и на работу. Совершение поездок в соседние населенные пункты практически не связано с местом проживания (коэффициент сопряженности 0,2). Жители Новокузнецка (ядра агломерации) также часто совершают поездки.

Удовлетворенность социально-территориальных интересов населения агломерации отражает качество жизни, которое жители Новокузнецкой агломерации оценивают на среднем уровне. 46,1 % респондентов оценили качество жизни как среднее или удовлетворительное, 33,2 % – как высокое; 9,1 % – как очень высокое; 6,8 % опрошенных назвали качество жизни низким (таблица 1). В территориальном аспекте ниже других жителей агломерации качество жизни оценивают жители городов Междуреченск, Мыски, Калтан (коэффициент $\gamma \geq 0{,}3$). Средние оценки доминируют и относительно различных аспектов жизнедеятельности. Вместе с тем, по мнению 38 % респондентов, проблемной зоной является уровень медицинского обслуживания, а 25,2 % опрошенных уровень преступности оценивают как высокий и очень высокий (таблица 1). В итоге удовлетворение базовых потребностей в здоровье и безопасности для значительной части населения агломерации находится в зоне риска.

Таблица 1. Оценки составляющих качества жизни жителей Новокузнецкой агломерации
Table 1. Estimates of quality of life components in the Novokuznetsk agglomeration

Уровни оценки	Оценка качества жизни в целом	Оценка качества образования	Оценка уровня медицинского обслуживания	Оценка уровня преступности
Очень низкий /очень плохое	1,2	4,5	11,5	5,6
Низкий / плохое	5,6	11,5	26,5	17,5
Средний / удовлетворительное	46,1	55,3	48,3	43,6
Высокий /хорошее	33,2	18,0	7,9	18,6
Очень высокий / отличное	9,1	1,9	2,4	6,6
Затрудняетесь ответить	4,8	8,9	3,4	8,1

Отмечается относительно высокая степень удовлетворенности транспортной инфраструктурой и развитостью мест отдыха («полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен» выбрали 59,1 % и 67 % респондентов соответственно). При этом экологическая ситуация оценивается скорее негативно («совсем не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен» – 49,3 %), чем положительно («полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен» – 35,1 %). Данный факт свидетельствует о зоне риска в области экологии для удовлетворения базовых потребностей людей. Значимой статистической разницы между оценками отдельных составляющих качества жизни жителями разных городов не выявлено ($x^2, \rho \geq 0{,}05$).

Дисперсионный анализ, отражающий степень влияния нескольких независимых переменных на одну зависимую, выявил на основании сравнения критериев Фишера различный вклад отдельных аспектов качества жизни в общую оценку качества жизни на территории. Большее значение критерия показывает больший вклад отдельного показателя в результирующую переменную. Выделение значимости вклада отдельных показателей в результирующий позволяет сделать выводы о значимости тех или иных сторон жизни для населения.

По критерию Фишера наибольший вклад в оценку качества жизни населения Новокузнецкой агломерации вносят показатели, связанные с ежедневными нуждами человека: удовлетворенность экологической обстановкой (40,9), оценка развитости мест отдыха (30,3), оценка развитости транспортной сети (26,4). Наименьший вклад в оценку качества жизни вносит показатель оценка качества образования (3,5). Данный факт можно объяснить тем, что качество образования как серьезная проблема не актуализировано в сознании респондентов. Оценка качества жизни зависит от самооценки материального положения человека (коэффициент $\gamma \leq 0{,}4$). Более обеспеченные слои населения в основном выше оценивают качество жизни, чем малообеспеченные.

По результатам самооценки материального положения большинство респондентов относится к так называемому базовому слою, когда «денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды» (38,8 %) и «денег хватает, но для покупки товаров длительного пользования (телевизор, холодильник) приходится откладывать» (19,1 %). Доля бедных и малообеспеченных жителей составила 13,2 % («денег хватает только на приобретение продуктов питания» – 9,2 %; «денег не хватает даже на приобретение продуктов питания» – 4 %). Затруднились с ответом 15,4 %. К обеспеченным себя отнесли 13,4 % («денег хватает, чтобы ни в чем себе не отказывать»). Стратификационная структура населения по уровню доходов может создавать риски для развития малого и среднего предпринимательства, сориентированного на удовлетворение потребительского спроса населения.

Удовлетворенность потребностей жителей измерялась по шкале от 1 до 3 (3 балла – полностью удовлетворены, 2 балла – удовлетворены частично, 1 балл – не удовлетворены), степень удовлетворенности оценивалась с помощью

центральной тенденции (среднее значение, мода). Более высокое среднее значение показателя отражает большую степень удовлетворенности потребности. В ходе сравнительного анализа частотных таблиц различий между потребностями населения отмечается сходный характер распределения оценок по разным группам опрошенных, идентичность конфигурации средних оценок в сопоставляемых группах, что означает наличие общих тенденций в потребностях населения.

Данные опроса показывают, что у жителей Новокузнецкой агломерации в целом удовлетворены потребности, связанные с первичными материальными и физиологическими нуждами, потребности в стабильном социальном окружении. Удовлетворены потребности: в пище (среднее значение/мода: 2,52/3) и одежде (2,42/3), потребности в стабильном близком окружении: в семье и детях (2,5/3), в дружных родственниках (2,46/3), в доброжелательных друзьях, соседях, близких знакомых (2,46/3).

Большинство жизненных потребностей населения удовлетворяется лишь отчасти. Основная часть неудовлетворенных или недостаточно удовлетворенных потребностей относятся к группе потребностей, связанных со стабильностью социально-экономической ситуации в обществе: в личной безопасности (2,05/2), в наличии сбережений на «черный день» (1,76/1), в защищенности сбережений и имущества (2,04/2), в защите своих прав (2,06/2), в хороших жизненных перспективах (2,1/2). Значительная часть неудовлетворенных или недостаточно удовлетворенных потребностей являются следствием кризисных явлений в экономике и нестабильной институциональной среды. В действительности подобная ситуация характерна для всего российского общества.

Вместе с тем в оценке будущего у жителей Новокузнецкой агломерации преобладает социальный оптимизм. В той или иной мере уверены в завтрашнем дне 59 % («да, уверен» – 20,3 %; «скорее да, чем нет» – 38,7 %) опрошенных. Затруднились с ответом на данный вопрос 5,2 %. Доля «оптимистов», то есть респондентов, которые считают, что «в ближайшие год-два у них есть возможность повысить уровень жизни, жить лучше и богаче», незначительно, но превышает долю «пессимистов» (44,2 % против 37,6 %).

Эмоциональное отношение к любому объекту, в том числе и будущему, – важная составляющая формирования установки человека на определенный тип поведения. Эмоции придают установке эмоциональную окраску и ориентируют на конкретное действие, которое соответствует субъективным переживаниям. Другими словами, если будущее предстает в сознании как внушающее уверенность, то вероятнее всего человек будет активен, чтобы действительно реализовать такое представление будущего. Разумеется, эмоциональное отношение к будущему формируется и на основе когнитивного измерения установки, то есть имеющихся представлений о самом себе, собственных возможностях, оценке ситуации и др.

Местная (региональная) идентичность, которая в качестве фокуса, объекта отражения имеет географически фиксируемую локальность, место, территорию [9, с. 43], является важным показателем для понимания повседневных социальных практик местного населения и возможного вектора мобилизации общественных усилий: создание условий для уверенного будущего на своей малой родине или поиск этого будущего в другом месте. В этом отношении местная идентичность имеет позитивные и негативные проявления. В составе местной (региональной) идентичности выделяются когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты [9, с. 49]. Регулятивный компонент включает соответствующие способы поведения и социальные практики. При условии осознания своей принадлежности к месту жительства, чувстве привязанности (любви) к ней, отождествления себя, своих интересов с людьми, проживающими на данной территории, действия человека направлены на формирование комфортных условий и позитивного образа места проживания.

В проведенном исследовании сформированность местной идентичности определялась на основе ответов на вопрос о том, какие чувства вызывает у жителей их город (деревня, поселок). У большинства населения Новокузнецкой агломерации (55,4 %) сформирована местная идентичность: «есть все основания любить свой город (деревню, поселок) и гордиться им» – 21,5 %; «в городе (деревне, поселке) есть нерешенные проблемы, но все же вы любите его» – 33,9 %. Почти четверть населения (24,2 %) к своему месту жительства относятся безразлично («не хуже и не лучше других, в нем можно жить»). Выражено и крайне негативное отношение к месту жительства. 5,8 % опрошенных считают, что жизнь в населенном пункте «вызывает больше раздражения, чем удовлетворения», и 2,8 % опрошенных – что их место жительства – «это забытый богом и властями город (деревня, поселок), который все, кто мог, уже покинули». Не определили свое отношение 11,8 % респондентов, которые вряд ли уже конкретизируют свою позицию в терминах любви к месту жительства.

На основании приведенных результатов измерения можно сделать вывод, что население Новокузнецкой агломерации характеризуется средне выраженной местной (региональной) идентичностью, но это и не слабая выраженность. Жители агломерации включены в различные формы социальной активности: 63,3 % опрошенных хотя бы один раз принимали участие в какой-либо общественно-полезной деятельности. 22,8 % опрошенных никогда не участвовали в общественно-полезных мероприятиях, организованных жителями, и 13,9 % затруднились ответить на данный вопрос.

Анализ показателей уверенности в завтрашнем дне, оценки качества жизни населения, возможности повысить свой уровень жизни показал, что существует зависимость между высокими оценками по данным показателям и отношением человека к месту своего проживания (местной идентичностью) (коэффициент $\gamma \leq 0{,}4$). В итоге чем в большей степени человек говорит о своей любви к месту жительства, тем выше он оценивает качество жизни в нем (таблица 2).

Следует отметить наличие зависимости оценок качества жизни от уверенности человека в завтрашнем дне (коэффициент $\gamma \leq 0{,}4$), оценки им своей возможности повысить уровень жизни (коэффициент $\gamma \leq 0{,}4$). Оценка качества жизни также зависит от самооценки материального положения человека (коэффициент $\gamma \leq 0{,}4$). Другими словами, чем выше оценки возможности повысить свой уровень жизни и выше уверенность человека в завтрашнем дне, тем выше оценки качества жизни в населенном пункте, а более обеспеченные слои населения в целом выше оценивают качество жизни, чем малообеспеченные.

Таблица 2. Зависимость отношения к месту проживания от оценки качества жизни в нем, % от числа оценивающих качество жизни
Table 2. Interconnection between the attitude to the place of residence and the evaluation of the quality of life in the area, % of the number assessing the quality of life

Группы респондентов	Любящие город	равнодушные	Нелюбящие город	Затрудняющиеся ответить
Отличное, хорошее	70,8	16,7	3,7	8,8
Удовлетворительное	48	33	9,5	9,5
Плохое, очень плохое	20,3	18,8	37,7	23,3
Трудно сказать	38,8	16,3	2	42,9

Подведем итоги. Особенность городских агломераций в Кемеровской области, в первую очередь Новокузнецкой, состоит в том, что города (поселения) агломерации относятся к типу моногородов, для которых ключевой проблемой развития является модернизация экономики на основе инновационной модели развития [10]. Важными предпосылками данного типа модернизации являются наличие квалифицированных кадров и комфортные, безопасные условия для работы и проживания в моногородах.

Формирование современных городских агломераций с высоким качеством среды обитания позволит замедлить миграцию из моногородов, включая образовательную миграцию выпускников школ, и привлечь квалифицированную рабочую силу из других регионов, что делает такие территории инвестиционно привлекательными.

Оценка качества жизни и совокупности социально-экономических условий жизнедеятельности населения в Новокузнецкой агломерации проведена экспертами, в качестве которых выступили жители агломерации. Результаты опроса неоднозначны.

С одной стороны, в агломерации сформировались необходимые и дополнительные условия для решения задач модернизации экономики моногородов юга Кузбасса. Местная (региональная) идентичность (положительное отношение, любовь, гордость за свое место жительства) может быть оценена как средне выраженная. Существует высокий уровень внутренних контактов, агломерационные связи позволяют удовлетворить важные потребности населения. Жители Новокузнецкой агломерации имеют сформированные и осознанные общие интересы. Однако удовлетворенность социально-территориальных интересов населения агломерации показывает среднюю степень социального благополучия. Качество жизни в целом и удовлетворенность отдельных аспектов качества жизни оцениваются на среднем уровне. При этом уровень социального оптимизма присущ более чем половине населения, которое демонстрируют в большинстве своем включенность в различные формы общественно-полезной деятельности. Однако формы социальной активности, требующие личной инициативы, развиты слабо.

С другой стороны, перечисленные выше характеристики качества и условий жизни находятся преимущественно в серединном значении измерения показателя, что характеризует неустойчивость ситуации, отраженную в оценках респондентов. Негативные события, поводы могут сместить оценку в отрицательную позицию шкалы и оказать влияние на жизненные (профессиональные) планы личности, особенно имеющей конкурентные преимущества на рынке труда.

Таким образом, усилия местных властей моногородов, образующих Новокузнецкую агломерацию, необходимо акцентуировать с учетом агломерационных связей на направлениях, обеспечивающих рост качества жизни, более полное удовлетворение потребностей населения и рост привлекательности территории. В этой связи, как показали результаты опроса, важным является решение экологических проблем территории. Вместе с тем проведение эффективных мер модернизации экономики монопрофильных образований возможно только с опорой на образование. Независимо от оценок общественного мнения в «ядре» Новокузнецкой агломерации следует поддерживать и развивать учебные заведения высшего образования, где осуществляется подготовка кадров для социальной сферы и экономики агломерации в условиях перехода к новой модели экономики. Управленческие решения, которые могут быть трансформированы в реальные долгосрочные инвестиционные проекты и реализованы в моногородах, должны основываться на системной комплексной диагностике потенциала конкретного моногорода с использованием полной и достоверной социологической и статистической информации.

Литература

1. О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: http://base.garant.ru/70707138/ (дата обращения: 18.01.2018).

2. Бабун Р. В. Агломерация городов как объект управления // Регион: Экономика и Социология. 2012. № 2. С. 239–252.

3. Муллагалеева З. З., Шабашев В. А. Теоретико-методологические основы экономической политики городов, образующих агломерацию (на примере городов юга Кемеровской области): монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. 324 с.

4. Шабашев В. А., Зобова Л. Л., Бабун Р. В., Демчук Н. В., Вержицкий Д. Г., Барыльников В. В., Степанов И. Г., Косинский П. Д., Савинцева С. А., Щербакова Л. Н. Городская агломерация: состояние, проблемы, пути развития (на примере Кемеровской области): коллективная монография / отв. ред. В. А. Шабашев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. 179 с.

5. Шабашев В. А., Попова Е. Ю. Модернизация российской экономики: основные направления реализации: понятие, основные направления реализации // Социально-экономические преобразования в России: сборник научных трудов. Кемерово: КемГУ, 2010. Вып. 5. С. 15–26.

6. Шабашев В. А., Барыльников В. В., Медведев Б. Н., Салихов В. А. Исследование особенностей Северо-Кузбасской и Южно-Кузбасской агломераций для обоснования условий перспективного развития региона // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 38. С. 73–81.

7. Zobova L. L., Shabashev V. A. The problem of providing food resources in urban agglomerations (The case study of the Kuzbass agglomeration) // Foods and Raw Materials. 2016. Vol. 4. № 1. P. 186–196.

8. Емельянова Н. В. (Лесюта) Агломерационные процессы и трансформация расселения Сибири // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. С. 263–281. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/analit02.php (дата обращения: 18.01.2018).

9. Головнёва Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.

10. Об утверждении государственной программы Кемеровской области «Экономическое развитие и инновационная экономика Кузбасса» на 2014–2019 годы. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 13.09.2013 № 376. Режим доступа: http://keminvest.ru/media (дата обращения: 18.01.2018).

EXPERT ASSESSMENT OF AGGLOMERATIVE COMMUNICATIONS IN THE SOLUTION FOR MODERNIZATION PROBLEMS IN SOUTHERN KUZBASS MONOTOWNS

Olga A. Urban[1, @1], Natalia V. Demchuk[1, @2]

[1] Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky St., Novokuznetsk, Russia, 654041
[@1] urban-o@yandex.ru
[@2] pyzas@mail.ru

Received 25.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: monotown, modernization, agglomeration, quality of life, personnel potential, expert poll.

Abstract: The Novokuznetsk agglomeration is peculiar in that the towns (settlements) within the agglomeration are all monotowns, and the main development problem of monotowns is economy modernization according to the innovative development model. In this regard, it is important to research the benefits of agglomeration for the solution of modernization problems of the constituent monotowns. The current research features the problem from the position of the economy-sociological approach. The subject of the study is the combination of living conditions and quality of life of the population in the metropolitan area as a necessary prerequisite to ensure the modernization of qualified personnel. Assessment of social welfare was provided by a questionnaire survey among the residents of the Novokuznetsk agglomeration (N=1023), who acted as experts.

A systematic analysis of the survey results shows that the conditions and life quality among the population of the metropolitan area can be characterized as contradictory. On the one hand, agglomeration system provides for the most important needs of the population; a large part of the population displays a positive attitude for the future, local identity and involvement in various forms of socially useful activities. On the other hand, the quality characteristics and living conditions are mainly applied to an average value. This means that these factors do not attract qualified specialists, capable to solve innovative challenges of modernization. The results of the study can be of practical interest for local authorities and heads of the enterprises in monotowns. The problems of modernization cannot be solved unless the quality of life is improved, the needs of the population are provided for and the residential attractiveness of the territory is increased.

For citation: Urban O. A., Demchuk N. V. Ekspertnaia otsenka aglomeratsionnykh sviazei v reshenii problem modernizatsii monogorodov iuga Kuzbassa [Expert Assessment of Agglomerative Communications in the Solution for Modernization Problems in Southern Kuzbass Monotowns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 51–57. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-51-57.

References

1. *O Perechne monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii RF (monogorodov)* [About the List of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns)]. The order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014, № 1398-p (with changes and additions). Available at: http://base.garant.ru/70707138/ (accessed 18.01.2018).

2. Babun R. V. Aglomeratsiia gorodov kak ob»ekt upravleniia [Agglomeration of the cities as object of management]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiia = Region: economics and sociology*, no. 2 (2012): 239–252.

3. Mullagaleeva Z. Z., Shabashev V. A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy ekonomicheskoi politiki gorodov, obrazuiushchikh aglomeratsiiu (na primere gorodov iuga Kemerovskoi oblasti)* [Theoretical and methodological foundations of economic policy of the cities, forming agglomeration (the case of the cities in the South of the Kemerovo region)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009, 324.

4. Shabashev V. A., Zobova L. L., Babun R. V., Demchuk N. V., Verzhitskii D. G., Baryl'nikov V. V., Stepanov I. G., Kosinskii P. D., Savintseva S. A., Shcherbakova L. N. *Gorodskaia aglomeratsiia: sostoianie, problemy, puti razvitiia (na primere Kemerovskoi oblasti)* [City agglomeration: a state, problems, ways of development (on the example of the Kemerovo region)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 179.

5. Shabashev V. A., Popova E. Iu. Modernizatsiia rossiiskoi ekonomiki: osnovnye napravleniia realizatsii: poniatie, osnovnye napravleniia realizatsii [Modernization of the Russian economy: main directions of realization: concept, main directions of realization]. *Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniia v Rossii* [Social and economic transformations in Russia]. Kemerovo: KemGU, Iss. 5 (2010): 15–26.

6. Shabashev V. A., Baryl'nikov V. V., Medvedev B. N., Salikhov V. A. Issledovanie osobennostei Severo-Kuzbasskoi i Iuzhno-Kuzbasskoi aglomeratsii dlia obosnovaniia uslovii perspektivnogo razvitiia regiona [Research of features North and South Kuzbass-Kuzbass agglomerations for substantiation of perspective development of the region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Tomsk State University Journal of Economics*, no. 38 (2017): 73–81.

7. Zobova L. L., Shabashev V. A. The problem of providing food resources in urban agglomerations (The case study of the Kuzbass agglomeration). *Foods and Raw Materials*, 4, no. 1 (2016): 186–196.

8. Emel'ianova N. V. (Lesiuta) Aglomeratsionnye protsessy i transformatsiia rasseleniia Sibiri [Agglomerative processes and transformation of resettlement of Siberia]. *Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiia i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniia* [Compression of social and economic space: new in the theory of regional development and practice of his state regulation]. Moscow: Eslan, 2010, 263–281. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/analit02.php (accessed 18.01.2018).

9. Golovniova E. V. Regional'naia identichnost' kak forma kollektivnoi identichnosti i ee struktura [Regional identity as form of collective identity and its structure]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii = Labyrinth. Magazine of social and humanitarian researches,* no. 5 (2013): 42–50.

10. *Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Kemerovskoi oblasti «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaia ekonomika Kuzbassa» na 2014–2019 gody* [On the approval of the state program of the Kemerovo region «Economic development and innovative economy of Kuzbass» for 2014–2019]. The resolution of Board of Administration of the Kemerovo region, 13.09.2013 No. 376. Available at: http://keminvest.ru/media (accessed 18.01.2018).

УДК 332.132

ВОСПРИЯТИЕ КОНКУРЕНЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РЫНКАХ ФИРМАМИ-ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ

***Светлана Н. Апенько*[1, @1, *], *Сергей А. Мамонтов*[1, @2, *]**

[1] *Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55-а*
[@1] *apenkosn@yandex.ru*
[@2] *mserg61@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: конкуренция, регион, рынок, оценка развития конкуренции.

Аннотация: В статье предложена методика оценки восприятия фирмами-производителями тенденций развития конкуренции на внутрирегиональных потребительских рынках. Конкуренция рассматривается как функция, имеющая многомерный латентный характер, устанавливающая связь между набором аргументов-факторов и набором результатов-последствий развития конкуренции для фирм, которые в свою очередь являются факторами ограничения конкуренции для конечных потребителей. Оценка развития конкуренции для предприятий учитывает влияние нескольких групп факторов, среди которых – барьеры для входа новых предприятий на рынок, ограничения функционирования действующих фирм и факторы потребительского спроса. Источником данных для оценки выступают результаты интернет-опросов фирм-производителей региона. В статье приведены примеры оценок восприятия конкуренции фирмами-производителями на отдельных потребительских рынках омского региона. Результаты оценивания могут использоваться региональными властями при принятии решений о характере и направлениях государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса, функционирующих на внутрирегиональных потребительских рынках; а также могут быть полезны фирмам-производителям при разработке конкурентных маркетинговых стратегий.

Для цитирования: Апенько С. Н., Мамонтов С. А. Восприятие конкуренции на региональных потребительских рынках фирмами-производителями // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 58–66. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-58-66.

Развитие конкуренции на региональных рынках является одним из приоритетных направлений деятельности органов государственного регулирования экономики, свидетельством чему являются, например, «Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации» (2015 г.) [1], многочисленные отраслевые и региональные документы нормативного и управленческого характера, реализация которых направлена на улучшение конкурентной ситуации на рынках. Стандартом предусмотрена ежегодная оценка развития конкуренции в регионе. Эта оценка направлена в том числе на выявление проблемных зон конкуренции, которые обусловлены недостаточным или, наоборот, чрезмерным участием государства в регулировании рынков.

Вопросы оценки конкуренции рассматриваются как в методологическом и теоретическом аспектах (см., например [2–4]), так и в прикладном (см., например [5; 6], а также обзор в [7]). Различные аспекты оценки состояния конкуренции и конкурентной среды рассматривались на круглом столе, организованном Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации совместно с Федеральной антимонопольной службой РФ [8; 9].

Отметим исследование «Состояние потребительского рынка на территории г. Омска» [10]. В нем предложена шкала измерения восприятия уровня конкуренции, которая вместе с классифицирующими вопросами: отрасль, размер предприятия, территориальное расположение и др., – позволила измерить субъективное восприятие конкуренции продавцами (производителями) на разных рынках, территориях города и др.

Фрагмент анкеты измерения уровня конкуренции [10]:

Уровень конкуренции в сфере деятельности вашей организации в настоящее время можно охарактеризовать следующим образом:

0 – конкуренция отсутствует (конкурентов даже не знаем);

1 – конкуренция очень слабая (конкуренты есть, но «не пересекаемся» с ними);

2 – слабая и не растущая конкуренции (с конкурентами изредка сталкиваемся);

3 – конкуренция слабая, но все время растет;

4 – средняя конкуренция (вынуждены учитывать поведение конкурентов);

5 – средняя конкуренция, но все время растет;

6 – стабильно сильная конкуренция (конкурентов много, но их число не увеличивается);

7 – сильная конкуренция и все время растет;

8 – очень сильная конкуренция, с трудом, но боремся;

**** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Омской области, проект № 17-12-55007.***

9 – сильнейшая конкуренция на грани перепрофилирования предприятия;

10 – сильнейшая конкуренция на грани закрытия бизнеса.

В рамках нашего исследования в целях сопоставления оценок восприятия производителями уровня конкуренции мы использовали в опросе эту шкалу. В результате получено следующее распределение (рис. 1).

Отметим некоторые моменты: а) взвешенная средняя оценка восприятия характеризует конкуренцию как среднюю растущую (2014–2015 гг.) и стабильно сильную (2017 г.); б) бимодальность распределения 2014–2015 гг. вызвана, по нашему мнению, периодом проведения исследования [10], который включил в себя известные экономические проблемы конца 2014 г.; в) на рисунке 1 в целях иллюстрации показана оценка в целом на всех потребительских рынках региона, характер распределения несколько, но не значительно, различается в зависимости от отрасли.

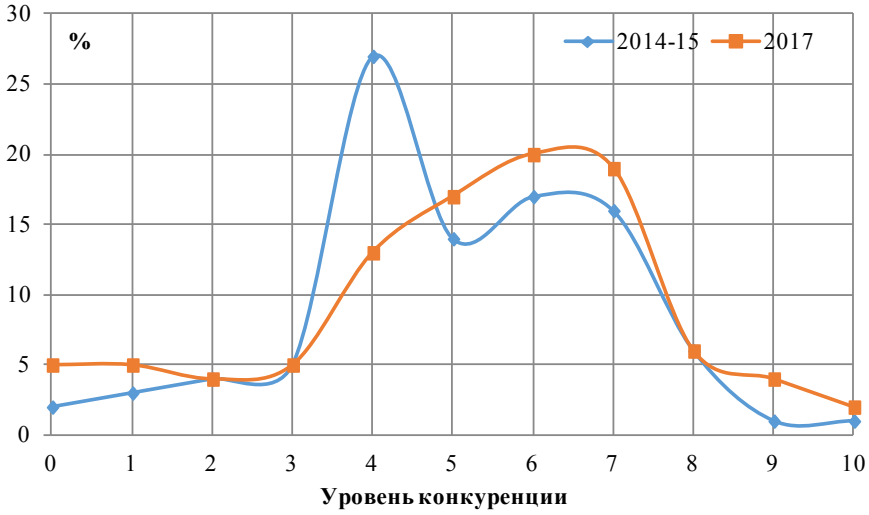


Рис. 1. Восприятие конкуренции производителями товаров и услуг на потребительском рынке г. Омска, % от числа ответивших: 2014–2015 гг. [10], 2017 г. – получено авторами

Fig. 1. Perception of competition by manufacturers of goods and services in the consumer market of Omsk, % of the number of respondents: 2014-2015. [10], 2017 – data obtained by the authors

Близость форм распределений косвенно свидетельствует об адекватности предложенной шкалы восприятия уровня конкуренции. В то же время получаемая оценка не отражает возможного влияния факторов конкуренции, которые могут носить противоположный характер, нивелируя друг друга и тем самым не влияя на общую оценку восприятия конкуренции.

Оценивание конкуренции приводит к необходимости рассмотрения интересов различных участников рынка (рис. 2). Например, для производителей продукции усиление конкуренции между ними приводит к необходимости снижения цен и/или увеличению затрат на неценовые формы конкуренции, инновации. Для потребителей товаров и услуг более высокий уровень конкуренции среди производителей скорее позитивен: развитие конкуренции при прочих сопоставимых условиях означает снижение цен, борьбу продавцов за потребителей, в т. ч. путем расширения возможностей выбора продукции, улучшения ее качества и т. д.

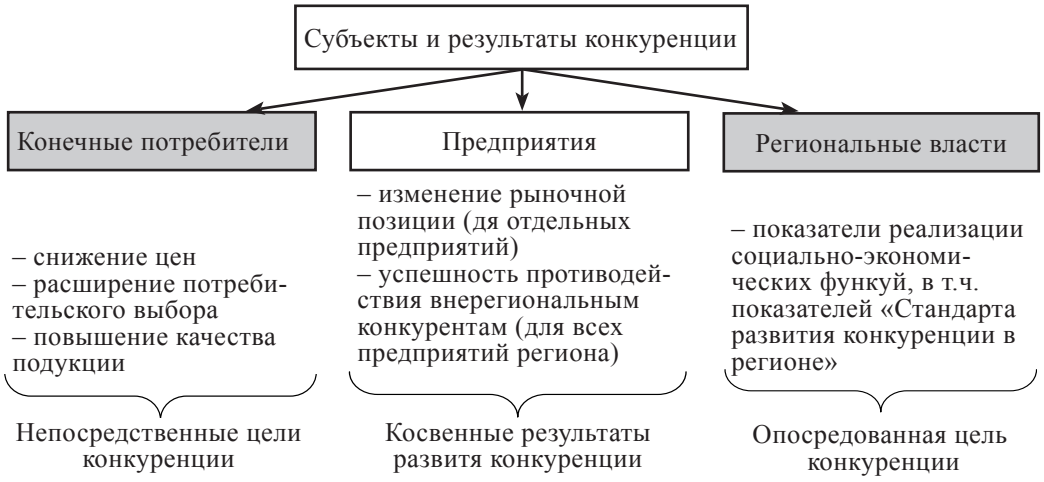


Рис. 2. Декомпозиция сущности рыночной конкуренции на региональном потребительском рынке (фрагмент)

Fig. 2. Decomposition of the essence of market competition on the regional consumer market (fragment)

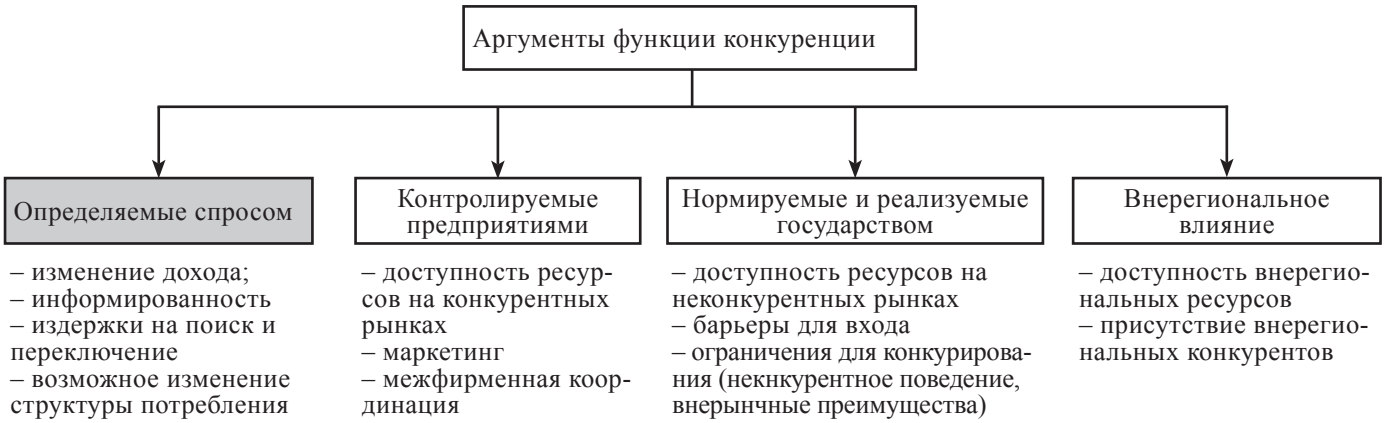


Рис. 3. Аргументы функции конкуренции
Fig. 3. Arguments of competition function

Рассматривая конкуренцию как зависимость (функцию, имеющую многомерный латентный характер) между набором аргументов (условий, факторов) и набором результатов, можно предложить следующий агрегированный набор аргументов (рис. 3). На рисунке аргументы, непосредственно контролируемые предприятиями или косвенно влияющие на производство, выделены светлыми прямоугольниками.

Оценка значений аргументов на основании объективных данных (показателей предприятий, статистических показателей, показателей обращений в надзорные органы) носят, как показано в [7], весьма ограниченный характер, что связанно, прежде всего, с проблемами выделения границ рынка и высокой степенью диверсифицированности многих предприятий на потребительском рынке. Поэтому в качестве источника данных по блокам «Контролируемые предприятием», «Нормируемые и реализуемые государством» и «Внерегиональное влияние» используем результаты опросов предпринимателей. Приведем фрагмент схемы операционализации отдельных элементов модели восприятия субъектами-производителями конкуренции на потребительских рынках региона: нумерация вопросов – по оригиналу анкеты.

6. Согласны ли Вы со следующими утверждениями?

Варианты ответов (шкала Лайкерта для каждого варианта имеет 5 градаций):

– На рынке имеется неудовлетворенный спрос.

– Зайти на рынок новое предприятие может без финансовой поддержки государства.

– Бюрократические процедуры – это главное препятствие для создания нового предприятия.

7. Расположите основные препятствия для открытия нового предприятия по силе их негативного влияния (чем проблемнее препятствие, тем выше оно должно быть в списке (в электронном опросе использовались возможности перемещения вариантов ответа)) (ранговая шкала).

– Слабый спрос на продукцию.

– Необходимость значительного стартового капитала.

– Сложность в покупке или аренде площадей.

– Сложности в приобретении оборудования.

– Сложности подключения к коммуникациям (электричество, вода и т. д.).

– Проблемы с подбором квалифицированных кадров.

– Бюрократические препятствия (документы, подписи и т. д.).

– Коррупционные явления.

10. Какие из проблем являются наиболее острыми для вашего предприятия?

Варианты ответов (шкала Лайкерта для каждого варианта имеет 3 градации):

– Конкуренция со стороны внешних (внерегиональных) участников:

• добросовестная ценовая конкуренция;

• добросовестная конкуренция качества.

– Давление конкурентов посредством рекламы и агрессивного маркетинга.

– Использование конкурентами коррупционных связей для получения преимуществ.

13. Если деятельность органов власти способствует развитию конкуренции, то в чем это проявляется?

Укажите от 1 до 3-х наиболее значимых вариантов ответа.

– Информационная и консультационная поддержка.

– Субсидии и иная прямая финансовая поддержка.

– Пресечение недобросовестной конкуренции.

– Сдерживание цен монополистов.

– Привлечение к частно-государственному партнерству.

– Облегчение бюрократических процедур при создании предприятий.

– Уменьшение давления со стороны контролирующих органов.

– Обеспечение равного доступа к государственным закупкам.

14. Если деятельность органов власти, наоборот, мешает развитию конкуренции, то в чем это проявляется?

Укажите от 1 до 3-х наиболее значимых вариантов ответа.

– Деятельность власти создает условия для недобросовестной конкуренции.

– Излишнее давление со стороны контролирующих органов.

– Создание неравного доступа к государственным закупкам.

– Необоснованно высокие барьеры для открытия предприятий.

16. Что, по Вашему мнению, будут предпринимать производители продукции на вашем рынке в обозримой перспективе по мере ужесточения конкуренции?

Варианты ответов (шкала Лайкерта для каждого варианта имеет 5 градаций):

– Снижать цены.

– Расширять ассортимент продукции.

– Повышать качество продукции.
– Снижать себестоимость, экономя на всем.
– Внедрять производственно-технологические инновации.
– Разрабатывать новые продукты.
– Маркетинговые инновации.
– Искать новые сегменты на своем рынке.
– Искать новые географические рынки.
– Уходить с рынка.

17. Взаимодействует ли ваше предприятие со своими прямыми конкурентами?

Один вариант ответа в каждой строке из альтернатив: Никогда, Периодически, Постоянно, Затрудняюсь.

– Для ведения совместной производственной деятельности.
– Для взаимовыгодного обмена информацией.
– Нет, не взаимодействуем, но собираем и учитываем информацию о них.

19. Как Вы считаете, для Вашего предприятия конкуренция позволит:

Варианты ответов (шкала Лайкерта для каждого варианта имеет 5 градаций).

– Повысить эффективность производства.
– Занять более выгодную нишу.
– Увеличить долю рынка.

20. Считается, что конкуренция благоприятна для потребителей. Как отразится на потребителях вашего рынка усиление конкуренции между производителями?

– Снизятся цены на товары и услуги.
– Расширится выбор продукции.
– Улучшится качество продукции.

В основе схемы находятся следующие составляющие, общее содержание которых показано ранее (см. рис. 2) и конкретизированное для целей опроса во фрагменте схемы операционализации:

1) Результаты конкуренции для организаций являются в то же время условиями ограничения конкуренции с точки зрения потребителей. Вопрос анкеты, позволяющий получить декомпозицию соответствующей оценки, – вопрос 19, вопрос 10 – п. 1.

2) Факторы (аргументы) конкуренции для предприятий и организаций, предложенные ранее (см. рис. 3), декомпозированы и/или при необходимости интегрированы в следующих вопросах анкеты:

– факторы, «определяемые спросом»: вопрос 6 – п. 2;
– факторы, «контролируемые предприятием»:
• доступность ресурсов на конкурентных рынках (зависящая лишь от финансовых возможностей компании): вопрос 6 – п. 4; отметим, что доступность ресурсов на неконкурентных (монополизированных) рынках в рамках нашей модели зависит также от характера государственного регулирования таких рынков;
• маркетинг: вопрос 16 – все пункты;
• кооперация и координация: вопрос 17 – все пункты; данный вопрос оценивает характер взаимоотношений между организациями – потенциальными конкурентами (таблица);
– факторы, «нормируемые и реализуемые государством»:
• доступность ресурсов на неконкурентных рынках: вопрос 13 – п. 4 (детализация этого вопроса предусмотрена и в других вопросах анкеты, но в рамках данного отчета не приведена);
• барьеры для входа: вопрос 14 – п. 4;
• ограничения на конкурирование: вопрос 6 – п. 5; вопрос 7 – п. 7; вопрос 13 – пункты 1–3, 5–8; вопрос 14 – пункты 1–3;
– факторы внерегионального влияния в рамках проекта исследовались косвенно (вопрос 18 – п. 3).

3) Обобщенное восприятие уровня конкуренции за потребительский спрос отражается в распределении ответов организаций-респондентов на вопрос анкеты.

4) Для целей оценки восприятия предпринимателями последствий развития конкуренции для конечных потреби-

Таблица. Типы взаимоотношений между компаниями (по Г. Б. Клейнеру [8], структурировано)
Table. Types of relationships between companies (according to G. B. Kleiner [8], structured)

Характер взаимодействия	Безразличие	Конкуренция	Контактирование	Копродукция	Кооперация	Координация	Коэволюция	Консолидация
Наличие (+) или отсутствие (–) функциональных взаимодействий субъектов, т. е. взаимодействий в ходе их производственно-хозяйственной деятельности.	–	–	–	+	+	+	–	+
Наличие (+) или отсутствие (–) информационных взаимодействий субъектов, обмен текущей (ситуационной) информацией.	–	–	+	–	+	–	+	+
Учет (+) отсутствие учета (–) информации о долгосрочных намерениях и интересах субъектов.	–	+	–	–	–	+	+	+

телей и последующего сопоставления этой оценки с соответствующей оценкой развития конкуренции самими конечными потребителями в анкету включен вопрос 20.

Конечно, в анкету включены и классифицирующие вопросы (отрасль, размер предприятия, территориальное расположение и др.).

Реализация опроса была выполнена в течение октября – декабря 2017 года в Омской области в форме интернет-опроса. Опрос явился частью более широкого исследования, направленного на многоаспектную оценку развития конкуренции в регионе. Количество организаций, участвовавших в опросе, составило более 500. Опрос носил анонимный характер. Информация о проведении опроса распространялась через региональные организации, образующие инфраструктуру поддержки малого и среднего предпринимательства при поддержке Министерства экономики Омской области и Министерства образования Омской области; комитета по образованию, науке, культуре и молодежной политике; через другие каналы распространения информации.

Отметим, что сложившаяся фактическая структура респондентов не соответствовала структуре распределения численности организаций в регионе, что обусловлено характером организации опроса, когда репрезентативность оценивалась по факту участия респондентов в опросе в соответствии с требованиями квотной выборки (по отрасли и территориальному образованию). Это обусловило следующие особенности результатов: а) оценка восприятия конкуренции осуществлялась по отдельным отраслям с учетом их структурированности по территории расположения; б) для получения в последующем интегральной оценки развития конкуренции во всех включенных в исследование сферах проводится процедура взвешивания оценок исходя из структуры распределения организаций. В качестве весовых коэффициентов можно использовать данные о структуре ВРП.

Приведем некоторые наиболее показательные оценки восприятия.

На рисунке 4 показаны результаты соотнесения сфер деятельности и причин, которые, по мнению респондентов, препятствуют вхождению на рынок новых организаций и, как следствие, развитию конкуренции в регионе. Анализ выполнен в системе Statistica методом анализа соответствий (Correspondence Analysis).

Отметим явно проявляющиеся особенности:

– наиболее значимым фактором развития конкуренции на рынке услуг здравоохранения является наличие специалистов («кадры»);

– коррупционные и бюрократические проявления – наиболее значимый фактор при входе на рынок услуг (за исключением образовательных и услуг здравоохранения);

– для рынка образовательных услуг дополнительным к вышеуказанным является фактор «площади»;

– для сферы производства – факторы спроса, наличие стартового капитала, оборудования; похожая ситуация – в сфере торговли.

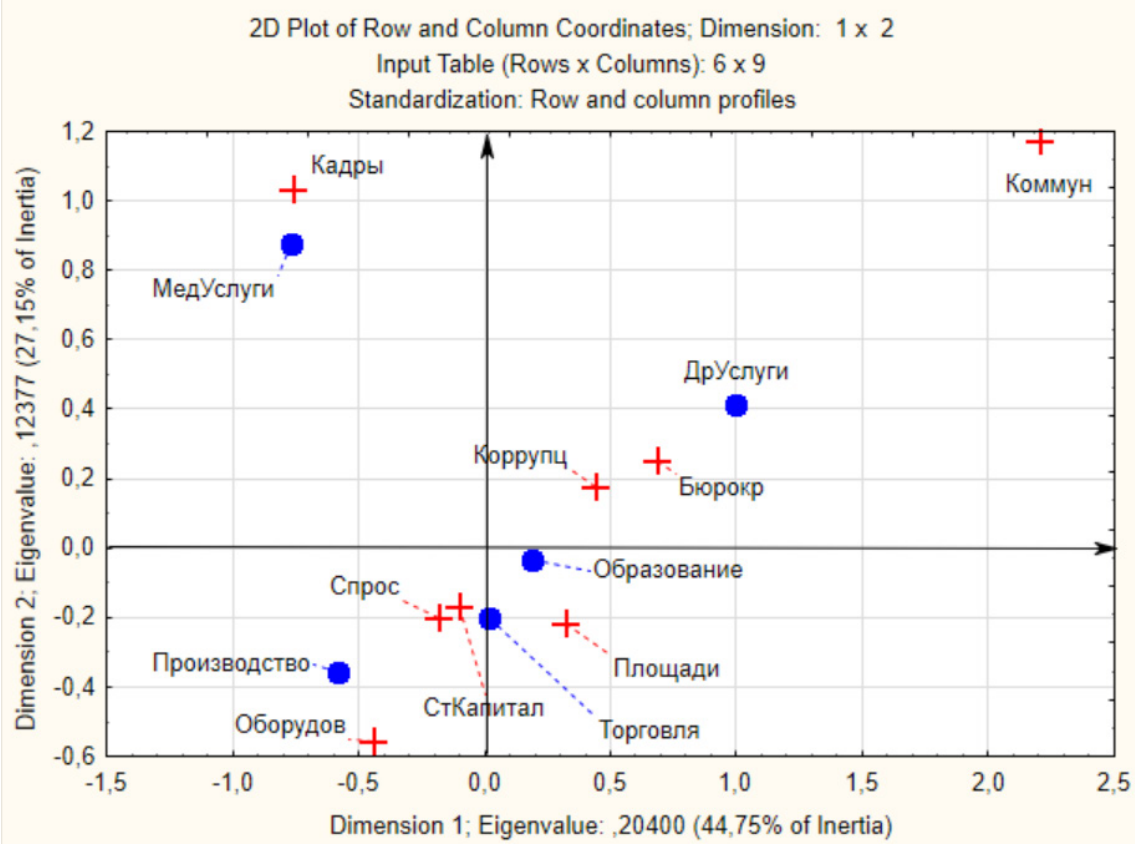


Рис. 4. Карта соответствий сфер/отраслей деятельности (обозначены символом «О») и препятствий для вхождения в отрасль новых организаций (препятствия обозначены символом «+»)

Fig. 4. Correspondence map of spheres / industries (marked with the symbol «O») and obstacles for new organizations trying to enter the industry (obstacles are indicated by the symbol «+»)

Далее для сравнения приведем оценки восприятия конкуренции в двух отраслях, являющихся в чем-то противоположностями друг другу: а) медицинские и социальные услуги, б) сфера производства, в т. ч. сельскохозяйственного. В ходе исследования проводилась также оценка восприятия конкуренции на других рынках, отнесенных Стандартом [1] к приоритетным для регионов.

А. Организации, оказывающие медицинские услуги, ожидают, что развитие конкуренции в отрасли будет способствовать повышению эффективности деятельности (около 70 % респондентов), возможно, занятию более выгодной рыночной ниши (около 50 %). В то же время мнения по поводу возможного увеличения рыночной доли организации разделились (рис. 5).

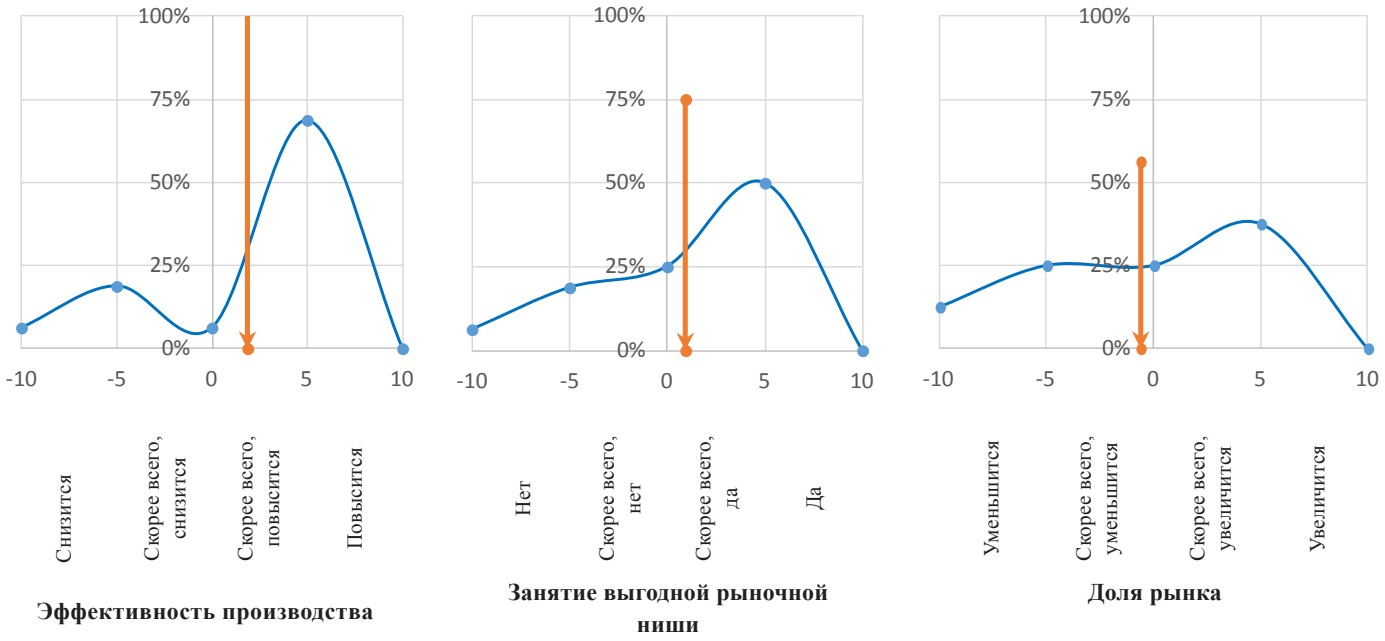


Рис. 5. Ожидания от развития конкуренции в отрасли организаций, оказывающих медицинские услуги
Fig. 5. Expectations from the development of competition in the industry of organizations providing medical services

Предприятия данной сферы достаточно серьезно воспринимают конкуренцию со стороны соответствующих организаций других регионов: почти половина отмечают ее как проблему, а 18 % от общего количества – как очень острую проблему.

Мнение респондентов относительно насыщенности рынка медицинских и социальных услуг разделилось почти пополам. Отметим, что попытка выделить причину такого различия по параметрам, используемым в опросе, не выявила таких различий. По нашему мнению, это является следствием широкого диапазона оказываемых услуг.

Большинство респондентов (около 50 %) считают необходимой финансовую поддержку государства при входе на рынок новых предприятий отрасли, около 35 % указали на отсутствие такой необходимости.

Основными средствами конкурентного соперничества по мере усиления конкуренции, по мнению организаций сферы медицинских и социальных услуг, являются: маркетинг, инновации, повышение качества, расширение ассортимента и расширение географии присутствия на рынке. В то же время снижение затрат и ценовая конкуренция не предполагается, так же как и уход с рынка (рис. 6).

Организации периодически взаимодействуют с потенциальными конкурентами по вопросам совместной (возможно, сопряженной или взаимодополняющей) производственно-технологической деятельности и осуществляют взаимовыгодный обмен информацией. Более половины опрошенных постоянно или периодически ведут наблюдения, возможно, маркетинговые исследования конкурентов, не взаимодействуя с ними.

Б. Производственные и сельскохозяйственные организации в среднем скептически относятся к последствиям развития конкуренции. Около половины ожидают, что развитие конкуренции в отрасли не приведет к повышению эффективности деятельности, в то же время около 25 % считают это возможным следствием конкурентного соперничества. Конкуренция, по мнению респондентов, скорее всего, не приведет к занятию более выгодных рыночных ниш. Мнение по поводу возможного увеличения рыночной доли также негативное: большинство считает, что рыночные доли участников будут уменьшаться.

Предприятия данной сферы серьезно воспринимают конкуренцию со стороны соответствующих организаций других регионов: половина отмечают ее как проблему, а 33 % от общего количества – как очень острую проблему.

Предприниматели считают, что рынок в целом еще не насыщен продукцией. Так считает более половины респондентов, в то же время около 30 % считают, что насыщение уже наступило или близко к нему.

Мнения предпринимателей о необходимости государственной финансовой поддержки новых предприятий разделились (рис. 7). Фильтрация данных по параметру «месторасположение предприятия» позволило выявить, что такое расхождение ответов вызвано именно этим обстоятельством. Так, около 90 % предпринимателей области, функционирующих вне областного центра, считают финансовую поддержку для вновь создаваемых предприятий необходимой (рис. 8).

Предприятия данных рынков не отдают явного предпочтения средствам конкурентного соперничества (за исключением некоторой значимости условного «повышения качества») по мере усиления конкуренции (рис. 9). В то же самое время можно отметить, что в наименьшем приоритете находятся продуктовые инновации, расширение ассортимента и сегментирование рынка. Несколько приоритетнее – средства ценового соперничества, географического расширения и маркетинга. Причем, судя по всему, маркетинг (при низком показателе готовности к сегментированию рынка) понимается предприятиями, скорее всего, в самом поверхностном проявлении. На наш взгляд, струк-

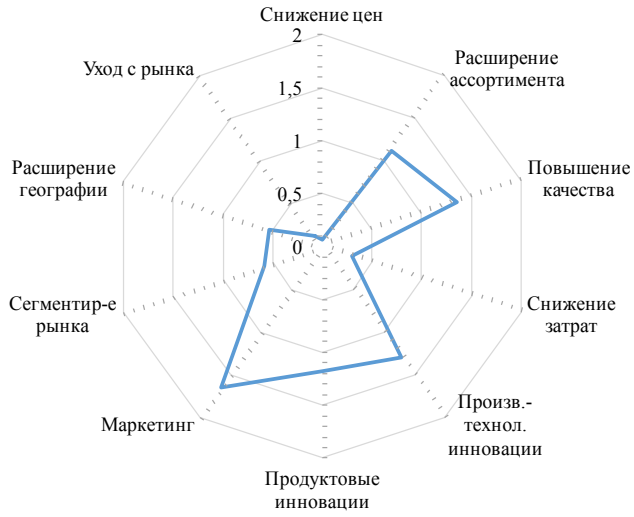


Рис. 6. Средства конкурентной борьбы, предполагаемые организациями сферы медицинских и социальных услуг в ходе усиления конкуренции в отрасли
Fig. 6. Means of competition, proposed by health and social services organizations in the course of strengthening competition in the industry

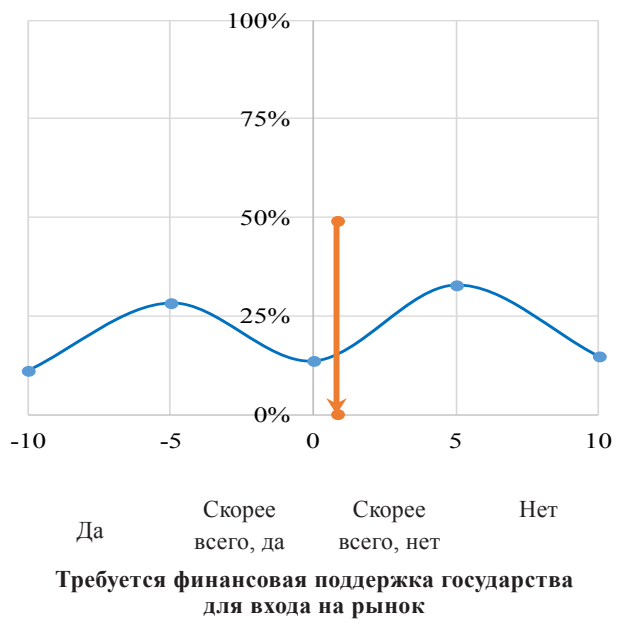


Рис. 7. Мнения предпринимателей по вопросу о возможности входа в отрасль новых организаций без финансовой поддержки государства (в среднем по региону)
Fig. 7. Opinions of entrepreneurs on the following issue: can a new organization enter the industry without financial support from the state (on average in the region)?

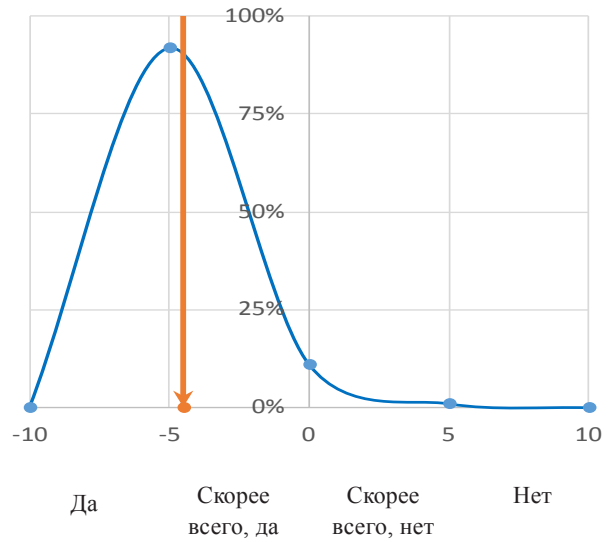


Рис. 8. Мнение предпринимателей, работающих вне областного центра, о входе в отрасль новых организаций без финансовой поддержки государства
Fig. 8. Opinion of entrepreneurs working outside the regional center, on possibilities for a new organization to enter the industry without financial support from the state

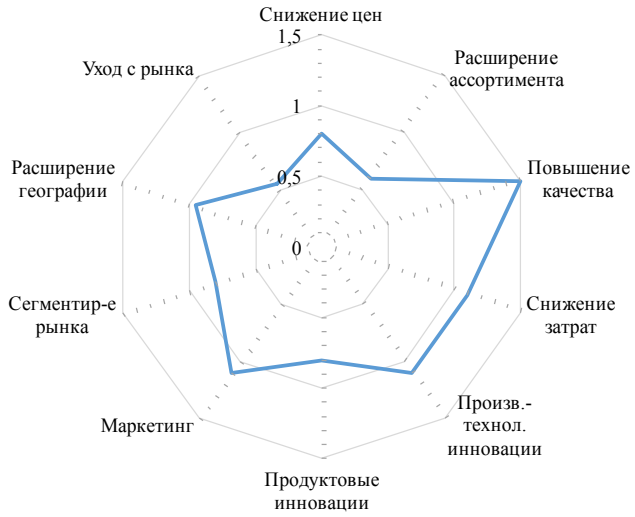


Рис. 9. Средства конкурентной борьбы, которые предполагают использовать организации производственной сферы в ходе усиления конкуренции в отрасли
Fig. 9. Means of competition that involve the use of production organizations in the course of strengthening competition in the industry

тура средств конкурентной борьбы свидетельствует об определенном консерватизме участников или, возможно, о нацеленности на относительно стабильную позицию организации на рынке.

Таким образом, реализация предложенной модели оценки восприятия конкуренции позволяет формировать комплекс многоплановой информации по отраслям (рынкам, территориям и т. д.) в целях информационной поддержки принятия решений по вопросам государственной поддержки организаций, функционирующих на внутрирегиональных потребительских рынках; а также при принятии маркетинговых конкурентных решений фирмами-производителями.

Литература

1. Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. Утвержден распоряжением Правительства РФ от 5 сентября 2015 г. № 1738-р.
2. Porter M. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. 2nd ed. New York: Free Press, 1998. 397 p.
3. Гордеев В. А. Конкуренция и её развитие: монография. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. 299 с.
4. Волков А. В., Светуньков С. Г. Методологические проблемы измерения конкуренции // Современная конкуренция. 2013. № 6. С. 54–64.
5. Авдашева С. Б., Шаститко А. Е., Кузнецов Б. В. Конкуренция и структура рынков: что мы можем узнать из эмпирических исследований о России // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4. С. 3–22.
6. Инструментарий для оценки воздействия на конкуренцию. Том I: Принципы. Версия 2.0. Организация экономического сотрудничества и развития. OECD 2011. Режим доступа: http://www.oecd.org/daf/competition/49167036.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
7. Апенько С. Н., Мамонтов С. А. Методологические основы оценки развития конкуренции на региональных потребительских рынках // Фундаментальные исследования. 2017. № 11-1. С. 176–184.
8. Круглый стол «Вопросы теории конкуренции» // Современная конкуренция. 2010. № 3. С. 4–37.
9. Стенограмма круглого стола «Оценка состояния конкуренции и конкурентной среды» // Современная конкуренция. 2014. № 2. С. 3–38.
10. Мамонтов С. А., Шляпина Ю. В. Обобщенные результаты исследования потребительского рынка города Омска // Наука XXI века: тенденции и перспективы: сборник материалов II Международной научной конференции, 15 сентября 2015 года / под общ. ред. д-ра экон. наук, профессора А. И. Барановского. Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2015. Т. 1. С. 89–97.

THE COMPETITION DEVELOPMENT PERCEPTION ON REGIONAL CONSUMER MARKETS BY MANUFACTURING COMPANIES

***Svetlana N. Apenko*[1, @1, *], *Sergey A. Mamontov*[1, @2, *]**

[1] *Dostoevsky Omsk State University, 55a, Mira Ave., Omsk, Russia, 644077*
[@1] *apenkosn@yandex.ru*
[@2] *mserg61@mail.ru*

Received 01.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: competition, region, market, assessment of competition development.

Abstract: The article provides methodology to evaluate competition development perception on regional consumer markets by manufacturing companies. Competition is being treated as a function with a multi-dimensional latent character, connecting a set of factors-arguments and a set of consequences-results of competition development for companies, which are, in their turn, factors of competition limitation for end-up customers. This evaluation takes into account several groups of factors, including market entry barriers for new companies and operability restrictions for operating companies, and also factors of consumers demand. The evaluation data originate from results of internet-polls conducted among some regional manufacturing companies. The article provides examples of evaluation of competition perception on certain consumer markets of the Omsk region. The results of evaluation 1) may be used by regional authorities making decisions on type and direction of state support for small and medium-sized enterprises on inter-regional consumer markets; 2) are useful for manufacturing companies developing competitive marketing strategies.

**** This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, the Government of the Omsk Region, Project No. 17-12-55007.***

For citation: Apenko S. N., Mamontov S. A. Vospriiatie konkurentsii na regional'nykh potrebitel'skikh rynkakh firmami-proizvoditeliami [The Competition Development Perception on Regional Consumer Markets by Manufacturing Companies]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 58–66. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-58-66.

References

1. *Standart razvitiia konkurentsii v sub»ektakh Rossiiskoi Federatsii* [The standard of development of competition in the subjects of the Russian Federation]. Approved by the order of the Government of the Russian Federation of September 5, 2015 No. 1738-r.

2. Porter M. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. 2nd ed. New York: Free Press, 1998, 397.

3. Gordeev V. A. *Konkurentsiia i ee razvitie* [Competition and its development]. Iaroslavl': Izd-vo IaGTU, 2008, 299.

4. Volkov A. V., Svetun'kov S. G. Metodologicheskie problemy izmereniia konkurentsii [Methodological problems of measuring competition]. *Sovremennaia konkurentsiia = Journal of Modern Competition*, no. 6 (2013): 54–64.

5. Avdasheva S. B., Shastitko A. E., Kuznetsov B. V. Konkurentsiia i struktura rynkov: chto my mozhem uznat' iz empiricheskikh issledovanii o Rossii [Competition and the structure of markets: what can we learn from empirical research on Russia]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*, 4, no. 4 (2006): 3–22.

6. *Instrumentarii dlia otsenki vozdeistviia na konkurentsiiu. Tom I: Printsipy. Versiia.2.0. Organizatsiia ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiia* [Toolkit for assessing the impact on competition. Vol. I: Principles. Version 2.0. Organization for Economic Cooperation and Development]. OECD 2011. Available at: http://www.oecd.org/daf/competition/49167036.pdf (accessed 15.01.2018).

7. Apenko S. N., Mamontov S. A. Metodologicheskie osnovy otsenki razvitiia konkurentsii na regional'nykh potrebitel'skikh rynkakh [Methodological bases of an estimation of development of a competition in the regional consumer markets]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental researches*, no. 11-1 (2017): 176–184.

8. Kruglyi stol «Voprosy teorii konkurentsii» [Round table «Problems of the theory of competition»]. *Sovremennaia konkurentsiia = Journal of Modern Competition*, no. 3 (2010): 4–37.

9. Stenogramma kruglogo stola «Otsenka sostoianiia konkurentsii i konkurentnoi sredy» [Transcript of the round table «Assessment of the state of competition and competitive environment»]. *Sovremennaia konkurentsiia = Journal of Modern Competition*, no. 2 (2014): 3–38.

10. Mamontov S. A., Shliapina Iu. V. Obobshchennye rezul'taty issledovaniia potrebitel'skogo rynka goroda Omska [Generalized results of the research of the consumer market of the city of Omsk]. *Nauka XXI veka: tendentsii i perspektivy: sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 15 sentiabria 2015 goda* [Science of the XXI century: trends and prospects: Proc. II Intern. Sc. Conf., September 15, 2015]. Ed. Baranovsky A. I. Omsk: Izd-vo ANO VPO «Omskii ekonomicheskii institut», vol. 1 (2015): 89–97.

УДК 332.145 / 352/354-1

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЯЕМОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ МОНОГОРОДА

***Андрей Н. Важдаев*[1, @1], *Артур А. Мицель*[1, 2, @2]**

[1] *Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета, 652055, Россия, г. Юрга, ул. Ленинградская, 26*
[2] *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40*
[@1] *vazhdaev@tpu.ru*
[@2] *maa@asu.tusur.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногород, группа стратегий, мезофактор, микропоказатель, управление городом.

Аннотация: В представленной статье рассматривается решение задачи управляемого воздействия на развитие экономики моногорода за счёт малого предпринимательства путём использования специализированных методов управления. Уделяется внимание текущей ситуации в монозависимых городах РФ и рассмотрены существующие подходы к решению социально-экономических проблем в них. Авторы исследования предложили свой подход к решению социально-экономических проблем в моногородах. Данный подход базируется на основе использования группы стратегий управления мезофакторами города и микропоказателями малого бизнеса, функционирующего на его территории. В статье приводится описание каждой группы стратегий как с позиции городской администрации, так и со стороны бизнеса. В своих ранних исследованиях авторы доказали существование значимой корреляционной связи между социально-экономическими показателями моногорода и агрегированными экономическими индикаторами малого бизнеса. Исследование проводилось на основе анализа статистических показателей более 400 малых компаний моногорода Юрга за период с 2007 по 2016 гг. В статье приводятся соответствующие выводы о возможности применения вышеописанных стратегий как в масштабах всего моногорода, так и по отношению к отдельным отраслям городской экономики.

Для цитирования: Важдаев А. Н., Мицель А. А. Стратегия управляемого воздействия на развитие экономики моногорода // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1.С. 67–73. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-67-73.

Ситуация в моногородах РФ

Проблема поддержки моногородов встала остро после очередного обострения экономического кризиса в 2014 г. и существенного сокращения финансирования из федерального бюджета [1]. По мнению И. В. Манаева [2], негативный тренд развития моногородов в РФ вызван существующими диспропорциями в их экономических процессах. Это стало одной из причин того, что в текущий кризис государство приняло решение кардинально изменить способы поддержки моногородов путём их перепрофилирования и привлечения внешних инвесторов [1].

По мнению А. И. Лыткина, судьба большинства моногородов зависит, с одной стороны, от государственной политики, с другой стороны – от состояния градообразующих предприятий [3]. Моногород представляет собой сложную организационную структуру [4; 5]. Однако, как считает И. В. Афонин, у городских властей отсутствуют реальные рычаги управления градообразующим предприятием [6].

Правительство непрерывно осуществляет мониторинг социально-экономической ситуации в моногородах – опросы проводятся, в том числе с участием такой силовой структуры, как Федеральная служба охраны (ФСО) [1]. Все собранные данные поступают в Министерство экономического развития РФ, которое использует их для подготовки докладов о ситуации в моногородах для президента и правительства. Так, опрос в декабре 2015 г. проводился в 201 населенном пункте, и в нём приняли участие 55600 человек [1]. Тогда 60 % опрошенных жителей назвали социально-экономическое положение своего моногорода «нетерпимым» или «терпимым с трудом»; 5 % считали, что живут за чертой бедности; и порядка 36 % горожан говорили о том, что найти хорошую работу в их городе почти невозможно. Такие опросы ФСО необходимы для более глубокого понимания проблем, сложившихся в моногородах РФ [1]. При этом данные ФСО часто отличаются от данных других опросов, так как в них нет преуменьшения или преувеличения масштаба существующих проблем.

В то же самое время, несмотря на все усилия руководства страны, безработица в моногородах растёт, и, чтобы не допустить социального взрыва, в них необходимо создать порядка 336 тыс. новых рабочих мест [7]. Такие выводы вытекают из расчётов Фонда развития моногородов (ФРМ), который определил, что на градообразующем предприятии должно работать не более 20 % от трудоспособного населения города. В противном случае зависимость моногорода от головного предприятия остаётся слишком сильным. При этом по состоянию на середину 2016 г. (в среднем по всем моногородам РФ) на градообразующем предприятии работало около 23 % занятого населения города (по данным ФРМ).

Большинство авторов, в том числе и В Е. Рохчин, сходятся во мнении о существовании проблемы разработки научных подходов к реструктуризации экономики моногородов с последующей разработкой на их платформе практических рекомендаций для городских администраций.

Поэтому цель данной работы – описание возможной методики формирования рекомендаций по решению социально-экономических проблем в отдельно взятом моногороде [8].

Существующие подходы к решению проблем в моногородах

Обратимся к зарубежному опыту, в котором также существует проблема моногородов, хотя и не в таком масштабе, как в РФ. Например, при решении аналогичных проблем в Европе в первую очередь занимаются улучшением качества жизни городского населения, преобразованием городской инфраструктуры и среды обитания жителей [2]. Из работ Н. В. Зубаревича и В. Я. Любовного можно выделить ряд мер, используемых в зарубежных монопрофильных городах [9; 10]:

- модернизация городской инфраструктуры;
- открытие новых предприятий и преобразование существующих;
- строительство жилья;
- решение экологических вопросов;
- обучение и переобучение населения;
- культивирование малого бизнеса (МБ);
- развитие культуры.

В большинстве современных исследований особое место в решении проблем в городах уделяется развитию инфраструктуры. В работах подробно описывается понятие городской инфраструктуры и делается вывод, что конечным её реципиентом является население [4; 11; 12]. Исходя из этого, предлагаются следующие инструменты поддержки [1]:

- развитие промышленных парков;
- разработка программ для развития МБ;
- развитие сельского хозяйства;
- обучение управленческих административных и бизнес-команд;
- получение городом статуса территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), резиденты которых получают существенные преференции, снижающие фискальную нагрузку в 4,5 раза по сравнению с аналогичным бизнесом, работающим вне ТОСЭР.

Дополнительно к вышесказанному можно привести ещё ряд путей решения городских проблем [12; 13]:

- кооперация с вузами;
- стимулирование миграции (мобилизации) населения;
- сворачивание производств и закрытие моногорода.

Дадим небольшие комментарии для двух наиболее активно развивающихся в настоящее время направлений: мобилизации населения и получения моногородом статуса ТОСЭР.

Что касается первого направления, то сравнительно недавно Правительство РФ признало тот факт, что программа внутренней трудовой мобильности населения, которая реализуется с 2015 г., имеет относительно низкие показатели развития [14]. По этой причине был предложен ряд мер, которые призваны упростить участие в госпрограмме как населения, так и работодателей [14].

В отношении пути получения городом статуса ТОСЭР, например, при подготовке заявки на получение моногородом Юрга этого статуса ставились следующие задачи [13; 15]:

- уход экономики города от монозависимости;
- привлечение инвестиций для новых производств;
- диверсификация экономики моногорода;
- формирование условий стабилизации социальной ситуации в городе.

Согласно Докладу Правительства РФ «О текущей социально-экономической ситуации в моногородах» по состоянию на 01 июня 2017 г., ТОСЭР были созданы в 17 моногородах, получивших поддержку за счёт средств ФРМ, зарегистрированы 35 предприятий-резидентов, создано около 3 тыс. рабочих мест, объём привлечённых внебюджетных инвестиций составил 23,3 млрд рублей [16]. Всего на этих территориях планируется создание к 2026 г. более 7900 рабочих мест и привлечение 29,4 млрд рублей инвестиций [16]. Данные показатели могут косвенно говорить об успехах данного пути развития моногородов.

Стратегия управления мезофакторами и микропоказателями МБ

Выше были приведены различные подходы к решению экономических проблем в монопрофильных городах. Однако, авторы работы, опираясь на мировой опыт, считают, что именно развитие МБ является наиболее эффективным «лекарством» для моногородов [17]. МБ является самым важным игроком на рынке труда во многих странах, одновременно играя социальные и экономические роли [17]. Именно в этой особенности МБ – решать обе задачи одновременно – и заложен главный эффект в «лечении» моногородов.

Ранее в работах авторы исследования доказали существование значимой корреляционной связи между социально-экономическими показателями (мезофакторы) отдельно взятого города и экономическими индикаторами МБ (микропоказатели), работающего на его территории [18; 19]. В таблице 1 приведены мезофакторы моногорода, которые, по мнению авторов, являются наиболее значимыми при работе с городским МБ. Мезофакторы были взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики РФ из раздела по экономическому и социальному состоянию муниципальных образований. По отношению к каждому из мезофакторов можно использовать три основных стратегии по их изменению: снижение, балансирование и рост. Назовём такие изменения мезостратегиями. В таблице 1 приведено краткое описание эффектов применения мезостратегий снижения и роста по отношению к каждому из городских мезофакторов (сверху в ячейке описан возможный эффект для моногорода, снизу – для МБ). Что касается стратегии балансирования, то отсутствие изменений в любом из мезофакторов не должно приводить к значимым изменениям как для города, так и для МБ.

Приведенные в таблице 1 микропоказатели МБ были взяты из регламентированного бухгалтерского отчёта «Бухгалтерский баланс». В работе [19] подробно описаны процедура выбора микропоказателей и технология автоматического получения данных по ним из доступных источников.

Микропоказатели связаны в одну систему благодаря тому, что вычисляются из одного источника – бухгалтерского баланса. Поэтому изменение одного из этих микропоказателей актива (пассива) будет приводить к изменению других (одного или нескольких) микропоказателей актива (пассива). В таблице 2 приведены микропоказатели МБ.

Таблица 1. Городские мезофакторы и мезостратегии
Table 1. Urban mesofactors and mesostrategies

Обозначение мезофактора	Описание мезофактора	Мезостратегия снижения	Мезостратегия роста
UTII	Единый налог на вмененный доход (ЕНВД) для отдельных видов деятельности, тыс. руб. Количество индивидуальных предпринимателей (ИП), шт.	Снижение налогооблагаемой базы (НОБ)	Увеличение НОБ
		Возможное уменьшение фискальной нагрузки на МБ	Увеличение нагрузки на МБ или рост валового дохода МБ
NIE	Количество малых предприятий (МП), шт. Налог на доходы физических лиц (НДФЛ), тыс. руб.	Уменьшение числа ИП, возможное снижение НОБ	Рост числа ИП, возможное увеличение НОБ, диверсификация отраслей городской экономики
		Снижение конкуренции среди ИП	Увеличение конкуренции среди ИП
NSE	Налоги на совокупный доход, тыс. руб. Среднемесячный номинальный доход на душу населения, руб.	Уменьшение числа МП, возможное снижение НОБ	Рост количества МП, возможное увеличение НОБ, диверсификация сфер деятельности городской экономики
		Снижение конкуренции среди МП	Усиление конкуренции среди МП
PIT	Численность населения, человек	Снижение НОБ	Увеличение НОБ
		Практически никакого влияния оказано не будет	Практически никакого влияния оказано не будет
TTI	Единый налог на вмененный доход (ЕНВД) для отдельных видов деятельности, тыс. руб. Количество индивидуальных предпринимателей (ИП), шт.	Снижение НОБ	Увеличение НОБ
		Возможное уменьшение фискальной нагрузки на МБ	Увеличение нагрузки на МБ или рост валового дохода МБ
AMNI	Количество малых предприятий (МП), шт. Налог на доходы физических лиц (НДФЛ), тыс. руб.	Снижение НОБ	Увеличение НОБ, улучшение социально-экономической обстановки в городе
		Снижение покупательской способности населения	Улучшение покупательской способности населения
Pl	Налоги на совокупный доход, тыс. руб. Среднемесячный номинальный доход на душу населения, руб.	Если уменьшается доля трудоспособного населения, то снижение НОБ. Если снижается процент социально-незащищенного слоя населения, то снижается нагрузка на бюджет	Если увеличивается доля трудоспособного населения, то возможно увеличение НОБ. Если увеличивается процент социально-незащищенного слоя населения, то возрастает нагрузка на городской бюджет
		Снижение числа потенциальных потребителей, возможное ухудшение рынка труда	Увеличение числа потенциальных потребителей, улучшение ситуации с кадровым потенциалом
NLME	Численность населения, человек	Снижение НОБ, возможно усиление «монозависимости»	Увеличение НОБ, усиление зависимости городского бюджета от крупных налогоплательщиков
		Снижение конкуренции на общих рыночных нишах, снижение числа заказов со стороны КСП	Усиление конкуренции на общих рынках, увеличение заказов, оказываемых для КСП

Таблица 2. Микропоказатели малого бизнеса
Table 2. Micro-indicators of small Business

№ п/п	Описание микропоказателя	Обозначение микропоказателя
1	Отношение показателя «Итого по разделу I (Внеоборотные активы)» к показателю «Баланс»	FAB
2	Отношение показателя «Итого по разделу II (Оборотные активы)» к показателю «Баланс»	CAB
3	Отношение показателя «Итого по разделу III (Капитал и резервы)» к показателю «Баланс»	CRB
4	Отношение показателя «Итого по разделу IV (Долгосрочные обязательства)» к показателю «Баланс»	LLB
5	Отношение показателя «Итого по разделу V (Краткосрочные обязательства)» к показателю «Баланс»	SLB

Из балансовой структуры микропоказателей можно получить три группы стратегий управления МБ: активную, пассивную и активно-пассивную. При этом чем большее число микропоказателей включено в группу стратегий, тем больше возможных вариантов управления ими (табл. 3).

Заключение

Таким образом, для управления развитием МБ на территории моногорода администрации необходимо выбрать одну из трёх мезостратегий для каждого из мезофакторов и одну из трёх групп стратегий управления микропоказате-

Таблица 3. Стратегии управления микропоказателями малого бизнеса
Table 3. Small business micro-indicators management strategies

Группа стратегий / управляемые микропоказатели	Описание группы стратегий	Число вариантов в группе
Активная / FAB, CAB	Стратегии данной группы касаются изменения только показателей актива баланса при неизменном значении показателей пассива. Управление заключается во влиянии на перераспределение средств между внеоборотными и оборотными статьями актива МБ. Одним из результатов применения такой стратегии может служить увеличение оборотных средств в МБ за счёт снижения внеоборотных с целью активизации товарооборота в городе.	2
Пассивная / CRB, LLB, SLB	Стратегии данной группы управляют только показателями пассива баланса, при этом значения статей актива остаются неизменными. Так как количество управляемых микропоказателей составляет три, то и число возможных вариантов гораздо больше, чем в первой группе стратегий (управлять можно как двумя, так и одновременно тремя показателями пассива). Управление для данной группы стратегий заключается в перераспределении средств между капиталом, резервами и долгосрочными / краткосрочными обязательствами. Примером такой стратегии может служить управляемое влияние для снижения объёма краткосрочных заимствований за счёт увеличения долгосрочных обязательств с целью снижения текущей долговой нагрузки на МБ и усиления его автономности.	12
Активно-пассивная / FAB, CAB, CRB, LLB, SLB	Данная группа в наибольшей степени наполнена возможными вариантами управления – в ней происходит одновременное управление показателями и актива и пассива. При этом со стороны каждого из разделов баланса должен присутствовать минимум один микропоказатель, в то время как с другой стороны максимально могут участвовать два (в случае актива) или три (для пассива) показателя МБ. Управление для этой группы стратегий заключается во влиянии на перераспределении средств между статьями актива и пассива в МБ. Одним из случаев применения такой стратегии может служить влияние на уменьшение внеоборотных средств МБ с целью снижения долговой краткосрочной нагрузки на него с одновременным снижением накопленных им резервов.	148

лями МБ с выбором в ней одного из наиболее подходящих вариантов управления.

Стоит добавить, что если данные стратегии применять не в отношении всей совокупности городского МБ, а отдельно для каждой его отрасли, то влияние получится более ориентированным. Но для этого потребуется оперативно анализировать оказываемое влияние на каждую из отраслей городской экономики. В решении данного вопроса может помочь метод DEA (Data Envelopment Analysis), применение которого для аналогичного случая описано в работе [20]. Такой отраслевой подход к развитию МБ в моногороде должен существенно повысить качество принимаемых управленческих решений и положительно повлиять на городскую экономику, сократив её «монозависимость».

Литература

1. Терпится с трудом: ФСО замерила экономическое самочувствие в моногородах // РБК. 26.02.2016. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/24/02/2016/56cdb2b69a7947557237c6c3 (дата обращения: 01.11.2017).

2. Манаева И. В. Реструктуризация экономики моногорода: зарубежный опыт // Новый университет. Серия: экономика и право. 2011. № 5(5). С. 36–37.

3. Лыткин А. И. Направления инновационного развития моногорода // Статистика и экономика. 2012. № 1. С. 44–46.

4. Антонова И. С. Моделирование инфраструктуры диверсификации экономики моногорода // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2016. Т. 17. № 4. С. 1104–1112.

5. Кузнецов Б. Л., Кузнецова С. Б., Галиуллина Г. Ф. Синергетический подход к созданию ТОСЭР как стратегия опережающего развития // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 11. Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2016/11/73006 (дата обращения: 02.03.2017).

6. Афонин И. В. Инновационный менеджмент и экономическая оценка реальных инвестиций. М.: Гардарики, 2006. 301 с.

7. Задача на 180 млрд руб.: как власти намерены решить проблему моногородов // РБК. 07.08.2016. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/07/08/2016/57a73fd09a7947c80a6d1dfc (дата обращения: 05.11.2017).

8. Рохчин В. Е. Структурная перестройка экономики моногорода: объективная необходимость и основные проблемы научного обеспечения // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. № 3. С. 31–36.

9. Зубаревич Н. В. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

10. Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М.: Дортранспечать, 2009. 110 с.

11. Иванова О. П., Антонова И. С., Антонов Г. Д. Развитие моногородов и управление инвестиционной привлекательностью. М.: Инфра-М, 2016. 260 с.

12. Об оказании поддержки однопрофильным городам. Проект постановления Президента России (подготовлен Минэкономразвития России). Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.11.2017).

13. Trifonov V. A., Loiko O. T., Nesteruk D. N., Zhironkin S. A., Strekovtsova E. A. Managing a monotown as a priority social and economic development area // III International young researchers conference: «Youth, science, solutions ideas and prospects»: AIP Conference Proceedings (22–25 ноября 2016). Tomsk, 2017. С. 050009.

14. Мобильный кадр: что власти предложили для улучшения трудовой миграции // РБК. 11.01.2017. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/11/01/2018/5a562e489a7947478e0d5b4b (дата обращения: 12.01.2018).

15. Трифонов В. А., Валиуллина Г. Н. Территория опережающего социально-экономического развития как инструмент диверсификации г. Юрги // Электронный научный журнал. 2017. № 3-2. С.233–238.

16. О текущей социально-экономической ситуации в моногородах. Доклад Правительства РФ. 17 сентября 2017 г. Режим доступа: http://government.ru/orders/selection/405/29731/ (дата обращения: 01.12.2017).

17. Bruening R. A., Strazza K., Nocera M., Peek-Asa C., Casteel C. Understanding Small Business Engagement in Workplace Violence Prevention Programs // American Journal of Health Promotion. 2015. Vol. 30. P. 83–91. DOI: 10.4278/ajhp.140221-QUAL-80.

18. Важдаев А. Н., Мицель А. А. Статистический анализ макро-экономических показателей РФ и новых видов экономической деятельности малых предприятий моногорода Юрга // Современные технологии поддержки принятия решений в экономике: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2015. С. 17–19.

19. Важдаев А. Н. Технология загрузки данных бухгалтерской отчетности предприятий малого бизнеса из сервиса проверки контрагентов (на примере моногорода Юрга) // Фундаментальные исследования. 2017. № 5. С. 31–35.

20. Важдаев А. Н., Мицель А. А. DEA-анализ эффективности отраслей экономики моногорода // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 12. С. 2378–2390.

STRATEGY OF THE MANAGED IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE ONE-INDUSTRY TOWN

Andrey N. Vazhdaev[1, @1], Artur A. Mitsel[1, 2, @2]

[1] Yurga Technological Institute (branch) of the National Research Tomsk Polytechnic University, 26, Leningradskaya St., Yurga, Russia, 652055
[2] Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
[@1] vazhdaev@tpu.ru
[@2] maa@asu.tusur.ru

Received 19.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: one industry town, strategy group, mesofactor, microindicator, city management.

Abstract: The current paper features the solution of the problem of the controlled impact on the development of the single-industry economy at the expense of small business by using specialized management methods. The article examines the current situation in the mono-dependent cities of Russia and the existing approaches to solving their social and economic problems. The authors of the study propose their approach to solving social and economic problems in single-industry towns. This approach is based on the use of a group of strategies for managing the city's mesofactors and microindicators of urban small businesses operating. The article describes each group of strategies from the position of the city administration and from the side of business. In their previous studies, the authors proved the existence of a significant correlation between the socioeconomic performance of a single-industry city and the aggregated economic indicators of small business. The study was carried out on the basis of an analysis of the statistical indicators of more than 400 small companies in the monotown of Yurga in 2007 – 2016. The article gives relevant conclusions about the possibility of applying the above-described strategies both on the scale of the monotown and on the individual branches of the urban economy.

For citation: Vazhdaev A. N., Mitsel A. A. Strategiia upravliaemogo vozdeistviia na razvitie ekonomiki monogoroda [Strategy of the Managed Impact on the Development of the One-industry Town]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 67–73. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-67-73.

References

1. Terpitsia s trudom: FSO zamerila ekonomicheskoe samochuvstvie v monogorodakh [It is hard to bear: FSO has measured economic well-being in single-industry towns]. *RBK = RBC*, 26.02.2016. Available at: https://www.rbc.ru/economics/24/02/2016/56cdb2b69a7947557237c6c3 (accessed 01.11.2017).
2. Manaeva I. V. Restrukturizatsiia ekonomiki monogoroda: zarubezhnyi opyt [Restructuring of monotown economy: foreign experience]. *Novyi universitet. Seriia: ekonomika i pravo = The new university. Series: Economics and Law*, no. 5(5) (2011): 36–37.
3. Lytkin A. I. Napravleniia innovatsionnogo razvitiia monogoroda [Directions of innovative development of a single-industry city]. *Statistika i ekonomika = Statistics and economics*, no. 1 (2012): 44–46.
4. Antonova I. S. Modelirovanie infrastruktury diversifikatsii ekonomiki monogoroda [Modeling the infrastructure for diversifying the economy of a single-industry city]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetneva = Bulletin of Siberian State Aerospace University named after Academician M. F. Reshetnev*, 17, no. 4 (2016): 1104–1112.
5. Kuznetsov B. L., Kuznetsova S. B., Galiullina G. F. Sinergeticheskii podkhod k sozdaniiu TOSER kak strategiia operezhaiushchego razvitiia [Synergetic approach to the creation of TSEIR as a strategy of advanced development]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii = Modern scientific research and innovations*, no. 11 (2016). Available at: http://web.snauka.ru/issues/2016/11/73006 (accessed 02.03.2017).
6. Afonin I. V. *Innovatsionnyi menedzhment i ekonomicheskaia otsenka real'nykh investitsii* [Innovative management and economic evaluation of real investment]. Moscow: Gardariki, 2006, 301.
7. Zadacha na 180 mlrd rub.: kak vlasti namereny reshit' problemu monogorodov [The 180 billion rubles task: how the authorities intend to solve the problem of single-industry towns]. *RBK = RBC*, 07.08.2016. Available at: https://www.rbc.ru/economics/07/08/2016/57a73fd09a7947c80a6d1dfc (accessed 05.11.2017).
8. Rokhchin V. E. Strukturnaia perestroika ekonomiki monogoroda: ob»ektivnaia neobkhodimost' i osnovnye problemy nauchnogo obespecheniia [Structural reorganization of monotown economy: objective necessity and main problems of scientific provision]. *Vestnik gumanitarnogo instituta TGU = Bulletin of the Humanitarian Institute of TSU*, no. 3 (2010): 31–36.
9. Zubarevich N. V. *Regiony Rossii. Neravenstvo, krizis, modernizatsiia* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow: Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, 2010, 160.
10. Liubovnyi V. Ia. *Monoprofil'nye goroda v usloviiakh krizisa: sostoianie, problemy, vozmozhnosti reabilitatsii* [Mono-profile cities in crisis: the state, problems, rehabilitation opportunities]. Moscow: Dortranspechat', 2009, 110.

11. Ivanova O. P., Antonova I. S., Antonov G. D. *Razvitie monogorodov i upravlenie investitsionnoi privlekatel'nost'iu* [Development of single-industry towns and management of investment attractiveness: monograph]. Moscow: Infra-M, 2016, 260.

12. *Ob okazanii podderzhki odnoprofil'nym gorodam* [On providing support to single-city cities]. Draft Resolution of the President of Russia (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia). Available at: http://www.consultant.ru (accessed 10.10.2016).

13. Trifonov V. A., Loiko O. T., Nesteruk D. N., Zhironkin S. A., Strekovtsova E. A. Managing a monotown as a priority social and economic development area. *III International young researchers conference: «Youth, science, solutions ideas and prospects»: AIP Conference Proceedings* (November 22–25 2016). Tomsk, 2017, 050009.

14. Mobil'nyi kadr: chto vlasti predlozhili dlia uluchsheniia trudovoi migratsii [Mobile shot: what authorities proposed to improve labor migration]. *RBK = RBC*, 11.01.2017. Available at: https://www.rbc.ru/economics/11/01/2018/5a562e489a7947478e0d5b4b (accessed 12.01.2018).

15. Trifonov V. A., Valiullina G. N. Territoriia operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia kak instrument diversifikatsii g. Iurgi [Territory of advanced socio-economic development as a tool for diversifying the city of Yurga]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal = Electronic scientific journal*, no. 3-2 (2017): 233–238.

16. *O tekushchei sotsial'no-ekonomicheskoi situatsii v monogorodakh* [On the current social and economic situation in single-industry towns]. Report of the Government of the Russian Federation. September 17 2017. Available at: http://government.ru/orders/selection/405/29731/ (accessed 01.12.2017).

17. Bruening R. A., Strazza K., Nocera M., Peek-Asa C., Casteel C. Understanding Small Business Engagement in Workplace Violence Prevention Programs. *American Journal of Health Promotion,* 30 (2015): 83–91. doi: 10.4278/ajhp.140221-QUAL-80.

18. Vazhdaev A. N., Mitsel' A. A. Statisticheskii analiz makro-ekonomicheskikh pokazatelei RF i novykh vidov ekonomicheskoi deiatel'nosti malykh predpriiatii monogoroda Iurga [Statistical analysis of macroeconomic indicators of the Russian Federation and new types of economic activity of small enterprises of the monocity Yurga]. *Sovremennye tekhnologii podderzhki priniatiia reshenii v ekonomike: sbornik trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Modern technologies of decision support in the economy: a collection of works of the All-Russian Sc.-Pr. Conf. of students, graduate students and young scientists]. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii politekhnicheskii universitet, 2015, 17–19.

19. Vazhdaev A. N. Tekhnologiia zagruzki dannykh bukhgalterskoi otchetnosti predpriiatii malogo biznesa iz servisa proverki kontragentov (na primere monogoroda Iurga) [The technology of loading accounting data of small businesses from the service of checking counterparties (the case of the monotown of Yurga)]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 5 (2017): 31–35.

20. Vazhdaev A. N., Mitsel' A. A. DEA-analiz effektivnosti otraslei ekonomiki monogoroda [DEA-analysis of efficiency of branches of economy of a single-industry city]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional economy: theory and practice*, 15, no. 12 (2017): 2378–2390.

УДК 338.262.8

МОДЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СТАТУСОМ

Светлана Н. Гриневская[1, @]

[1] *Институт экономических исследований, 83048, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 77*
[@] *grinsv-13@rambler.ru*

Поступила в редакцию 07.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: стратегическое планирование, территории с неопределенным государственным статусом, мобилизационная экономика.

Аннотация: Обосновывается необходимость разработки мобилизационной модели планирования для территорий с неопределенным государственным статусом, каковой является Донецкая народная республика (ДНР). Одной из проблем управления экономикой ДНР, которая в данный момент трансформируется, является отсутствие института государственного планирования экономики. Экономика ДНР в данный момент находится в критической зависимости от экономик граничащих с ней государств и требует мобилизации, что подразумевает наличие стратегии, плана. То есть в ДНР временно должна действовать собственная мобилизационная модель государственного планирования, учитывающая фактор экономической безопасности.

Отмечается, что мобилизационная модель планирования является, по сути, централизованной моделью планирования, обеспечивающей в чрезвычайных условиях форсированное развитие отдельных отраслей промышленности. Мобилизационную модель планирования можно считать социально эффективной только в том случае, если государство вынуждено перестраивать свою экономику для защиты своей автономности, что сейчас актуально для территории ДНР, и она должна действовать на временной основе.

Для цитирования: Гриневская С. Н. Модели стратегического планирования на территориях с неопределенным государственным статусом // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1.С. 74–79. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-74-79.

Возникновение территорий с неопределенным государственным статусом в последние пятьдесят лет из категории феномена перешло в заметную устойчивую тенденцию, что ставит сложнейшие в части их решений проблемы развития таких территорий, требующие их осмысления и изучения. Проблемы управления экономикой территорий с неопределенным государственным статусом вызывают интерес у ученых и специалистов, в том числе по образованным территориям Донбасса [1–6]. Донецкая народная республика имеет неопределенный государственный статус (усеченный политический статус государства), что подразумевает существующее на данный момент положение о признанности государственного суверенитета ДНР населением внутри данной территории и некоторыми другими территориями с вновь образованной государственностью (Луганская народная республика, Республика Южная Осетия).

Донецкая народная республика (ДНР) функционирует как государство с 2014 г. и имеет все признаки государственного образования с собственной Конституцией, государственными органами власти, судебной системой, прокуратурой, народным советом, министерствами, республиканским банком с отделениями, собственной платежной системой, позволяющей производить необходимые онлайн-платежи в сети Интернет. Разрушения вследствие боевых действий, экономическая и транспортная блокада со стороны Украины привели к нарушению работы народного хозяйства и утрате части экономических связей в ДНР. Экономика ДНР находится в сложном состоянии, отягощенном условиями неопределенного политического статуса территории, а также продолжающимися военными действиями. Одной из проблем управления экономикой ДНР является отсутствие института государственного планирования экономики: регулирование бюджетным планированием в «ручном» режиме на период 3 месяца, неопределение государством приоритетов, целей и ориентировочных параметров экономического развития.

В связи с этим необходимым является определить основные направления государственной экономической политики, для эффективной реализации которой надо ввести институт планирования экономики, которая в данный момент трансформируется и не имеет внятной формы, содержит элементы директивной, рыночной, военной, мобилизационной, теневой экономик. Под военной экономикой имеется в виду экономика, функционирующая в период и в условиях военных действий. Под мобилизационной экономикой подразумевается экономика, целью которой является сосредоточение и использование собственных ресурсов для эффективного противодействия угрозам безопасности территории. Это экономика с мобилизационным «типом развития, ориентированного на достижение чрезвычайных целей, отличительной чертой которого является то, что оно происходит под влиянием внешних, экстремальных факторов, угрожающих целостности и жизнеспособности системы» [7].

Ключевыми проблемами государственного регулирования экономического планирования в ДНР являются:

– внешние – отстроченный на неопределенное время политический статус территории, который обусловливает слабо прогнозируемые и нестабильные экономические связи, что не позволяет осуществлять эффективное долгосрочное планирование;

– внутренние – неполностью задействованный народнохозяйственный комплекс ДНР; находящаяся в стадии формирования нормативная и законодательная база Республики, регулирующая экономические отношения; продолжающиеся военные действия – непрогнозируемые обстрелы районов ДНР на линии разграничения территории, не позволяющие планировать на перспективу.

Государство, государственные и коммерческие предприятия являются основными субъектами планово-регулируемой производственно-хозяйственной деятельности, поэтому очень важен выбор модели планирования. Научно обоснованная система государственного планирования позволит спрогнозировать оптимальный сценарий социально-экономического развития территории. Так, в РФ утверждена Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г., в которой определены вызовы и угрозы экономике, а также цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения безопасности. Для координации работы по достижению целей политики по обеспечению экономической безопасности предложено воссоздать в новом облике Госплан, наделив его соответствующими полномочиями и обязанностями, в связи с чем определено, что экономике России нужна «мобилизация, которая подразумевает наличие плана, стратегии» [8]. Экономика ДНР в данный момент несамодостаточна и находится в критической зависимости от экономик граничащих с ней государств – ей крайне необходима такая мобилизация. То есть в ДНР временно должна действовать собственная мобилизационная модель государственного планирования, которая должна учитывать фактор экономической безопасности.

Объективная необходимость разработки такой мобилизационной [9, с. 222–223] модели государственного планирования в сегодняшних условиях функционирования экономики ДНР обусловлена:

– неопределенностью направлений и целей развития экономики в связи с отсутствием планирования как элемента государственного регулирования экономики;

– преимущественно общественным характером производства [10] на территории;

– усложнением межотраслевых и хозяйственных связей из-за экономической блокады территории, приведшей к критическому разрушению сложившихся связей по источникам и поставкам сырья, рынкам сбыта и прочего, и до этого времени вновь не сформированных; политической изоляцией, препятствующей формированию таких новых связей;

– необходимостью поддержания рациональных народнохозяйственных пропорций для обеспечения экономической безопасности территории;

– неспособностью действующей до этого на территории Донбасса рыночной экономики к саморегулированию в связи с нахождением на кризисной стадии воспроизводственных циклов из-за военных действий непосредственно на территории ДНР, а также уничтожением, разрушением промышленных объектов;

– деятельностью государства как субъекта экономических отношений и гаранта обеспечения экономической безопасности своей территории.

На наш взгляд, для разработки мобилизационной модели государственного планирования необходимо применять синтез методов планирования. Выбор экономических методов государственного планирования, конечно, связан с субъективными и объективными точками зрения руководителей, возглавляющих профильные министерства, а также с политическим вектором развития территории.

На первом уровне модели соответствующий орган государственной власти, например, профильное Министерство ДНР, определяет сильные и слабые стороны своей сферы деятельности, отрасли промышленности, им курируемой, затем внешние и внутренние факторы воздействия, анализирует статистические данные и отраслевые прогнозы для выявления их уровня (к примеру, в сравнении с такой же отраслью подобной территории (округа) в РФ и др.).

На втором уровне, получив данные о ситуации по всем отраслям в Республике, определяют стратегию их развития. Далее выделяют наиболее перспективные отрасли (сферы деятельности), которые могут лечь в основу экономики ДНР. В результате анализа делаются прогнозы, вероятностные стратегии развития. Для республики важно обеспечить свою экономическую самодостаточность, для чего эффективно использовать как развитую отрасль промышленности по угледобыче и других имеющихся природных ресурсов, так и развивать потенциально перспективные металлургическое производство, машиностроительную, химическую отрасли промышленности, науку и инновационные технологии и др., а также обеспечивать свою продовольственную безопасность, развивать сельскохозяйственную отрасль, чем профильное министерство ДНР сейчас успешно занимается.

Третий уровень отражает формирование стратегии государственной политики как интегрированной модели действий по разработке плановых программных документов, необходимых для стратегического планирования в ДНР с определением функций элементов стратегического планирования.

Четвертый уровень отражает взаимодействие экономических, административных, отраслевых методов стратегического планирования.

Таким образом, мобилизационная модель государственного планирования может быть представлена как многоуровневая схема управления процессами государственного планирования, отражающая взаимодействие административных, организационных, отраслевых и прочих дополнительных методов управления государственным планированием с обязательным учетом фактора экономической безопасности.

Полагаем, что данная модель при разработке государственных планов вполне может быть реализована в республике с реальными механизмами ее реализации при наличии четкой государственной политики. Экономическое развитие ДНР должно осуществляться комплексно с учетом принципов планирования и взаимосвязи всех сфер и отраслей, только в этом случае возможны положительные результаты такого развития, выраженные в количественных и качественных показателях.

Данная модель должна содержать инструментальные и институциональные модели согласования интересов. В числе инструментальных методов согласования используются математические модели, предназначенные для учета согласованных вариантов развития территории и отраслей в процессе народнохозяйственного планирования. Экономико-математический метод планирования предполагает разработку экономических моделей плановых показателей, с помощью которых возможно получить информацию о буду-

щем состоянии объекта планирования и путях достижения этого состояния.

Моделирование в данном случае применяется как консультация по планированию, в связи с упрощением экономических процессов в моделях, что влечет к погрешности в плановых показателях, к примеру, построение моделей плановых показателей на основе выявления их количественной зависимости от основных фактов. Модели могут быть представлены в виде зависимостей показателей и событий, сетевых моделей, графиков и систем с описанием их свойств и структур. Математические модели могут помочь в расчетах вероятностного появления кризисных периодов экономики в определенное время, что будет способствовать наибольшей реалистичности выработанных программных документов.

Сегодня при государственном планировании в ДНР необходимо учитывать сложившиеся новые хозяйственные и правовые условия, а также активно использовать при создании модели планирования ДНР предыдущие научные наработки в советской и российской экономиках, в которых оцениваются сравнительные пропорции, темпы и распределение ресурсов между моделируемыми территориальными частями экономик [11–16], которые актуальны и сейчас, а также элементы мировых практик планирования, которые будут полезны в реалиях Донбасса.

Мобилизационная модель планирования является, по сути, централизованной моделью планирования, обеспечивающей в чрезвычайных условиях форсированное развитие отдельных отраслей промышленности за счет определенного сокращения платежеспособности остальных отраслей и населения, что приводит к последующей натурализации экономики. Мобилизационную модель планирования можно считать социально эффективной только в случае, если государство вынуждено перестроить свою экономику для защиты своей независимости, что сейчас актуально для территории ДНР, и она должна действовать временно.

Для оптимизации управления централизованной экономикой после окончания чрезвычайной ситуации необходимо использовать рынок (рыночные отношения) как инструмент направления стратегий производителей в сторону предпочтений конечных потребителей [17; 18]. Возможность включения рынка в централизованную экономику признавали ученые, такие как Г. Диккенсон, О. Ланге, А. Лернер, А. Пигу, Р. Холл, которые полагали, что эффективность использования ресурсов в плановой экономике будет значительно выше, если ее механизм будет сконструирован по образцу механизма свободной конкуренции с включением воздействия рынка на установление пропорций национальной экономики.

На сегодняшний день в ДНР планирование регламентируется частично Законом о республиканских программах [19], который определяет правовые, экономические и организационные основы разработки, утверждения и реализации программных документов социально-экономического развития ДНР, развития отдельных отраслей экономики, сфер жизни, а также отдельных административно-территориальных единиц. В частности, отдельной статьей Закона (ст. 4.) определяется место отраслевых республиканских программ в государственной системе планирования социально-экономического развития ДНР.

Перечень республиканских программ, реализация которых запланирована в текущем бюджетном периоде с использованием средств Республиканского бюджета, утверждаются Народным Советом ДНР, по представлению главы ДНР в составе проекта программы социально-экономического развития ДНР (в условиях военного времени – Программы восстановления и развития экономики и социальной сферы ДНР) и вместе с проектом закона о Республиканском бюджете на соответствующий бюджетный период. Также данным законом регламентируется работа комитетов, которые в соответствии с профильной направленностью обеспечивают разработку проектов республиканских программ, прогнозов развития отдельных отраслей экономики ДНР.

В ДНР на данный момент рассматривается законопроект «О системе стратегического планирования», который предусматривает создание лишь некоторых элементов этой системы и требует серьезной доработки с участием представителей научных организаций, прежде всего – юристов. Отмечаем, что система стратегического планирования в широком смысле должна содержать определенные государством желательные параметры экономического развития.

Общеизвестно, что планирование как средство государственного регулирования экономики закреплено в законодательной базе многих государств с различными типами экономики. Примеры большинства как развитых, так и развивающихся государств доказывают, что экономика требует нормативно-правового регулирования вопросов планирования. Соответственно, делается вывод, что экономика восстановления и развития ДНР требует государственного регулирования вопросов планирования. При этом стратегическое планирование должно включать активную промышленную политику, поддерживающую расширение ключевых отраслей территории и стимулирующую подотрасли приоритетного развития или новые технологические направления развития промышленности в различных отраслях экономики. Приоритетами развития должны быть обозначены высокотехнологические отрасли с большим мультипликатором, стимулирующие экономическую и инновационную активность в сопряженных производствах [20], создание инновационных механизмов формирования новой политики развития на принципах самостоятельного и самодостаточного развития [21]. Также важным элементом политики развития, наряду с формированием поддерживаемых государством крупных предприятий, должно стать стимулирование спроса на производимое ими оборудование посредством соответствующего регулирования закупок таких предприятий [22; 23]. Целесообразной является разработка планов развития экономики на основе новой индустриализации, предусматривающей меры по опережающему развитию производственно-технологических комплексов, созданию благоприятной для этого макроэкономической среды и формированию соответствующих институтов.

Литература

1. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2011. 248 с.

2. Караман А. А. Становление новых государственных образований на территориях стран-членов Содружества Независимых Государств: историко-правовой анализ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 25 с.

3. Маркедонов С. М. Проблема самоопределения непризнанных республик: интересы России // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2007. № 25. С. 5–7.

4. Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 12. С. 64–81.

5. Олейников С. В. Государства с отложенным политическим статусом: резонансное пространство информационных потоков // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С.136–142.

6. Ступаков Н. В. Применение современных доктрин признания международной правосубъектности государств в согласительных (мирных) процедурах урегулирования конфликта Украины с ДНР и ЛНР // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 3. С. 17–27.

7. Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. 271 с.

8. «Экономике России требуется мобилизация»: Стратегия Путина // Regnum. 18.05.2017. Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2276366.html/ (дата обращения: 12.12.2017).

9. Струмилин С. Г. На плановом фронте (1920–1930 гг.). М.: Госполитиздат, 1958. 626 с.

10. Черныш Е. А., Молчанова Н. П., Новикова А. А., Салтанова Т. А. Прогнозирование и планирование в условиях рынка. М.: ПРИОР: Эксперт. бюро, 1999. 171 с.

11. Гранберг А. Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. М.: Экономика, 1973. 248 с.

12. Территориальные народнохозяйственные модели / отв. ред. А. Г. Гранберг. Новосибирск: Наука, 1976. 219 с.

13. Моделирование социально-экономического развития территориальных систем (опыт исследования в социалистических странах) / отв. ред. А. Г. Гранберг, Г. М. Мкртчян. Новосибирск: Наука, 1983. 288 с.

14. Гранберг А. Г., Селиверстов В. Е., Суслов В. И., Анохин Н. В., Анфимова Н. П., Афанасьев М. Ю., Береснева М. А., Бобылева Н. В., Зайкин В. С., Ершов Ю. С., Киселев Б. Н., Мелентьев Б. В., Полищук Л. И., Рипинен Н. А., Рубинштейн А. Г., Суслов Н. И., Чернышев А. А. Оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели. Новосибирск: Наука, 1989. 257 с.

15. Regional development in Russia: past policies and future prospects. Cheltenham, UK; Northampton, Mass.: Edward Elgar, in association with the Swedish Institute for Regional Research, 2000. 205 p.

16. Кулешов В. В., Кулешов В. В. Идеологические мифы современной экономической теории и реальность // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. С. 17–21.

17. Ведута Е. Н. Межотраслевой-межсекторный баланс: механизм стратегического планирования экономики. М.: Академический проект, 2016. 239 с.

18. Ведута Е. Н. Стратегия и экономическая политика государства. М.: Инфра-М, 2016. 320 с.

19. Закон о республиканских программах. Принят Постановлением Народного Совета ДНР. № 80-IНС от 2.10.2015 г. (С изменениями, внесенными Законом от 10.03.2017 № 160-IНС). Режим доступа: http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-respublikanskih-programmah/ (дата обращения: 19.01.2018).

20. Зарубежный опыт государственного прогнозирования, стратегического планирования и программирования / под ред. С. Ю. Глазьева, Ю. В. Яковца. М.: Государственный университет управления, Национальный институт развития, Региональная научная организация исследователей прогнозистов «Прогнозы и циклы», 2008. 124 с.

21. Grinevska S. M. Modern tendencies of forming region's self-development mechanisms in terms of decentralizations // Экономика промышленности. 2016. № 2. С. 5–16.

22. Дмитриев Ю. А., Фраймович Д. Ю. Динамичное развитие социально-экономических систем: проблемы модернизации // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 2. С. 63–69.

23. Андрианов В. Д. Стратегическое управление и устойчивое развитие экономики России // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 2. С. 79–88.

STRATEGIC PLANNING MODELS ON THE TERRITORIES WITH UNDETERMINED STATE STATUS

***Svetlana N. Grinevskaya*[1, @]**

[1] *Institute of Economic Investigations, 77, Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83048*
[@] *grinsv-13@rambler.ru*

Received 07.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: strategic planning, territories with undetermined state, mobilization economy.

Abstract: The research states the necessity to develop mobilization planning models for the territories with undetermined state status such as the Donetsk People's Republic (the DPR). One of the economy management problems in the DPR, which is now transforming, is the absence of state economy planning institute. The DPR economy is currently not self-sufficient, and its dependence on the economies of the bordering states is critical; it requires mobilization, which implies a strategy and a plan. It means that the DPR is to get its own state planning mobilization model that would take into account the economic security factor.
It is noted that planning mobilization model is a planning centralized model enabling forced development of separate industrial branches in the emergency conditions. Planning mobilization model can be considered as socially effective only in the case when state has to rebuild its economy in order to protect its autonomy, which is nowadays relevant for the DPR. The model is to function on a temporary basis.

For citation: Grinevskaya S. N. Modeli strategicheskogo planirovaniia na territoriiakh s neopredelennym gosudarstvennym statusom [Strategic Planning Models on the Territories with Undetermined State Status]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 74–79. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-74-79.

References

1. *Asimmetriia mirovoi sistemy suvereniteta: zony problemnoi gosudarstvennosti* [Asymmetry of the World System of Sovereignty: Zones of Problematic Statehood]. Ed. Il'in M. V., Kudriashova I. V. Moscow: MGIMO-Universitet, 2011, 248.
2. Karaman A. A. *Stanovlenie novykh gosudarstvennykh obrazovanii na territoriiakh stran-chlenov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv: istoriko-pravovoi analiz* [The formation of new state formations on the territories of the countries members of the Commonwealth of Independent States: a historical and legal analysis: the author's abstract. Cand. jurisp. Sci. Diss.]. Moscow, 2001, 23.
3. Markedonov S. M. Problema samoopredeleniia nepriznannykh respublik: interesy Rossii [The problem of self-determination of unrecognized republics: Russia's interests]. *Evropeiskaia bezopasnost': sobytiia, otsenki, prognozy = European security: events, assessments, forecasts*, no. 25 (2007): 5–7.
4. Nepriznannye gosudarstva: vozmozhnosti i vyzovy XXI [Unrecognized states: opportunities and challenges of the XXI century]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia = World Economy and International Relations*, no. 12 (2006): 64–81.
5. Oleinikov S. V. Gosudarstva s otlozhennym politicheskim statusom: rezonansnoe prostranstvo informatsionnykh potokov [States with deferred political status: a resonant space of information flows]. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian vector*, no. 3 (2014): 136–142.
6. Stupakov N. V. Primenenie sovremennykh doktrin priznaniia mezhdunarodnoi pravosub»ektnosti gosudarstv v soglasitel'nykh (mirnykh) protsedurakh uregulirovaniia konflikta Ukrainy s DNR i LNR [Application of modern doctrines of recognition of the international legal personality of states in conciliation (peaceful) procedures for the resolution of the conflict of Ukraine with the DPR and LPR]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo = International cooperation of Eurasian states: politics, economy, law*, no. 3 (2015): 17–27.
7. Fonotov A. G. *Rossiia: ot mobilizatsionnogo obshchestva k innovatsionnomu* [Russia: from the mobilization society to the innovative]. Moscow: Nauka, 1993, 271.
8. *«Ekonomike Rossii trebuetsia mobilizatsiia»: Strategiia Putina* [The Russian Economy Needs Mobilization: Putin's Strategy]. Regnum. 18.05.2017. Available at: https://regnum.ru/news/polit/2276366.html/ (accessed 12.12.2017).
9. Strumilin S. G. *Na planovom fronte (1920–1930 gg.)* [On a planned front (1920–1930)]. Moscow: Gospolitizdat, 1958, 626.
10. Chernysh E. A., Molchanova N. P., Novikova A. A., Saltanova T. A. *Prognozirovanie i planirovanie v usloviiakh rynka* [Forecasting and planning in market conditions]. Moscow: PRIOR: Ekspert. biuro, 1999, 171.
11. Granberg A. G. *Optimizatsiia territorial'nykh proportsii narodnogo khoziaistva* [Optimization of territorial proportions of the national economy]. Moscow: Ekonomika, 1973, 248.
12. *Territorial'nye narodnokhoziaistvennye modeli* [Territorial economic models]. Ed. Granberg A. G. Novosibirsk: Nauka, 1976, 219.
13. *Modelirovanie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia territorial'nykh sistem (opyt issledovaniia v sotsialisticheskikh stranakh)* [Modeling of socio-economic development of territorial systems: the experience of research in the socialist countries]. Ed. Granberg A. G., Mkrtchyan G. M. Novosibirsk: Nauka, 1983, 288.

14. Granberg A. G., Seliverstov V. E., Suslov V. I., Anokhin N. V., Anfimova N. P., Afanas'ev M. Iu., Beresneva M. A., Bobyleva N. V., Zaikin V. S., Ershov Iu. S., Kiselev B. N., Melent'ev B. V., Polishchuk L. I., Ripinen N. A., Rubinshtein A. G., Suslov N. I., Chernyshev A. A. *Optimizatsionnye mezhregional'nye mezhotraslevye modeli* [Optimized inter-regional intersectoral models]. Novosibirsk: Nauka, 1989, 257.

15. Regional development in Russia: past policies and future prospects. Cheltenham, UK; Northampton, Mass.: Edward Elgar, in association with the Swedish Institute for Regional Research, 2000, 205.

16. Kuleshov V. V., Kuleshov V. V. Ideologicheskie mify sovremennoi ekonomicheskoi teorii i real'nost' [Ideological myths of modern economic theory and reality]. Problemy prognozirovaniia = Problems of forecasting, no. 1 (2017): 17–21.

17. Veduta E. N. *Mezhotraslevoi-mezhsektornyi balans: mekhanizm strategicheskogo planirovaniia ekonomiki* [Interindustry-intersector balance. The mechanism of strategic planning of economy]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2016, 239.

18. Veduta E. N. *Strategiia i ekonomicheskaia politika gosudarstva* [The state's strategy and economic policy]. Moscow: Infra-M, 2016, 320.

19. *Zakon o respublikanskikh programmakh* [Law on Republican Programs]. Adopted by the Decree of the People's Council DPR. № 80-IHC of 2.10.2015. Available at: http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-respublikanskih-programmah/ (accessed 19.01.2018).

20. *Zarubezhnyi opyt gosudarstvennogo prognozirovaniia, strategicheskogo planirovaniia i programmirovaniia* [Foreign experience of state forecasting, strategic planning and programming]. Ed. Glaz'ev S. Iu, Iakovets Iu. V. Moscow: Gosudarstvennyi universitet upravleniia, Natsional'nyi institut razvitiia, Regional'naia nauchnaia organizatsiia issledovatelei prognozistov «Prognozy i tsikly», 2008, 124.

21. Grinevska S. M. Modern tendencies of forming region's self-development mechanisms in terms of decentralizations. *Ekonomika promyshlennosti = Economy of Industry*, no. 2 (2016): 5–16.

22. Dmitriev Iu. A., Fraimovich D. Iu. Dinamichnoe razvitie sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: problemy modernizatsii [Dynamic development of socio-economic systems: the problems of modernization]. *Problemy teorii i praktiki upravleniia = Problems of theory and practice of management*, no. 2 (2014): 63–69.

23. Andrianov V. D. Strategicheskoe upravlenie i ustoichivoe razvitie ekonomiki Rossii [Strategic management and sustainable development of the Russian economy]. *Problemy teorii i praktiki upravleniia = Problems of theory and practice of management*, no. 2 (2014): 79–88.

УДК 330.1; 330.3

О КООРДИНАЦИИ ИНСТРУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МАКРО-, МЕЗО- И МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В РАЗРЕЗЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

***Баграт А. Ерзнкян*[1, @1, @2, *], *Руслан Ш. Магомедов*[1, @3, *]**

[1] *Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, 117418, Россия, г. Москва, пр. Нахимовский, 47*
[@1] *yerz@cemi.rssi.ru*
[@2] *lvova1955@mail.ru*
[@3] *mrsh.cemi2000@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: государственная программа, координация, стратегическое планирование, управление развитием, региональная политика.

Аннотация: На основе изучения паспортов госпрограмм федерального и регионального уровня, относящихся к развитию Республики Дагестан, дается анализ качества их нормативно-правовой и методической базы в сопоставлении с реальным положением дел. На проблемы с качеством указывают выявленные в базе серьезные методологические изъяны, не позволяющие действенно решать региональные проблемы и ведущие к их консервации. Что касается реалий, обнаруживается невозможность определения вклада программ в достижение декларируемых целей и оценивания эффективности деятельности органов исполнительной власти, ответственных за их реализацию. Расхождения между целями и результатами обусловлены дублированием функций и размыванием ответственности властных структур, дефицитом ясности в движении встречных денежных потоков от центра к регионам и наоборот, отсутствием координации различных инструментов региональной политики, ориентированных на решение стратегических задач, реализацию программных установок. Нерешенность подобных проблем актуализирует необходимость создания многоуровневого координационного механизма в целях проведения в регионе стратегически согласованной и сбалансированной социально-экономической политики.

Для цитирования: Ерзнкян Б. А., Магомедов Р. Ш. О координации инструментов стратегического планирования и управления развитием макро-, мезо- и микроэкономических систем в разрезе региональной политики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1.С. 80–85. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-80-85.

1. Государственные программы как средство управления стратегическим развитием регионов

Всплеск интереса как со стороны властных органов, так и со стороны научного сообщества к государственному программированию как эффективному средству решения стратегических проблем социально-экономического развития на различных уровнях народнохозяйственной системы, включая региональный уровень, объясняется стремлением, явным или неявным, заполнить вакуум, образовавшийся в системе государственного управления / регулирования после распада планово-директивной системы.

Проблемам стратегического развития России посвящено множество трудов, в частности, Д. С. Львова [1], Л. П.и Р. Н. Евстигнеевых [2], В. Л. Тамбовцева [3], Б. А. Ерзнкяна [4] и др. В этих трудах дается авторское видение путей развития страны, вместе с тем обсуждаются проблемы реального воплощения предлагаемых путей в жизнь. В них отмечается, что главной причиной противоречия российской действительности является противоречие между огромными ресурсными возможностями к росту и низким уровнем жизни людей, частное присвоение «небольшой прослойкой властной и финансовой элиты того, что по высшему праву должно принадлежать всем» [1, с. 167]. В числе затрудняющих понимание сути происходящего проблем смешение, осознанное или неосознанное, понятий, почерпнутых из разных источников, времен и стран. Так, широко используемый термин «стратегия», как пишут супруги Евстигнеевы, «подменил собой прогнозирование, оставаясь им по существу», в то время как под ним следует понимать «активное непрерывное воздействие на формирование качественно новой, синергетической структуры экономики» [2, с. 186].

О подмене смыслов при решении проблем, хотя и высокоприоритетных, но в корне методологически различных, а потому и требующих различного к ним подхода, говорит и В. Л. Тамбовцев [3]. Одни проблемы нуждаются в построении для своей реализации систем, охватывающих всю экономику, другие – локальные – охватывают лишь часть социально-экономической системы. Рассматривать проблемы первого типа в качестве объектов потенциальных программ нецелесообразно, ибо «они окажутся необъятными, охватят множество государственных и негосударственных организаций», централизованная координация которых вряд ли станет возможной. Иное дело – проблемы второго типа: будучи выбранными для своего решения в качестве программных объектов, они хорошо ложатся в логику программно-целевого планирования (программирования), и для них «координировать действия субъектов,

**** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект 17-06-00500).***

функционирующих в рамках четкой технологии и связанных обязывающими контрактами, – вполне решаемая задача» [3, с. 83]. Но этого не чувствуют органы государственного управления, к примеру, Минфин РФ, считающий «полный охват программами всего бюджета одной из своих важных задач». В его документах «смысл терминов» изменен «на прямо противоположный по сравнению с тем, который им придают как в теории, так и в мировой практике» [3, с. 85].

Важность учета различий «в языке описания, которые – наряду с иными как объективными, так и субъективными факторами – могут привести к разнобою», обусловлена тем, что такой учет может привести «вместе с тем и к более рельефному представлению прорастающего и нуждающегося в своем воплощении образа желательной для человечества гуманитарной цивилизации» [4, с. 157].

Имеет смысл напомнить, что в 60-х – 70-х гг. прошлого столетия в СССР с помощью программ решались важные, но отдельные стратегические задачи, приводящие к качественным изменениям социально-экономической действительности. Соответственно, и возникала проблема увязки программ с планами, для решения которой предлагались те или иные способы включения или встраивания программ в планы. Этому предшествовало внедрение в США управленческой технологии, или системы “Planning – Programming – Budgeting System” (PPBS) на государственном уровне, обусловленное необходимостью усиления подотчетности и прозрачности федеральных органов исполнительной власти. Как в советской плановой, так и американской рыночной экономике, как показал опыт, применение программно-целевых методов планирования и управления оказывалось оправданным для решения не всех проблем, а только таковых, которые в противном случае трудно бы было решить с опорой на свои стандартные способы решения.

Внедрение государственных программ в практику управления на федеральном уровне берет начало с 2010 г. в рамках реализации Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г. Между тем внимательное изучение неоднозначного этапа подготовки закона о стратегическом планировании № 172-ФЗ вкупе с отсрочкой даты его реализации до 2019 г. вызывает небезосновательную настороженность: если в итоге мы получим систему, подобную по своему функциональному назначению программе автоматизации бухгалтерского учета на предприятии, ждать чего-то действенного от реализации закона вряд ли придется. Причина кроется в том, что в методологическом плане системы бухгалтерского учета и стратегического планирования совершенно отличаются друг от друга: если первая направлена на решение стандартных задач, предполагающих рутинные процедуры, вторая ориентирована на поиск нестандартных решений. Конечно, вопросы технического согласования различных документов стратегического планирования между собой, а также гармонизации правового поля важны, но не менее значимы и вопросы разработки различных аналитических информационных систем, включающих порталы государственных программ, государственных услуг, приоритетных проектов, электронный бюджет и пр. Тем не менее без решения сугубо методологических вопросов, играющих роль фундамента стратегического планирования и управления, ожидать отдачи от принятого закона будет затруднительно.

В российской переходной экономике в процессе фактического выхолащивания принципов программно-целевого управления различные виды программ утеряли свою основную функцию средства решения стратегически приоритетных проблем социально-экономического развития. Некоторые из причин таковы:

– отказ в процессе разработки программ от процедур анализа проблем и рассмотрения альтернативных вариантов их решения;

– пренебрежение требованиями взаимосвязи регионального и отраслевого аспектов планирования программных мероприятий;

– отказ от требования взаимоувязанности программных мероприятий, выразившихся в механистической структуре программ;

– выведение программной деятельности государства из сферы поставок для государственных нужд (государственной контрактной системы), представляющей собой эффективную форму ПЦУ (например, в США);

– превращение программы в инструмент бюджетного планирования, в результате которого из нее были вычленены инвестиционные проекты;

– централизация деятельности по разработке, реализации, утверждению, методическому обеспечению программ в системе органов исполнительной власти;

– отсутствие действенных методик расчета социально-экономической эффективности программ и мер контроля над деятельностью участников программных мероприятий [5, с. 160].

Неудовлетворительное состояние с изучением опыта разработки и реализации государственных программ РФ и субъектов РФ требует серьезного изучения, в особенности, причин коллизии между конкуренцией регионов за ограниченные бюджетные средства и необходимостью их сотрудничества. Проблема усугубляется дефицитом теоретических представлений об оперировании программными и проектными, по своей сути институциональными, понятиями применительно к условиям нестационарной экономики, пребывающей в состоянии скорее бессистемной, чем системной трансформации. Такой «нестационарный по преимуществу характер российской экономики делает невозможным использование равновесных, пусть и иллюзорно или фиктивно равновесных, моделей для представления многих ситуаций, в том числе инновационного развития экономики» [6, с. 7].

По мнению В. Н. Лившица, такую экономику можно определить как хозяйственную систему, «которой присущи достаточно резкие и плохо предсказуемые изменения многих макроэкономических показателей и параметров, уровни состояния и динамика которых не отвечает стационарному режиму экономики и нормальному рыночному циклу». Присущи же они, скорее, переходным экономикам со свойственными им кризисными или посткризисными процессами [7, с. 93].

Для системной трансформации экономики и адекватного управления этим процессом с ориентацией на стратегическое и инновационное развитие страны целесообразно решить ряд первостепенных задач, включающих:

1) выявление слабых и сильных сторон доминирующей методологии на предмет ее соответствия реалиям иннова-

ционного развития нестационарной экономики и нуждам инновационной политики;

2) определение требований к построению новой методологии, релевантной общественному спросу на инновационное развитие страны;

3) выявление особенностей длинноволновой динамики нестационарной экономики с позиций инкорпорирования в нее инновационной политики и задания нормативного вектора развития;

4) систематизацию внешних воздействий, негативно отражающихся на развитии российской экономики, и разработку защитных механизмов, способных срабатывать в условиях активизации внешних угроз;

5) переориентацию системы государственного управления, совершенствование организационной интеграции государственных программ и приоритетных проектов (программ).

Определенные надежды в этой связи можно возложить, несмотря на высказанную ранее настороженность, на перспективы, которые могут открыться с претворением в жизнь закона № 172-ФЗ, содержащего свод принципов, позволяющих, в частности, синхронизировать деятельность всей системы государственного управления по достижению согласованных целей социально-экономического развития.

2. Программы федерального и регионального уровней: конкретика

С точки зрения государственного программирования целесообразно выявить те особенности российской практики ее осуществления, которые препятствуют преобразованию госпрограмм всех видов (см. рисунок) в реальный инструмент стратегического управления на всех уровнях экономической организации.

Изучение структуры госпрограммы «Социально-экономическое развитие СКФО» на период до 2025 г. показало, что она, будучи по существу механически образованной совокупностью самостоятельных программ социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, страдает отсутствием целостности. Это приводит к тому, что распределение программного бюджета и характер программных мероприятий в разрезе субъектов СКФО способствует не интеграции экономического пространства, а, скорее, напротив – ведет к диспропорциональности уровней их социально-экономического развития.

Выявлены также противоречия в отношениях «программа – проект» и «программа – бюджет», препятствующие четкому разграничению расходных обязательств по обеспечению согласованного, устойчивого регионального развития.

Обращение к конкретным паспортам ряда программ (см. рисунок) с целью определения совокупного объема средств, выделенных на промышленное развитие Республики Дагестан, позволяет дать характеристику, в частности:

1) подпрограммы «Социально-экономическое развитие Республики Дагестан» до 2025 г. Госпрограммы № 1;

2) ГП РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»;

3) ГП Республики Дагестан «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (Госпрограмма № 2);

4) приоритетного проекта развития Республики Дагестан «Новая индустриализация».

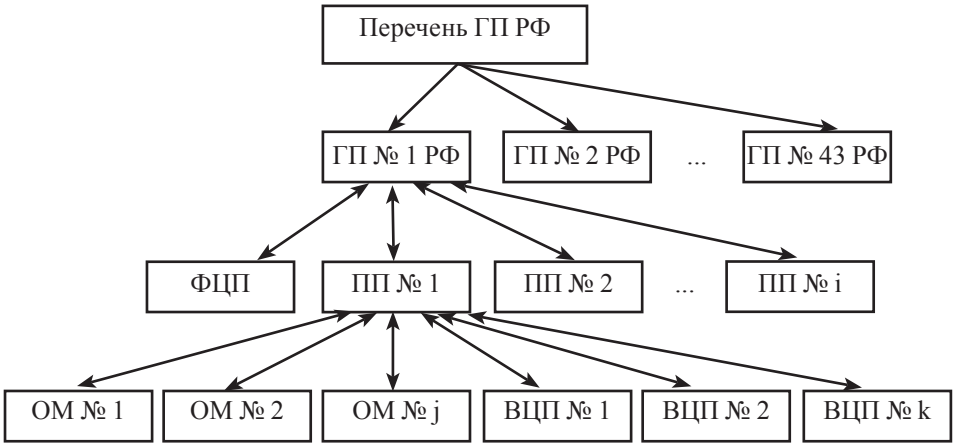


Рис. Состав и структура государственных программ РФ (условные обозначения: ГП – государственная программа; ФЦП – федеральная целевая программа; ПП – подпрограмма; ОМ – основное мероприятие; ВЦП – ведомственная целевая программа)

Fig. Composition and structure of state programs of the Russian Federation (Legend: GP – state program, FTP – federal target program, PP – subprogram, OM – main activity, VCP – departmental target program)

Анализ выявил практическую невозможность решения задачи повышения бюджетной обеспеченности субъектов, что объясняется следующим:

1) паспорта ГП федерального и регионального уровней не содержат данных по мероприятиям в разрезе субъекта РФ, что является серьезным упущением для основного документа бюджетного планирования, поскольку невозможно осуществить балансировку расходов консолидированного бюджета РФ в программно-территориальном разрезе;

2) в практике бюджетного планирования нормативно закреплена возможность урезать программные расходы бюджетов соответствующих уровней;

3) в рассмотренных программных структурах выявлены идентичные мероприятия, направленные на обеспечение реализации одних и тех же инвестиционных проектов, что

противоречит общепринятой мировой и отечественной практике, в соответствии с которой программа представляет собой множество взаимосвязанных инвестиционных проектов.

3. Консолидированный бюджет как механизм согласования федеральных и региональных интересов

Проблема совершенствования государственной региональной политики остается чрезвычайно актуальной. Оно, в частности, предполагает решение проблемы чрезмерной дифференциации социально-экономического развития субъектов РФ, которая в условиях слабой вовлеченности российской экономики в мирохозяйственные процессы и низкой конкурентоспособности ее производств «приведет к полной экономической деградации и окончательно придаст экономике «колониальную» структуру», способствуя развитию центробежных сил [1, с. 356]. Эти слова Д. С. Львова были высказаны им еще задолго до принятия против нашей страны небывалых по своему масштабу и размаху санкций. Для ее решения Д. С. Львов предложил концептуально новую модель государственной региональной политики, в которой «реально единый консолидированный бюджет» РФ сможет выступить в качестве механизма согласования федеральных и региональных интересов.

Из орудия политического давления бюджетная политика должна была превратиться в «реальный фактор, определяющий уровень жизни населения и экономическое развитие регионов» [1, с. 364]. Что же мешает практической реализации модели межбюджетных отношений, предложенной академиком Д. С. Львовым? Таким препятствием, в частности, выступает один из принципов распределения расходной части бюджетов бюджетной системы РФ, введенный в рамках реализации Концепции реформирования бюджетного процесса в РФ в 2004–2006 гг. и предполагающий деление расходных обязательств на обязательства действующие и принимаемые. Напомним, что в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22.05.2004 № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» (вместе с «Концепцией реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах», «Планом мероприятий по реализации Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах»), «расходные обязательства» трактуются вполне определенным образом. Под ними понимаются «обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанности публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета» (ст. 6 БК РФ).

С целью повышения качества и надежности бюджетного планирования, а также ликвидации «необеспеченных мандатов» органов власти различных уровней, в Концепции был сформулирован основной принцип бюджетного планирования – «гарантированное обеспечение в полном объеме действующих обязательств в соответствии с целями и ожидаемыми результатами государственной политики».

Применение этого принципа на практике выявило неоднозначное его воздействие на реализацию программ (целевых, ведомственных, государственных): с одной стороны, оно положительно сказалось на практике финансирования принятых программ, а с другой – привело к обесценению самого представления программы как способа решения актуальных проблем социально-экономического развития. В качестве причины такого обесценения можно указать на то, что не было предусмотрено никакое качественное различие между действующими и принимаемыми обязательствами (разделение расходных обязательств на действующие и принимаемые происходит по критерию очередности финансирования).

Более того, в соответствии с Федеральным законом от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации», статья 174 БК РФ была дополнена пунктом, имеющим два важных последствия:

1) деление расходных обязательств на действующие и принимаемые стало носить волюнтаристский характер, поскольку зависело от воли субъекта бюджетного планирования, поскольку всегда можно инициировать процедуру внесения изменений в нормативный правовой акт, регламентирующий реализацию программы;

2) гарантированное завершение действующих программ стало возможно только при заявленных или уменьшенных объемах финансирования, тогда как объективно возникшая потребность в дополнительном финансировании должна оформляться в виде принимаемого расходного обязательства.

Такой подход к разграничению расходных обязательств нельзя не признать довольно упрощенным и, по существу, слабо отвечающим целям социально-экономического развития РФ применительно к характеру межбюджетных отношений в условиях ее федеративного устройства, а также роли программ в решении проблем бюджетной дотационности большинства субъектов РФ. Именно поэтому следует провести разграничение между действующими и принимаемыми обязательствами по признаку повторяемости или отсутствия такового. Как это сделать?

Представляется разумным отнести к действующим расходным обязательствам социальные обязательства государства, гарантирующие минимальный объем государственных услуг. Используемые здесь методы бюджетного планирования – индексный и нормативный. Напротив, принимаемые обязательства должны характеризовать желаемые изменения в соответствующих сферах социально-экономического развития, реализуемые посредством программно-целевого метода (бюджетного) планирования. При этом совокупный объем принимаемых обязательств, представляющих собой систему целевых программ, формирует бюджет развития, играющий важную роль в реализации стратегических целей государства. Поступая так, можно будет повысить ответственность межбюджетных отношений федерального центра и регионов как серьезной основы для полноценного взаимодействия программ соответствующих уровней. Увеличение, к примеру, принимаемых расходных обязательств федерального бюджета в плановом периоде посредством выделения межбюджетного трансферта бюджету субъекта

РФ на реализацию госпрограммы субъекта РФ к началу нового планового периода может привести к изменению структуры расходных обязательств консолидированного бюджета РФ. Иными словами, это может привести к уменьшению принятых расходных обязательств федерального бюджета и увеличению текущих расходных обязательств бюджета субъекта РФ.

Реализацию на практике качественного разграничения взаимозависимых расходных обязательств можно будет рассматривать в качестве практического воплощения механизма согласования федеральных и региональных интересов, предложенного Д. С. Львовым.

4. Заключительные соображения

Хотя между нынешними государственными программами и приоритетными проектами (программами), с одной стороны, и планами и целевыми комплексными программами советского периода, с другой, есть много общего, в то же время есть много различий, которые не могут быть игнорированы. Одни из них направлены на решение постоянно присутствующих в реальности задач, в том числе стратегических, требующих решения в рамках определенным образом установленных организационных структур, другие – на решение локальных задач. Локальность последних не означает их второстепенности перед задачами первого типа; это лишь указание на то, что периодически могут возникать отдельные задачи, требующие такого решения, которые не могут быть эффективно осуществлены в рамках стандартных структур и процедур. Наблюдаемая путаница в употреблении термина «программа» применительно к различным по своему характеру ситуациям, не должна быть проигнорированной, ибо может привести вместо разрешения проблемной ситуации к ее усугублению.

Следует обратить внимание также на предостережения зарубежных [8] и отечественных [9] экспертов по поводу бесперспективности внедрения программно-целевого бюджетирования в качестве самостоятельной инициативы.

Еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание, касается автоматизации процессов государственного управления, которая может привести к возникновению одной очень важной проблемы. Выражается она в том, что автоматизация рутинных управленческих процедур, отражающая и консервирующая их институциональное качество, при низком уровне последнего и отсутствии строгих и непротиворечивых принципов, на которых эти процедуры основаны, может привести к автоматизации беспорядка. Отсюда важность обращения внимания на институциональное качество программы, которое заключается в следующем:

– в создании условий для формирования устойчивых образцов поведения, позволяющих воспроизводить программные результаты после ее завершения;

– в способности минимизировать случаи недобросовестного поведения участников программных мероприятий; для его достижения предполагается использование не только мер принуждения к исполнению контракта, но и средств морального воздействия в случае отсутствия формального контракта.

Институциональное качество должно быть такого уровня, чтобы оно могло реально содействовать стимулированию процесса социально-экономических преобразований. Здесь многое зависит от качества механизма сопровождения государственных программ, способного при определенных условиях обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие РФ; повышение управляемости процессов развития промышленности (народного хозяйства); усиление ответственности органов исполнительной власти, участвующих в разработке и реализации мероприятий государственных программ, за достижение заложенных в них целей; достижение стратегических целей социально-экономического развития РФ. Для всего этого следует, помимо прочего, наладить интерактивное взаимодействие государства и бизнеса на уровне регионов посредством формирования многоуровневой системы, в которой процесс планирования осуществляется и на уровне региональных (локальных) подсистем, и на народнохозяйственном уровне.

Литература

1. Львов Д. С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. 511 с.

2. Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Стратегия экономического развития России: теоретический аспект. М.: Ленанд; URSS, 2016. 216 с.

3. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Программно-целевое планирование: вчера, сегодня… Завтра? // Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 76–90.

4. Ерзнкян Б. А. Стратегия экономического развития России: от референции к референту (О книге Л. П. и Р. Н. Евстигнеевых «Стратегия экономического развития России: теоретический аспект») // Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 152–159.

5. Магомедов Р. Ш. Государственные программы в системе управления региональным развитием // Теория и практика институциональных преобразований в России / под ред. Б. А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2017. Вып. 41. С. 156–165.

6. Ерзнкян Б. А. Системный анализ подходов к инновационному развитию нестационарной экономики // Теория и практика институциональных преобразований в России / под ред. Б. А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. Вып. 32. С. 6–25.

7. Лившиц В. Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России, 1992–2013. М.: Ленанд, 2013. 631 с.

8. Robinson M., Last D. A Basic Model of Performance-Based Budgeting // Fiscal Affairs Department, International Monetary Fund. September, 2009. Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/tnm/2009/tnm0901.pdf (дата обращения 15.10.2017).

9. Магомедов Р. Ш. О сущности проектного управления программным развитием // Теория и практика институциональных преобразований в России / под ред. Б. А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2017. Вып. 39. С. 145–150.

ON COORDINATION OF STRATEGIC PLANNING TOOLS AND MANAGEMENT OF MACRO-, MESO- AND MICROECONOMIC DEVELOPMENT IN THE REGIONAL POLICY

***Bagrat H. Yerznkyan*[1, @1, @2, *], *Ruslan Sh. Magomedov*[1, @3, *]**

[1] *Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, 47, Nakhimovsky Ave., Moscow, Russia, 117418*
[@1] *yerz@cemi.rssi.ru*
[@2] *lvova1955@mail.ru*
[@3] *mrsh.cemi2000@mail.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: state program, coordination, strategic planning, development management, regional policy.

Abstract: The current research is based on the study of passports of state programs at the federal and regional levels related to the development of the Republic of Dagestan. The authors analyze the quality of regulatory, legal and methodological base of the state programs and compare them with the actual state of affairs. Quality problems are indicated by serious methodological flaws in the database, which prevent effective solutions of regional problems and lead to their conservation. As for the realities, it has been found that it is impossible to determine the contribution of programs to the achievement of declared goals and to assess the effectiveness of the executive bodies responsible for their implementation. The discrepancy between goals and results is due to the duplication of functions and the erosion of the responsibility of power structures, the lack of clarity in the movement of counter cash flows from the center to the regions and vice versa, the lack of coordination of various regional policy instruments aimed at solving strategic tasks and implementing program guidelines. The unresolved nature of such problems actualizes the need to create a multilevel coordination mechanism in order to pursue a strategically coordinated and balanced socio-economic policy in the region.

For citation: Yerznkyan B. H., Magomedov R. Sh. O koordinatsii instrumentov strategicheskogo planirovaniia i upravleniia razvitiem makro-, mezo- i mikroekonomicheskikh sistem v razreze regional'noi politiki [On Coordination of Strategic Planning Tools and Management of Macro-, Meso- and Microeconomic Development in the Regional Policy]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 80–85. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-80-85.

References

1. L'vov D. S. *Ekonomika razvitiia* [Economics of development]. Moscow: Ekzamen, 2002, 511.
2. Evstigneeva L. P., Evstigneev R. N. *Strategiia ekonomicheskogo razvitiia Rossii: teoreticheskii aspekt* [The strategy of Russia's economic development: a theoretical aspect]. Moscow: Lenand; URSS, 2016, 216.
3. Tambovtsev V. L., Rozhdestvenskaia I. A. Programmno-tselevoe planirovanie: vchera, segodnia… Zavtra? [Program-target planning: Yesterday, today… Tomorrow?]. V*oprosy ekonomiki = Issues of economics*, no. 6 (2016): 76–90.
4. Yerznkyan B. H. Strategiia ekonomicheskogo razvitiia Rossii: ot referentsii k referentu (O knige L. P. i R. N. Evstigneevykh «Strategiia ekonomicheskogo razvitiia Rossii: teoreticheskii aspekt») [The strategy of Russia's economic development: From reference to referent (The book by L. P. Evstigneeva and R. N. Evstigneev "The strategy of Russia's economic development: A theoretical aspect")]. *Voprosy ekonomiki = Issues of economics*, no. 2 (2017): 152–159.
5. Magomedov R. Sh. Gosudarstvennye programmy v sisteme upravleniia regional'nym razvitiem [State programs in the regional development management system]. *Teoriia i praktika institutsional'nykh preobrazovanii v Rossii* [Theory and Practice of Institutional Transformations in Russia]. Ed. Yerznkyan B. H. Moscow: TsEMI RAN, iss. 41 (2017): 156–165.
6. Yerznkyan B. H. Sistemnyi analiz podkhodov k innovatsionnomu razvitiiu nestatsionarnoi ekonomiki [System analysis of approaches to the non-stationary economy innovative development]. *Teoriia i praktika institutsional'nykh preobrazovanii v Rossii* [Theory and Practice of Institutional Transformations in Russia]. Ed. B. H. Yerznkyan. Moscow: TsEMI RAN, Iss. 32 (2017): 6–25.
7. Livshits V. N. *Sistemnyi analiz rynochnogo reformirovaniia nestatsionarnoi ekonomiki Rossii, 1992–2013* [System analysis of market reform of the non-stationary economy of Russia, 1992–2013]. Moscow: Lenand, 2016, 631.
8. Robinson M., Last D. *A Basic Model of Performance-Based Budgeting. Fiscal Affairs Department, International Monetary Fund*. September, 2009. Available at: https://www.imf.org/external/pubs/ft/tnm/2009/tnm0901.pdf (accessed 15.10.2017).
9. Magomedov R. Sh. O sushchnosti proektnogo upravleniia programmnym razvitiem [On the essence of project management of program development]. *Teoriia i praktika institutsional'nykh preobrazovanii v Rossii* [Theory and Practice of Institutional Transformations in Russia]. Ed. Yerznkyan B. H. Moscow: TsEMI RAN, Iss. 39 (2017): 145–150.

**** The paper is supported by a grant of Russian Foundation for Basic Research (project 17-06-00500).***

УДК 332.146.2

ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ В РОССИИ И ПОВЫШЕНИЕ ИХ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

***Марина В. Иванова*[1,@]**

[1] *Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6*
[@] *830413@ngs.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногород, градообразующее предприятие, проблемы монопрофильных муниципальных образований, социально-экономическое развитие, конкурентоспособность.

Аннотация: С целью преодоления кризисного вектора развития моногородов необходимо формирование стратегии повышения уровня их конкурентоспособности, что должно базироваться на комплексе взаимодополняющих действий как со стороны градообразующего предприятия, так и со стороны моногорода. В статье представлен анализ тенденций развития монопрофильных образований России, показаны основные проблемы развития моногородов. На основании полученных результатов предложены базовые направления повышения конкурентоспособности монопрофильных образований. В качестве предмета исследования определены тенденции и направления развития моногородов России. Целью работы является рассмотрение особенностей функционирования моногородов в России, выявление наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на повышение их конкурентоспособности, определение перспективных направлений развития моногородов с учетом деятельности градообразующего предприятия. В статье автором применены методы библиографического, исторического, сравнительного, экономико-статистического, а также анализа динамики и структуры исследуемых параметров. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов исследования при формировании стратегии повышения конкурентоспособности и роста социально-экономических показателей моногорода. Полученные автором в ходе анализа данные о социально-экономическом состоянии моногородов свидетельствуют об усилении негативных процессов.

Для цитирования: Иванова М. В. Тенденции и особенности развития моногородов в России и повышение их конкурентоспособности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 86–91. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-86-91.

Исследование особенностей и тенденций развития монопрофильных муниципальных образований и разработка стратегий повышения их конкурентоспособности требуют системного подхода, включающего: изучение существующей нормативно-правовой базы, социальных, правовых, политических проблем территории, анализ истории и предпосылок возникновения градообразующих предприятий и монопрофильных образований, определение роли градообразующего предприятия в социально-экономическом развитии моногорода.

Исторические аспекты возникновения монопоселений являются определяющими для развития монопрофильных образований и градообразующих предприятий на современном этапе.

Функционирование многих российских градообразующих предприятий приобрело массовый проблемный характер в начале 90-х гг. XX века, когда после распада СССР произошла отмена государственных плановых закупок продукции и контроля ценообразования, эти факторы произвели негативное воздействие на деятельность градообразующих предприятий, поставив их перед реалиями рыночной экономики. С этого периода произошло сокращение прироста количества моногородов [1].

Градообразующие предприятия, выпускаемая продукция которых оказалась неконкурентоспособной, вынуждены были снизить или прекратить свою деятельность. Значительные производственные площади градообразующих предприятий были приватизированы, оказавшись в собственности крупных российских промышленных групп, которые в своем большинстве отказывались от выполнения социальных обязательств. Узкая, специфическая профессиональная направленность населения не позволяла оперативно отреагировать на возникшие изменения, что привело к росту социальной напряженности.

На современном этапе продолжается начавшийся в конце XX века процесс рецессии значительной доли градообразующих предприятий. Мировой финансовый кризис и санкционные ограничения усугубили проблемы несостоятельности многих российских организаций, особенно тех, деятельность которых ориентирована на выпуск экспортной продукции. В условиях санкций и падения спроса на продукцию российского производства на внешних рынках сбыта градообразующие предприятия вынуждены идти на значительное снижение объемов выпускаемой продукции.

В связи с низкой диверсификацией экономики моногородов это предопределяет сокращение налоговых поступлений в бюджет от основного налогоплательщика, рост уровня безработицы и социальной напряженности, снижение доходов населения и, как следствие, его платежеспособного спроса.

С целью разработки адресных программ поддержки моногородов и объективной оценки выявленных проблем градообразующих предприятий в России принято выделение категорий монопрофильных муниципальных образований в зависимости от рисков ухудшения социально-экономической ситуации: с наиболее сложной, с риском ухудшения и со стабильной социально-экономической ситуацией.

На 01.01.2018 в России зарегистрировано 319 населенных пунктов, имеющих статус монопрофильного муниципального образования, 100 из которых характеризуются наиболее сложным социально-экономическим положением, в 148 муниципальных образованиях возможны риски ухудшения социально-экономической ситуации, 71 характеризуется стабильным социально-экономическим развитием [2; 3]. Учитывая, что общая численность населения Российской Федерации на 1 ноября 2017 г. – 146,9 млн человек, доля населения, проживающего в монопрофильных образованиях, составляет 9 % [4]. При этом 31,5 % от общего числа населения монопрофильных образований проживает в моногородах с наиболее сложным социально-экономическим положением.

К основным проблемам моногородов относятся:

– отсутствие отраслевой диверсификации;

– зависимость бюджета города от результата функционирования градообразующего предприятия как основного налогоплательщика;

– острая реакция всех сфер жизнедеятельности города на внешние экономические процессы;

– социальная и экономическая незащищённость населения ввиду узкой специализации;

– однородность профессионального состава населения;

– угроза длительной безработицы из-за дисбаланса между спросом и предложением на труд;

– отток экономически активного населения по причине низкого уровня заработных плат;

– нарастание социальной напряженности;

– износ непроизводственных фондов градообразующего предприятия, которые представлены объектами инфраструктуры и социальной сферы города;

– ухудшение состояния жилищного фонда;

– существующие административные сложности при получении государственной поддержки.

В стратегии решения проблем моногородов существует три базовых направления: повышение диверсификации экономики; поддержка существующей социально-экономической базы моногорода и переселение постоянно проживающего населения из моногорода [5; 6].

Третий вариант решения проблем моногородов является наиболее трудновыполнимым, чтобы рассматривать его в качестве инструмента для систематического использования, в первую очередь это связано с высокими финансовыми затратами. В. Я. Любовный произвел расчет требуемых финансовых вложений со стороны государства для переселения жителей двадцати моногородов с численностью населения 20 тыс. человек исходя из того, что на одного человека полагается 18 кв. метров жилья, при средней стоимости кв. метра в 30 тыс. рублей для реализации данной программы потребуется 600 млрд рублей [7, с. 53].

В 2014 г. Президентом России В. В. Путиным и Правительством Российской Федерации была поставлена стратегическая задача: «Обеспечить развитие российских моногородов в первую очередь через диверсификацию их экономики, создание новых рабочих мест и привлечение инвестиций» [8].

Одним из инструментов выполнения данных программ является привлечение в моногорода инвестиций путем реализации инфраструктурных и инвестиционных проектов, повышения конкурентоспособности монотерриторий. Конкурентоспособность монопрофильного муниципального образования предполагает способность эффективного использования ресурсного потенциала территории, находящегося в тесной взаимосвязи с конкурентными параметрами градообразующего предприятия, для обеспечения достижения превосходства в факторах, оказывающих положительное влияние на социально-экономическое развитие монопрофильного муниципального образования.

В монопрофильности можно выделить положительные аспекты, такие как: высокие профессиональные качества основной массы населения; приверженность населения традициям; сосредоточенность на выпуске определенной, нередко высокотехнологичной продукции, что позволяет добиваться высоких результатов ее конкурентоспособности; моногорода могут рассматриваться в качестве точек роста для близлежащей территории. Тем не менее нельзя не согласиться, что все моногорода – проблемные.

Конкурентоспособность моногорода, определяемая совокупностью значимых факторов, оказывает прямое воздействие не только на степень инвестиционной привлекательности территории со стороны бизнеса, но и на уровень государственной помощи.

В 2014 г. Внешэкономбанком при поддержке правительства Российской Федерации учреждена некоммерческая организация «Фонд развития моногородов», целью которой является формирование необходимых условий для создания новых рабочих мест и привлечения инвестиций в моногорода с наиболее сложной социально-экономической ситуацией [9].

30 ноября 2016 г. на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам утверждён паспорт программы «Комплексное развитие моногородов». Цель программы – уменьшение зависимости моногородов от деятельности градообразующих предприятий, создание к концу 2018 г. 230 тыс. новых, не связанных с такими предприятиями рабочих мест, а также сокращение количества моногородов на 18 к 2018 г.

По данным на 1 января 2017 г. «Фондом развития моногородов» заключено 18 соглашений с регионами о софинансировании расходов по реализации проектов строительства и реконструкции объектов инфраструктуры на общую сумму 11,1 млрд рублей. На поддержку моногородов уже перечислено 4,4 млрд рублей, из которых более 1 млрд рублей (30 %) направлено в Кемеровскую область, где в моногородах проживает 60 % населения области [10]. Общий объем финансовой поддержки моногородов за период 2010–2017 гг. (без учета поддержки градообразующих предприятий) составил 116 млрд рублей.

Важно заметить, что помощь была оказана моногородам, имеющим потенциал для создания новых инфраструктурных объектов и производств. Небольшие депрессивные монопоселения, не обладающие возможностью для привлечения инвестиций и развития, независимо от деятельно-

сти градообразующего предприятия, остались вне государственной поддержки [11].

Поддержка моногородов со стороны государства не ограничивается исключительно финансовыми трансферами. Активное создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в кризисных моногородах является действенным инструментом регулирования проблем моногородов. Сегодня 36 моногородов обладают статусом ТОСЭР с законодательно закрепленными для них преференциями [12]. Предполагается, что создание ТОСЭР позволит повысить уровень диверсификации экономики территории за счет привлечения инвестиционного капитала. Статус ТОСЭР не может быть получен закрытыми административно-территориальными образованиями [13]. Для этих территорий предусмотрены иные адресные варианты государственной поддержки, которые в первую очередь нацелены на решение существующих проблем градообразующих предприятий.

Для анализа результативности проводимых программ поддержки развития моногородов важен систематический контроль целевых количественных и качественных показателей их социально-экономического развития.

В России нет единой методической базы оценки социально-экономического состояния моногородов, что снижает точность анализа показателей монопрофильных образований и оказывает негативное воздействие на объективность определения стратегического вектора их развития.

В таблице представлена динамика изменений основных социально-экономических параметров моногородов в период с 2013 по 2017 гг.

Таблица. Динамика изменений социально-экономических показателей моногородов [14; 15]
Table. Dynamics of changes in socio-economic indicators of single-industry towns [14; 15]

Показатели	01.07.14	01.07.17	Показатели темпа прироста	2014/2017
Численность населения, млн человек	13,57	13,51	Численность населения, %	-0,45
Численность занятого населения, млн человек, в том числе:	5,7	5,9	Численность занятого населения, % в том числе:	3,5
на градообразующих предприятиях, млн человек	1,0	0,92	на градообразующем предприятии, %	-8,4
в сфере малого и среднего бизнеса, млн человек	1,2	1,5	в сфере малого и среднего бизнеса, %	25
Численность безработных граждан, тыс. человек	95,2	93,1	Численность безработных граждан, %	-2,2
Доля безработных граждан относительно общей численности занятого населения, %	1,67	1,57	Доля безработных граждан относительно общей численности занятого населения, %	-6
Уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель 1,2 %, количество моногородов, шт.	162	173	Уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель 1,2 % (количество моногородов), %	6,79
Уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель в 2 и более раза, количество моногородов, шт.	66	77	Уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель в 2 и более раза (количество моногородов), %	6,06

Количественный анализ развития моногородов указывает на снижение доли населения, занятого на градообразующих предприятиях, что сбалансировано ростом числа занятых в сфере малого и среднего бизнеса. Положительную динамику показывает показатель общей численности безработных граждан, который снизился в рассматриваемом периоде на 2,2 %. Полученные данные могут свидетельствовать об успешном проведении программ диверсификации экономики моногородов.

Однако общая численность населения моногородов в исследуемом периоде сократилась на 60 тыс. человек, при этом наблюдается рост монопрофильных образований с уровнем регистрируемой безработицы, превышающем среднероссийский в 2 и более раз. Учитывая, что в программу поддержки вошли крупные моногорода (Тольятти, Набережные Челны), то на общую положительную динамику социально-экономических процессов моногородов оказали влияние позитивные сдвиги в социально-экономических процессах данных монопрофильных образований.

По результатам опроса, проведенного Счетной палатой Российской Федерации в 2017 г. среди 584 жителей 60 моногородов, 73 % респондентов оценили социально- экономи-

ческую ситуацию на территории своего проживания как «неблагоприятную» или «терпимую с трудом» (2015 г. такого мнения придерживалось 60 % респондентов), 42 % респондентов считают высоким уровень безработицы, при этом возможность найти работу в своем населенном пункте 89 % опрошенных считают «невозможным» или «возможным с трудом», 41 % респондентов считает, что власть не предпринимает мер для улучшения социально-экономической ситуации в моногороде [3].

Полученные в ходе анализа данные о социально-экономическом состоянии моногородов свидетельствуют об усилении негативных процессов. Это связано с неблагоприятным состоянием градообразующей отрасли в большинстве моногородов России, которое приводит к резкому ухудшению социально-экономических показателей в моногородах, отрицательно сказываясь на качестве жизни населения.

На основании изучения динамики изменения количественных параметров социально-экономического развития конкретного моногорода, а также исходя из результатов анализа его качественных показателей, можно выделить основные конкурентные преимущества моногорода и сделать заключение о стратегических направлениях повышения его конкурентных преимуществ, к которым относятся:

1. Повышение уровня диверсификации экономики моногородов путем осуществления программ поддержки малого и среднего бизнеса; привлечения инвестиционного капитала на территорию моногорода с помощью: продвижения территорий опережающего развития и особых экономических зон, привлечения специалистов по формированию общественного мнения для развития брэндинга территории, создания его положительного имиджа путем формирования деловой среды, развития транспортной и логистической инфраструктуры, обеспечения кадрового потенциала, создания программ поддержки для предприятий, чья деятельность направлена на замещение импортной продукции, инновационных разработок, развитие кластеров.

2. Улучшение качества городской среды и качества жизни населения: благоустройство и модернизация мест массового отдыха; создание комплекса центров досуга для молодежи; реставрация объектов культурного наследия; модернизация объектов социальной инфраструктуры; развитие программ, способствующих улучшению жилищных условий, программ, направленных на помощь в приобретении жилья молодым семьям, реконструкция жилищно-коммунального хозяйства.

Важную роль в развитии моногородов играют меры, направленные на улучшение экологической обстановки; обеспечение социальной защиты населения и его общественной безопасности; модернизацию системы здравоохранения; разработку образовательных программ, направленных на изменение профиля подготовки средне-специальных и высших образовательных учреждений в соответствии с условиями рынка труда; повышение доступности и качества дошкольного и дополнительного образования; усиление динамики роста доходов населения, снижение уровня дифференциации доходов, формирование положительных условий занятости трудоспособного населения на территории моногорода с целью снижения уровня механической миграции; оптимизацию механизмов и мер поддержки социально незащищенных слоев населения.

Приведенный анализ социально-экономического положения монопрофильных муниципальных образований показывает лишь общую тенденцию их развития в условиях современных экономических процессов, не учитывая индивидуальных факторов, оказывающих воздействие на функционирование конкретного муниципального образования.

Разнохарактерная направленность эволюционной составляющей монопрофильных территорий, обусловленная историческими, географическими, климатическими, институциональными, социальными, экономическими, культурными факторами воздействия, требует точечной оценки для определения и разработки стратегий повышения их конкурентоспособности.

Литература

1. Тургель И. Д. «Города компаний»: прошлое или будущее городского развития // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дезинтеграционных процессах: материалы международной научной конференции в рамках VIII Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (26.09.2017–01.10.2017). Пермь, 2017. С. 441–445.

2. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р. Режим доступа: http://government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf (дата обращения: 09.11.2017).

3. Опрос жителей моногородов (муниципальных образований, на территории которых находятся «градообразующие» предприятия) (30.09.2016–01.02.2017) // Портал государственного и муниципального финансового аудита. Режим доступа: https://portal.audit.gov.ru/#/surveys/announcements/view/144358222 (дата обращения: 11.12.2017).

4. Демография // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 11.12. 2017).

5. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Моногорода России: от аутсайдеров к лидерам экономического развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 5. С. 7–21. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-rossii-ot-autsayderov-k-lideram-ekonomicheskogo-razvitiya (дата обращения: 05.01.2018).

6. Ряховская А. Н., Полякова А. Г. Модернизация российских моногородов: стратегические ориентиры институционального реформирования // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 4. С. 54–65. Режим доступа: //cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossiyskih-monogorodov-strategicheskie-orientiry-institutsionalnogo-reformirovaniya (дата обращения: 29.12.2017).

7. Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М.: Дортранспечать, 2009. 110 с.

8. Фонд развития моногородов. Режим доступа: http://www.frmrus.ru/?page_id=2 (дата обращения: 03.09.2017).

9. Поддержка моногородов России // ВЭБ Банк развития. Режим доступа: http://veb.ru/strategy/region/mono/#fond/ (дата обращения: 06.09.2017).

10. В 2016 г. численность занятого населения моногородов сократилась на 288 тыс. человек или на 5 % // Счетная палата РФ. 18.05.2017. Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/30165?sphrase_id=4306619 (дата обращения: 17.06.2017).

11. Отчет о результатах деятельности некоммерческой организации «Фонд развития моногородов». 2016. Режим доступа: http://www.frmrus.ru/upload/manual-upload/report_2016/report.html#p=1 (дата обращения: 10.11.2017).

12. Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) // Минэкономразвития России. 15.04.2016. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econreg/monitoringmonocity/20160415# (дата обращения: 10.01.2018).

13. Внесены изменения в закон о территориях опережающего социально-экономического развития в России. 05.12.2017. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/news/56311 (дата обращения: 10.01.2018).

14. О текущей социально-экономической ситуации в моногородах // Правительство России. 17.09.2017. Режим доступа: http://government.ru/orders/selection/405/29731/ (дата обращения: 30.10.2017).

15. О мониторинге социально-экономического положения в моногородах // Правительство России. 21.09.2014. Режим доступа: http://government.ru/orders/selection/405/14958/ (дата обращения: 30.10.2017).

TENDENCIES AND FEATURES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN MONOTOWNS AND THEIR COMPETITIVE RECOVERY

***Marina V. Ivanova*[1, @]**

[1] *Siberian Institute of Management – branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 6, Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, Russia, 630102*
[@] *830413@ngs.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: monotown, city-forming enterprise, problems of monoprofile municipal units, social and economic development, competitiveness.

Abstract: To overcome the crisis vector in the development of monotowns, it is necessary to form a strategy that would increase the level of their competitiveness. The procedure should be based on a complex of complementary actions, both from the city-forming enterprise and from the monotown itself. The paper features an analysis of development tendencies in Russian monoprofile urban settlements, as well as the main problems of development of monotowns. The results obtained have made it possible to offer some basic directions for competitive recovery of monoprofile settlements. The subject of the research is the tendencies and development directions of Russian one-industry urban settlements. The research goal includes 1) consideration of functioning features of Russian monotowns, 2) identification of the most significant factors in competitive recovery of monotowns, 3) determination of perspective directions for monotown development that would take into account the peculiarities of the city-forming enterprise. The author used bibliographic, historical, comparative, economical and statistical methods as well as an analysis of dynamics and structure of the parameters in question. The practical implication of the research is that the results obtained can be used for strategy forming of competitive and socio-economic recovery of a single-industry urban settlement. The current data suggest a decline in social and economic conditions of monotowns.

For citation: Ivanova M. V. Tendentsii i osobennosti razvitiia monogorodov v Rossii i povyshenie ikh konkurentosposobnosti [Tendencies and Features of Development of Russian Monotowns and Their Competitive Recovery]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 86–91. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-86-91.

References

1. Turgel' I. D. «Goroda kompanii»: proshloe ili budushchee gorodskogo razvitiia [«Company cities»: past or future of city development]. *Rossiia i ee regiony v polimasshtabnykh integratsionno-dezintegratsionnykh protsessakh: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh VIII Ezhegodnoi nauchnoi assamblei Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov (26.09.2017–01.10.2017*) [Russia and its regions in large-scale integration and disintegration processes: materials of the international scientific conference within the VIII Annual scientific assembly of Association of the Russian geographers-social scientists (26.09.2017–01.10.2017)]. Perm, 2017, 441–445.

2. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the approval of the list of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns)]. Order of the Government of

the Russian Federation of 29.07.2014 No. 1398-r. Available at: http://government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf (accessed 09.11.2017).

3. *Opros zhitelei monogorodov (munitsipal'nykh obrazovanii, na territorii kotorykh nakhodiatsia «gradoobrazuiushchie» predpriiatiia) (30.09.2016–01.02.2017)* [Poll of monotown residents (municipal units with «city-forming» enterprises) (30.09.2016–01.02.2017)]. Available at: https://portal.audit.gov.ru/#/surveys/announcements/view/144358222 (accessed 11.12.2017).

4. *Demografiia* [Demography]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (accessed 11.12.2017).

5. Ivanov O. B., Buhvald E. M. Monogoroda Rossii: ot autsajderov k lideram jekonomicheskogo razvitija [Monotowns of Russia: from outsiders to leaders of economic development]. *ETAP: ekonomicheskaia teoriia, analiz, praktika = ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, no. 5 (2017): 7–21. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-rossii-ot-autsayderov-k-lideram-ekonomicheskogo-razvitiya (accessed 05.01.2018).

6. Riakhovskaia A. N., Poliakova A. G. Modernizatsiia rossiiskikh monogorodov: strategicheskie orientiry institutsional'nogo reformirovaniia [Modernization of the Russian monotowns: strategic reference points of institutional reforming]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie = Effective Crisis Management Journal*, no. 4 (2016): 54–65. Available at://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossiyskih-monogorodov-strategicheskie-orientiry-institutsionalnogo-reformirovaniya (accessed 29.12.2017).

7. Lybovniy V. Ia. *Monoprofil'nye goroda v usloviiakh krizisa: sostoianie, problemy, vozmozhnosti reabilitatsii* [The monoprofile cities in the conditions of crisis: condition, problems, possibilities of rehabilitation]. Moscow: Dortranspechat', 2009, 110.

8. *Fond razvitiia monogorodov* [Fund of Development of Monotowns]. Available at: http://www.frmrus.ru/?page_id=2 (accessed 03.09.2017).

9. *Podderzhka monogorodov Rossii* [Support of the monotowns of Russia]. Available at: http://veb.ru/strategy/region/mono/#fond/ (accessed 06.09.2017).

10. *V 2016 g. chislennost' zaniatogo naseleniia monogorodov sokratilas' na 288 tys. chelovek ili na 5 %* [In 2016 the number of an occupied population of monotowns was reduced by 288 thousand people or for 5 %]. 18.05.2017. Available at: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/30165?sphrase_id=4306619 (accessed 17.06.2017).

11. *Otchet o rezul'tatakh deiatel'nosti nekommercheskoi organizatsii «Fond razvitiia monogorodov»* [Report on the results of the activities of the nonprofit organization «Fund for Development of Monotowns»]. 2016. Available at: http://www.frmrus.ru/upload/manualupload/report_2016/report.html#p=1 (accessed 10.11.2017).

12. *Edinyi perechen' mer podderzhki monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [The single list died supports of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monocities)]. 15.04.2016. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econreg/monitoringmonocity/20160415# (accessed 10.01.2018).

13. *Vneseny izmeneniia v zakon o territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Rossii* [Changes have been made to the law on the territories of the advancing social and economic development in Russia]. 05.12.2017. Available at: http://kremlin.ru/acts/news/56311 (accessed 10.01.2018).

14. *O tekushchei sotsial'no-ekonomicheskoi situatsii v monogorodakh* [On the current socio-economic situation in single-industry towns]. 17.09.2017. Available at: http://government.ru/orders/selection/405/29731/ (accessed 30.10.2017).

15. *O monitoringe sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia v monogorodakh* [On monitoring the economic and social situation in monotowns]. 21.09.2014. Available at: http://government.ru/orders/selection/405/14958/ (accessed 30.10.2017).

УДК 338.23

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ, ИНИЦИАТИВНОГО И ПРОДУКТОВОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Евгений А. Капогузов[1, @, *]

[1] *Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55-а*
[@] *egenk@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, продуктовое бюджетирование, стратегическое планирование, открытые бюджеты, моногорода.

Аннотация: В статье рассматривается развитие практик инициативного бюджетирования в России и за рубежом. Отмечается недостаток теоретической проработки и методологической поддержки процесса инициативного бюджетирования, что не способствует предметной институционализации инициативного бюджетирования и препятствует распространению лучших практик и социального обучения среди широких слоев стейкхолдеров. Показана важность решения фундаментальной научной задачи в виде создания методик оценки результативности бюджетных расходов в различных дискретных институциональных альтернативах и формирования на уровне российских муниципалитетов механизмов продуктового бюджетирования. Представлены элементы научного дискурса в данной сфере в контексте развития вопросов модернизации государственного управления и бюджетного процесса в частности. Применительно к практикам развития в регионах отмечается нахождение процессов в сфере открытости бюджетных данных и инициативного бюджетирования скорее на стадии «информирования», тогда как для успешности функционирования системы необходим переход к стадии вовлечения и сопроизводства. Рассмотрены возможности использования открытости бюджетов и инициативного бюджетирования как элементов прямой демократии для развития моногородов вместе с другими инструментами стратегического управления.

Для цитирования: Капогузов Е. А. Взаимосвязь стратегического планирования, инициативного и продуктового бюджетирования в России и за рубежом // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018 № 1. С. 92–96. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-92-96.

Постановка проблемы и актуальность исследования

Развитие практик инициативного и партиципаторного бюджетирования в 2015–2017 гг. в России требует научного осмысления и институционализации в рамках научного дискурса. В этой связи речь идет о разработке методологии оценки эффективности деятельности в сфере инициативного бюджетирования как со стороны государственных, так и негосударственных субъектов и выявлении институциональных барьеров, препятствующих развитию практики инициативного бюджетирования на уровне региона.

Практика инициативного бюджетирования (ИБ) бурно развивается, но ее научное осмысление и методологическая поддержка, как отмечалось на Международном форуме стран БРИКС «Вовлечение граждан в развитие общественной инфраструктуры» в сентябре 2017 г. в г. Уфе, отстают от практики развития общественных процессов в данной сфере. Вместе с тем недостаток теоретической проработки и методологической поддержки вышеуказанных процессов не способствует предметной институционализации инициативного бюджетирования, препятствует распространению лучших практик и социального обучения среди широких слоев стейкхолдеров. Другой фундаментальной научной задачей является создание методик оценки результативности бюджетных расходов и формирование на уровне российских муниципалитетов механизмов продуктового бюджетирования, характерных в частности для коммун Германии. Хотя в Германии внедряется инструментарий бюджетирования, ориентированного на результат, продуктовых бюджетов и системы открытых данных, также не развита методология стратегического управления бюджетными показателями.

С начала 1990-х годов в рамках немецкой версии концепции Нового государственного управления (Neue Steuerungsmodelle) получили развитие продуктовые бюджеты, позволяющие сделать более прозрачными, в том числе для потребителей, услуги, производимые местными органами власти [1]. Несмотря на то, что миновало уже два десятка лет, ситуация с точки зрения возможности развития процесса стратегического управления изменениями на коммунальном уровне по-прежнему является задачей, актуальной как для развития теории государственных финансов, так и практик инициативного и продуктового бюджетирования. И в этой связи возникает вопрос взаимосвязи между открытостью бюджетов для граждан, доступностью данных для понимания «неэкспертами» об особенностях бюджетного процесса и возможностях вовлечения в него широких слоев налогоплательщиков и взаимосвязью между бюджетными показателями и показателями стратегического развития,

**** Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства Омской области, проект 18-410-550020 «Развитие методологии оценки эффективности и совершенствование практик участия граждан в сферу инициативного бюджетирования в регионе».***

отраженными в стратегических документах на муниципальном и субнациональном (региональном уровне). Как можно видеть из данных портала г. Мюнхене, практически по всем направлениям бюджетных расходов присутствует возможность получить подробную информацию о продуктах по направлениям деятельности (здравоохранение, образование, культура, спорт и др.), в том числе сколько, к примеру, тратится на конкретную школу и детский сад и др. по данному виду бюджетных расходов (заработная плата, наглядные пособия, компьютерная техника, повышение квалификации и т. д.) [2]. При дополнительных усилиях любой налогоплательщик может оценить, как выполняются ключевые показатели результативности деятельности государственных учреждений. Например, насколько в той или иной школе при равных расходах бюджета различаются процент «второгодников», или средний балл по математике и др. Кроме официальных данных в Германии существует независимый портал «Открытый бюджет», где можно просмотреть в более понятной для налогоплательщиков форме, на что тратятся их деньги от федерального до земельного или муниципального уровня [3].

Для сравнения рассмотрим ситуацию развития инициативного бюджетирования в г. Омске и Омской области. Стоит отметить, что в последние годы были достигнуты определенные результаты в части открытости бюджетов на уровне регионального министерства финансов (созданы соответствующие разделы на сайте Минфина Омской области, подготовлена и распространяется брошюра «Бюджет для граждан» и др.) и администрации г. Омска (создан специализированный раздел «Бюджет для граждан» на сайте администрации г. Омска, подготовлены методические и информационные материалы и др.). Это позволило Омской области по состоянию на 2016 год (согласно данным Научно-исследовательского финансового института по заказу Министерства Финансов Российской федерации) занять 5-е место в общегосударственном рейтинге по степени публичности бюджетных данных, а по данным 2017 года получить максимальный балл (6 из 6) в рейтинге Минфина в части открытости бюджетов. Однако, несмотря на достигнутые успехи, существующий уровень развития вовлеченности (партиципации) граждан в бюджетный процесс имеет характер нахождения скорее на стадии «Информирования» начального уровня, тогда как далее в соответствие с мировой практикой должна следовать стадия «взаимодействия» и в последующем «вовлеченности» (партиципации). Это наглядно показывает раздел «расходы бюджета», где представлены данные по расходам и ведомствам, но не по продуктам, и тем более не по ключевым показателям, что не позволяет обеспечить возможность доступности бюджетных данных для широких слоев налогоплательщиков [4].

Стоит отметить, что в отличие от других российских регионов Омская область не участвовала в федеральном проекте «Развитие инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации в 2016–2018 году», а также в Программе поддержки местных инициатив (ППМИ), которая осуществляется при поддержке Всемирного банка, являясь ведущей российской практикой в области инициативного бюджетирования, и направлена на вовлечение граждан как в местное самоуправление, так и в решение проблем местного и регионального уровней. В ходе реализации программ в различных регионах России (в целом в программе приняло участие более 40 российских регионов) гипотетически были сформированы лучшие практики на основе передового международного опыта, могла быть выявлена региональная специфика реализации проектов в сфере инициативного бюджетирования. Учет уже существующего опыта, который предполагается обобщить в ходе нашего будущего научного исследования, должен помочь развитию методологии инициативного бюджетирования и способствовать выработке практических рекомендаций с учетом специфики Омского региона.

Обзор литературы, научная и социально-экономическая актуальность исследования

Вопросы соучастия граждан в принятии и исполнении бюджетных решений поднимались еще в работах представителей классической школы (А. Смит, Дж. Ст Милль), но в условиях современности активное развитие получили в рамках движения по совершенствованию государственного управления в западных странах, в частности в США, с 1970-х гг. Значимость партиципации стала одним из значимых элементов вначале в рамках концепции Нового государственного администрирования и Индианской школы (Ч. Тибу, В. Остром, Э. Остром), а впоследствии – важным элементом концепции Нового государственного менеджмента (New Public Management) и в особенности концепции социальной координации (Public Governance) [5]. Параллельно по мере развития концепций социального капитала (Дж. Коулмэн, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма и др.) в международной литературе возникли концептуальные подходы, показывающие значимость вовлечения граждан в процесс бюджетирования, формирования открытости, прозрачности и подотчетности бюджетного процесса. В рамках данных тенденций на уровне международных и наднациональных организаций (ООН, ОЭСР, Всемирный банк) применительно к сфере деятельности открытого правительства и открытости бюджетов вопросам развития инициативного бюджетирования уделяется существенное внимание (например обзор Мирового банка [6]); из новейших публикаций стоит отметить публикацию ОЭСР 2016 года «Open Government: The global Context and the Way Forward» [7], где вопросам партиципации граждан, в том числе в вопросах бюджетирования, уделяется значительное место.

В рамках зарубежного научного дискурса существует целый ряд публикаций, среди которых можно отметить работы И. Синтомера и др. [8]. Целый ряд практических рекомендаций применительно к североамериканскому контексту представлен на специализированном портале по партиципаторному бюджетированию [9]. Обзор практик представлен, в частности, в работе И. Кабаннеса [10].

В России идеи инициативного и партиципаторного бюджетирования возникли в рамках научного обсуждения процессов внедрения бюджетирования, ориентированного на результат в начале 2000-х гг. (работы В. Л. Тамбовцева, А. Е. Шаститко, М. П. Афанасьева, И. В. Кривогова и др.), но дальнейший импульс получили в рамках деятельности Центра инициативного бюджетирования НИФИ Министерства финансов под руководством В. В. Вагина. Во многом благодаря деятельности данного центра (здесь можно отметить серию публикаций его сотрудников, преимущественно в издании «Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал» [11; 12]), также ряда публикаций

о региональной практике внедрения инициативного и партиципаторного бюджетирования отмечаются положительные эффекты для развития эффективности использования бюджетных расходов [13]; роста культуры и социального капитала населения [14] и ряд других эффектов.

Прошел, на наш взгляд, начальный этап институционализации предметного поля инициативного и партиципаторного бюджетирования, к тому же в теории и методологии существует ряд пробелов, которые требуют научного осмысления и совершенствования, что и предполагается реализовать в рамках данного проекта. Еще одной нерешенной проблемой, которая является актуальной в том числе для ряда зарубежных стран, является разработка системы управления показателями бюджетного процесса в их взаимосвязи с показателями стратегического развития на уровне муниципалитета и региона.

Инициативное бюджетирование как шанс на развитие моногородов

Как уже отмечалось выше, развитие практик инициативного бюджетирования, являясь одним из значимых инструментов в рамках координационной модели государственного управления (Public Governance), предполагает задействование различных инструментов соучастия власти, бизнеса и населения в решении проблем в первую очередь местного значения. При этом механизм инициативного бюджетирования связан с высоким уровнем трансакционных издержек, необходимостью практического решения проблемы безбилетника и рационального неведения, характерных для производства локальных общественных благ в целом [15]. Несмотря на все относительные успехи и распространенность практик инициативного бюджетирования, в рамках данного механизма было задействовано только 7 млрд рублей, что составляет мизерную величину по сравнению с бюджетными ресурсами, распределяемыми традиционным способом реализации бюджетного процесса в рамках представительской демократии. Даже в тех регионах, которые достаточно далеко продвинулись в данной сфере, эти суммы незначительны, так в одном из передовых регионов – Башкортостане – в период действия ППМИ и участия республики в федеральном проекте «Развитие инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации в 2016–2018 гг.» было профинансировано около 600 проектов, и только в 2016 году на сумму около 300 млн рублей [16], что составляет около 0,2 % от общей суммы в 150,5 млрд. рублей бюджета Башкортостана [17]. Для сравнения, в португальском Фуншале, являющимся одним из мировых лидеров в сфере ИБ, таким образом распределятся до 25 % от муниципальных средств данного курортного города, при этом принятие решений осуществляется в духе прямой демократии значительным числом жителей с помощью народных сходов и др. (из выступления Доминтуша Родригеза – советника мэра Фуншала по вопросам развития партисипаторной демократии на форуме БРИКС в сентябре 2017 г. в г. Уфе).

Вместе с тем, как показывает опыт Башкирии и других российских регионов, программы в сфере инициативного бюджетирования являются «практикой социального действия», способствующего росту вовлеченности населения в решение местных проблем. По сравнению с иными программами развития моногородов, к примеру, в рамках Приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов», финансирования по линии «Фонда развития моногородов», объем финансовых ресурсов даже при участии субъекта Федерации в федеральном проекте «Развитие инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации в 2016–2018 гг.» является незначительным. Их ценность – в создании позитивных экстерналий (внешних эффектов), в том числе через формирование чувства сопричастности жителей к проблемам местного (не мелкого, но близкого для конкретных людей) значения. И в этом во многом заключается значимость инициативного бюджетирования для российских регионов в целом, и для развития моногородов в частности.

Литература

1. На пути к государству XXI века: теория и зарубежный опыт модернизации государственного управления: коллективная монография / под ред. Е. А. Капогузова. Омск: Русь, 2008. 215 с.

2. Haushaltsplan der Landeshauptstadt München. Режим доступа: https://www.muenchen.de/rathaus/Stadtverwaltung/Stadtkaemmerei/Presse-Publikationen/Finanzpublikationen/Haushaltsplaene.html#HH-Plan%202015 (дата обращения: 27.01.2018).

3. Offener Haushalt. Режим доступа: https://offenerhaushalt.de (дата обращения: 25.01.2018).

4. Бюджет для граждан: официальный портал Администрации города Омска. Режим доступа: http://www.admomsk.ru/web/guest/progress/budget/open (дата обращения: 27.01.2018).

5. Капогузов Е. А. Институциональная структура производства государственных услуг: от веберианской бюрократии – к современным реформам государственного управления. Омск: изд-во ОмГУ, 2012. 400 с.

6. Participatory Budgeting, Public Sector Governance and Accountability series / ed. Shah A. Washington D. C.: World Bank Publications, 2007. 300 p.

7. Open Government: The global Context and the Way Forward. Paris: OECD Publishing, 2016. 272 p. Режим доступа: http://www.oecd.org/gov/open-government-9789264268104-en.htm (дата обращения: 25.01.2018).

8. Sintomer Y., Herzberg C., Röcke A., Allegretti G. Transnational Models of Citizen Participation: The Case of Participatory Budgeting // Journal of Public Deliberation. 2012. Vol. 8. Iss. 2. Art. 9.

9. Participatory Budgeting Project. Режим доступа: https://www.participatorybudgeting.org (дата обращения: 25.01.2018).

10. Cabannes Y. Contribution of Participatory Budgeting to Provision and Management of Basic Services. IIED working paper. London, 2014. 68 p.

11. Вагин В. В., Гаврилова Н. В., Шаповалова Н. А. Инициативное бюджетирование в России: лучшие практики и направления развития // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 4(26). С. 94–103.

12. Вагин В. В., Шаповалова Н. А., Гаврилова Н. В. Факторы, возможности и ограничения развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 1(35). С. 103–113.

13. Беленчук А. А., Вагин В. В., Шульга И. Е. Инициативное бюджетирование как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов // Финансы. 2017. № 8. С. 10–21.

14. Цуркан М. В., Любарская М. А., Наумова О. А. Повышение бюджетной грамотности населения сельских территорий в рамках инициативных проектов // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 2(148). С. 88–100.

15. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Севостьянова Е. А. Институциональное обеспечение локальных общественных благ. Препринт. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. 68 с.

16. Шульга И. Е., Фадеева А. В., Сухова А. С. Программа поддержки местных инициатив в Республике Башкоростан. М.: Алекс, 2017. 56 с.

17. Бюджет Башкортостана за 2016 год исполнен с профицитом. 24.01.2017. Режим доступа: https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/488483/ (дата обращения: 28.01.2018).

INTERRELATION OF STRATEGIC PLANNING AND INITIATIVE AND PRODUCT BUDGETING IN RUSSIA AND ABROAD

Eugeniy A. Kapoguzov[1, @, *]

[1] *Dostoevsky Omsk State University, 55a, Mira Ave., Omsk, Russia, 644077*
[@] *egenk@mail.ru*

Received 29.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: initiative budgeting, product budgeting, strategic planning, open budgets, single-industry city.

Abstract: The article features the development of initiative budgeting practices in Russia and some elements of foreign experience. It highlights the lack of theoretical elaboration and methodological support of the initiative budgeting process, which does not contribute to the objective institutionalization of initiative budgeting and prevents the dissemination of best practices and social learning among stakeholders. The research reveals the importance of solving the fundamental scientific problem and developing evaluation methods to measure the effectiveness of budget expenditures in various discrete institutional alternatives as well as forming the mechanisms of product budgeting at the level of Russian municipalities is shown. Elements of scientific discourse in this sphere are shown in the context of the development of issues of public management modernization and the budget process in particular. With regard to development practices in the regions, it is noted that processes in the sphere of open budgeting and initiative budgeting are more likely to occur at the stage of «informing», whereas for the success of the system it is necessary to move to the stage of citizens engagement and co-production. The article lists some opportunities of open budgets and initiative budgeting use as elements of direct democracy for the development of single-industry cities along with other instruments of strategic management.

For citation: Kapoguzov E. A. Vzaimosviaz' strategicheskogo planirovaniia, initsiativnogo i produktovogo biudzhetirovaniia v Rossii i za rubezhom [Interrelation of Strategic Planning and Initiative and Product Budgeting in Russia and abroad]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 92–96. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-92-96.

References

1. *Na puti k gosudarstvu XXI veka: teoriia i zarubezhnyi opyt modernizatsii gosudarstvennogo upravleniia* [Towards a State of the 21st Century: Theory and Foreign Experience of Modernizing Public Administration]. Ed. Kapoguzov E. A. Omsk: Rus', 2008, 215.

2. *Haushaltsplan der Landeshauptstadt München*. Available at: https://www.muenchen.de/rathaus/Stadtverwaltung/Stadtkaemmerei/Presse-Publikationen/Finanzpublikationen/Haushaltsplaene.html#HH-Plan%202015 (accessed 27.01.2018).

3. *Offener Haushalt*. Available at: https://offenerhaushalt.de (accessed 25.01.2018).

**** The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Omsk Region, project 18-410-550020 «Development of Methodology for Evaluating Efficiency and Improving the Practices of Citizens' Participation in the Area of Initiative Budgeting in the Region».***

4. Biudzhet dlia grazhdan [Budget for citizens]. Available at: http://www.admomsk.ru/web/guest/progress/budget/open (accessed 27.01.2018).

5. Kapoguzov E. A. *Institutsional'naia struktura proizvodstva gosudarstvennykh uslug: ot veberianskoi biurokratii – k sovremennym reformam gosudarstvennogo upravleniia* [Institutional structure of the production of public services: from the Weberian bureaucracy to modern government reforms]. Omsk: izd-vo OmGU, 2012, 400.

6. *Participatory Budgeting, Public Sector Governance and Accountability series*. Ed. Shah A. Washington D. C.: World Bank Publications, 2007, 300.

7. *Open Government: The global Context and the Way Forward*. Paris: OECD Publishing, 2016, 272. Available at: http://www.oecd.org/gov/open-government-9789264268104-en.htm (accessed 25.01.2018).

8. Sintomer Y., Herzberg C., Röcke A., Allegretti G. Transnational Models of Citizen Participation: The Case of Participatory Budgeting. *Journal of Public Deliberation*, 8, Iss. 2 (2012): art. 9.

9. Participatory Budgeting Project. Available at: https://www.participatorybudgeting.org (accessed 25.01.2018).

10. Cabannes Y. *Contribution of Participatory Budgeting to Provision and Management of Basic Services*. IIED working paper. London, 2014, 68.

11. Vagin V. V., Gavrilova N. V., Shapovalova N. A. Initsiativnoe biudzhetirovanie v Rossii: luchshie praktiki i napravleniia razvitiia [Participatory Budgeting in Russia: Best Practices and Current Trends in Development]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial journal*, no. 4(26) (2015): 94–103.

12. Vagin V. V., Shapovalova N. A., Gavrilova N. V. Faktory, vozmozhnosti i ogranicheniia razvitiia initsiativnogo biudzhetirovaniia v Rossiiskoi Federatsii [Factors, Opportunities and Restrictions for the Development of Initiative Budgeting in the Russian Federation]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial journal*, no. 1(35) (2017): 103–113.

13. Belenchuk A. A., Vagin V. V., Shul'ga I. E. Initsiativnoe biudzhetirovanie kak instrument povysheniia effektivnosti biudzhetnykh raskhodov [Initiative Budgeting as a Tool for Improving the Effectiveness of Budget Expenditures]. *Finansy = Finance*, no. 8 (2017): 10–21.

14. Tsurkan M. V., Liubarskaia M. A., Naumova O. A. Povyshenie biudzhetnoi gramotnosti naseleniia sel'skikh territorii v ramkakh initsiativnykh proektov [Raising the budget literacy of the rural population in the framework of initiative projects]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Samara State University of Economics*, no. 2(148) (2017): 88–100.

15. Popov E. V., Veretennikova A. Iu., Sevost'ianova E. A. *Institutsional'noe obespechenie lokal'nykh obshchestvennykh blag* [Institutional provision of local public goods]. Preprint. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2016, 68.

16. Shul'ga I. E., Fadeeva A. V., Sukhova A. S. *Programma podderzhki mestnykh initsiativ v Respublike Bashkorostan* [Program for supporting local initiatives in the Republic of Bashkortostan]. Moscow: Aleks, 2017, 56.

17. *Biudzhet Bashkortostana za 2016 god ispolnen s profitsitom* [The budget of Bashkortostan for 2016 is executed with a surplus]. 24.01.2017. Available at: https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/488483/ (accessed 28.01.2018).

УДК 338.2

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АНАЛИЗА РИСКА НЕДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДА

***Роман М. Качалов*[1, @]**

[1] *Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, 117418, Россия, г. Москва, пр. Нахимовский, 47*
[@] *kachalov1ya@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногорода, системная экономическая теория, целевые показатели стратегии, факторы риска.

Аннотация: Рассмотрена задача улучшения социально-экономических характеристик муниципальных образований типа моногородов, решение которой основывается на применении стратегии преобразования их в территории опережающего социально-экономического развития. Показано, что для успешного достижения целей данной стратегии необходимо в процессе разработки стратегических решений и в ходе их реализации выявлять факторы риска отклонения от цели стратегии и оценивать степень их негативного влияния на процесс достижения заданных стратегических показателей. Методическое обеспечение такой деятельности предлагает операциональная теория управления риском. Применение прикладных методов операциональной теории управления риском, дополненных методами системной экономической теории и теории нечетких множеств, позволяет, как показывает опыт, увеличить шансы успешного достижения стратегической цели и повысить качество управления процессом формирования – на базе моногородов – условий опережающего социально-экономического развития. Представлены и систематизированы рекомендуемые методы выявления факторов риска недостижения стратегической цели и разработки антирисковых управленческих воздействий.

Для цитирования: Качалов Р. М. Методические вопросы анализа риска недостижения цели стратегии развития моногорода // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 97–102. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-97-102.

Введение. Среди проблем развития моногородов и превращения их в привлекательные во всех смыслах социально-экономические муниципальные образования важная роль принадлежит стратегическим аспектам этого процесса. Практика разработки стратегических планов развития муниципальных образований типа моногородов и других, более обширных территорий, становится традиционной. Однако насколько можно судить по доступным материалам, вопросам оценки реализуемости или успешного достижения тех целей, которые сформулированы в таких планах или программах, – внимания почти не уделяется. В то же время этот вопрос далеко не праздный, хотя бы потому, что результаты планируемых мероприятий будут на многие годы определять судьбы многих людей, работников предприятий и вообще населения, проживающего на этих территориях.

Надо отметить, что в российском экономическом пространстве с 2014 г. начал действовать Федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Закон и уточняющие его нормативные документы установил особый правовой порядок ведения бизнеса, предусматривающий льготные налоговые условия, упрощённые административные процедуры и другие привилегии для хозяйствующих субъектов, работающих в пределах территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [1–4]. Это стимулировало формирование таких региональных условий, которые стали способствовать развитию предпринимательства и созданию новых производственных предприятий, выпускающих новые продукты, привлечению инвестиций, увеличению числа рабочих мест, и в целом снятию социальной напряжённости на этих территориях.

Известно, что к настоящему времени в Кемеровской области зарегистрированы 24 моногорода. Из них два муниципальных образования – Юрга и Анжеро-Судженск – уже получили официальный статус ТОСЭР. Другие моногорода области готовятся и надеются тоже получить статус ТОСЭР. Например, город Кемеровской области Березовский, являющийся так называемым моногородом, уже собрал необходимую информацию и подготовил материалы по предложению своей кандидатуры на обретение статуса ТОСЭР [5].

Основные принципы разработки стратегии перехода к ТОСЭР. Практически все – за редким исключением – стратегические и любые другие программы развития (в том числе и инновационного) объединяет одно – недостаточное внимание к возможности сбоя, нежелательного отклонения от намеченного курса. Можно понять авторов-разработчиков новой стратегии или программы развития, когда они на первый план выдвигают достоинства и преимущества заявляемой стратегии. Представляя на обсуждение свою стратегию или программу развития муниципального образования, например, в качестве обоснования на получение статуса ТОСЭР, руководство муниципального образования (в данном случае – моногорода) фактически рекламирует свой город, его потенциал и перспективы развития, достижения, надеясь благодаря этому, получить ощутимую

финансовую поддержку, а также «незримую» опору в виде присвоения запрашиваемого нового статуса ТОСЭР. В конечном итоге все это должно позитивно отразиться на экономическом положении муниципального образования, на его конкурентоспособности, на успешности хозяйственной деятельности предприятий-резидентов, на положении жителей. Естественно, что, представляя свою заявку в уполномоченный орган авторы-разработчики обосновывают целесообразность и даже необходимость перехода к более прогрессивному способу ведения хозяйственной деятельности, стараются убедить уполномоченный орган в безусловной реализуемости предлагаемой модели экономического развития своего муниципального образования.

Состав необходимой для обретения статуса ТОСЭР информации определен нормативными документами федерального уровня [1; 3]. В частности, закон и детализирующее его Постановление требуют представления своеобразной экономической программы муниципального образования (части 2 и 3, ст. 3, 473-ФЗ), которые являются своеобразным обоснованием необходимости присвоения статуса ТОСЭР. Совокупность этой информации, по сути дела, является проектом стратегии развития муниципального образования, поскольку представляет собой экономическую программу, т. е. структурированную во времени последовательность управленческих решений, мероприятий по разработке и приложению некоторых воздействий, необходимых, по мнению авторов, для реализации предлагаемой стратегии. При этом вопрос о степени достижимости поставленной цели оказывается как бы на периферии проблемы.

Однако необходимо взглянуть на стратегию и с другой стороны, рассмотреть процесс ее воплощения в жизнь с точки зрения его реализуемости, а именно постараться выявить или хотя бы предположить существование на пути применения стратегии, на пути достижения заявленных целей – латентных, скрытых до поры до времени, но возможных нежелательных, негативных событий, которые при объективном рациональном подходе должны быть, как минимум, приняты во внимание. Это так называемые факторы риска отклонения от цели стратегии – перехода к режиму ТОСЭР, которые могут помешать достижению заявленных целевых показателей, и, как следствие, не получить запланированных результатов в полном объеме.

Причем для успешного достижения намеченных целей должны быть выявлены не только, скажем, непосредственные, очевидные нежелательные события – факторы риска – и их характеристики, но и по возможности прослежены более отдаленные негативные последствия этого события, способные помешать проведению запланированных стратегических мероприятий, связанных с переходом на режим ТОСЭР. Несмотря на очевидную затратность, такой подход, основанный на выявлении и анализе факторов риска, необходим, чтобы ослабить так называемый «оптимизм оценки» и создать у лиц, управляющих этим процессом, более реальное представление о достижимых результатах движения к созданию ТОСЭР в пределах данного муниципального образования, моногорода.

Оценка и анализ риска как неотъемлемая часть стратегии перехода к ТОСЭР. Задача, на решение которой направлено данное исследование, выполняемое при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-010-01042), ориентировано на совершенствование качества управления стратегическим развитием социально-экономических систем, в качестве которых могут выступать муниципальное образование, в том числе моногород, ТОСЭР или даже некоторый регион и др. В этом ракурсе становится понятной роль систематической, регулярной работы по выявлению факторов риска и разработке адекватных управленческих решений, направленных на снижение возможности наступления неблагоприятных событий и/или на уменьшение негативных последствий в случае их реализации. Повышение качества управления развитием социально-экономической системы при этом должно достигаться за счет применения современных методических инструментов обоснования принимаемых и реализуемых решений, в повышении объективности и рациональности выполнения долгосрочного проекта – создания и развития ТОСЭР. Справедливости ради надо отметить позитивный тренд, который обнаружился в недавнее время: в нормативные документы, регламентирующие процессы создания новых социально-экономических взаимодействий, стали включать разделы, посвященные мероприятиям по анализу риска в частности в процессах создания ТОСЭР. Такие разделы уже вошли в некоторые Постановления Правительства РФ (см. например [3]).

Современные средства обоснования управленческих решений, содержащих антирисковую компоненту, разрабатываются в рамках таких научных направлений, как системная экономическая теория (СЭТ), операциональной теории управления уровнем риска (ОТУР) и теории нечетких множеств (ТНМ), имеющей в своем активе арсенал инструментов для аккумулирования и корректного использования «размытой», качественной информации [6–8]. Совместное, комплексное применение методов позволяет системно подойти к выявлению факторов риска, а также к разработке антирисковых управленческих решений, которые снизили бы нежелательные последствия появления факторов риска при реализации выбранной стратегии, а конкретнее – при реализации тех мероприятий, которые ею предусмотрены.

К примеру, для оценки реализуемости и выявления потенциальных помех предлагаемой экономической политики системная экономическая теория предлагает пространственно-временную структуризацию условий и ситуаций при воплощении стратегии опережающего развития моногородов [7; 9]. Операциональная теория управления уровнем риска располагает стандартизированным набором характеристик риска и методов их идентификации. К таким характеристикам, например, операциональная теория управления риском, относит «факторы экономического риска как события, являющиеся причиной появления или возникновения помех или мешающих событий, воздействий»; уровень или показатели уровня экономического риска не достичь задуманных целей или планируемых значений целевых показателей и т. п. [6].

В данном исследовании феномен «риска» структурируется и используется в узком смысле. Вместе с тем собственно феномен «экономический риск» трактуется как искусственно сконструированная экономическая категория, совокупно отражающая меру реальности нежелательного отклонения от цели хозяйственной деятельности предприятия и размер обусловленного этим отклонением ущерба [6; 9;10]. Опираясь на предложенное определение

«риска», вводятся в соответствии с ОТУР необходимые операциональные характеристики этого феномена: ситуация экономического риска, цель управления экономическим объектом, уровень экономического риска, фактор экономического риска (ФР), антирисковые управленческие воздействия (АРУВ).

Исходным моментом в данном случае – при анализе риска – будет корректное задание границ «ситуации экономического риска», т. е. границы анализируемого социально-экономического пространства, в котором будет реализовываться данная ТОСЭР. Именно в пределах этих границ формулируется задача определения потенциального состава ФР и оценки их воздействия на степень отклонения от цели стратегии. Эта задача решается с помощью экспертных процедур на основе анализа и обработки релевантной информации о существующих и предполагаемых помехах на пути достижения цели создания и функционирования ТОСЭР решается, как правило, с помощью экспертов на основе применения пространственно-временной сегментации ситуации экономического риска.

Далее, фактор риска фиксируется своим наименованием и набором характеристик, количественных и качественных, т. е. каждый выявленный фактор риска должен быть поименован и охарактеризован значением релевантных показателей возможности своего возникновения и степени обусловленного каждым фактором отклонения от цели. Как видим, негативные проявления факторов риска и характеристика их значимости рассматриваются с точки зрения их влияния на возможность и величину отклонения от цели превращения муниципального образования типа моногород в ТОСЭР, т. е. с позиции администрации территории, делегировавшей часть своих функций управляющей компании и наблюдательному совету территории.

Проведенное предварительное исследование позволило выделить следующие виды факторов риска, характерных для условий создания ТОСЭР:

• ФР неверного определения круга экономических (или социально-экономических) агентов, на жизнедеятельность которых повлияет ввод в действие данной программы или политики;

• ФР появления «лазейки» или возможности обхода или игнорирования ограничительных мер, предусмотренных нормативными документами;

• ФР обнаружения возможности неправомерного использования преференций тем субъектам хозяйствующей деятельности, которые не являются резидентами;

• ФР подмены реальной экономической политики (программы работ) имитационными процессами и мероприятиями [10];

• ФР нарушения сроков выполнения отдельных мероприятий в рамках программы формирования ТОСЭР;

• ФР недостижения муниципальными образованиями установленных программой целевых показателей (по созданию новых рабочих мест, по доходам предприятий-резидентов и т. п.);

• ФР ухудшения (сверх прогнозируемого уровня) инвестиционного климата в регионе и в стране.

На основе информации о составе и характеристиках ФР можно будет разработать превентивные или корректирующие воздействия, т. е. предложить то, что называют «антирисковыми управленческими воздействиями» (АРУВ). Совокупность разработанных АРУВ должна быть облечена в развернутую во времени и в экономическом пространстве программу антирисковых мероприятий, которые позволили бы не допустить существенного отклонения от цели. Без такого беспристрастного, объективного и всестороннего анализа риска (который, в сущности, образует канал обратной связи) было бы безрассудным приступать к реализации данной стратегии перехода к созданию ТОСЭР, как и вообще приступать к воплощению той или иной общественно значимой программы преобразований.

В рамках рассматриваемой задачи, надо отметить несомненную перспективность прикладных методов СЭТ [7–8; 11], которые за счет пространственно-временного структурирования ситуации экономического риска обеспечивают дополнительные возможности системного выявления релевантных ФР. Этот же мощный и еще незадействованный в полной мере аналитический инструментарий позволяет с тех же системных позиций разрабатывать АРУВ сначала «локальные», а затем и «комплексные» (т. е. направленные на элиминирование негативных последствий нескольких локальных ФР, возникающих в разных экономических подсистемах), а также в итоге и полномасштабные интегрированные программы антирисковых мероприятий. (Локальные АРУВ разрабатываются для нейтрализации какого-либо одного локального ФР, естественно, в рамках одной экономической подсистемы).

Для предупреждения или компенсации последствий возникающих локальных ФР в ходе реализации ТОСЭР должны быть разработаны и применены адекватные *антирисковые управленческие воздействия (АРУВ)*: превентивные (т. е. предотвращающие возможность возникновения некоторых ФР) и/или компенсирующие (т. е. уменьшающие негативный эффект последствий проявления одного или нескольких ФР). Сначала, по-видимому, это будут <u>локальные</u> АРУВ, ориентированные на нейтрализацию какого-либо одного ФР. Затем в зависимости от развития реальной ситуации может потребовать формирование комплексных АРУВ, сочетающих в себе воздействия несколько локальных АРУВ.

Совокупность разработанных АРУВ должна быть облечена в развернутую во времени и в экономическом пространстве территории программу антирисковых управленческих воздействий, которые позволили бы достичь желаемой цели перехода к режиму ТОСЭР без существенных потерь.

Формируя программы применения АРУВ, необходимо оценить, насколько успешно выбранный набор АРУВ сможет уменьшить степень возможности возникновения рискового события или компенсировать размер ущерба от уже реализовавшегося ФР. Процедуры разработки и ранжирования АРУВ строятся на основе моделирования с помощью аппарата теории нечеткой логики процесса идентификации ФР и разработки для их нейтрализации превентивных или компенсирующих антирисковых управленческих воздействий [6; 9; 12]. При этом сначала во внимание принимаются только те факторы, которые встречались в практике реализации программ экономического развития либо были указаны экспертами в качестве релевантных и значимых.

Формирование стратегической программы начинается с выбора и/или разработки совокупности локальных и комплексных АРУВ. Примеры таких АРУВ, которые могли бы

применяться для обеспечения реализации и достижения целей формирования ТОСЭР, приведены ниже.

• Создание системы мониторинга реализации экономической программы.

• Образование финансовых резервов для корректировки стратегии формирования ТОСЭР.

• Распределение полномочий между более широким кругом управленческих структур, задействованных в реализации стратегии формирования ТОСЭР.

• Формирование дополнительных информационных каналов обратной связи для выявления и идентификации ФР, появляющихся в процессе реализации стратегии создания ТОСЭР и др.

Как показывают наши исслелования [6; 9; 11; 12], для уменьшения уровня риска недостижения цели создания и развития ТОСЭР необходимо под руководством управляющей компании муниципального образования или территории выполнить следующие действия:

– уточнить и разработать развернутую во времени формулировку цели функционирования данной ТОСЭР,

– конкретизировать ожидаемые промежуточные результаты, распределив их по контрольным точкам по мере выполнения стратегии создания ТОСЭР;

– сформулировать ограничения на принимаемые управленческие решения с точки зрения размеров потребляемых ресурсов (затрат), а также на допустимый уровень ухудшения материального или социального положения групп лиц или слоев населения территории;

– заложить в смету затрат на реализацию стратегии перехода к ТОСЭР расходы на создание в структуре управления муниципальным образованием подсистемы мониторинга риска не достичь цели стратегии превращения моногорода в территорию опережающего социально-экономического развития;

– определить диапазон вероятных значений характеристики релевантных ФЭР как событий, последствиями которых могут быть отклонения от заданной цели стратегии или приводящих к заметному отклонению от нее;

– систематизировать множество выявленных факторов риска по степени реальности их появления и величине вызываемого ими отклонения от цели стратегии;

– сформировать информационную базу характеристик спектра мешающих воздействий;

– разработать состав рекомендуемых антирисковых управленческих воздействий и условия ввода их в действие, классифицировав их по видам: локальные и расширенные, превентивные и компенсирующие;

– сформировать программы ввода разработанных АРУВ и управления уровнем риска недостижения целевых показателей стратегии создания ТОСЭР (определение состава и размера необходимых ресурсов, организация мониторинга риска и хода реализации стратегии и т. п.).

Выводы. Нетрудно заметить, что все указанные выше мероприятия и работы направлены на решение важной задачи – повышения информированности руководства муниципального образования, управляющей компании территории и руководителей предприятий-резидентов. Фактически в этой программе заложен переход к иной, более гибкой, адаптивной культуре управления. В России до сих пор доминирует жесткая, «прямолинейная» культура управления, игнорирующая динамику возникновения – по ходу процесса – объективных помех достижению цели создания и развития ТОСЭР. По-видимому, настало время, – по крайней мере, в области формирования ТОСЭР – переходить к более жизненной и продуктивной культуре управления процессами социально-экономических преобразований – многофакторной, веерной, учитывающей методические достижения поведенческой экономической теории, к методам оперирования нечеткими характеристиками управленческой деятельности. Это культура более осмысленная и более продуктивная.

Таким образом, в результате проведенных исследований обоснована необходимость повышения качества управления реализацией стратегических программ создания на базе моногородов территорий опережающего социально-экономического развития. При этом предлагаемые способы повышения качества управления базируются на использовании прикладных методов системной экономической теории, операциональной теории управления риском и теории нечетких множеств. Показано, что в процессе управления реализацией стратегии должна быть организована на постоянной основе – например, в рамках подсистемы мониторинга – деятельность по выявлению факторов риска недостижения целей социально-экономического развития территорий и разработке состава АРУВ, исключающих появление ФР или компенсирующих негативные последствия их возникновения.

Литература

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ, вступил в силу 29.03.2015 // Президент России: сайт. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279 (дата обращения: 16.10.2017).

2. О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации. Федеральный закон от 05.12.2017 г. № 371-ФЗ // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/42550 (дата обращения: 16.10.2017).

3. Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2015 № 614 (ред. от 26.04.2017 № 494). Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/71107924:0 (дата обращения: 16.10.2017).

4. Перечень монопрофильных муниципальныхобразований Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 24.11.2015) // Государственная система правовой информации. Режим доступа: http://base.garant.ru/70707138/ (дата обращения: 16.10.2017).

5. Промежуточные итоги реализации плана комплексного развития моногорода за 2017 год подвели в Березовском. 17.11.2017. Режим доступа: http://kemoblast.ru/news/toser/2017/11/17/promezhutochnye-itogi-realizatsii-plana-kompleksnogo-razvitiya-monogoroda-za-2017-god-podveli-v-berezovskom.html (дата обращения 31.01.2018).

6. Качалов Р. М. Управление экономическим риском: теоретические основы и приложения. СПб.: Нестор-История; М., 2012. 246 с.

7. Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.

8. Клейнер Г. Б. Системный ресурс стратегической устойчивости экономики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Экономические науки. 2015. № 4. С. 10–24.

9. Качалов Р. М., Полторыхина С. В. Анализ риска в процессе функционирования территории опережающего развития // Стратегическое планирование и развитие предприятий, 11–12 апреля 2017 г. Секция 4: материалы Восемнадцатого всеросс. симп. М.: ЦЭМИ РАН, 2017. С. 127–130.

10. Качалов Р. М., Слепцова Ю. А. Анализ риска в деятельности предприятия с позиции системной экономической теории Г. Б. Клейнера // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 7. № 8. С. 66–70.

11. Стратегия научно-технологического развития России. М.: Российская Академия Наук: Информационно-аналитический центр «Наука», 2015. 32 с.

12. Качалов Р. М., Слепцова Ю. А. Моделирование процессов управления предприятием при нечетко заданных целевых показателях // Экономика образования. 2015. № 3. С. 160–167.

METHODICAL ISSUES IN ASSESSING THE RISK OF FAILURE TO ACHIEVE THE STRATEGY GOAL OF THE MONOTOWN DEVELOPMENT

***Roman M. Kachalov*[1, @]**

[1] *Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, 47, Nakhimovskii Ave, Moscow, Russia, 117418*
[@] *kachalov1ya@yandex.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: monotowns, system economics theory, strategy goal characteristics, risk factors.

Abstract: The research features the problem of social and economic characteristics of improvement of single-industry cities, or monotowns. Its proposed solution is based on the strategy of their transformation into territories of the advancing social and economic development. It is shown that successful achievement of this strategy requires revealing risk factors of a deviation from the strategy goal and assessing the degree of their negative impact on the process of achievement of the strategic indicators. The methodical aspect can be provided by the operational theory of risk management. Applied methods of the operational theory of risk management together with methods of the systematic economic theory and theory of indistinct sets allow one to increase the chances of successful achievement of a strategic goal and to increase quality of management of formation process (on the basis of monotowns) and to improve the conditions of the advancing social and economic development. The author recommends some methods of identification of risk factors connected with a failure to achieve the strategic goal as well as some methods of development of anti-risk administrative influences.

For citation: Kachalov R. M. Metodicheskie voprosy analiza riska nedostizheniia tseli strategii razvitiia monogoroda [Methodical Issues in Assessing the Risk of Failure to Achieve the Strategy Goal of the Monotown Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 97–102. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-97-102.

References

1. *O territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii* [About territories of the advancing social and economic development in the Russian Federation]. Federal law of 29.12.2014 No. 473-FZ, enter into force 29.03.2015. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279 (accessed 16.10.2017).

2. *O vnesenii izmenenii v stat'iu 3 Federal'nogo zakona «O territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii»* [About introduction of amendments to article 3 of the Federal law «About territories of the advancing social and economic development in the Russian Federation»]. Federal law 05.12.2017 No. 371-FZ. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/42550 (accessed 16.10.2017).

3. *Ob osobennostiakh sozdaniia territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia na territoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [About features of creation of territories of the advancing social and economic development in territories of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns)]. Decree of the Government of the Russian Federation 22.06.2015 No. 614 (ed. 26.04.2017 No. 494). Available at: http://ivo.garant.ru/#/document/71107924:0 (accessed 16.10.2017).

4. *Perechen'monoprofil'nykhmunitsipal'nykhobrazovaniiRossiiskoiFederatsii*[Listofmonoprofilemunitsipalnykhobrazovaniye of the Russian Federation]. Order of the Government of the Russian Federation 29.07.2014 No. 1398-r (ed. 24.11.2015). Available at: http://base.garant.ru/70707138/ (accessed 16.10.2017).

5. *Promezhutochnye itogi realizatsii plana kompleksnogo razvitiia monogoroda za 2017 god podveli v Berezovskom* [The intermediate results of implementation of the plan of complex development of the monotown for 2017 were summed up in Berezovsky]. 17.11.2017. Available at: http://kemoblast.ru/news/toser/2017/11/17/promezhutochnye-itogi-realizatsii-plana-kompleksnogo-razvitiya-monogoroda-za-2017-god-podveli-v-berezovskom.html (accessed 31.01.2018).

6. Kachalov R. M. *Upravlenie ekonomicheskim riskom: teoreticheskie osnovy i prilozheniia* [Management of economic risk: theoretical bases and applications]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia; Moscow, 2012, 246.

7. Kleiner G. B. Sistemnaia ekonomika kak platforma razvitiia sovremennoi ekonomicheskoi teorii [System economy as platform of development of the modern economic theory]. *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*, no. 6 (2013): 4–28.

8. Kleiner G. B. Sistemnyi resurs strategicheskoi ustoichivosti ekonomiki [System resource of strategic stability of economy]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg state polytechnical university journal. Economics,* no. 4 (2015): 10–24.

9. Kachalov R. M., Poltorykhina S. V. Analiz riska v protsesse funktsionirovaniia territorii operezhaiushchego razvitiia [The analysis of risk in the course of functioning of the territory of the advancing development]. *Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriiatii, 11–12 aprelia 2017. Sektsiia 4: materialy Vosemnadtsatogo vseross. simp.* [Strategic planning and development of the enterprises, April 11–12 2017. Section 4: Proc. eighteenth Russian symposium]. Moscow, 2017, 127–130.

10. Kachalov R. M., Sleptsova Iu. A. Analiz riska v deiatel'nosti predpriiatiia s pozitsii sistemnoi ekonomicheskoi teorii Kleinera G. B. [The analysis of risk in activity of the enterprise from a position of the system economic theory of Kleyner G. B.]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniia = Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 7, no. 8: (2017): 66–70.

11. *Strategiia nauchno-tekhnologicheskogo razvitiia Rossii* [Strategy of scientific and technological development of Russia]. Moscow: Rossiiskaia Akademiia Nauk: Informatsionno-analiticheskii tsentr «Nauka», 2015, 32.

12. Kachalov R. M., Sleptsova Iu. A. Modelirovanie protsessov upravleniia predpriiatiem pri nechetko zadannykh tselevykh pokazateliakh [Modeling of management of the enterprise at indistinctly set target indicators]. *Ekonomika obrazovaniia = Economics of Education*, no. 3 (2015): 160–167.

УДК 330.15+504.03

ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРНЫМИ МОНОГОРОДАМИ НА ПРИНЦИПАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

***Галина А. Князева*[1, @]**

[1] *Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 167001, Россия, г. Сыктывкар, пр. Октябрский, 55*
[@] *gknyazeva@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: северный (арктический) моногород, комплексная инвестиционная программа, диверсификация градообразующего предприятия, воздействие на окружающую среду, ущерб, устойчивое развитие, кумулятивная оценка изменения окружающей среды, интеграционная модель управления.

Аннотация: Статья посвящена исследованию устойчивого развития северных (арктических) моногородов. Дается оценка государственной поддержки российских моногородов в современных условиях, выделены особенности функционирования северных (арктических) моногородов, которые требуют особого подхода к разработке мер поддержки. Рассматривается метод диверсификации градообразующего предприятия в стратегических документах мнопрофильных поселений – комплексного инвестиционного плана (Кип), отмечается, что такой подход не позволяет системно управлять социо-эколого-экономическими процессами моногородов. В стратегии не учитывается экологический фактор, что не решает накопленные экологические проблемы в Российской Арктике. Обосновывается необходимость использования кумулятивной (совокупной) оценки экологического воздействия на окружающую среду от добычи полезных ископаемых, который позволит измерять и управлять социо-эколого-экономическими процессами. Предложена интеграционная модель стратегического управления на основе оценки кумулятивного воздействия на региональном уровне.

Для цитирования: Князева Г. А. Интеграционная модель стратегического управления северными моногородами на принципах устойчивого развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 103–110. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-103-110.

Одной из особенностей российского Севера является высокая доля городских поселений (моногородов) с доминирующим положением одного или нескольких технологически связанных предприятий с монопрофильной структурой экономики. Из перечня моногородов, составленного Министерством регионального развития РФ по состоянию на 2014 г., 18 моногородов находятся в Арктической зоне РФ. Если учесть, что общее число городских поселений в российской Арктике – 71, то доля монопрофильных в них – 25,4 %, в то время как в среднем по стране она составляет 14,1 % [1]. В российской Арктике в моногородах проживает около 30 % населения. В условиях глобализации экономики с сильными колебаниями рыночной конъюнктуры на сырьевые ресурсы и периодическими кризисами особенно возрастают риски в отношении устойчивого социально-экономического развития северных моногородов. Это в полной мере проявилось в России в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. В ответ на кризис Правительством РФ был принят ряд мер, направленных на решение социально- экономических проблем моногородов, в числе которых разработка моногородами Комплексных инвестиционных планов (КИп) модернизации этих городов. Несмотря на принятый подход к условиям выделения средств государственной поддержки моногородам, основанный на принципах стратегического планирования и управления их развитием, он не отвечает целям и задачам комплексного управления социально-экономическим развитием города. В КИпах отсутствуют инструменты согласованного использования таких ресурсов территорий, как природно-экологических, культурных, человеческих, финансовых.

Государственная поддержка моногородов, прежде всего, нацелена на диверсификацию градообразующего предприятия, моногород рассматривается как центр производства, а не как сложная многофункциональная система со значительными объемами материальных, финансовых, трудовых ресурсов. Большинство ученых, занимающихся проблемой моногородов, считает также, что у моногородов единственный путь – экономической диверсификации. Однако «диверсификация» не помогает вскрыть процессы развития и трансформации экономики моногорода, приводит к упрощенному представлению о роли и приоритетах развития моногородов, затрудняет их развитие, сдерживает формирование новых функций, ограничивает возможности защиты интересов местного сообщества. В результате процесс внедрения стратегического планирования в российских моногородах (разработка КИпов), инициированный «сверху» в рамках реализации государственной политики во многом имеет формальный характер, и в большинстве случаев был направлен на подготовку самого документа, и в меньшей степени – на выработку всесторонне обоснованной, содержательной стратегии развития. Во многом процесс разработки КИпов моногородов сводился региональными органами власти для получения федерального бюджетного финансирования [2].

Особое внимание для исследователей заслуживают моногорода российской Арктики. Анализ основных социально-экономических показателей субъектов АЗРФ показывает, что эти регионы характеризуются низкими показателями по численности населения и численности, занятых в экономике. Важнейшим направлением развития АЗРФ

должно стать формирование сбалансированной системы пространственного развития данных территорий, опорными точками экономического роста которых являются города. Специфика арктических городов обусловлена особенностями географического положения, суровостью климата, сложностью транспортной доступности и вызванных ими проблемами проживания населения и ведения хозяйственной деятельности [3].

Важное значение для АЗРФ имеют такие институциональные факторы, как политика федерального уровня в отношении арктических моногородов, соответствующие региональные и муниципальные программы, система отношений между государственной, муниципальной властью и бизнесом, уровень развития институтов корпоративной социальной ответственности. На сегодняшний день отсутствует дифференциация мер поддержки моногородов РФ, в том числе арктические моногорода не имеют преимуществ при применении каких-либо мер поддержки [4].

Зарубежными и отечественными исследователями выявлено, что моногорода не однородны, а делятся на несколько типов, в зависимости от перспектив градообразующего предприятия и собственного потенциала городской экономики [5; 6]. Для моногородов, которые не обладают потенциалом индустриальной диверсификации, предлагают разрабатывать другие модели поддержки, в том числе ставить вопрос об их сжатии или ликвидации. Для северных городов наиболее оправданной моделью является сценарий «управляемое сжатие». «Управляемое сжатие – это контролируемое за счет миграции сокращение численности населения города до оптимального размера с учетом состояния городской экономики при обеспечении социальных гарантий жителям, которые остаются в городе. Эта модель может быть реализована в тех случаях, когда город или поселок в перспективе имеет шанс на ревитализацию (структурную перестройку городской экономики)» [7]. Для достижения стабильности развития моногородов сценарии должны содержать мероприятия по инновационному использованию местных ресурсов. Экологические воздействия, обусловленные освоением природных ресурсов и имеющие различные последствия на окружающую среду, сообщества и здравоохранение, должны стать основой для совершенствования структуры управления, разработки стратегий развития монопрофильных поселений на принципах устойчивого развития.

В принятых КИПах моногородов принцип устойчивого развития не определен в качестве цели развития территории. Отсутствием внимания к экологическому фактору Б. А. Моргунов объясняет обострение экологической ситуации в Арктической зоне РФ. Это «стало не только следствием реализации традиционного экономического, ресурсного подхода в освоении и использовании ресурсов Арктики, но и отсутствия стратегических решений, ориентированных на выход из экологического кризиса. Традиционные правила планирования социально-экономического развития и проектирования хозяйственной деятельности уже не в состоянии предотвратить возникновение экологических проблем в АЗРФ, а лишь усугубляют неблагоприятную экологическую ситуацию» [8].

Для разработки региональных и муниципальных стратегий на принципах устойчивого развития необходимо иметь соответствующий инструментарий, который позволит измерять и управлять социо-эколого-экономическими последствиями. В последние годы зарубежными и отечественными учеными существующий подход к оценке экологического воздействия на окружающую среду все чаще критикуется за несоразмерно большое внимание оценке экологического воздействия от добычи ресурсов на конкретную природную среду и неспособность решать проблему комплексно – в пространственных и временных масштабах, а также неполноту системы показателей: экологических, социальных и состояния здоровья населения. Для управления совокупным изменением окружающей среды и интеграции всех аспектов влияния предлагается оценка кумулятивного воздействия [9–11]. Кумулятивные воздействия включают влияние на нематериальные и абстрактные элементы природного мира, такие как биоразнообразие и экосистемы, а также тех компонентов окружающей среды, которые непосредственно влияют на здоровье человека и возможности проживающих на данной территории людей (местных сообществ) для удовлетворения социально-экономических потребностей. Комплексный подход к оценке экологического ущерба позволяет учитывать ущерб в пространственных и временных масштабах, а также определять систему экологических, социальных показателей и состояния здоровья населения. При этом под кумулятивным воздействием понимается «система синергетических, интерактивных и непредсказуемых результатов от нескольких видов землепользования или суммы проектов в области добычи ресурсов, которые агрегируются во времени и пространстве, и приводят к значительным последствиям для людей и окружающей среды» [12].

На основе кумулятивного подхода к оценке экологического воздействия от добычи полезных ископаемых нами исследовано промышленное освоение Печорского угольного бассейна в АЗ г. Воркута. Общепризнано, что задачи сохранения традиционного образа жизни, обеспечения рационального природопользования, этнокультурного развития коренного населения Севера поставлены в число приоритетных для обеспечения устойчивого развития Арктической зоны РФ.

Территория г. Воркуты составляет 24,2 тыс. кв. км, город расположен на крайнем северо-востоке Республики Коми, в Большеземельской тундре, в зоне распространения многолетней мерзлоты, в 160 км севернее Полярного круга и 140 км от побережья Северного Ледовитого океана. В городе на 1.01.2016 г. проживает 81 442 человек, что составляет 39,0 % к проживавшим в 1990 г. В основном это русские, около 2 тыс. человек коренного народа – коми, более 300 человек – представители коренных малочисленных народов Севера (в основном ненцы, ханты, манси). На территории МО городской округ «Воркута» расположены девять особо охраняемых территорий. Территория г. Воркуты является традиционным местом природопользования коренного народа, основным традиционным видом хозяйствования которого остается оленеводство. Республика относится к числу крупных оленеводческих регионов России. По численности поголовья регион занимает пятую позицию после Ямало-Ненецкого, Чукотского, Ненецкого автономных округов и Республики Саха (Якутия). На начало 2016 г. по данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми во всех хозяйствах содержалось 85749 оленей, в том числе 65537 – в сельхозкооперативах. Поголовье оленей значительно сократилось, начиная с 1990 г., в 1950 г. оно насчитывало 210,9 тыс. оленей. Пер-

спективы роста поголовья ограничены, поскольку промышленное освоение тундры и земель лесного фонда ведет к сокращению пригодной площади для оленьих пастбищ.

Ситуация осложняется накопленным экологическим ущербом (НЭУ) в районах старого промышленного освоения природных ресурсов. В результате производственной и хозяйственно-бытовой деятельности в Воркуте и прилегающей к ней территории в радиусе 20 км сформировалась импактная зона, занимающая свыше 1000 км^2. Заметный вклад в загрязнение почвогрунтов в этом импактном районе вносят терриконы (объем изъятой горной массы превышает 1,1 млрд т). Тимано-Печорский импактный район расположен на территории Ненецкого АО (Харьягинское, Торовейское и Кумжинское месторождения) и Республики Коми (Верхневозейское, Возейское и Усинское месторождения). Эта территория является одной из самых загрязненных нефтепродуктами в России. Здесь пробурены тысячи скважин, официально считается, что не менее чем на 50 % из них происходили аварийные утечки.

Сокращение возможностей использования традиционных природных ресурсов, обострение экологической ситуации не способствуют решению социальных проблем, повышению их качества жизни. Денежные доходы коренных жителей в 2–3 раза ниже общероссийских. Средняя продолжительность жизни у коренных народов на 10–20 лет меньше, чем средняя по России. Средний возраст смерти у мужчин коренных народов – около 45 лет. Показатели заболеваемости алкоголизмом значительно выше среднероссийских. Высока доля смертей от внешних причин (несчастных случаев, самоубийств, убийств).

Воркутинский район, входящий в состав Арктической зоны Российской Федерации, представляет собой один из важнейших горнопромышленных районов России, включающий основные промышленно освоенные и разведанные месторождения Печорского угольного бассейна, частично охватывает Тимано-Печорскую нефтегазоносную провинцию. Исторически сложилось, что доминирующей отраслью промышленного производства в Воркуте является добыча угля. Разработка месторождений Печорского бассейна ведется с 1934 г., пик добычи приходился на 1985 г., объем добычи составлял 21,3 млн т в 2016 г. Несмотря на то, что в постсоветский период объемы добычи угля резко снизились, оценка перспективных запасов свидетельствует о высоком потенциале для будущего развития угольной промышленности. На его территории известно около 30 месторождений угля и углепроявлений, в том числе 11 месторождений с разведанными балансовыми запасами, которые составляют около 7,0 млрд т.

На сегодняшний день АО «Воркутауголь» является единственным градообразующим предприятием с общей мощностью не более 12 млн т в год. На угледобыче в Воркуте сегодня занято около 7 тыс. человек из 60–80 тыс., проживающих в заполярном городе. Министерством промышленности, природных ресурсов, энергетики и транспорта Республики Коми планируется разработать стратегию сохранения добычи угля в Воркуте на уровне 15 млн т в год, обозначенных в программе развития угольной промышленности России на период до 2030 г.

В рамках развития Воркуты на ее территории запущены к реализации ряд инвестиционных проектов по добыче угля. По оценкам экспертов [13], объем добычи угля за 2016 г. составил 9,6 млн т, что меньше на 3,6 млн, чем годом ранее. Снижение объемов добычи связано с аварией на шахте «Северная» в феврале 2016 г.

Добычу угля планируется обеспечить за счет реализации проектов по освоению участка «Промежуточный» Верхнесыръягинского угольного месторождения, освоению и разработке шахтных полей Усинского месторождения.

Для учета потенциального экологического ущерба требуется оценить кумулятивный эффект от реализации указанных проектов. Примерный перечень показателей оценки кумулятивного эффекта, составленный на основе работы компании BHP Billiton Mitsubishi Alliance (BMA) [14] по оценке проекта угольной шахты пещерного хребта (Caval Ridge Coal Mine Project) и работы П. В. Медведева [15], представлен в таблице.

Социальный фактор – воздействие на социальную среду – представляет оценку положительных и отрицательных последствий промышленного освоения; выделены четыре уровня: личность, семья, местное сообщество и региональное сообщество. Рассматривалась в следующих аспектах:

• экономический – количество и качество созданных рабочих мест; последствия для семьи при вахтовом методе добычи угля; изменения размера заработной платы с открытием новых шахт по сравнению с существующим;

Таблица. Показатели оценки кумулятивного эффекта инвестиционного проекта в угольной промышленности
Table. Indicators of the cumulative effect of the investment project in the coal industry

Факторы кумулятивного эффекта	Показатели оценки кумулятивного влияния
Производство	Среднегодовая добыча угля, тыс. т в год
Ущерб от загрязнения земель	Потери земель сельскохозяйственного назначения I–IV классов землепридатности, кв. м. Ущерб от загрязнения земель, тыс. руб. Ущерб от деградации земель, тыс. руб.
Ущерб от загрязнения поверхностных вод	Ущерба от загрязнения водоема, тыс. руб. Объем уничтоженных водоемов и / или водоемов, изменивших свое русло, км. Объем потребления воды, мл/год. Площадь участка проекта по сравнению с общим водосбором реки, %
Угроза живой природе	Факты фрагментации ареала, нарушения экологического коридора
Ущерб от загрязнения атмосферного воздуха	Ущерб от выбросов углекислого газа (CO^2) и других парниковых газов, тыс. руб. Ущерб от загрязнения атмосферы основными загрязняющими веществами (Nox, PM, SO^2, CH). Концентрация загрязняющих веществ в атмосферном воздухе, мг/м^3

Факторы кумулятивного эффекта	Показатели оценки кумулятивного влияния
Передвижение и транспорт	1. Сокращение жизни асфальтобетонного покрытия. 2. Увеличение движения железнодорожных вагонов.
Социальный эффект	1. Общее число работников в ходе строительства горно-обогатительного комплекса. 2. Общее число работников угольного производства. 3. Доля числа работников от общей численности трудоспособного населения близлежащего населенного пункта
Экономический эффект	1. Добавленная стоимость добытого / переработанного угля

• социальный – влияние на доступность образования, медицины, жилья, отдыха, культуры и традиционный уклад жизни. Социальные последствия интегрированы в другие виды оценки и предполагают измерение прямого и косвенного воздействия. Например, сельскохозяйственный (через социальный объектив) – способность почвы и фрагментации земель на качество жизни для общины, занятие традиционными видами хозяйствования.

Отдельно изучено совокупное воздействие на здоровье, что предусматривает воздействие различных факторов на здоровье человека и благополучие, учитывается отдельно накопительное, текущее здоровье и последствия. При сочетании оценки совокупного воздействия на здоровье с системой охраны здоровья коренного населения, а также социальной и экологической справедливостью обеспечивается комплексное представление совокупных факторов воздействия на здоровье.

Вышеприведенные воздействия на окружающую среду, обусловленные освоением природных ресурсов, имеют различные последствия на окружающую среду, сообщества и здравоохранение, могут стать основой для совершенствования структуры управления, разработки стратегий развития территорий на принципах устойчивого развития.

Одной из альтернативных моделей стратегического управления социально-экономическим развитием региона на принципах устойчивого развития предлагается рассматривать модель интеграционного взаимодействия. Модель предусматривает вертикальное и горизонтальное интеграционное взаимодействие власти, субъектов хозяйствования, науки, местных сообществ, направленные на сбалансированное социо-эколого-экономического развитие как систем регионального хозяйства, так и их подсистем на уроне муниципалитетов и отраслевых комплексов.

Мы исходим из того, что регион является уровнем управления для оценки воздействий на окружающую среду. Региональная устойчивость должна определять задачи для кумулятивных воздействий и учета кумулятивных эффектов и последствий в более широком контексте экологических, экономических и социальных факторов и их влияния на здоровье населения и благополучие. При принятии управленческих решений такой подход потребует компромисса между конкурирующими ценностями, касающимися экономики, экологии, общества и здоровья человека.

На рисунке 1 приведена интеграция необходимых элементов для управления совокупным экологическим воздействием на региональном уровне. Процесс разработки и

Рис. Интеграционная модель стратегического управления на основе оценки кумулятивного воздействия на региональном уровне

Fig. Integration model of strategic management based on cumulative impact assessment at the regional level

реализации стратегии управления осуществляется снизу-вверх и включает поэтапно:

1. Определение прошлых, текущих и будущих кумулятивных эффектов от воздействия на окружающую среду от хозяйственной деятельности в регионе.

2. Определение последствий в результате действий эффектов на окружающую среду.

3. Управление до приемлемых пределов (нормативов) воздействия [12].

Ключевые элементы для развития структуры управления и обслуживания системы представлены в прямоугольниках. Цель развития региона определяется как оптимальное функционирование окружающей среды, экономики и населения. Для этого определяются основные ценности проживающего коренного населения и их поддержка окружающей среды. Процесс достаточно сложный, чтобы однозначно идентифицировать и представлять сообщество или ценности региона. Поэтому с учетом особенностей региона необходима разработка системы критериев и индикаторов по устойчивому развитию, которые могут быть взяты за основу рекомендаций по структурированию процессов, оценке эффективности результатов управления и мониторинга процессов. Эти значения затем преобразуются в подцели, которые являются отправной точкой для стратегического подхода по обеспечению устойчивого уровня человеческой деятельности в условиях как положительных, так и негативных кумулятивных воздействий.

Государственные и национальные перспективы экономического развития, биоразнообразия и культурного благосостояния могут также сыграть важную роль в постановке цели и, в конечном счете, для принятия решений. Более полный учет ценностей требует учета перспектив развития культуры и системы знаний. Культура лежит в основе ценностей и играет важную роль для перспектив коренных общин и принятия компромиссных вариантов с точки зрения положительного и отрицательного воздействия. Коренные народы несут с собой уникальный опыт для работы естественного мира и роли людей в этом мире, поэтому учет традиционных знаний является важным элементом интеграционной модели.

В рамках регионального управления на основе накопительного воздействия необходимо учитывать нормативные ограничения, чтобы гарантировать размеры последствий, которые не превышают допустимых уровней. Включение обязательных нормативных ограничений является ключевым и дифференцирующим элементом предлагаемой структуры управления. Нормативные ограничения должны представлять контрольные значения для роста совокупных отрицательных воздействий в регионе, но не должны рассматриваться как ограничения на экономическое развитие. Такой подход снижает неопределенность для инициаторов инвестиционных проектов по использованию природных ресурсов и является ориентиром в его экологических параметрах. Принятие критериев и индикаторов устойчивого развития способствует структурированию процессов управления и позволяет выявлять при осуществлении мониторинга воздействия на окружающую среду отрицательные отклонения от заданных значений параметров и найти источники для финансирования отрицательных изменений в социальной сфере и здоровье населения.

Мониторинг принятых критериев и индикаторов воздействия на окружающую среду является важным элементом интеграционной системы управления. Без мониторинга сложно понять или предсказать тип и уровень воздействия или узнать о долгосрочных последствиях изменения окружающей среды. Вместе с тем мониторинг является важным компонентом адаптивного управления. Наблюдаемое изменение качества, распределения или доступность значения (например, отсутствие в статистическом учете), потенциально может изменить показатели оценки воздействия на окружающую среду для принятия управленческих решений. Можно достаточно просто определить длинный список измеримых показателей, но возникают трудности, если эти меры являются дорогостоящими и технически сложными. Кроме того, неточные меры являются неэффективными для оценки изменения тенденций ущерба от воздействия на окружающую среду. Особенно это важно для участия общин в управлении устойчивым развитием, результаты контроля должны быть доступны для широкого спектра участников. Это поможет обеспечить устойчивость программ мониторинга, а также увеличит вероятность того, что результаты программ мониторинга актуальны для общин и что они применяются к инклюзивному накопительному механизму воздействия.

Интеграционная модель стратегического управления на основе оценки кумулятивного воздействия на региональном уровне должна включать элементы стратегического планирования землепользования и планирование принятия решений. Например, на территории муниципального образования городского округа «Воркута» приняты «Правила землепользования и застройки», которые включают 3 части: «Порядок применения правил и внесения в них изменений», «Карта градостроительного зонирования» и «Градостроительные регламенты» (Решение № 193 от 29 ноября 2012 г.) [16]. Стратегическое планирование землепользования позволит обеспечить рассмотрение широкого спектра мнений и вовлечение всех заинтересованных сторон и регулирующих органов; выявить эффекты и последствия в начале процесса принятия решений; оценить исходные условия и выявить пробелы в знаниях; развивать целостное видение кумулятивного воздействия, включая идентификацию ключевых ценностей и вспомогательных целей для этих значений. В рамках стратегического видения землепользования для региона члены команды планирования должны быть включены в постановку целей и задач по уровням развития, в том числе при установлении льгот и услуг для местных общин, а также сохранения экологических ценностей и экосистемных услуг.

Интеграционный аспект управления является многогранным. Один вид интеграции – горизонтальный – при этом решаются вопросы о том, как объединить межотраслевой и междисциплинарный процессы, которые часто сталкиваются с укоренившимися организационными структурами и культурой знаний. Предложенная модель управления также включает в себя вертикальную интеграцию, которая связывает различные типы знаний. При оценке кумулятивного воздействия вертикальной интеграцией оценивается вклад научных и традиционных местных знаний. Без эффективного управления на принципах открытости, адаптации и прозрачности теряются все преимущества интеграции или они будут неполностью реализованы.

Обеспечение эффективного управления требует лидерства и приверженности участвующих людей и организаций. Это означает, что лица, участвующие в управлении, и организации способны действовать совместно, развивать функциональные сети и уровень доверия. Другими словами, они должны разрабатывать и внедрять социальную сплоченность, наращивать социальный капитал. Действительно, интеграционная модель стратегического управления выходит за рамки традиционных государственных процессов. Местные сообщества сами решают, кто участвует и как принимаются решения по управлению накопительным экологическим воздействием от деятельности хозяйствующих субъектов. В качестве примера можно привести модель управления на основе кумулятивной оценки воздействия в Северной Альберте (Канада). Совокупная Ассоциация экологического менеджмента насчитывает более 50 членов, которые включены в одну из четырех групп: коренных народов, правительства, неправительственных организаций и промышленности. Ассоциацией руководят четыре директора от каждой фракции. Это группа по разработке систем управления, передового опыта и комплексного диалога с целью сокращения совокупного воздействия, главным образом, в результате разработки нефтяных Песков. Ассоциация принимает рекомендации федеральному и провинциальному правительству по устойчивому управлению территорией. Приведенная форма автономного принятия решений (орган или организация) станет ключевым элементом эффективного управления для решения совокупного воздействия на уровне региона или городского округа [12].

Применение принципов и элементов при интеграционной модели управления регионом на принципах устойчивого развития является основой для преодоления разрыва между местным сообществом, бизнесом и властью. Большая часть предлагаемых элементов управления может применяться последовательно, выстраивая обсуждение поставленных целей и задач для формирования эффективных структур управления в регионе.

Литература

1. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 13.05.2016). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/d56f021d0894f510308e6cdf0d8f0640de141068/ (дата обращения: 10.03.2018).

2. Рябова Л. А., Дидык В. В., Корчак Е. А., Башмакова Е. П., Емельянова Е. Е. Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2013. № 3. С. 34–50.

3. Управление, общество, экология: ответы на вызовы освоения Циркумполярного Севера / под ред. И. Н. Ильиной. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. 92 с.

4. Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития. Аналитический доклад Режим доступа: https://arctic.gov.ru/FilePreview/ac6b705c-c774-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=cc530731-da4b-e511-825f- (дата обращения: 20.01.2018).

5. Любовный В. Я., Кузнецова Г. Ю., Власова Н. И. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России. М.: МОНФ, 2004. 217 с.

6. Пилясов А. Н., Котов А. В. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества. М.: Спецкнига, 2015. 119 с.

7. Моногорода. Перезагрузка. Базовый элемент. Режим доступа: https://www.basel.ru/monogoroda/ (дата обращения: 18.01.2018).

8. Моргунов Б. А. Методология учета экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития Арктической зоны России: автореф. дис. … д-ра геогр. наук. СПб., 2006. 40 с.

9. Борисов В. Н., Диденко Н. И., Комков Н. И., Порфирьев Б. Н., Скрипнюк Д. Ф. Теория и практика комплексного развития Арктической зоны. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2015. 190 с.

10. Тулупов А. С. Теория ущерба: общие подходы и вопросы создания методического обеспечения. М.: Наука, 2009. 283 с.

11. Медведева О. Е. Задачи оценки экологического ущерба в Арктической зоне // Арктика и Север. 2015. № 18. С. 131–147.

12. The Integration Imperative. Cumulative Environmental, Community and Health Effects of Multiple Natural Resource Developments / Ed. Gillingham M. P., Halseth G. R., Johnson C. J., Parkes M. W. Springer International Publishing Switzerland, 2016. 275 p.

13. Перспективы развития Воркуты правительство Коми связывает с запуском шахт «Усинская-1» и «Усинская-3». Режим доступа: https://www.bnkomi.ru/data/news/59417 (дата обращения: 20.01.2018).

14. Caval Ridge Coal Mine Project – Environmental Impact Statement. Режим доступа: http://www.bhp.com/-/media/bhp/regulatory-information-media/coal/bhp-billiton-mitsubishi-alliance/caval-ridge/caval-ridge-mine-project-draft-environmental-impact-statement-eis/creiscumulativeimpacts.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

15. Медведев П. В. Оценка экологической и социальной эффективности инфраструктурных проектов в обеспечении экономической безопасности: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2016. 25 с.

16. Стратегия социально-экономического развития МОГО «Воркута». Постановление № 204 от 14 февраля 2017 года. Режим доступа: http://www.воркута.рф/city/strategic-management/the-strategy-of-socio-economic-development-of-the-constituent-vorkuta (дата обращения: 20.01.2018).

INTEGRATION MODEL OF STRATEGIC MANAGEMENT OF NORTHERN MONOTOWNS BASED ON THE PRINCIPLES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

***Galina A. Knyazeva*[1, @]**

[1] *Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55, Oktiabrsky Ave., Syktyvkar, Russia, 167001*
[@] *gknyazeva@mail.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: northern (arctic) monotown, integrated investment program, diversification of the town-forming enterprise, environmental impact, damage, sustainable development, cumulative assessment of environmental change, integration management model.

Abstract: The article is devoted to the research of sustainable development of northern (arctic) one-industry urban settlements. The author provides an assessment of state support for Russian monocities in the modern conditions and identifies specifics of the functioning of northern (arctic) monocities, which require a special approach to supportive measures for their development. The paper considers the method of diversification of a city-forming enterprise in strategic documents of multi-profile settlements. It is noted that such an approach does not provide a systematic management of the socio-ecological and economic processes of single-industry towns. The strategy does not take into account the environmental factor, which does not solve the accumulated environmental problems in the Russian Arctic. The current study stresses the necessity of an integrative (cumulative) assessment of the environmental impact resulting from mining operations, which will allow for measuring and managing socio-ecological and economic processes. The author proposes an integration model of strategic management based on cumulative impact assessment at the regional level.

For citation: Knyazeva G. A. Integratsionnaia model' strategicheskogo upravleniia severnymi monogorodami na printsipakh ustoichivogo razvitiia [Integration Model of Strategic Management of Northern Monotowns Based on the Principles of Sustainable Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 103–110. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-103-110.

References

1. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the approval of the list of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 No. 1398-r (as amended on May 13, 2016). Available at: http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/08/160813-p-m-1.pdf (accessed 20.01.2018).
2. Riabova L. A., Didyk V. V., Korchak E. A., Bashmakova E. P., Emel'ianova E. E. Arkticheskie monogoroda Rossiiskoi Federatsii: sotsial'nye problemy, puti ikh resheniia i rol' resursnykh korporatsii [Arctic monocities of the Russian Federation: social problems, ways of their solution and the role of resource corporations]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniia i venchurnogo investirovaniia Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta = Corporate governance and innovative development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law*, no. 3 (2013): 34–504.
3. *Upravlenie, obshchestvo, ekologiia: otvety na vyzovy osvoeniia Tsirkumpoliarnogo Severa* [Management, society, ecology: answers to the challenges of the development of the Circumpolar North]. Ed. Il'ina I. N. Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaia shkola ekonomiki», 2017, 92.
4. *Monogoroda Arkticheskoi zony RF: problemy i vozmozhnosti razvitiia. Analiticheskii doklad* [Mono-city of the Arctic zone of the Russian Federation: problems and opportunities for development. Analytical report]. Available at: https://arctic.gov.ru/FilePreview/ac6b705c-c774-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=cc530731-da4b-e511-825f- (accessed 20.01.2018).
5. Liubovnyi V. Ia., Kuznetsova G. Iu., Vlasova N. I. *Puti aktivizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monoprofil'nykh gorodov Rossii* [Ways of activization of social and economic development of mono-profile cities in Russia]. Moscow: MONF, 2004, 217.
6. Piliasov A. N., Kotov A. V. *Potentsial rossiiskoi Arktiki dlia mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [The potential of the Russian Arctic for international cooperation]. Moscow: Spetskniga, 2015, 119.
7. *Monogoroda. Perezagruzka. Bazovyi element* [Monotown. Reboot. Basic Element]. Available at: https://www.basel.ru/monogoroda/ (accessed 18.01.2018).
8. Morgunov B. A. *Metodologiia ucheta ekologicheskogo faktora v protsesse vyrabotki strategii ustoichivogo razvitiia Arkticheskoi zony Rossii*. Avtoref. diss. doktora geogr. nauk [Methodology of accounting for the environmental factor in the process of developing a strategy for sustainable development of the Arctic zone of Russia. Dr. geogr. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2006, 40.
9. Borisov V. N., Didenko N. I., Komkov N. I., Porfir'ev B. N., Skripniuk D. F. *Teoriia i praktika kompleksnogo razvitiia Arkticheskoi zony* [Theory and practice of complex development of the Arctic zone of the Russian Federation]. Saint-Petersburg: Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta, 2015, 190.

10. Tulupov A. S. *Teoriia ushcherba: obshchie podkhody i voprosy sozdaniia metodicheskogo obespecheniia* [Theory of damage: general approaches and issues of creating methodological support]. Moscow: Nauka, 2009, 283.

11. Medvedeva O. E. Zadachi otsenki ekologicheskogo ushcherba v Arkticheskoi zone [The tasks of assessing environmental damage in the Arctic zone]. *Arktika i Sever = Arctic and North*, no. 18 (2015): 131–147.

12. *The Integration Imperative. Cumulative Environmental, Community and Health Effects of Multiple Natural Resource Developments*. Ed. Gillingham M. P., Halseth G. R., Johnson C. J., Parkes M. W. Springer International Publishing Switzerland, 2016, 275.

13. *Perspektivy razvitiya Vorkuty pravitel'stvo Komi svyazyvaet s zapuskom shaht «Usinskaya-1» i «Usinskaya-3»* [Prospects for the development of Vorkuta Komi government connects with the launch of the mines «Usinskaya-1» and «Usinskaya-3»]. Available at: https://www.bnkomi.ru/data/news/59417 (accessed 20.01.2018).

14. *Caval Ridge Coal Mine Project – Environmental Impact Statement*. Available at: http://www.bhp.com/-/media/bhp/regulatory-information-media/coal/bhp-billiton-mitsubishi-alliance/caval-ridge/caval-ridge-mine-project-draft-environmental-impact-statement-eis/creiscumulativeimpacts.pdf (accessed 20.01.2018).

15. Medvedev P. V. *Otsenka ekologicheskoi i sotsial'noi effektivnosti infrastrukturnykh proektov v obespechenii ekonomicheskoi bezopasnosti*. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Assessment of the environmental and social effectiveness of infrastructure projects in ensuring economic security. Cand. econ. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2016, 25.

16. *Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia MOGO «Vorkuta»* [The socio-economic development strategy of ICDO «Vorkuta»]. Resolution No. 204 of 14 February 2017. Available at: http://www.воркута.рф/city/strategic-management/the-strategy-of-socio-economic-development-of-the-constituent-vorkuta (accessed 20.01.2018).

УДК 33:378.467.6

ТЕНДЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дмитрий Г. Кочергин[1, @]

[1] *Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, 650070, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 38 А*
[@] *dmitry887@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: экономика знаний, регион, дифференциация, количественный анализ, индекс, Кемеровская область.

Аннотация: Экономическое развитие в территориальном аспекте обладает чертами неравномерности, которые усиливаются с течением времени благодаря эффекту path dependence. Вместе с тем уровень развития территорий восприимчив к различным макроэкономическим и глобальным факторам, среди которых все более значимым становится становление «экономики знаний» под влиянием научно-технического прогресса. Целью статьи является изучение региональной динамики экономики знаний в России (на основе данных 2005–2015 гг.), выявление векторов знание-интенсивного развития и прогнозирование тенденций развития групп и отдельных регионов (на примере Кемеровской области). Для количественной оценки регионального развития экономики знаний использован индекс экономики знаний, отражающий состояние четырех основных аспектов (образование, условия жизни населения, ИКТ-инфраструктура и региональная инновационная система). Анализ региональных диспропорций экономики знаний проведен на основе расчета квинтильных коэффициентов. Исследование позволило установить, что региональное развитие на основе знаний в России крайне неоднородно: для «фоновых» аспектов экономики знаний (ИКТ- и здоровьесберегающая инфраструктура) преобладает конвергентная тенденция, для «ядра» экономики знаний (система воспроизводства и использования знаний) – дивергентная тенденция. На основании этого сделан вывод, что сохранение либерально-ориентированной региональной экономической политики в России будет способствовать формированию асимметричной модели экономики знаний, в которой лишь меньшинство регионов получит доступ к преимуществам развития на основе знаний.

Для цитирования: Кочергин Д. Г. Тенденции регионального развития экономики знаний в России (на примере Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 111–116. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-111-116.

Хорошо известно, что экономическое развитие не отличается равномерностью с точки зрения территориального аспекта: во все исторические эпохи существовали центральные и периферийные регионы, «лидеры» и «аутсайдеры». Несмотря на то, что в последние десятилетия экономический рост в мировом масштабе приобретает все больше черт «устойчивости» (sustainable development), уровень межнациональной экономической дифференциации не снижается, а, напротив, возрастает [1]. Схожая тенденция характерна и для регионов территориально протяженных стран: крупные экономические центры сохраняют и упрочняют свое положение путем масштабной реаллокации национальных факторов производства. Поэтому не приходится сомневаться в том, что экономическое развитие в территориальном аспекте крайне подвержено институциональному эффекту «path dependence» – зависимости текущего состояния от результатов предшествующего развития [2, с. 8].

Несмотря на инерционность, неравномерности экономического развития восприимчивы к изменениям экономической конъюнктуры, политической динамике, культурным факторам и т. п. При этом начиная с середины XX в. одним из центральных факторов влияния на развитие стран и их регионов становится научно-технический прогресс. Процессы трансформации социально-экономических систем под воздействием этого фактора находят теоретическое отражение в различных концепциях, наибольшим объяснительным потенциалом среди которых, по нашему мнению, обладает концепция экономики знаний. В самом широком смысле экономику знаний можно определить как экономику, в которой человек создает, распространяет и использует научные знания для своего всестороннего развития в гармонии с природой, обществом и государством [3, с. 185].

Экстенсивный характер территориального развития России заложил основу для крайней региональной неравномерности: большая часть населения и производственных мощностей сконцентрированы в центре и на юге европейской части страны, а основной массив природных богатств – на северо-востоке европейской и в азиатской частях страны. Для последних характерны тяжелые природно-климатические условия, обусловливающие высокую затратность экономики, а также значительная удаленность экономических районов друг от друга, препятствующая экономическому развитию [4, с. 23]. Однако сохранение и развитие России как федеративного государства невозможно без снижения различий в уровне жизни населения, социально-экономическом развитии регионов страны [5, с. 134].

Разрешение обозначенного противоречия возможно за счет планомерного перехода к развитию на основе знаний, способного сглаживать за счет снижения ресурсоемкости производства [6, с. 126], формирования единого коммуникационного пространства, не зависящего от расстояния между субъектами, создания институтов трансляции знаний и опыта и т. д. Поэтому целью настоящей работы стало изучение тенденций развития экономики знаний в регионах России в 2005–2015 гг. и выявление векторов развития на ближайшую перспективу.

Ранее для количественной оценки регионального развития экономики знаний в регионах России нами был предложен *индекс экономики знаний* (ИЭЗ) [3]. Данный индекс отражает состояние *четырех* основных *факторов*: образование, условия жизни, ИКТ-инфраструктура и региональная инновационная система. Каждый из факторов характеризуется системой показателей, отражающей сложившийся в науке подход к оценке инновационных процессов в экономике.

Изучение регионального развития экономики знаний проводилось на основе значений индекса и субиндексов экономики знаний в регионах России в 2005–2015 гг., рассчитанных на основании статистической информации Федеральной службы государственной статистики РФ.

В рамках анализируемого десятилетия межрегиональные пропорции развития экономики знаний в России не претерпевали существенных изменений: индекс экономики знаний (ИЭЗ) первоначально вырос с 3,7 единиц (2005) до 3,9 единиц (2011) с последующим снижением до 3,6 единиц (2015). Поскольку ИЭЗ интегрирует развитие по четырем направлениям, он сглаживает неоднородности в их динамике.

В свою очередь, значения субиндексов ИЭЗ демонстрируют значительную неоднородность уровней и динамики. Согласно используемой методике ИЭЗ и его субиндексы представляют собой показатели относительного развития, меру отклонения развития регионов от двух «эталонов». Реальными референтами позитивного «эталона» экономики знаний в России являются города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург (таблица). В двух российских мегаполисах поддерживается и развивается образовательно-научная инфраструктура, экономические агенты имеют доступ к современной ИКТ-инфраструктуре, велика доля инновационных фирм, использующих знания в производственной деятельности. Описанные параметры в целом соответствуют представлению об «эталоне» развития на основе знаний.

Таблица. Значения индекса экономики знаний «лидеров» и «аутсайдеров» регионального развития на основе знаний
Table. Index of knowledge-based economy displayed by the «leaders» and the «outsiders» of regional devel-opment

Название субъекта РФ	Значение индекса экономики знаний			
	2005	2010	2015	Среднегодовое значение, 2005–2015
г. Москва	7,7	7,6	7,9	7,7
г. Санкт-Петербург	6,8	6,8	7,1	7,0
Среднее значение по субъектам РФ*	3,6	3,6	3,5	3,6
Чукотский автономный округ	2,3	1,9	2,8	2,1
Республика Тыва	2,2	2,5	2,0	2,3

Прим.: * – без учета Москвы, Санкт-Петербурга, Чукотского АО, Республики Тыва.

Среди явных «аутсайдеров» развития на основе знаний можно выделить Чукотский автономный округ и Республику Тыва. Однако эти регионы выступают лишь условными негативными «эталонами», поскольку реальный «эталон» должен характеризоваться как низким благосостоянием, уровнем жизни населения, так и слабым развитием образовательно-инновационной инфраструктуры.

Результаты сопоставления среднерегиональных значений ИЭЗ и его субиндексов с двумя полюсами – значениями «постиндустриальных» мегаполисов и двух «аутсайдеров» знание-интенсивного развития показывают, что в среднем российские регионы намного ближе к периферии экономики знаний («расстояние» составляет 1,5 единицы), чем к ее центру («расстояние» – 3,7 единиц) – такова асимметрия регионального развития экономики знаний в России.

Для детального анализа региональных диспропорций экономики знаний нами была предложена методика расчета квинтильных коэффициентов экономики знаний [7, с. 262]. Четыре квинтильных коффициента $Q_i(X_j)$, характеризующих отношения средних субиндексов экономики знаний (X_j) группы из 20 % первых регионов и средних индексов групп 20 % i-х регионов:

где X – j-й субиндекс экономики знаний, i – номер квинтиля, $\overline{X}_{Q_{ij}}$ – среднее значение j-х субиндексов ре-гионов i-го квинтиля.

Чем ближе значение квинтильного коэффициента к 1, тем меньше отличается развитие регионов первого и i-го квинтилей. Рассмотрим динамику квинтильных коэффициентов для субиндексов экономики знаний и проанализируем положение региона в системе координат дифференциации регионального развития в России на примере Кемеровской области (рис.).

Система образования. Российские регионы существенно дифференцированы по уровню развития систем образования. Важно отметить, что индекс образования включает только относительные количественные характеристики (численность студентов среднего профессионального и высшего образования, а также аспирантов на 10 000 населения

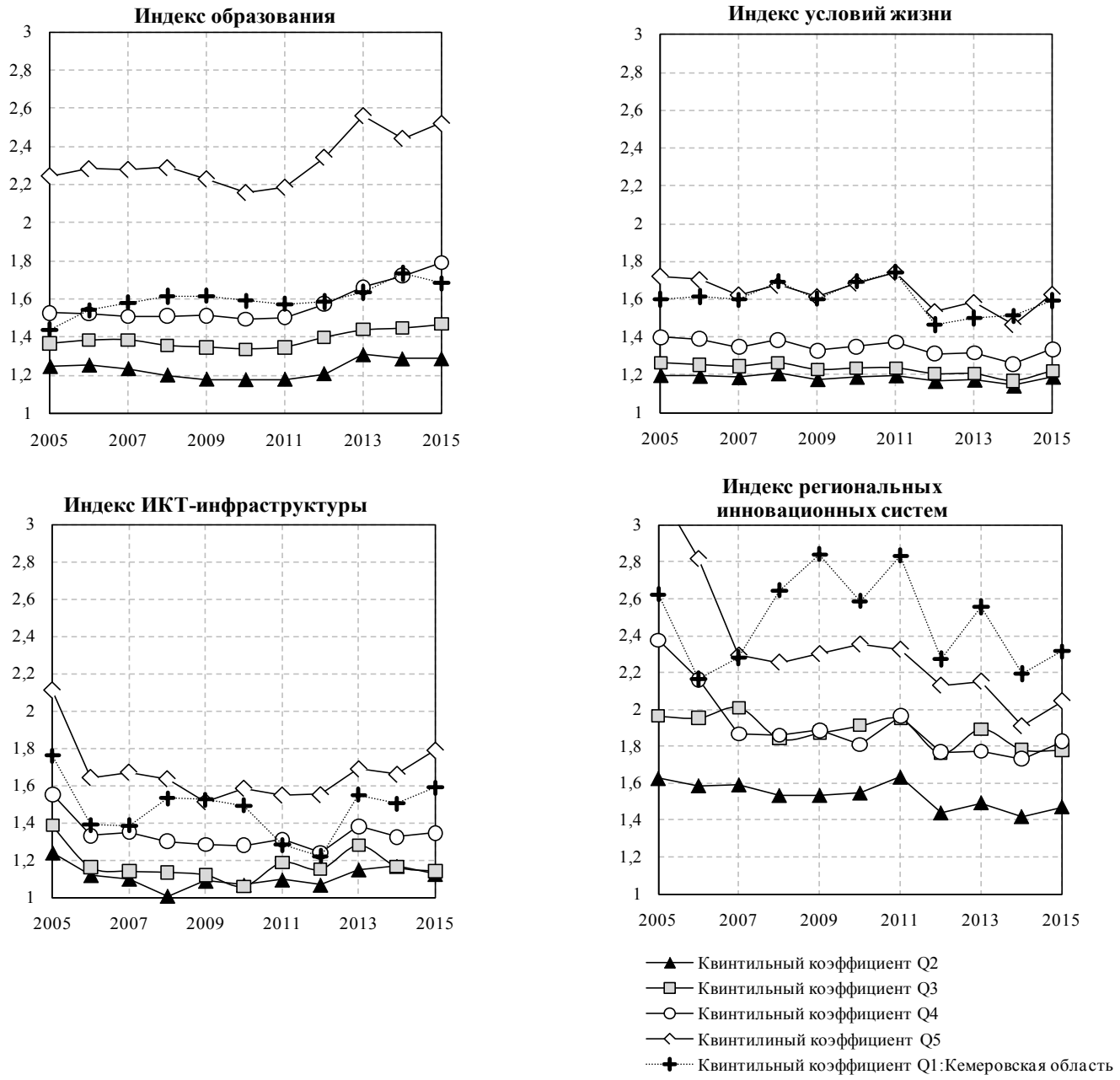


Рис. Динамика квинтильных коэффициентов региональных субиндексов экономики знаний в России в 2005–2015 гг.
Fig. Dynamics of the quintile coefficients of regional subindexes of knowledge-based economy in Russia in 2005–2015

региона), поэтому реальная дифференциация (требующая учета абсолютных количественных и качественных характеристик) во много раз превышает приводимые в данной модели значения. Среднее значение Q_5(ИО) в анализируемом 10-летнем периоде составляет 2,3 (наибольшее значение среди Q_5 всех субиндексов) и указывает на максимальную дифференциацию масштабов систем образования «лидеров» и «аутсайдеров». При этом с течением времени дифференциация лишь усиливается: в 2005 г. Q_5(ИО) равнялся 2,2, в 2015 г. – 2,5 (пиковое значение было достигнуто в 2013 г. – 2,6). Соотношение развития регионов первого и четвертого квинтилей – Q_4(ИО) – в среднем составляет 1,6 и растет в анализируемом периоде: с 1,5 в 2005 г. до 1,8 в 2015 г. Коэффициенты Q_3(ИО) и Q_2(ИО), характеризующие отношение регионов первого со вторым и третьим квинтилями по развитию образования, равны 1,2 и 1,4, их динамика также положительна (+0,1 пункт). Таким образом, в течение десятилетнего анализируемого периода дифференциация масштабов образовательных систем в регионах усиливается, наряду с этим наблюдается эффект path dependence: наиболее динамично развиваются регионы, демонстрировавшие лучшие показатели в начальном периоде.

По данным начального периода (2005) с точки зрения масштабов системы образования Кузбасс располагался между третьей и четвертой группами регионов, отличаясь от группы лидеров в 1,44 раза. К 2014 г. квинтильный коэффициент региона вырос до 1,74, что в большей степени соответствует четвертой группе (1,7 в том же году), а затем несколько снизился в 2015 г. и составил 1,68. Так, положение Кемеровской области на российском рынке образования за десятилетний период существенно ухудшилось. Хотя здесь удалось сохранить развитую сеть образовательных

организаций среднего профессионального образования, динамика высшей школы и подготовки научных кадров имеет негативную тенденцию: численность студентов вузов сократилась с 318 человек на 10 000 населения до 247, в 2015 г. на 10 000 населения региона приходился лишь 1 аспирант (в Новосибирской области – 3, в Томской – 6,4). Хорошей иллюстрацией неудовлетворительного состояния региональной системы образования служит и то, что в отличие от соседних регионов в Кузбассе отсутствуют национальные исследовательские и федеральные университеты. Таким образом, при инерционном сценарии развития регион будет испытывать все больший дефицит высококвалифицированных специалистов.

Региональная инновационная система. Системы воспроизводства и экономической утилизации знания в регионах России характеризуются уровнем дифференциации, схожим с системами образования. Средний Q_5(ИРИС) составил 2,3, при этом его динамика отрицательна: в 2005 г. он равнялся 3,2, а к 2015 г. снизился до 2,0 (максимальное снижение среди всех рассчитанных квинтильных коэффициентов). Средние Q_4(ИРИС) и Q_3(ИРИС) равны друг другу (1,9), их динамика отрицательна (–0,6 и –0,2 соответственно), при этом после 2007 г. эти две группы регионов, фактически, объединяются. Значение Q_2(ИРИС) в среднем составило 1,5, его динамика неустойчиво-отрицательна: за десять лет дифференциация сократилась лишь на 0,1. Как видим, распределение регионов по уровням развития РИС неоднородно: отрыв 20 % регионов-лидеров от остальных 80 % регионов является максимальным по сравнению с другими аспектами экономики знаний.

Кемеровская область изначально располагалась между четвертой и пятой группами регионов по развитию региональной инновационной системы, имея квинитильный коэффициент 2,63. Однако уже после 2007 г. инновационная система региона характеризуется коэффициентами, превосходящими даже средние значения для 20 % регионов-аутсайдеров: 2010 – 2,84 (при среднем значении для группы аутсайдеров – 2,4), 2013 – 2,56 (2,2), 2015 – 2,32 (2,0). Эти данные показывают, что в посткризисный период «инновационность» экономики региона продолжает снижаться. В 2015 г. внутренние текущие затраты на исследования и разработки в Кузбассе составляли 0,2 % в валовом региональном продукте, что является одним из самых низких показателей для России, доля инновационной продукции в общем объеме товаров, работ и услуг не превосходила 1,4 % (в среднем по регионам РФ – 6,4 %). Таким образом, Кемеровская область сохраняет ресурсодобывающий профиль экономики, не использует возможности перехода к знание-интенсивному росту [8].

ИКТ-инфраструктура. Формирование ИКТ-инфраструктуры регионов более стабильно и менее дифференцировано, чем развитие региональных систем образования и инновационных систем. Средний Q_5(ИИКТ) за 2005–2015 гг. равен 1,7, что на 0,5 ниже аналогичных показателей для ИО и ИРИС. Значения Q_4(ИИКТ), Q_3(ИИКТ) и Q_2(ИИКТ) составляют 1,1–1,3, указывая на несущественную дифференциацию первых 80 % регионов по уровню развития ИКТ. В то же время наиболее быстрыми темпами сокращается разрыв «лидеров» и «аутсайдеров» – с 2,1 в 2005 г. до 1,8 в 2015 г. Остальные группы подтягиваются к «лидерам» развития ИКТ-инфраструктуры, при этом в канун кризиса 2008 г. регионы второй группы сравнялись с первой группой по показателям развития (хотя, в дальнейшем вновь возникает дифференциация), а различия между второй и третьей группой становятся несущественными к 2015 г. В целом развитие ИКТ-инфраструктуры в российских регионах дифференцировано слабо, различия для первых 80 % регионов не превышают 1,3 раза, при этом дифференциация в развитии между регионами сокращается.

В части ИКТ-инфраструктуры Кемеровская область по данным 2005 г. имела квинтильный коэффициент 1,74, что соответствует промежуточному положению между четвертой и пятой группами регионов. К концу анализируемого периода отставание региона от лидеров снизилось до 1,59, к тому же динамика этого показателя повторяет тенденцию пятой группы регионов со снижением дифференциации в 2008–2011 гг. и последующим ростом в 2012–2015 гг. В основном снижение дифференциации доступа к современным информационным технологиям создает благоприятный фон для развития экономики знаний в регионе, можно отметить и позитивные действия областной администрации в части сокращения информационного неравенства (например, принятие в 2011 г. «Стратегии развития информационного общества в Кемеровской области до 2025 года»).

Социально-экологические аспекты уровня жизни. В рассматриваемой модели уровень жизни характеризуется с точки зрения экологических, гигиенических, а не экономических факторов. В общем дифференциация регионов по данным параметрам наименее существенна. Средний Q_5(ИУЖ) составляет 1,6 – это минимальное значение для Q_5 всех субиндексов. Значения Q_4(ИУЖ), Q_3(ИУЖ) и Q_2(ИУЖ) лежат в интервале 1,2–1,3, при этом индексы уровня жизни населения второй и третьей групп регионов практически идентичны. Описанная ситуация схожа с состоянием ИКТ-инфраструктуры с одним отличием – существующие разрывы уровня жизни существенно не меняются в анализируемом десятилетии.

Неблагоприятная экологическая обстановка на протяжении последних десятилетий остается одной из центральных проблем Кузбасса: регион регулярно занимает худшие позиции в различных экологических рейтингах. В рассматриваемой модели Кемеровская область также оказалась в пятой группе регионов по уровню жизни населения. Если регионы данной группы в десятилетнем периоде сократили отставание от лидеров с 1,7 до 1,59 раз, то квинтильный коэффициент Кузбасса остался практически неизменным (1,6). Неблагоприятные условия жизни не просто препятствуют развитию одного из аспектов экономики знаний, но в целом подрывают возможности для экономического развития, лишая регион главного «ресурса» – здорового и образованного человека.

Результаты проведенного анализа показывают, что в региональное развитие на основе знаний в России крайне неоднородно. С одной стороны, для «фоновых» аспектов экономики знаний (ИКТ- и здоровьесберегающая инфраструктура) преобладает конвергентная тенденция: дифференциация регионов по этим позициям сравнительно невелика, а межрегиональные различия продолжают сокращаться. С другой стороны, для «ядра» экономики знаний (система воспроизводство и использования знаний) преобладает дивергентная тенденция. По параметрам развития образовательных и инновационных систем регионы диффе-

ренцированы наиболее существенно. Различия в масштабах развития данных аспектов продолжают усиливаться с течением времени, снижая возможности периферийных регионов по переходу к развитию на основе знания.

Еще в различных теориях размещения производства немецких экономистов XIX в. присутствовал тезис, согласно которому фирмы выбирают то место расположения хозяйственной деятельности, которое максимизирует их прибыль путем минимизации транспортных издержек [9, с. 569–585]. Сегодня даже сторонники либеральных идей начинают признавать, что капитализм свободного рынка порождает и усиливает территориальные неравенства, а не сглаживает их. Так, нобелевский лауреат П. Кругман описывает эффект «местного рынка» (home-market effect): стремление фирм использовать эффект масштаба способствует концентрации производства в наиболее благоприятных регионах («центре») и сопровождается снижением экономической активности, оттоком населения, консервацией отсталости «периферии» [10, p. 857–880].

Проведенный нами анализ свидетельствует о сильном дивергентном тренде экономики знаний в регионах России, негативном влиянии home-market effect, path dependence и других подобных эффектов на положение и перспективы регионов, являющихся «аутсайдерами» знание-интенсивного развития, таких как Кемеровская область. Поэтому представляется очевидным, что сохранение либерально-ориентированной региональной экономической политики в России будет способствовать формированию асимметричной модели экономики знаний, в которой меньшинство (регионов, населения страны, социальных групп) получит доступ к преимуществам развития на основе знаний, а большинство будет вынуждено довольствоваться постоянно уменьшающимися возможностями и благами индустриального развития, неся на своих плечах социально-экономические издержки становления экономики знаний.

Литература

1. Пикетти Т. Капитал XXI веке / пер. А. А. Дунаев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
2. Казакова В. И. Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 3. С. 6–16.
3. Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе (на примере Кемеровской области) / под ред. И. Б. Золотых, Е. Е. Жернова. М.: Кемерово, 2013. 345 с.
4. Миронова М. Н., Холина В. Н. Диспропорции регионального развития России: динамика в постсовет-ский период // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2011. № 4. С. 23–34.
5. Игнатов В. Г. Асимметрия социально-экономического развития регионов Российской Федерации и основные направления ее ослабления // TERRA ECONOMICUS. 2009. Т. 7. № 2. С. 132–137.
6. Логачев В. А. Возможна ли инновационная политика государства на научной основе? // Российская экономика знаний: вклад региональных исследователей: сб. статей Всеросс. науч. конф. с международным участием (Кемерово, 5–6 октября 2017 г.): в 2 ч. Кемерово, 2017. Ч. 1. С. 126–130.
7. Кочергин Д. Г. Региональная дифференциация экономики знаний в России: опыт количественного анализа // Российская экономика знаний: вклад региональных исследователей: сб. статей Всеросс. науч. конф. с международным участием (Кемерово, 5–6 октября 2017 г.): в 2 ч. Кемерово, 2017. Ч. 1. С. 258–265.
8. Жернова Н. А., Жернов Е. Е. Теоретические основы разработки механизма формирования экономики знаний в ресурсодобывающем регионе // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 4. С. 16–20.
9. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
10. Krugman P., Venables A. Globalization and the Inequality of Nations // The Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110. № 4. P. 857–880.

TENDENCIES OF KNOWLEDGE-BASED REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA (EXAMPLE KEMEROVO REGION

Dmitrii G. Kochergin [1, @]

[1] *Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, 38-A, Tuhachevskiy St., Kemerovo, Russia, 650070*
[@] *dmitry887@mail.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: knowledge-based economy, region, differentiation, quantitative analysis, index, Kemerovo Region.

Abstract: Economic development in its territorial aspect is uneven, which increases in time due to the path depend-ence effect. At the same time, development level of territories is sensitive to macroeconomic and global factors, including the genesis of so-called “knowledge-based economy”. The article contains an analysis of Russian’s knowledge-based economy at the meso-economic (regional) level in 2005 – 2015 in the Kemerovo region. The au-thor evaluates the key parameters of Russian Federation subjects’ development, including regional systems of inno-vation and education, ICT-infrastructure and environmental conditions of life. The study has proved that the back-ground of the knowledge-based economy in Russia (ICTs and ecological

and health-saving infrastructures) displays a tendency toward convergence, whereas the core of knowledge-based economy (educational and innovation sys-tems) is characterized by a divergent trend. The differentiation of educational systems in Russian regions increased within the 10-year period, which means that the options for peripheral regions to shift to the knowledge-intensive development are steadily declining. The gap between leaders and outsiders (a vast majority of regions) of regional innovation system's development is maximal. The author concludes that the conservation of liberal-orientated meso-economic policy in Russia will contribute to the shaping of an asymmetrical model of the knowledge-based economy.

For citation: Kochergin D. G. Tendentsii regional'nogo razvitiia ekonomiki znanii v Rossii (na primere Kemerovskoi oblasti) [Tendencies of Knowledge-Based Regional Development in Russia (Example Kemerovo Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 111–116. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-111-116.

References

1. Piketti T. *Kapital v XXI veke* [Capital in XXI age]. Trans. Dunaev A. A. Moscow: Ad Marginem Press, 2016, 592.
2. Kazakova V. I. Kontseptualizatsiia «path dependence» v sovremennoi sotsial'noi nauke [The conceptualization of path dependence in the modern social science]. *Vestnik NGTU im. Alekseeva R. E. Seriia: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii = Bulletin of NSTU named after R. E. Alexeev. Series: Management in social systems. Communicative technologies,* no. 3 (2012): 6–16.
3. *Formirovanie ekonomiki znanii v resursodobyvaiushchem regione (na primere Kemerovskoi oblasti)* [The shaping of knowledge-based economy in the resource-productive region (case of Kemerovo Region)]. Ed. by Zolotyh I. B., Zhernova E. E. Moskow; Kemerovo, 2013, 345.
4. Mironova M. N., Kholina V. N. Disproportsii regional'nogo razvitiia Rossii: dinamika v postsovetskii period [Disproportions of regional development in Russia: the dynamics in post-soviet period]. *Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Ekonomika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*, no. 4 (2011): 22–34.
5. Ignatov V. G. *Asimmetriia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regionov Rossiiskoi Federatsii i osnovnye napravleniia ee oslableniia* [The asymmetry of regional socio-economic development in Russian Federation and main directions of its weakening]. TERRA ECONOMICUS, 7, no. 2 (2009): 132–137.
6. Logachev V. A. Vozmozhna li innovatsionnaia politika gosudarstva na nauchnoi osnove? [About the possibility of innovation public policy on scientific basis]. *Rossiiskaia ekonomika znanii: vklad regional'nykh issledovatelei: sb. statei Vseross. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Kemerovo, 5–6 oktiabria 2017 g.)* [Russian knowledge-based economy: the contribution of regional scientists: Proc. Russian Sc. Conf. (October 5–6 2017)]. Kemerovo, part 1 (2017): 126–130.
7. Kochergin D. G. Regional'naia differentsiatsiia ekonomiki znanii v Rossii: opyt kolichestvennogo analiza [The regional differentiation of knowledge-based economy in Russia: the case of quantitative analysis]. *Rossiiskaia ekonomika znanii: vklad regional'nykh issledovatelei: sb. statei Vseross. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Kemerovo, 5–6 oktiabria 2017 g.)* [Russian knowledge-based economy: the contribution of regional scientists: Proc. Russian Sc. Conf. with the international participation (October 5–6 2017)]. Kemerovo, part 1 (2017): 258–265.
8. Zhernova N. A., Zhernov E. E. Teoreticheskie osnovy razrabotki mekhanizma formirovaniia ekonomiki znanii v resursodobyvaiushchem regione [Theoretical basics of knowledge-based economy shaping mechanism in resource-productive region]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai academy of economics and law*, no. 4 (2013): 16–20.
9. Blaug M. *Ekonomicheskaia mysl' v retrospektive* [Economic thought in the retrospective]. Moskow: Delo Ltd, 1994, 720.
10. Krugman P., Venables A. Globalization and the Inequality of Nations. *The Quarterly Journal of Econom-ics*, 110, no. 4 (1995): 857–880.

УДК 332.01

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Елена В. Курушина[1, @]

[1] *Тюменский индустриальный университет, Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38*
[@] *kurushina.tsogu@yandex.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: парадигма, пространственная организация территории, ресурсные регионы, горизонтально-отраслевое развитие, вертикально-комплексное развитие.

Аннотация: В статье рассматриваются современные парадигмальные основания, заложенные в Концепции пространственного развития России. В целях исследования процесса смены пространственных парадигм проведен сравнительный анализ ретроспективного и перспективного этапов пространственного освоения территорий в разрезе стратегического видения, характеристик парадигм использования территории и типов пространственного развития. Характеристика горизонтально-отраслевого этапа развития и конъюнктурно-истощительного подхода к использованию территории дана на примере освоения запасов углеводородов. Выделены условия, формирующие стратегическое видение временного освоения территории, включающие влияние природно-геологических факторов, проявление закона убывающей отдачи, ориентацию сугубо на экономические ценности и доминирование отраслевых интересов. Переход к парадигме целостного и комплексного освоения территории рассмотрен в контексте эволюции ценностных ориентаций, составляющих аксиологическую основу концепций развития общества. В качестве рекомендаций указано, что помимо социально-эколого-экономического развития освоение территорий должно оцениваться с позиций критериев инклюзивного развития. Инклюзивность как цель может быть достигнута при организации пространства на основе современных подходов, включая социальный и коммуникационный. Инклюзивность как средство решения региональных проблем предполагает разработку принципов и механизмов участия резидентов и органов власти ресурсных территорий в принятии решений по их использованию.

Для цитирования: Курушина Е. В. Современные парадигмы пространственного развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 117–122. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-117-122.

Концепцией стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года (здесь и далее Концепция СПР) определена смена нынешней парадигмы освоения пространственного ресурса [1]. Переход от ***парадигмы*** *конъюнктурно-истощительного использования территорий* к *комплексному развитию* продиктован не только сложной социально-эколого-экономической ситуацией в проблемных сырьевых регионах России, но и эволюцией ценностных ориентаций мирового сообщества в целом.

Наделенность страны большим пространственным ресурсом и соответствующим природным потенциалом обеспечила ей естественные конкурентные преимущества в минерально-сырьевом и энергетическом секторах экономики. Высокая рентабельность производства, особенно в добыче углеводородов, предопределила характер освоения перспективных территорий. Специализация экономики ресурсных регионов на профильных секторах поставила их в зависимость от жизненного цикла разработки месторождений и конъюнктуры рынка. Разработка месторождений углеводородов имеет ярко выраженный стадийный характер (жизненный цикл месторождений по добыче нефти составляет до 30 лет, при форсированном отборе он сокращается вдвое). В период нарастающей добычи благодаря эффекту масштаба и запаздыванию ввода объектов производственной инфраструктуры рентабельность производства может составлять более 100 % (в газодобыче рентабельность производства на стадии нарастающей добычи при разработке высокодебитных месторождений может доходить до 150 %), но уже через 10 лет после ввода месторождения в разработку начинается стадия падающей добычи. В этот период ухудшаются технико-экономические показатели у недропользователя, что влечет за собой уменьшение налоговых поступлений в бюджеты различных уровней и снижение уровня жизни населения на территории освоения. При коньюнктурно-истощительном подходе жизненный цикл профильного производства фактически определяет период благополучия экономики и социальной сферы региона.

Отраслевые интересы корпораций добывающего сектора, ориентированные в условиях рыночной экономики на финансово-экономическую эффективность, предопределяют режим освоения территорий. Истощение запасов невозобновляемых ресурсов побуждает корпорации переносить центры своей бизнес-активности на новые территории в целях увеличения масштабов деятельности. По мнению исследователей пространственного развития, инвестиционные проекты, реализуемые в ресурсном секторе, направлены прежде всего на увеличение масштабов выпуска [2, с. 192], что способствует продвижению добывающих отраслей в восточные и северные районы страны.

Характеризуя традиционный подход в освоении пространства, В. А. Крюков акцентирует внимание на изменении географии осваиваемых объектов предприятиями

ресурсодобывающих отраслей промышленности в связи с переходом «от одного района добычи к другому, от истощенного объекта к новому» [3, с. 52]. Даже нефтесервисные компании, как отмечает Д. А. Красовский, строят стратегии развития на «расширении своего географического присутствия» [4, с. 27]. Эти стратегии географической экспансии, являющиеся наиболее простым и наименее затратным (развитие компании за счет роста масштаба производства не требует формирования конкурентных преимуществ высшего порядка путем инвестиций в исследования и разработки) для корпорации вариантом стратегии интенсивного (концентрированного) роста, характерны для горизонтального этапа пространственного развития. Как отмечается в Концепции СПР, горизонтальное развитие представляет собой «пространственное расширение», предполагающее распространение совокупных производительных сил страны по ее территории. При размещении новых производственных объектов на региональном пространстве тех или иных субъектов Российской Федерации наблюдается доминирование отраслевых решений и интересов частных инвесторов над интересами развития соответствующих территорий. Это доминирование обусловлено отчасти тем, что «инвестиционные проекты в сфере добычи полезных ископаемых… индуцируют максимальные экономические эффекты в регионе» [2, с. 230]. При этом приоритеты и важные особенности пространственной организации регионов, вовлекаемых в сферу отраслевых интересов, не учитываются должным образом.

Горизонтально-отраслевой этап пространственного развития предполагает экономическое освоение территорий, обладающих значительными естественными преимуществами и специфическими активами природного характера, путем вовлечения в хозяйственный оборот ранее не разрабатываемых месторождений полезных ископаемых и отводов земель. Этот тип развития характеризуется:

• повышением экстенсивного использования пространственного фактора;

• реализацией модели сырьевой экономики на удаленных территориях;

• приоритетом производственных (экономических) интересов над социальными;

• первоочередным строительством «пусковых комплексов», предполагающим запаздывание инфраструктурного освоения территории по отношению к развитию добывающего сектора экономики.

Таким образом, горизонтально-отраслевой тип пространственного развития является составной частью коньюнктурно-истощительного подхода (парадигмы) в использовании территорий. Такое стратегическое видение «*временного*» освоения территории формируется при следующих условиях:

1) ограниченности жизненного цикла производств в силу влияния природно-геологических факторов;

2) проявлении закона убывающей отдачи;

3) ориентации исключительно на ценности экономического развития;

4) доминировании отраслевых интересов на территории.

Новое *стратегическое видение* пространственного развития, предусмотренное Концепцией СПР, предполагает замену «*временного*» освоения территорий на «*фундаментальное, навечное*». Смена парадигмы пространственного развития включает не только изменение горизонта времени планирования развития, но также использование системного подхода, расширение спектра критериев развития, смену режима освоения территории (с «*ресурсного истощения*» на «*трудоемкое преобразование и восстановление*») и типа пространственного развития (таблица 1).

Переход от горизонтально-отраслевого к вертикально-комплексному этапу пространственного развития предполагает следующее.

Таблица 1. Сравнительные характеристики этапов пространственного развития (по Концепции СПР)
Table 1. Comparative characteristics of the stages of spatial development (according to the Concept of the spatial Development Strategy of the Russian Federation)

Характеристика	Этап пространственного развития	
	ретроспективный	перспективный
1. Стратегическое видение освоения территории	временное	навечное
2. Парадигма использования территории	конъюнктурно-истощительная	комплексная
2.1. Системность освоения	фрагментарное	целостное
2.2. Ключевое направление преобразования пространства	поляризация	гармонизация
2.3. Тип ценностно-ориентированного развития	экономический рост	устойчивое развитие
2.4. Критерий эффективности	финансово-экономический	социально-эколого-экономический
2.5. Режим освоения	ресурсное истощение	трудоемкое преобразование, восстановление
3. Тип пространственного развития	горизонтально-отраслевой	вертикально-комплексный
3.1. Доминирование интересов	отраслевых	территориальных

Характеристика	Этап пространственного развития	
	ретроспективный	перспективный
3.2. Тип развития производительных сил	экстенсивный (пространственное расширение)	интенсивный (повышение добавленной стоимости)
3.3. Сектор, определяющий развитие экономики	первичный (природно-ресурсный)	вторичный (переработка сырья)
3.4. Региональная стратегия развития экономики	интенсивный рост профильного сектора	диверсификация экономики, прогрессивная интеграция профильного сектора (углубление переработки сырья, повышение уровней технологических переделов)

1. Преодоление фрагментарности освоения, которое будет заменено на ***комплексное*** *освоение*, восстанавливающее, преобразующее и облагораживающее территорию России практически повсеместно [1]. Этот процесс предполагает смену ментальности на основе эволюции аксиологических аспектов развития, являющуюся закономерным процессом исторического развития общества (и всего мирового сообщества).

Концепция экономического роста, оперирующая исключительно экономическими ценностями (и потому приводящая к истощению ресурсов в результате реализации высокорентабельных проектов добывающих производств) уже к началу 90-х гг. XX в. была заменена на *концепцию человеческого развития*, предполагающую включение социальной составляющей в концепцию развития. Далее, процесс расширения спектра ценностных ориентаций, который во многом был обусловлен накоплением экологических проблем в результате хищнического использования природных богатств и гигантского роста масштабов углеводородной энергетики, привел к формированию *концепции устойчивого развития* [5, с. 61]. Переход к целостному *социально-эколого-экономическому развитию* регионального пространства России составляет основу новой парадигмы использования территорий. Для этого в Концепции СПР обозначены принципы реализации государственной экономической политики. Главный из них – комплексный подход (провозглашенный в качестве новой парадигмы освоения территории), предполагающий: 1) учет геополитических, экономических и социальных факторов; 2) гармонизацию макроэкономической, отраслевой и социальной эффективности деятельности по освоению территорий; 3) обеспечение экологической эффективности реализуемых проектов пространственного развития.

После кризиса 2008–2009 гг. значимость социальных ценностей в оценке развития общества еще больше повысилась. В стратегиях развитых стран и региональных блоков (например в Евросоюзе) триада ценностей устойчивого развития дополнилась еще одной составляющей – ценностями инклюзивного развития, предполагающими равенство возможностей и расширения доступа к социальным благам. Особый интерес в этом контексте представляет исследование инклюзивности в пространственном аспекте. Повышение уровня *инклюзивного развития*, выступающего в качестве цели, может быть достигнуто путем применения современных подходов в организации пространства. Традиционный подход, основанный на *жестком рационализме*, предполагает организацию пространства как «территории для производства» [6]. Переход от жесткого рационализма к *социальному подходу* обусловливает смену целевых ориентиров его организации. Территория предстает в новом функциональном качестве как «среда жизнедеятельности» населения. Современный *коммуникационный подход* в организации пространства расширяет на основе сетевого принципа взаимодействия возможности всех резидентов территории, повышает доступность благ благодаря инфраструктурному развитию.

Другой важный аспект инклюзивности (как средства) связан с формированием новых механизмов решения территориальных проблем. В работе [7, с. 97] инклюзивность рассматривается с позиций вовлеченности акторов в процесс развития, при этом выделяются:

• «общая инклюзивность» как активное участие населения в социально-экономическом развитии;

• «специфическая инклюзивность», предполагающая «значимое участие региональных органов власти в управлении», а местных сообществ – в обсуждении решений по развитию минерально-сырьевых комплексов (*прим. автора:* специфичных активов территории).

К сожалению, объем участия местных органов власти в управлении специфичными активами за последние 15–20 лет постоянно сокращался. По регионам минерально-сырьевой специализации об этом косвенно свидетельствует динамика распределения платежей, связанных с добычей полезных ископаемых. По таблице 2 можно проследить уменьшение динамики доли доходов регионального бюджета, перераспределяемого в пользу федерального бюджета. Таблица составлена на основе Закона Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»; Федерального закона от 08.08.2001 № 126-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие акты законодательства Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных актов законодательства Российской Федерации»; части второй Налогового кодекса Российской Федерации, дополненного главой 26 «Налог на добычу полезных ископаемых» и Федерального закона от 08.08.2001 № 126-ФЗ; Федерального закона от 30.12.2001 № 194-ФЗ «О федеральном бюджете на 2002 год»; Федерального закона от 23.12.2003 № 186-ФЗ «О федеральном бюджете на 2004 год»; Федерального закона от 20.08.2004 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений»; Федерального закона от 22.09.2009 № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Таблица 2. Распределение платежей от добычи углеводородного сырья по бюджетам различных уровней, %
Table 2. Distribution of payments from hydrocarbon production according to various level budgets, %

Бюджеты	1992*	Налог на добычу полезных ископаемых			
		2002	2004	2005	2010
1. Основной порядок					
Федеральный бюджет	40,0	80,0	85,6	95,0	100,0
Бюджет субъекта РФ	30,0	20,0	14,4	5,0	0
Местный бюджет	30,0	0	0	0	0
2. При добыче на территории автономного округа					
Федеральный бюджет	20,0	74,5	81,6	0	0
Бюджет субъекта РФ	20,0	5,5	5,0	0	0
Бюджет округа	30,0	20,0	13,4	0	0
Местный бюджет	30,0	0	0	0	0
Прим.: * – в состав платежей включены: 1) платежи за пользование недрами; 2) отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы; 3) акцизы.					

2. Переход к доминированию территориальных интересов над отраслевыми предполагает усиление ***вертикали*** власти. В Концепции СПР предусмотрена реализация принципа повышения управляемости пространственного развития через формирование надагломерационных структур. При этом в обсуждаемом документе отмечается целесообразность использования механизмов, сформированных на основе сетевого взаимодействия.

По мнению автора, было бы ошибочно воспринимать буквально тезис об усилении вертикали власти, имея в виду распределение полномочий «центр-регион» в пользу центра при освоении территорий. За последние годы, судя по данным таблицы 2, процессы централизации власти проявились достаточно четко. Использование мирового опыта свидетельствует о том, что необходимость сильной власти в рыночной экономике очевидна. Вопрос лишь в том, в каких формах она проявляется. В высокой степени централизации полномочий (либо в практически прямом вмешательстве государства в деятельность компаний с государственным участием) или в сильных институтах? Опыт Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [8, с. 32] свидетельствует о необходимости формирования сильных институтов управления ресурсами и монополиями, контролируемых государством.

Слабость институтов, применяемых в российской практике управления, проявляется, например, в сфере антимонопольного законодательства, поскольку за последний период уровень концентрации капитала в ресурсных отраслях, осваивающих новые территории, значительно повысился. В России концентрация капитала в нефтегазовом секторе экономики по коэффициенту рыночной концентрации составляет более 70 %, что много выше, чем в развитых странах, и этот показатель в динамике возрастает. По оценкам А. Ю. Егорова и А. М. Кичкина, коэффициент рыночной концентрации (CR-3) в нефтегазовой отрасли России в 2008 г. составлял 72,5 %, что характеризует высокую концентрацию капитала в отрасли. В 2010 г. этот показатель составил по тем же оценкам уже 74,2 % [9]. В 2011, 2013 и 2014 годах российские компании нефтегазового сектора экономики продемонстрировали наивысшую активность в сфере слияний и поглощений. Наиболее активно финансировали сделки по приобретению дочерних предприятий Роснефть, Газпром и Лукойл [10, с. 387]. Снижение уровня конкуренции в отрасли исследователи считают одной из главных причин недостаточной инновационной активности компаний. Анализ качества инновационного портфеля крупнейших компаний нефтегазотранспортного сектора экономики, проведенный автором настоящего исследования, показал, что уровень революционности инноваций невысок и составляет в транспорте нефти только 16,7 %. Основная масса мероприятий, предусмотренных Программами инновационного развития, носит эволюционный характер [11]. Приведенные результаты отчасти проливают свет на причины низкой результативности перехода экономики на инновационный тип развития.

При переходе к *вертикально-комплексному* этапу пространственного развития акцент следует сделать не на перераспределении власти в пользу центра, а на перераспределении влияния интересов отрасли и региональных органов власти в пользу последних, отвечающих за социально-экономическое развитие территории. Сложный процесс перехода к новому этапу пространственного освоения должен опираться как на целевые ориентиры, обозначенные в стратегических документах России, так и на опыт международных организаций. Рекомендации ОЭСР [12, с. 32] в отношении управления развитием ресурсных регионов заключаются во внедрении базовых принципов принятия решений. Среди них следует отметить:

1) надежность отчетности результатов принятия решений;

2) взаимосвязь и согласованность между всеми уровнями власти и структурами;

3) прозрачность процесса;

4) инклюзивность принятия решений.

Эти принципы должны стать основой формирования перспективной модели пространственного развития России, основанной на взаимодействии государства, бизнес-сообщества и гражданского общества в рамках нового общественного договора, предусмотренного Концепцией СПР.

Литература

1. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2016. 111 с. Режим доступа: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
2. Экономика регионов. Хабаровский край / под ред. акад. РАН П. А. Минакира; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 400 с.
3. Крюков В. А. Институциональная система сырьевой территории // Журнал экономической теории. 2017. № 3. С. 47–54.
4. Красовский Д. А. Ключевые ошибки в стратегиях позиционирования нефтесервисных компаний // Бурение и нефть. 2016. № 3. С. 26–28.
5. Курушина Е. В. О критериях развития экономики и общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 60–62.
6. Грудинин М. Ю. Подходы к планированию новых городов. Концепт города-интерфейса на Российском Дальнем Востоке // Петербургский международный экономический форум. 16.06.2016. Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/0B3q2U4GLSfdddGZDZEZpN2Z6RU0/view (дата обращения: 15.01.2018).
7. Крюков В. А., Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 93–105.
8. Natural Resources and Pro-Poor Growth. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development. OECD. 2008. Режим доступа: http://www.oecd.org/dac/environment-development/42440224.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
9. Егоров А. Ю., Кичкин А. М. Концентрация производства нефтегазовой продукции как фактор низкой инновационной активности крупнейших компаний отрасли // Транспортное дело России. 2012. № 1. С. 8–12.
10. Семенова А. С., Мезенцева О. Е. Активность российских нефтегазовых компаний в сфере слияний и поглощений // Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ: материалы международной научно-практической конференции. Тюмень, 2016. С. 383–388.
11. Курушина В. А., Курушина Е. В., Земенков Ю. Д. Качество инновационного портфеля нефтегазотранспортного сектора экономики // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2014. № S4. С. 52–61.
12. The economic significance of natural resources: Key points for reformers in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia. OECD. 2011. 42 p. Режим доступа: http://www.oecd.org/env/outreach/2011_AB_Economic%20significance%20of%20NR%20in%20EECCA_ENG.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

MODERN PARADIGMS OF SPATIAL DEVELOPMENT

***Elena V. Kurushina*[1, @]**

[1] *Industrial University of Tyumen, 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000*
[@] *kurushina.tsogu@yandex.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: paradigm, spatial organization of territory, resource regions, opportunistic-exhaustive development, vertically-integrated development.

Abstract: The paper is focused on the paradigmatic basis incorporated in the Concept of the Spatial Development of Russia. In order to investigate the process of changing the spatial paradigms, the author performs a comparative analysis of the retrospective and perspective stages of spatial development from the standpoint of strategic vision, characteristics of paradigms of the territorial use and types of spatial development. Characteristics of the horizontal-branch stage of development and those of the opportunistic-exhaustive approach to the use of territories are presented as exemplified by hydrocarbon resource development. The author defines the conditions that make it possible to form the strategic vision of the temporal development of a territory, i.e. influence of natural-geologic factors, manifestation of the law of diminishing returns, a strict orientation on economic values and the dominance of sectoral interests. Transition towards the paradigm of holistic and integrated development of territories is considered in the context of the evolution of value orientations, which constitute the axiological basis for social development concepts. Recommendations based on the current research include assessment of the territorial development using the inclusive growth criteria, apart from social, ecological and economic development criteria. As a goal, inclusiveness can be achieved by spatial organization based on the modern approaches, including social and communication ones. As a mean to solve regional problems, inclusiveness implies development of principles and mechanisms for residents and authorities of the resource territories to participate in decision-making regarding the territorial use.

For citation: Kurushina E. V. Sovremennye paradigmy prostranstvennogo razvitiia [Modern Paradigms of Spatial Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 117–122. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-117-122.

References

1. *Kontseptsiia Strategii prostranstvennogo razviviia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda* [The concept of the spatial development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030]. Moscow, 2016, 111. Available at: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (accessed 15.01.2018).

2. *Ekonomika regionov. Gabarovskii Krai* [Economy of regions. Khabarovsk Krai]. Ed. Minakir P. A. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2014, 400.

3. Kriukov V. A. Instotutsional'naia sistema syrievoi territorii [Institutional System of the Resource-Based Territory]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economic Theory,* no. 3 (2017): 47–54.

4. Krasovskiy D. A. Kliuchevye oshibki v strategiiakh pozitsionirovaniia nefteservisnykh kompanii [Key errors in the positioning strategies of oilfield services companies]. *Burenie i Neft' = Drilling and Oil,* no. 3 (2016): 26–28.

5. Kurushina E. V. O kriteriiakh razvitiia ekonomiki i obshchestva [Criteria for the development of economy and society]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and Practice of Social Development*, no. 21 (2015): 60–62.

6. Grudinin M. Iu. Podkhody k planirovaniiu novykh gorodov. Kontsept goroda-interfeisa na Rossiiskom Dal'nem Vostoke [Approaches to the planning of new cities. The concept of the city interface in the Russian far East]. *Peterburgskii mezhdunarodnyi ekonomicheskii forum* [Petersburg International Economic Forum]. 16.06.2016. Available at: https://drive.google.com/file/d/0B3q2U4GLSfdddGZDZEZpN2Z6RU0/view (accessed 15.01.2018).

7. Kriukov V. A., Sevast'ianova A. E, Tokarev A. N, Shmat V. V. Sovremennyi podkhod k razrabotke i vyboru strategicheskikh al'ternativ razvitiia resursnykh regionov [A modern approach to the development and choice of strategic alternatives of development of the resource regions]. *Ekonomika Regiona = Regional Economy*, no. 1 (2017): 93–105.

8. *Natural Resources and Pro-Poor Growth*. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development. OECD. 2008. Available at: http://www.oecd.org/dac/environment-development/42440224.pdf (accessed 15.01.2018).

9. Egorov A. Iu., Kichkin A. M. Kontsentratsiia proizvodstva neftegazovoi produktsii kak faktor nizkoi innovatsionnoi aktivnosti krupneishikh kompanii otrasli [The concentration of production of oil and gas production as a factor of low innovation activity of the largest companies in the industry]. *Transportnoe delo Rossii = The Transport Business of Russia*, no. 1 (2012): 8–12.

10. Semenova A. S., Mezentseva O. E. Aktivnost' rossiiskikh neftegazovykh kompanii v sfere sliianii i pogloshchenii [The activity of the Russian oil and gas companies in mergers and acquisitions]. *Problemy formirovaniia edinogo prostranstva ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiia stran SNG: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of formation of common space of economic and social development of the CIS countries: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Tyumen, 2016, 383–388.

11. Kurushina V. A., Kurushina E. V., Zemenkov Y. D. Kachestvo innovatsionnogo portfelia neftegazotransportnogo sektora ekonomiki [Quality innovation portfolio of the oil-gas-transport sector of economy]. *Gornyi informatsionno-analiticheskii biulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal) = Mining information-analytical Bulletin (scientific and technical journal),* no. S4 (2014): 52–61.

12. *The economic significance of natural resources: Key points for reformers in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia*. OECD. 2011, 42. Available at: http://www.oecd.org/env/ outreach/2011_AB_Economic%20significance%20of%20NR%20in%20EECCA_ENG.pdf (accessed 15.01.2018).

УДК 332.1

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ САМОРАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

***Вера А. Любицкая*[1, @]**

[1] *Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, Россия, 656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46*
[@] *mrs.lyubitskaya@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: агломерация, интеграция, региональная экономика, макрорегион, конкурентоспособность.

Аннотация: Одним из направлений развития территориальных образований сегодня является концентрация усилий на конкурентоспособных региональных процессах и формирование траектории их развития. Однако не все направления развития регионов могут существовать обособленно.

Цель работы – изучение теоретических аспектов агломерации и формирования макрорегионов в условиях сложной внешнеполитической ситуации, обострившихся социально-экономических процессов, введения и расширения антироссийских санкций и прочих деструктивных процессов в экономике страны.

Основной смысл хозяйственной агломерации и формирования на этой основе укрупненных макрорегионов – развитие эффективных интеграционных процессов и синергетический эффект, а как следствие этого – саморазвитие территорий.

Научный вклад автора заключается в структурировании подходов к понятию «агломерация», а также в формировании авторского подхода к понятию и построению агломерации. Автором предлагаются методические аспекты формирования макрорегиона на основе хозяйственной агломерации.

Автором сформирована концептуальная схема процесса создания макрорегиона на основе хозяйственной агломерации, которая может быть применена и реализована в процессе региональных экономических изменений.

Основные выводы: смысл агломераций и формирования на этой основе укрупненных макрорегионов – развитие эффективных интеграционных процессов и синергетический эффект; макрорегион не предполагает изменение федеративного устройства, а затрагивает только экономические процессы; для построения макрорегиона необходима грамотная проработка агломеративного ядра и основных хозяйственных процессов, которые позволят активизировать синергетический эффект и запустить процесс саморазвития территорий.

Для цитирования: Любицкая В. А. Хозяйственная агломерация как условие саморазвития территорий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 123–127. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-123-127.

Проблема развития региональной экономики сегодня является одной из самых актуальных при формировании стратегии развития страны в целом. Поиском направлений развития субъектов Российской Федерации, укрупненных округов занимаются ведущие исследовательские организации, ученые российской науки и практики. Одним из направлений развития территориальных образований является концентрация усилий на конкурентоспособных региональных процессах и формирование эффективной траектории их развития. Однако не все направления развития регионов могут существовать независимо, для эффективного существования необходимо изучать процессы их взаимодействия.

В настоящее время в условиях сложной внешнеполитической ситуации, обострившихся социально-экономических процессов, сложностей в экономическом развитии, расширения антироссийских санкций и других деструктивных процессов в экономике страны необходим поиск направлений для развития собственного потенциала, саморазвития территорий, входящих в состав РФ.

Повсеместно поднимается вопрос саморазвития, поиск внутренних точек роста регионов и субъектов РФ, что неразрывно связано со сложившейся структурой экономики и известным природно-ресурсным потенциалом территории Российской Федерации. Принимая во внимание имеющиеся ограниченные федеральный и региональные бюджеты, отсутствие дополнительных источников финансирования, сложность привлечения инвестиций, нестабильное положение на сырьевых рынках ключевого ресурса – нефти, крайне необходимо изыскивать возможности саморазвития именно исходя из собственного потенциала регионов.

В качестве процессов запуска саморазвивающегося механизма на сегодняшний день возможно использовать синергетические процессы и интегрированный потенциал укрупненных макрорегионов. В свете этого целесообразно рассмотреть понятие агломерации и ее роли в интеграционных процессах региональной экономики.

Понятие «агломерация» имеет сложное и неоднозначное теоретическое происхождение. До XX в. этот термин применялся только для определения территориального скопления

и концентрации производственных комплексов. Изначально термин был предложен географом М. Руже, который определил агломерацию как концентрацию городских видов деятельности. Также существует точка зрения, в которой утверждается, что первым понятие применил А. Вебер и определил агломерацию как скопление поселений людей [1].

В отечественной литературе агломерация долгое время применялась исключительно для указания на территориальную сгруппированность и концентрацию экономических объектов. Следует отметить такие интерпретации, как «хозяйственный округ города» (А. А. Крубер), «экономический город» (В. П. Семенов-Тян-Шанский), «агломерация» (М. Г. Диканский), выделенные как основные подходы И. В. Волчковой, Н. Н. Минаевым [1].

В настоящее время можно выделить два основных теоретических подхода к трактованию агломерации – географический и экономический подходы. В рамках географического подхода в основном рассматривается городская агломерация как «компактное расположение, группировка поселений, объединенных не только в пространственном смысле, но обладающих развитыми производственными, культурными, рекреационными связями» [1; 2].

Развитие экономических систем, усложнение экономических связей и процессов, изменение географических делений и усиление экономических связей между субъектами постепенно уводило теоретиков от рассмотрения агломерации с позиции местоположения к изучению экономической системы и совокупности хозяйственных процессов.

Таблица. Географический и экономический подход к понятию «агломерация»
Table. Geographical and economic approach to the concept of agglomeration

Автор	Суть трактования
Географический подход	
Богорад Д. И., Петров Н. В., Лаппо Г. М.	Компактные скопления территориально сосредоточенных городов и других населенных мест, в процессе роста которых усиливаются многообразные хозяйственные, трудовые и культурно-бытовые взаимосвязи
Полян П. М.	Группа городов и населенных пунктов, если население образующих её городов составляет не менее 250 тыс. человек, а в тяготеющем к нему ареале расселения расположены, как минимум, ещё 2 городских поселения
Резюме	Основа понятия – территориальная общность
Экономический подход	
Перцик Е. Н. [3]	Система территориально сближенных и экономически взаимосвязанных населенных мест, объединенных устойчивыми трудовыми, культурно-бытовыми и производственными связями, общей социальной и технической инфраструктурой
Волчкова И. В., Минаев Н. Н. [1]	Ареалы, в которых концентрируются прогрессивные отрасли промышленности, административно-хозяйственные, научные и проектно- конструкторские организации, уникальные учреждения культуры и искусства, наиболее квалифицированные кадры
Новоселов А. С. [2]	Естественным образом формирующийся особый социально- территориальный объект
Попов Р. А., Пузанов А. С. [4]	Не административное образование, а естественным образом формирующаяся и развивающаяся форма расселения, продукт самоорганизации людей
Резюме	Основа понятия – общность социально-экономических и хозяйственных процессов

Суть географического и экономического подходов представим в виде таблицы.

Таким образом, основной акцент в рассматриваемой проблеме целесообразно делать на экономическом подходе, рассматривающем не только экономико-географические особенности территорий, но и социально-экономические и хозяйственные процессы.

С точки зрения автора, агломерация – это сгруппированная система хозяйствующих субъектов, выделенная на основе совокупности городских и сельских кооперирующихся территорий с общими устойчивыми закономерностями хозяйственного взаимодействия и направлениями развития с целью достижения синергетического социально-экономического эффекта.

Основной смысл агломераций и формирования на этой основе укрупненных макрорегионов – развитие эффективных интеграционных процессов и синергетический эффект.

Для роста потенциала самостоятельного развития экономически ослабленных регионов РФ возможны следующие варианты:

– изменение отраслевой структуры за счет новых производств и бюджетных инвестиций;

– предоставление государственных льгот компаниям приоритетных отраслей экономики;

– развитие инфраструктуры, создание совместных производств, технологических центров;

– использование собственного природного потенциала региона и развитие соответствующих местным условиям конкурентоспособных производств [5].

В современных условиях возрастающего дефицита федерального бюджета не стоит ожидать значительных государственных инвестиций. Ситуация осложняется отсутствием высокого собственного потенциала развития у регионов, как следствие этого – недостаток источников роста.

В качестве инструментов, способных повысить валовой региональный продукт, могут быть использованы инструменты экономической интеграции некоторых субъектов РФ в макрорегион, что будет способствовать повышению потенциала саморазвития каждого региона, входящего в макрорегион, а также повышению качества жизни населения [6].

Целями экономических интеграционных процессов могут стать:

– создание единого экономического территориального пространства с конкурентоспособной экономикой и развитым собственным потенциалом для дальнейшего саморазвития;

– устранение препятствий, затрудняющих экономические процессы, в частности товарообмен;

– совершенствование структурных пропорций экономики, концентрация финансового капитала строго в рамках приоритетных направлений с высокой экономической, технологической и социальной эффективностью;

– формирование благоприятного экономического и предпринимательского климата, повышение уровня качества конкуренции;

– снижение региональной текучести кадров на основе формирования эффективного внутреннего рынка труда [7].

Межрегиональная интеграция в основном является приоритетным направлением развития на основе положительного синергетического экономического эффекта от взаимодействия территорий. Л. Б. Вардомским был введен термин «добрососедские отношения» для характеристики процесса взаимодействия регионов. Взаимодействие через географическую границу создаёт для регионов особые условия для социально-экономических и политико-правовых отношений [7].

Концепция создания в Сибирском федеральном округе крупных саморазвивающихся макрорегионов путём интеграции существующих территорий (самостоятельных субъектов РФ) с учётом исторически сложившихся региональных связей не нова. В последние годы появился ряд научных и публицистических материалов, авторы которых говорят о целесообразности интеграции субъектов Федерации, как наиболее очевидных способов усиления их инвестиционного, а в более широком смысле экономического потенциала, который лежит в основе саморазвития территории [8].

В своем развитии агломерация проходит несколько этапов. По мнению А. А. Нещадина [9], на первом этапе агломерация представляет собой совокупность расположенных близко друг от друга территорий, объединенных производственными и хозяйственными связями, но без единого рынка труда и капитала. Второй этап представляет собой процесс формирования рынка труда, активизирующего основные социально-экономические процессы. На третьем этапе развития агломерации возникает единое целостное функциональное пространство, содержащее единый рынок ресурсов, труда, земли, капитала. Четвертая стадия формирования агломерации характеризуется внутренними процессами и отличается от предыдущих именно развитием инновационного потенциала, интеллектуальной составляющей, что добавляет агломерации еще большей инвестиционной привлекательности [9].

Автору видится следующий алгоритм построения макрорегиона на основе агломерации.

1 этап: формирование агломеративного ядра. Предполагается глубокий экономический анализ потенциала территорий, имеющих близкое географическое положение, изучение особенностей ресурсного и экономического потенциала территорий, поиск направлений и точек интегрированного роста территорий.

2 этап: формирование территориального пространства на основе агломеративного ядра, закрепление основных процессов за территориями, формирование рыночного поля, стимулирование товарообмена, структуризация миграции и контроль за движением капитала. Предполагается проработка многосекторной и многоукладной экономической системы, формирование подходов к внутриагломерационному развитию, формирование единого потенциала конкурентоспособности.

3 этап: формирование благоприятного экономического пространства для развития макрорегиона, мониторинг факторов и показателей, определяющих его эффективность, разработка методов повышения его эффективности и устойчивости к изменениям внешней и внутренней конъюнктуры рынка.

4 этап: формирование траектории долгосрочного развития макрорегиона на основе агломерации. Проработка стратегии развития макрорегиона и его составляющих как единой системы, оценка устойчивости макрорегиона к рискам и формирование целевых индикаторов.

Концептуальная схема процесса создания макрорегиона представлена на рисунке.

Таким образом, макрорегион, построенный на основе агломерации, будет иметь в своей основе проработанное, экономическое эффективное и саморазвивающееся начало – ядро. В условиях динамического развития, объединяя территории, ядро будет интенсивно развивать макрорегион в целом, структурируя, модернизируя существующие социально- экономические процессы, при этом не затрагивая текущую структуру субъектов.

Взаимодействие регионов в Южно-Сибирском районе в настоящее время представляется в виде совместной реализации проектов в сфере туризма, сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, пищевой промышленности, глубокой переработки древесины, создание системы логистики сельскохозяйственной продукции. Разработка инвестиционного проекта «Сибирское приобье» позволит устранить ненужную конкуренцию за бюджетные инвестиции среди его субъектов, повысить инвестиционную привлекательность территорий [10].

Большое значение для инвесторов будет иметь возрастающий экспортный потенциал субъектов РФ за счет наличия крупных агломераций, экспортно-сырьевых промышленных комплексов, научно-технических, транспортно-логистических и финансовых центров.

Рис. Концептуальная схема процесса создания макрорегиона на основе хозяйственной агломерации
Fig. The conceptual scheme of the making of a macroregion on the basis of economic agglomeration

Наиболее привлекательными межрегиональными инвестиционными проектами, исходя из готовности субъектов межрегионального сотрудничества к совместной экономической деятельности, по мнению В. А. Бородина и других авторов [5], являются создание следующих кластерных образований:

1) туристско-рекреационный (юго-восточная часть Алтайского края, Республика Алтай, юг Кемеровской области и г. Новосибирск);

2) агропромышленный, включающий производство сельскохозяйственной продукции, продукций пищевой и перерабатывающей промышленности, аграрного машиностроения, создание соответствующей логистической инфраструктуры, а также фармацевтической продукции, основанной на природном сырье;

3) научно-инновационный и образовательный кластер, включающий в себя научные центры Новосибирской. Кемеровской областей и Алтайского края.

Рассмотренный проект экономической интеграции территорий Юго-Западной Сибири является наиболее жизнеспособным и эффективным, поскольку Республика Алтай и Алтайский край, Кемеровская и Новосибирская области смогут в результате интеграции обладать единым новым устойчивым потенциалом, необходимым для развития и повышения инвестиционной привлекательности макрорегиона в целом.

Литература

1. Волчкова И. В., Минаев Н. Н. Теория и практика управления развитием агломераций: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. 234 с.

2. Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред. А. С. Новоселова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 519 с.

3. Перцик Е. Н. Города мира: География мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999. 380 с.

4. Попов Р. А., Пузанов А. С. Проблемы управления городскими агломерациями в современной России // Городской альманах / научн. ред. Г. Ю. Ветров. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. Вып. 4. 312 с.

5. Бородин В. А., Бородин Д. В., Голощапова И. А., Жидких А. А., Ерохин А. В., Колосова Е. А. Экономическая интеграция территорий: теоретические и прикладные аспекты: монография. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. 170 с.

6. Bathelt H. Geographies of production: growth regimes in spatial perspectives 1 – innovation, institutions and social systems // Progress in Human Geography. 2003. № 27. P. 789–804.

7. Growth Pules and Growth Centres in Regional Planning / ed. A. Kuklinski. Paris: The Hague, 1972. 306 p.

8. Бородин В. А., Мачин К. А., Любицкая В. А., Ерохин А. В. Оценка потенциала саморазвития региональной экономики и повышение ее эффективности на основе интеграции территорий в рамках макрорегиональной агломерации // Вопросы региональной экономики. 2017. Т. 32. № 3. С. 18–25.

9. Нещадин А., Дончевский Г., Горин Н. Стратегическое планирование развития городов // Человек и труд. 2008. № 1. С. 42–48.

10. Бородин В. А. Южно-Сибирский экономический район: перспективы интегрированного развития // Четвертое заседание Совета ректоров вузов Большого Алтая, г. Шихэцзы, КНР, 26–31 мая 2014 г. Шихэцзы, 2014. С. 147–152.

ECONOMIC AGGLOMERATION AS A CONDITION OF TERRITORIAL SELF-DEVELOPMENT

***Vera A. Liubitskaia*[1, @]**

[1] *Polzunov Altai State Technical University, 46, Lenin Ave., Barnaul, Russia, 656038*
[@] *mrs.lyubitskaya@mail.ru*

Received 28.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: agglomeration, integration, regional economy, macro-region, competitiveness.

Abstract: One of the current directions of territorial development is the concentration of efforts on competitive regional processes and the shaping of the trajectory of their development. However, not all directions of regional development can be implemented by themselves.
The aim of the research is to study the theoretical aspects of agglomeration and the formation of macroregions in a complicated foreign policy situation accompanied by aggravated socio-economic processes, introduction and expansion of anti-Russian sanctions and other processes destructive for the country's economy.
The main idea of economic agglomeration and macroregions is the development of effective integration processes and synergetic effects, and as a consequence, territorial self-development.
The scientific contribution made by the author is that the current study helps to systematize the existing approaches to the concept of agglomeration; the author also shapes an authentic approach to the concept of agglomeration and its construction as well as introduces some methodical aspects of the macroregion formation on the basis of economic agglomeration.
The author has developed a conceptual scheme for the creation of a macroregion on the bases of an economic agglomeration that can be applied in the process of regional economic changes.
The main conclusions: 1) the main idea of the formation of agglomerations and macroregions is in the development of effective integration processes and synergistic effects; 2) the concept of macroregion does not imply a change in the federal structure, it affects only economic processes; 3) for the construction of a macroregion, it is necessary to study the agglomerate core and the main economic processes that will proved the necessary synergetic effect and launch the process of territorial self-development.

For citation: Liubitskaia V. A. Khoziaistvennaia aglomeratsiia kak uslovie samorazvitiia territorii [Economic Agglomeration as a Condition of Territorial Self-Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 123–127. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-123-127.

References

1. Volchkova I. V., Minaev N. N. *Teoriia i praktika upravleniia razvitiem aglomeratsii* [Theory and practice of management of agglomeration development]. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. arkhit.-stroit. un-ta, 2014, 234.
2. *Regional'naia ekonomicheskaia politika sub»ekta Federatsii: printsipy, formy i metody realizatsii* [Regional economic policy of the territorial subject of the Russian Federation: principles, forms and methods of realization]. Ed. Novoselov A. S. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2010, 519.
3. Pertsik E. N. *Goroda mira: Geografiia mirovoi urbanizatsii* [Cities of the world: Geography of global urbanization]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, 380.
4. Popov R. A., Puzanov A. S. Problemy upravleniia gorodskimi aglomeratsiiami v sovremennoi Rossii [Problems of urban agglomeration management in modern Russia]. *Gorodskoi al'manakh* [City almanac]. Ed. Vetrov G. Iu. Moscow: Fond «Institut ekonomiki goroda», vol. 4 (2008): 312.
5. Borodin V. A., Borodin D. V., Goloshchapova I. A., Zhidkikh A. A., Erokhin A. V., Kolosova E. A. *Ekonomicheskaia integratsiia territorii: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Economic integration of the territories: theoretical and application-oriented aspects]. Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2017, 170.
6. Bathelt H. Geographies of production: growth regimes in spatial perspectives 1 – innovation, institutions and social systems. *Progress in Human Geography*, no. 27 (2003): 789–804.
7. *Growth Pules and Growth Centres in Regional Planning*. Ed. Kuklinski A. Paris: The Hague, 1972, 306.
8. Borodin V. A., Machin K. A., Liubitskaia V. A., Erokhin A. V. Otsenka potentsiala samorazvitiia regional'noi ekonomiki i povyshenie ee effektivnosti na osnove integratsii territorii v ramkakh makroregional'noi aglomeratsii [Assessment of the potential of self-development of regional economy and increase in its efficiency on the basis of integration of territories within a macroregional agglomeration]. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Problems of regional economy*, 32, no. 3 (2017): 18–25.
9. Neshchadin A., Donchevskii G., Gorin N. Strategicheskoe planirovanie razvitiia gorodov [Strategic planning of urban development]. *Chelovek i trud = Person and wor*k, no. 1 (2008): 42–48.
10. Borodin V. A. Iuzhno-Sibirskii ekonomicheskii raion: perspektivy integrirovannogo razvitiia [Southern Siberian economic region: the prospects of the integrated development]. *Chetvertoe zasedanie Soveta rektorov vuzov Bol'shogo Altaia, g. Shikhetszy, KNR, 26–31 maia 2014 g.* [Fourth meeting of Council of rectors of higher education institutions of Big Altai, Shikhetszy, The People's Republic of China, May 26–31 2014]. Shikhetszy, 2014, 147–152.

УДК 332.12:504.03

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ОЦЕНКЕ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Людмила Н. Медведева[1, @], Михаил К. Старовойтов[1], Елена В. Гончарова[1], Юлия И. Гущина[1]

[1] Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, Россия, 404121, г. Волжский, ул. Энгельса, 42а
[@] milena.medvedeva2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногорода, инвестиции, комплексные инвестиционные планы по модернизации моногородов, эффективность бюджетных средств, экономика города, эконом-математическая модель.

Аннотация: Дальнейшее развитие моногородов, экономика которых полностью зависела от одного-двух градообразующих предприятий и от научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, расположенных здесь, является чрезвычайно актуальным. Правительственной комиссией были приняты комплексные инвестиционные планы по модернизации моногородов, даны разрешения на создание на их базе «свободных экономических зон» и «территорий опережающего развития», что в конечном итоге должно повлиять на их экономический рост. Проведенный анализ показал, что основное внимание в стратегии развития моногородов отводится развитию местной промышленности и малого бизнеса, связанному с оборонным комплексом, сельским хозяйством; местными властями предлагаются проекты строительства свиноферм, молоко-, мясо, масло-, рыбоперерабатывающих производств, открытие производств в сфере стройиндустрии. Однако вопрос эффективного вложения бюджетных средств и инвестиций продолжается оставаться весьма обсуждаемым в экономической науке. Предлагаемые в статье ключевые показатели развития моногородов, эконом-математические модели распределения инвестиционных потоков, позволяют спрогнозировать векторы их развития на дальнюю перспективу.

Для цитирования: Медведева Л. Н., Старовойтов М. К., Гончарова Е. В., Гущина Ю. И. Использование ключевых показателей в оценке развития моногородов на региональном уровне// Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 128–136. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-128-136.

К моногородам в России относят населенные пункты, где имеется в наличии предприятие или несколько предприятий, связанных единым производственно-технологическим процессом, объемом производства более 50 % и трудовым потенциалом более 25 % экономически активного населения. В то же время в понятие «моногород» включается способность организаций и местных жителей самим компенсировать риски внешней экономической среды [1; 2]. Для получения государственной поддержки моногорода должны иметь комплексный инвестиционный план, направленный на обеспечение устойчивого социально-экономического развития. В практике различных стран можно найти нормативно-правовую базу, обеспечивающую развитие узкоспециализированных территорий, таких как особые экономические зоны, зоны свободной торговли, монопрофильные города. В рамках государственной поддержки на данных территориальных образованиях снижена налоговая нагрузка, проводится диверсификация производства основных отраслей. В России работа федеральных органов власти с узкоспециализированными городами осуществляется по двум направлениям: поддержка городов с особыми условиями хозяйствования (ЗАТО, наукограды); поддержка городов с критическими показателями уровня социально-экономического развития (моногорода). В таблице 1 приведены основные меры поддержки моногородов в России по состоянию на 01.12.2017.

Таблица 1. Перечень основных мер поддержки моногородов в Российской Федерации
Table 1. List of the main supportive measures for monotowns in the Russian Federation

№	Наименование меры поддержки моногородов
1.	Создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) на территориях моногородов
2.	Поддержка субъектов МСП в рамках реализации муниципальных программ развития моногородов
3.	Поддержка инвестиционных проектов, реализуемых на территории моногородов на основе проектного финансирования
4.	Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций
5.	Софинансирование расходов субъектов РФ в целях строительства и реконструкции объектов инфраструктуры
6.	Содействие в подготовке инвестиционных проектов в моногородах

№	Наименование меры поддержки моногородов
7	Формирование команд, управляющих проектами развития моногородов
8.	Субсидии организациям автомобилестроения на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам
9.	Субсидии организациям автомобилестроения на перевозку автомобилей, произведенных на территории ДФО, в другие регионы
10.	Субсидии на возмещение части затрат организациям, ИП, осуществляющим деятельность по обращению с отходами
11.	Субсидии производителям колесных транспортных средств на компенсацию части затрат на содержание рабочих мест
12.	Субсидии российским производителям колесных транспортных средств, расположенных в моногородах
13.	Субсидии кредитным организациям на возмещение затрат по кредитам физическим лицам на приобретение автомобилей
14	Субсидии организациям транспортного машиностроения на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам
15	Субсидии на закупку автобусов и техники для жилищно-коммунального хозяйства, работающих на газомоторном топливе
16	Субсидии на закупку троллейбусов и трамвайных вагонов
17	Субсидирование затрат на проведение НИОКТР в рамках реализации КИПов
18	Субсидия ФГАУ «Российский фонд технологического развития» на цели реализации проектов в области станкостроения
19	Субсидии организациям легкой и текстильной промышленности на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам
20	Субсидии организациям народных художественных промыслов на поддержку производства и реализации изделий
21	Субсидия из федерального бюджета управляющим организациям индустриальных парков по производству детских товаров
22	Субсидия из федерального бюджета организациям на компенсацию части затрат на проведение НИОКТР в рамках КИПов
23	Субсидии организациям на компенсацию процентных ставок по кредитам по производству редких и редкоземельных металлов
24	Субсидии организациям лесопромышленного комплекса на возмещение части затрат на обслуживание кредитов
25	Субсидии предприятиям химического комплекса на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам
26	Субсидии на поддержку развития производства композиционных материалов (композитов)
27	Субсидии организациям на компенсацию части затрат на реализацию проектов в области инжиниринга и дизайна
28	Субсидии на возмещение затрат по созданию инфраструктуры индустриальных парков или технопарков
29	Субсидии участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации проектов по импортозамещению
30	Субсидии на софинансирование расходов по возмещению части затрат инвестиционных проектов промышленных предприятий
31	Субсидии организациям на компенсацию части затрат, понесенных при реализации проектов по лекарственным средствам
32	Реализация мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда моногородов
33	Субсидия из федерального бюджета субъектам Федерации на поддержку сельскохозяйственных потребительских кооперативов
34	Государственная поддержка инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Дальнего Востока
35	Модернизация систем коммунальной инфраструктуры через предоставление регионам финансовых средств на субсидирование кредитов
36	Поддержка субъектов Федерации, реализующих проекты по созданию индустриальных парков и технопарков
37	Создание и реконструкция объектов культурного наследия и туристской инфраструктуры в моногородах
38	Гарантийная поддержка субъектов МСП, зарегистрированных в моногородах
39	Внедрение во всех моногородах успешных практик, включенных в Атлас муниципальных практик
40	Размещение информации об инвестиционных возможностях моногородов на Инвестиционном портале регионов России
41	Реализация инвестиционных проектов, направленных на развитие моногородов
42	Кредитный продукт «МСП – Регион»
43	Имущественная поддержка МСП в рамках продукта «Лизинг – Региональный потенциал МСП»

Генеральной линией по реабилитации российских моногородов является повышение степени их диверсификации, привлечение инвестиций, повышение активности предпринимателей. Моногорода в силу своей высокой доли в экономике страны и возможности реализации инвестиционных проектов являются научной и практической площадкой для исследования. Поддержка моногородов осуществляется на разных уровнях управления с инструментарием развития разных секторов экономики [2].

В числе принятых в последнее время мер можно отметить программу льготного кредитования малых и средних предприятий под 6,5 % через систему уполномоченных банков, таких как Банк ВТБ, Сбербанк, Россельхозбанк, Альфа-банк, Банк Интеза, МСП Банк. Кредиты сроком до 10 лет погашения будут выдаваться на ведение бизнеса в сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах, строительстве, транспорте и связи, туристской деятельности, здравоохранении и утилизации отходов, а также в сфере общественного питания и бытовых услуг. Предприниматели, которые реализуют проекты в регионах Дальневосточного федерального округа, принимают участие в программе на особых условиях. Ещё одно постановление Правительства РФ от 26 апреля 2017 г. № 494 направлено на создание в моногородах «территорий опережающего развития (ТОР)» [3–5].

Практика реализации государственных программ по развитию экономики моногородов позволяет сделать вывод, что в современных условиях хозяйствования проблемы моногородов успешно решаются, если ключевую позицию занимает региональная власть, поскольку в отличие от федерального центра она лучше знает ситуацию, имеет достаточно полномочий, располагает необходимыми ресурсами.

В то же время без федеральной государственной поддержки трудно представить развитие моногородов. Одним из важных показателей развития моногородов является их устойчивость, которая может оценивается индикатором устойчивого развития (англ. index of sustainable developmen). Целью использования данного критерия является формирование прогноза развития города на основе сложившейся ситуации [6]. В стратегиях моногородов целесообразно увязывать целевые индикаторы и с суммой затрат выделяемых из государственного бюджета и показателями экономического и социального эффекта, которые возможно достигнуть за счёт предполагаемых мер.

В число показателей эффективности комплексных инвестиционных планов по модернизации моногородов (далее – КИПММ) должны входить такие показатели как: созданные новых рабочих мест; увеличение налоговых поступлений в бюджет; открытие новых производств.

Для оценки эффективности вложения бюджетных средств можно воспользоваться системой коэффициентов. Коэффициент использования бюджетных средств определяется показателем, отражающим приток инвестиций и прогнозируемой суммой поступления налоговых средств по инвестиционным проектам:

$$К_{эибс} = О_{нп} \div С_{збс},$$

где $К_{эибс}$ – коэффициент эффективности использования бюджетных средств;

$О_{нп}$ – сумма ожидаемых налогов от реализации инвестиционных проектов по КИПММ.

$С_{збс}$, – сумма затраченных бюджетных средств на реализацию КИПММ.

Рассчитать фактический коэффициент эффективности использования бюджетных средств можно по формуле:

$$К_{фэибс} = О_{фнп} \div С_{збс}$$

где $К_{фэибс}$ – фактический коэффициент эффективности использования бюджетных средств;

$О_{фпн}$ – сумма фактически полученных налогов от реализации инвестиционных проектов;

$С_{збс}$ – сумма затраченных бюджетных средств на реализацию КИПММа.

С помощью метода сравнительного анализа можно сделать выводы об эффективности вложенных средств. Например, коэффициент эффективности использования бюджетных средств на развитие производственной, транспортной и коммунальной инфраструктуры в моногороде должен составлять не менее 0,60 [6].

В Волгоградской области участником приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» является муниципальное образование (далее – МО) Фролово. В МО Фролово через диагностику состояния основных секторов экономики местной властью был разработан Комплексный инвестиционный план развития на период до 2025 г. [7; 8]. В разработке плана модернизации моногорода участвовали все заинтересованные стороны: администрация моногорода, вышестоящие органы власти, руководство градообразующего предприятия, профсоюзы, общественные объединения и население. На основе использования механизма государственно-частного партнерства была построена модель управления и контроля (мониторинга) за реализацией КИПММ. При разработке плана применялись научные методы: синергии, поглощения, синхронизации, кумулятивного эффекта, расчета изменений в финансовых потоках. Цели и задачи КИПММ синхронизировались с федеральными стратегиями и государственными приоритетами, а также со стратегией субъекта Федерации, а результатом выполнения плана должен стать выход МО Фролово на эффективный путь развития.

В городе Фролово проживает более 38 тыс. человек, из них в трудоспособном возрасте находится 23 тыс. человек; градообразующим предприятием является ЗАО «Волга-ФЭСТ», которое осуществляет металлургическое производство и производство готовых металлических изделий.

Результаты диагностики финансового состояния города можно представить в виде матрицы, где aij – платежи контрагентов, где i – номер столбца, j – номер строки (см. таблицу 2).

В каждой ячейке матрицы отражается финансовый поток от одного контрагента к другому. Расчет сальдо для каждого из контрагентов осуществлялся по следующим формулам:

Сальдо населения $= \sum_{i=1}^{7} a_{i2} - \sum_{j=1}^{7} a_{2j}$.

Сальдо ОМС $= \sum_{i=1}^{7} a_{i3} - \sum_{j=1}^{7} a_{3j}$.

Сальдо градообразующего предприятия $= \sum_{i=1}^{7} a_{i4} - \sum_{j=1}^{7} a_{4j}$.

Сальдо инфраструктуры $= \sum_{i=1}^{7} a_{i5} - \sum_{j=1}^{7} a_{5j}$.

Таблица 2. Матрица финансового состояния моногорода, полученная на основе проведенной диагностики
Table 2. The financial condition matrix of a monotown obtained on the basis of the carried-out diagnostics

		i=1	i=2	i=3	i=4	i=5	i=6	i=7
		ВС	**Население**	**ОМС**	**ГРОП**	**Инфраструктура**	**МПМБ**	**ВОВ**
j=1	ВС		a_{21}	a_{31}	a_{41}	a_{51}	a_{61}	
j=2	Население	a_{12}		a_{32}	a_{42}	a_{52}	a_{62}	a_{72}
j=3	ОМС	a_{13}	a_{23}		a_{43}	a_{53}	a_{63}	a_{73}
j=4	ГРОП	a_{14}	a_{24}	a_{34}		a_{54}	a_{64}	a_{74}
j=5	Инфраструктура	a_{15}	a_{25}	a_{35}	a_{45}		a_{65}	a_{75}
j=6	МПМБ	a_{16}	a_{26}	a_{36}	a_{46}	a_{56}		a_{76}
j=7	ВОВ		a_{27}	a_{37}	a_{47}	a_{57}	a_{67}	

где
ГРОП – градообразующее предприятие;
ОМС – органы местного самоуправления;
ВОВ – вышестоящие органы власти;
ВС– внешняя среда;
МПМБ – местная промышленность и малый бизнес – МБ.

Сальдо местной промышленности и малого бизнеса

$$= \sum_{i=1}^{7} a_{i6} - \sum_{j=1}^{7} a_{6j}$$

Общее сальдо моногорода рассчитывается как сумма взаимодействий городских контрагентов с внешними контрагентами, т. е. с внешней средой и с вышестоящими органами власти:

$$\textit{Сальдо города с контрагентами} = \sum\sum a_{ij} - \sum\sum a_{ij} = \sum \textit{Сальдо}$$

На основании расчета сальдо моногорода можно представить и динамику его развития, которая определяется как разность между сальдо моногорода и прогнозируемой амортизацией. Совокупное сальдо внутренних субъектов моногорода (градообразующее предприятие, население, местная промышленность и малый бизнес, органы местного самоуправления и инфраструктура) в 2010 г. имело резкую отрицательную динамику, моногород находился в «критическом положении». В частности, экономика города производила недостаточно товаров и услуг для внешней среды, продукция местных предприятий и МСП потреблялась на месте, внутренние ресурсы не обеспечивали модернизацию объектов жилищно-коммунальной и транспортной инфраструктуры. Устранить накопившиеся проблемы в инфраструктуре моногорода можно было на основе разработки КИПММа [9; 10]. В зависимости от сочетания величины сальдо моногорода и динамики его изменений, состояние моногорода можно определить как «критическое», «тяжелое», либо «стабильное». В 2010 г. город находился на поле «состояние критическое» и стратегия была «выживание». К 2017 г. в экономике города произошли определенные положительные изменения (построен завод по сушке овощей, идет реконструкция ЖКХ, строительство дорог), город переместился на поле – «стабильное положение», а стратегия стала «концентрация сил к бою».

На рисунке 1 представлена матрица диагностики состояния и стратегий моногорода Фролова.

С помощью методов экономико-математического моделирования можно рассчитать структуру и параметры

		Динамика сальдо моногорода		
		отрицательная	нулевая	положительная
Сальдо моногорода	отрицательное	Критическое состояние 1	Относительно критическое состояние	Тяжелая ситуация
	нулевое	Относительно критическое состояние	Тяжелая ситуация	Стабильное состояние 2
	положительное	Тяжелая ситуация	Стабильное состояние	Динамически изменяющееся положительное состояние

Рис. 1. Матрица стратегий развития моногорода Фролово, Волгоградская область
Fig. 1. Matrix of development strategies of the monotown of Frolovo, Volgograd Region

В таблице 3 представлены основные инвестиционные проекты, которые вошли в КИПММ.

Таблица 3. Основные инвестиционные проекты КИПММ г. Фролово Волгоградской области
Table 3. The main investment projects in the monotown of Frolovo, Volgograd Region

Название проекта	Результат
Модернизация ЗАО «Фроловский электросталеплавильный завод»: Производство сортового и фасонного проката в объеме 450–500 тыс. т ***Сметная стоимость*** – 4674,6 млн руб. ***Источник финансирования***: 2 % – федеральный бюджет* 98 % – собственные средства ЗАО «Волга-ФЭСТ»	Создание на ЗАО «Волга-ФЭСТ» прокатного производства позволит перейти на качественно новый уровень его развития: из завода по производству полуфабриката превратиться в завод, производящий продукцию более глубокой степени переработки (арматура, гладкий и фасонный сортовой прокат) с дополнительно добавленной стоимостью, более широким спектром возможностей. Будет создано дополнительно 350 рабочих мест
Реконструкция ЖБИ с переводом его в комбинат по строительству домов на основе безригельного каркаса ***Сметная стоимость*** – 900,0 млн руб. ***Источник финансирования:*** 11,96 % – федеральный бюджет* 51,45 % – привлеченные средства 36,59 % – собственные средства	Реализация проекта позволит создать 400 новых рабочих мест; расширить жилой фонд городского округа г. Фролово; стимулировать внедрение инновационных технологий; снизить себестоимость строительных материалов и конструкций
Создание молодежного инновационного кластера ***Сметная стоимость*** – 213,8 млн руб. ***Источник финансирования:*** 20,0 % – федеральный бюджет 20,0 % – областной бюджет 10,0 % – местный бюджет 50,0 % – средства инвесторов	Реализация проекта приведет к увеличению числа субъектов малого предпринимательства; среднесписочной численности работников малых предприятий; созданию 90 новых рабочих мест; увеличению занятости молодежи с использованием интернет-возможностей
Строительство бассейна для оздоровительного плавания ***Сметная стоимость*** – 72,0 млн руб. ***Источник финансирования***: 30,0 % – федеральный бюджет; 45,0 % – областной бюджет; 25,0 % – муниципальный бюджет	Создание 16 новых рабочих мест; привлечение к регулярным занятиям физкультурой и спортом 4,0 тыс. человек, в том числе – 2,0 тыс. детей; улучшение общей спортивно-оздоровительной обстановки в городе, распространение здорового образа жизни
Реконструкция очистных сооружений ***Сметная стоимость*** – 225,0 млн руб. ***Стоимость проектирования*** – 7,5 млн руб. ***Источник финансирования***: 75,0 % – областной бюджет 25,0 % – муниципальный бюджет	Ввод в действие современного комплекса очистных сооружений производительностью 18 000 м³/сут; снижение уровня загрязнения окружающей среды, снижение уровня заболеваемости, повышение качества жизни населения; создание 12 рабочих мест
Строительство детского сада на 120 мест ***Сметная стоимость*** – 140,00 млн руб. ***Источник финансирования***: 75 % – областной бюджет 25 % – муниципальный бюджет	Введение в строй детского дошкольного учреждения на 120 мест, ликвидация дефицита мест в детских дошкольных учреждениях; создание 35 постоянных рабочих мест, 30 временных рабочих мест; сокращение очереди на получение мест в детсадах
Подготовка инвестиционных площадок ***Сметная стоимость*** – 57,4 млн руб. ***Источник финансирования***: 50,0 % – федеральный бюджет 40,0 % – областной бюджет 10,0 % – бюджет МО	Снятие инфраструктурных ограничений, повышение инвестиционной привлекательности моногорода

Название проекта	Результат
Строительство завода по производству стеклянной тары ***Сметная стоимость*** – 1204,7 млн руб. ***Источник финансирования***: 17,5 % – федеральный бюджет 82,5 % – средства инвестора	Организация производства стеклотары, объемом 210 млн шт. условных единиц в год; создание 352 новых постоянных рабочих мест.

городской экономики. Для этого в моногороде с помощью математических моделей Солоу, Форестера, динамических рядов выделяют несколько групп организаций (предприятий): материальную, фондосоздающую и потребительскую. В соответствии с проведенной группировкой строится модель функционирования основных секторов экономики моногорода, которая представлена на рисунке 2.

При построении данной модели за каждой группой организаций (предприятий) закреплялись основные производственные фонды; учитывались трудовые ресурсы, инвестиции, которые могли свободно перемещаться между ними. Производственные возможности каждой группы организаций задавались в виде линейно-однородных производственных функций:

$$X_i = F_i(K_i, L_i),\ i = 0, 1, 2, \qquad (1)$$

где X_i, K_i, L_i, I_i – соответственно выпуск продукции, основные производственные фонды, число занятых в i-ой группе предприятий, инвестиции в i-ю группу предприятий.

При построении математической модели применялись следующие ключевые допущения:

1. В данном временном периоде технологический уклад не менялся (1).
2. Трудовые ресурсы предприятий – L изменялись в соответствии с ростом производства – V.
3. Лаг капиталовложений отсутствовал.
4. Коэффициенты износа основных производственных фондов – μ_i и прямых материальных затрат – α_i групп организаций являются условно постоянными.
5. Время – t изменялось непрерывно.

Полученная в ходе исследования, экономико-математическая модель экономики моногорода с учетом состояния его инфраструктуры описывалось следующей системой дифференциальных и балансовых уравнений:

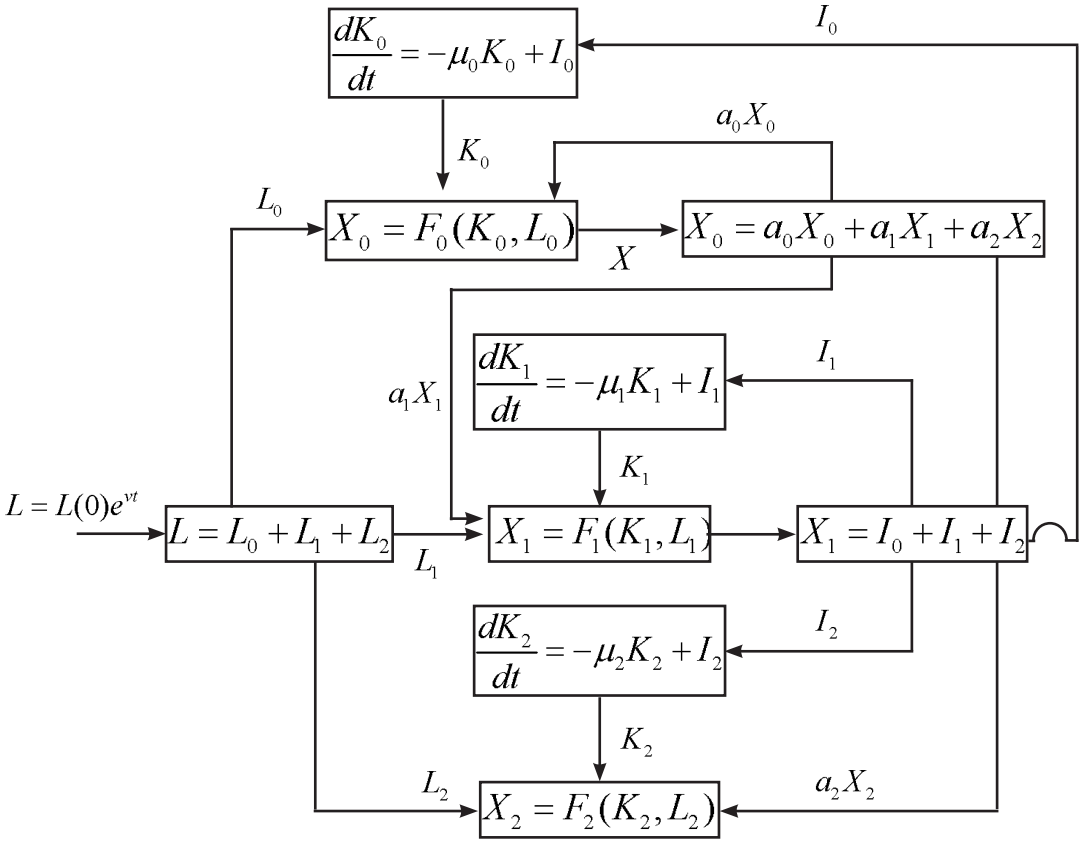


Рис. 2. Структурная схема взаимодействия материальных и финансовых потоков и трудовых ресурсов в экономике моногорода
Fig. 2. Block diagram showing the interaction between material and financial flows and manpower in monotown economy

$$\begin{cases} L = L_0 e^{\nu t}, \\ L = L_0 + L_1 + L_2, \\ \dfrac{dK_i}{dt} = -\mu_i K_i + I_i, \\ X_1 = I_0 + I_1 + I_2 = I, \\ X_0 = a_0 X_0 + a_1 X_1 + a_2 X_2. \end{cases} \qquad (2)$$

Преобразования при реализации методики численного исследования динамики осуществлялись по следующему циклу:

$$L = L_0 + L_1 + L_2 \Rightarrow 1 = \Theta_0 + \Theta_1 + \Theta_2, \qquad (3)$$

где $\Theta_i = \dfrac{L_i}{L}$ – доля числа занятых в *i*-ой группе предприятий.

$$I = I_0 + I_1 + I_2 \Rightarrow 1 = S_0 + S_1 + S_2, \qquad (4)$$

$S_i = \dfrac{I_i}{I}$ – доля инвестиций в *i*-ю группу предприятий.

$$X_0 = a_0 X_0 + a_1 X_1 + a_2 X_2 \Rightarrow \frac{(1-a_0) X_0 L_0}{L L_0} = \frac{a_1 X_1 L_1}{L L_1} + \frac{a_2 X_2 L_2}{L L_2} \Rightarrow$$
$$(1-a_0)\Theta_0 f_0(k_0) = a_1 \Theta_1 f_1(k_1) + a_2 \Theta_2 f_2(k_2), \qquad (5)$$

$f_i(k_i) = \dfrac{X_i}{L_i}$ – производительность труда в *i* -й группе.

В безразмерных относительных показателях модель представлена в следующей форме:

$$\begin{cases} \Theta_0 + \Theta_1 + \Theta_2 = 1, \\ S_0 + S_1 + S_2 = 1, \\ \dfrac{dk_i}{dt} = \left(\dfrac{\Theta_1 S_i}{\Theta_i}\right) f_1(k_1) - \mu_i k_i, \qquad k_i(0) = k_{i0}, \; k_i = \dfrac{K_i}{L_i}, \\ (1-a_0)\Theta_0 f_0(k_0) = a_1 \Theta_1 f_1(k_1) + a_2 \Theta_2 f_2(k_2). \end{cases} \qquad (6)$$

Для нахождения оптимального распределения инвестиций между группами организаций была сформулирована задача, которая имела следующий вид:

$$\Theta_1^{\alpha_2} \Theta_2^{1-\alpha_2} S_1^{(\alpha_1 \alpha_2)/(1-\alpha_1)} S_2^{\alpha_2} \to max$$

$$\begin{cases} \Theta_0 + \Theta_1 + \Theta_2 = 1, \\ S_0 + S_1 + S_2 = 1, \\ \Theta_i, S_i \geq 0. \end{cases} \qquad (7)$$

Последняя система представляла собой ограничения, учитываемые при реализации процедуры оптимизации. Производственные функции принимались в формуле Кобба-Дугласа согласно зависимости:

$$X_i = F_i(K_i, L_i) = A_i K_i^{\alpha_i} L_i^{1-\alpha_i} (i = 0, 1, 2), \qquad (8)$$

где A_i – параметры производственной функции, числовые значения которых определяются на основе статистических данных с помощью метода наименьших квадратов (МНК). Численные расчеты по полученной модели производились в среде MathCad 14 на ПЭВМ. Результаты параметризации зависимости (8) по МНК составили:

– для материальной группы предприятий: X_0 = 494,54K_0 0,73 $L_0$0,27.

– для фондосоздающей группы предприятий: X_1 = 932,6K_1 0,22 $L_1$0,78.

– для потребительской группы предприятий: X_2 = 827,7K_2 0,29 $L_2$0,71.

По результатам проведенных исследований установлено, что наибольший эффект от инвестиций будет достигнут, если в материальную группу предприятий будет направлено 22 % инвестиций, в фондосоздающую – 57 %, а в потребительскую – 21 % [11; 12]. Данное распределение инвестиционных потоков позволяет увеличить темпы роста городского продукта до 6,3 %. Эффективность распределения инвестиций сказывается на экономическом росте, развитии социально-экономической сферы моногородов [13].

Литература

1. Медведева Л. Н., Старовойтова Я. М. Стратегии развития российских городов // Горизонты экономики. 2013. № 2. С. 89–95.
2. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 № 1398-р // Новости регионов. Режим доступа: http://regnews.org/doc/aq/pm.htm (дата обращения: 30.01.2018).
3. Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2015 года № 614 (ред. от 26.04.2017) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-22062015-n-614/ (дата обращения: 30.01.2018).
4. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279 (дата обращения: 02.02.2018).
5. Моногорода РФ: сайт. Режим доступа: http://моногорода.рф (дата обращения: 25.01.2018).
6. Indicators of Sustainable Development // Environmental Software and Services. Режим доступа: http://www.ess.co.at/GAIA/Reports/indics.html (дата обращения: 04.09.2016).
7. Волгоградская область: сайт Администрации Волгоградской области. Режим доступа: http://www.volgograd.ru (дата обращения: 26.01.2018).
8. Администрация городского округа города Фролово: сайт. Режим доступа: http://frolovoadmin.ru (дата обращения: 26.01.2018).
9. Колемаев В. А. Математическая экономика. М.: ЮНИТИ, 1998. 240 с.
10. Кузнецов Н. Г., Богданов С. И., Карева Н. В. Методическое руководство по составлению и анализу математических моделей производственно-экономических систем на базе макроэкономических показателей. Волгоград: Волгогр. гос. с.-х. акад., 2008. 98 с.
11. Медведева Л. Н., Рогачев А. Ф. Формирование промышленно-инвестиционной политики в среднем городе на основе методов экономико-математического моделирования: препринт. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2012. 15 с.
12. Рогачев А. Ф., Шохнех А. В., Медведева Л. Н. Экономико-математическое моделирование управления развитием средних и моногородов с использованием когнитивных карт // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 2. С. 122–124.
13. Медведева Л. Н., Козенко К. Ю., Комарова О. П. Концепт-стратегия «зеленых городов» на базе промышленно развитых средних городов. Волгоград: Крутон, 2015. 256 с.

KEY INDICATORS IN DEVELOPMENT ASSESSMENT OF MONOTOWNS AT THE REGIONAL LEVEL

Liudmila N. Medvedeva[1, @], Mikhail K. Starovoitov[1], Elena V. Goncharova[1], Iuliia I. Gushchina[1]

[1] Volzhsky Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University, 42a, Engels St., Volzhsky, Russia, 404121
[@] milena.medvedeva2012@yandex.ru

Received 19.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: monocities, investments, instrumentation, budgetary efficiency, city economy, economy-mathematical model.

Abstract: The development of single-industry cities, whose economy once depended entirely on one or two city-forming enterprises and local research institutes and design bureaus, is extremely relevant. A government commission has adopted integrated investment plans for the modernization of single-industry towns; it has given permission to create «Free Economic Zones» and «territories for advanced development» on their basis, which should influence their economic growth. The current analysis has shown that 1) the main focus of the mono-

city development strategy is on the development of local industry and small business related to the defense complex or agriculture; 2) local authorities propose projects for the construction of pig farms, milk, meat, oil, fish processing industries, or opening new construction industry enterprises. However, the issue of effective investment of budget funds continues to remain highly debated in economics. The paper features some key indicators of the development of single-industry towns, as well as economic-mathematical models of distribution of investment flows, which make it possible to predict the vectors of their long term development.

For citation: Medvedeva L. N., Starovoitov M. K., Goncharova E. V., Gushchina Iu. I. Ispol'zovanie kliuchevykh pokazatelei v otsenke razvitiia monogorodov na regional'nom urovne [Key Indicators in Development Assessment of Monotowns at the Regional Level]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 128–136. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-128-136.

References

1. Medvedeva L. N., Starovoitova Ia. M. Strategii razvitiia rossiiskikh gorodov [Strategies of development for the Russian cities]. *Gorizonty ekonomiki = Horizons of econonics*, no. 2 (2013): 89–95.

2. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [About the approval of the list of monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns)]. Order of the Government of the Russian Federation 29.07.2014 No. 1398-p. Available at: http://regnews.org/doc/aq/pm.htm (accessed 30.01.2018).

3. *Ob osobennostiakh sozdaniia territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia na territoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [Features of creation of territories of the advancing social and economic development in monoprofile municipal units of the Russian Federation (monotowns)]. Decree of the Government of the Russian Federation of June 22, 2015 No. 614 (ed. 26.04.2017). Available at: http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-22062015-n-614/ (accessed 30.01.2018).

4. *O territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii* [Territories of the advancing social and economic development in the Russian Federation]. Federal law from 29.12.2014 No. 473-FZ. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279 (accessed 02.02.2018).

5. *Monogoroda RF* [Monotowns of the Russian Federation]. Available at: http://моногорода.рф (accessed 25.01.2018).

6. Indicators of Sustainable Development. Available at: http://www.ess.co.at/GAIA/Reports/indics.html (accessed 04.09.2016).

7. *Volgogradskaia oblast'* [Volgograd region]. Available at: http://www.volgograd.ru (accessed 26.01.2018).

8. *Administratsiia gorodskogo okruga goroda Frolovo* [Administration of the city district of the city of Frolovo]. Available at: http://frolovoadmin.ru (accessed 26.01.2018).

9. Kolemaev V. A. *Matematicheskaia ekonomika* [Mathematical economics]. Moscow: IuNITI, 1998, 240.

10. Kuznetsov N. G., Bogdanov S. I., Kareva N. V. *Metodicheskoe rukovodstvo po sostavleniiu i analizu matematicheskikh modelei proizvodstvenno-ekonomicheskikh sistem na baze makroekonomicheskikh pokazatelei* [The methodical guide to drawing up and the analysis of mathematical models of productive and economic systems on the basis of macroeconomic indicators]. Volgograd: Volgogr. gos. s.-kh. akad., 2008, 98.

11. Medvedeva L. N., Rogachev A. F. *Formirovanie promyshlenno-investitsionnoi politiki v srednem gorode na osnove metodov ekonomiko-matematicheskogo modelirovaniia: preprint* [The formation of industrial investment policy in the average city on the basis of methods of economic-mathematical modeling: preprint]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 2012, 15.

12. Rogachev A. F., Shokhnekh A. V., Medvedeva L. N. Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie upravleniia razvitiem srednikh i monogorodov s ispol'zovaniem kognitivnykh kart [Economic-mathematical modeling of management of development of averages and monotowns with use of cognitive maps]. *Audit i finansovyi analiz = Audit and Financial Analysis*, no. 2 (2017): 122–124.

13. Medvedeva L. N., Kozenko K. Iu., Komarova O. P. *Kontsept-strategiia «zelenykh gorodov» na baze promyshlenno razvitykh srednikh gorodov* [Concept strategy of «the green cities» on the basis of industrially developed average cities]. Volgograd: Kruton, 2015, 256.

УДК 332.142.4

МОНОГОРОДА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Елена Е. Николаева*[1, @]**

[1] *Ивановский государственный университет, Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39*
[@] *politeconom@yandex.ru*

Поступила в редакцию 25.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногорода, регион, социально-экономическое развитие, проблемы, перспективы, государственная поддержка.

Аннотация: Регион можно представить как совокупность проживающих на его территории людей, функционирующих предприятий, организаций, органов власти. Такое территориальное образование формирует потребность в удовлетворении общественных потребностей, в обеспечении нормального общественного воспроизводства. Региональная экономика является трехуровневой: региональный (уровень региона в целом), муниципальный (уровень муниципалитетов) и поселенческий уровень (уровень городских и сельских поселений). Последний исследован недостаточно. Опираясь на системно-воспроизводственный подход, в статье рассматриваются фундаментальные проблемы моногородов как индустриальных центров Ивановской области, которые сформировались преимущественно вокруг градообразующих предприятий текстильной промышленности. На протяжении всего пореформенного периода в этих населенных пунктах, большинство из которых относится к малым городам, наблюдается «свертывание» как материального производства (промышленности, строительства, торговля), так и нематериального производства (здравоохранение, образование, культура), отток населения в более благополучные поселения и регионы, острая нехватка трудовых ресурсов в количественном и в структурном аспектах, отсутствие финансовых возможностей для саморазвития. Перечисленные проблемы приводят к тому, что и в малых моногородах, и в регионе в целом воспроизводится депрессивное состояние экономики. Решение этих и других проблем малых городов в условиях старопромышленного депрессивного региона, каковым продолжает оставаться Ивановская область, невозможно без участия федерального центра.

Для цитирования: Николаева Е. Е. Моногорода: социально-экономические проблемы и перспективы (на примере Ивановской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 137–142. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-137-142.

Актуальность изучения моногородов в российской экономике в воспроизводственном аспекте, во-первых, связана с тем, что общественное воспроизводство как многоуровневое понятие в региональном аспекте представляет собой взаимосвязь регионального уровня (сам регион), субрегионального (муниципалитеты) и поселенческого уровня (города, села, деревни) [1, с. 32]. При этом по последнему уровню практически нет статистики, что затрудняет анализ социально-экономического состояния поселения. Во-вторых, резервы развития находятся в регионах, в малых городах. Они связаны не только с природными ресурсами, но также с трудовым и производственным потенциалом. В-третьих, в российской экономике исторически сложился следующий тип расселения «деревня (село) – малый город (малое или средних размеров поселение) – крупный населенный пункт (областной центр, другие поселения со значительным числом проживающих)» [1, с. 48]. Острота вопроса связана с тем, что в современных условиях наблюдается тенденция «свертывания» хозяйственной деятельности в малых населенных пунктах (деревнях, селах, малых городах).

Для понимания современных проблем Ивановской области обратимся к истории. Ивановская земля еще в середине XVIII в. славилась льняным промыслом, ткачеством. В начале XIX в. мануфактуры стали переходить с полотняного на хлопчатобумажное производство. В первой трети XIX в. за селом Иваново, окружающими его селами и деревнями, за уездными городами Шуей и Кинешмой прочно закрепляется репутация текстильного края. В обозрении Владимирской губернии за 1817 г. говорилось, что Иваново «…весьма значительно по своей промышленности, оно превосходит не только все города Владимирской губернии, но и может сравниться с знатнейшими городами, каковы есть Ярославль и Калуга», что здесь «…выделывается одних мануфактурных изделий: миткаля, полотна, ситцу на сумму до 7 миллионов рублей, а торговля села простирается до 6 миллионов» [2, с. 33]. К концу XIX в. в «ситцевом царстве» завершился промышленный переворот, на текстильных фабриках работали паровые машины, электромоторы, использовались химические красители. В результате бурного развития промышленности после освобождения крестьян в 1861 г. в России сложился целый ряд крупных экономических районов. Одним из них был Иваново-Вознесенский промышленный район, охватывающий северные индустриальные уезды Владимирской губернии и южные индустриальные уезды Костромской губернии. Административная граница между Владимирской (Шуйский уезд) и Костромской (Кинешемский и Юрьевецкий уезды) губерниями проходила в самом центре текстильного края. Граница эта возникла в 1778 г., когда Екатериной II было установлено

деление Российской империи на губернии. Она просуществовала 140 лет – с 1778 по 1918 г.

Точкой отсчета истории области как официально оформленного в административно-территориальном отношении самостоятельного региона является постановление Наркомата внутренних дел РСФСР 20 июня 1918 г. об образовании Иваново-Вознесенской губернии. Мощный потенциал губернии был максимально использован для проведения индустриализации страны в конце 20-х и в 30-е гг. XX в. В январе 1929 г. была образована новая Ивановская промышленная область, объединившая вокруг Иваново-Вознесенской губернии Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии (она просуществовала до 1932 г.). Сходным по росту промышленного производства стал период конца 50-х – начала 60-х гг., когда город Иваново стал центром Верхневолжского экономического района.

Подавляющая часть городов Ивановской области возникла вокруг промышленных предприятий в первую очередь текстильных в XIX–XX вв. Материальное производство выступало основой развития поселений и способствовало превращению их в города (областной центр Ивановской области – г. Иваново – тоже образовался как город в 1871 г. путем слияния села Иванова и Вознесенского посада в связи с бурным ростом промышленного производства в XIX в.). Эти поселения выступали как индустриальные центры местного значения. При этом большинство из них приобретали черты *моногородов*. В отличие от многих других регионов страны в Ивановской области моногорода – это малые поселения.

Ивановская область одна из самых маленьких в стране. Территория области – 21,4 тыс. кв. км, что, к примеру, почти в 3 раза меньше площади, занимаемой соседней Костромской областью. Область насчитывает 21 муниципальный район, 6 городских округов (Иваново, Кинешма, Шуя, Вичуга, Кохма, Тейково), 24 городских поселения (Фурманов, Родники, Приволжск, Южа, Заволжск, Наволоки, Юрьевец, Комсомольск, Пучеж, Гаврилов-Посад, Плес, Верхний Ландех, Ильинское-Хованское, Каменка, Колобово, Лежнево, Лух, Нерль, Ново-Писцово, Палех, Пестяки, Петровский, Савино, Старая Вичуга). Статус города имеет 17 населенных пунктов, из них 14 – это малые города, в том числе 6 городов с численностью населения менее 10 тыс. человек [3].

В 2014 г. распоряжением № 1398-р Правительство РФ утвердило перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), включающий 313 муниципальных образований, распределенных на 3 категории в зависимости от степени ухудшения складывающейся в них социально-экономической ситуации. Из Ивановской области включено 10 городских поселений.

Категория 1. Монопрофильные муниципальные образования РФ (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций): *пгт. Петровский* (градообразующее предприятие ОАО «Спиртзавод «Петровский» (в настоящее время не действует) и *г. Южа* (предприятия «Южская прядильно-ткацкая фабрика» (не работает), Мостовское лесопромышленное предприятие (не работает), Торфопредприятие (не работает). Промышленность представлена малыми предприятиями швейной и пищевой отрасли).

Категория 2. Монопрофильные муниципальные образования РФ (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения: *пгт. Колобово* (ОАО «Колобовская ткацкая фабрика» (производство суровых тканей)); *пгт. Савино* (ООО «Савинская ткацкая фабрика «Солидарность»» (не работает), ООО «Архиповское ткачество»); *г. Наволоки* (Хлопчатобумажный комбинат ООО «Навтекс»); *г. Фурманов* (Фурмановский литейно-механический завод (обанкрочен, в данный момент на его территории располагается предприятие текстильной промышленности «Madiyo Текстиль», выпускающее трикотажное полотно; машиностроительный завод «Темп» (обанкрочен), ООО «Фурмановская фабрика № 1», ОАО «Фурмановская прядильно-ткацкая фабрика № 2» (ликвидирована в декабре 2016 г.), прядильно-ткацкая фабрика № 3 холдинга «Шуйские ситцы», швейные предприятия); *г. Тейково* (ОАО «Тейковский ХБК» (производство хлопчатобумажных тканей); ООО «АРТ-Швейное производство»; ЗАО «Тейковская швейная фабрика» (производство спецодежды); Тейковский филиал ОАО ММЗ «Вперёд» (машиностроительная продукция); ОАО «Теплант» (производство сендвич-панелей); ООО «Ультрастаб» (производство георешётки и геоткани); ООО «Тейковский фанерный комбинат»), *пгт. Каменка* (основное предприятие посёлка – текстильная (отделочная) фабрика «Красный Октябрь»).

Категория 3. Монопрофильные муниципальные образования РФ со стабильной социально-экономической ситуацией: *г. Вичуга* (текстильные предприятия: ООО «Ногинская фабрика», ООО «Кортес», филиал ЗАО «ПК Нордтекс» в г. Вичуга «Шаговец»); *г. Приволжск* (ООО «Ланкастер» (ликвидировано в ноябре 2017 г.), ООО «Яковлевская мануфактура» (производства льняных тканей), два ювелирных завода (ООО «Фабрика «Приволжский ювелир»», ЗАО Приволжский ювелирный завод «Красная Пресня») [4].

В этих моногородах на 1 января 2015 г. проживало 157 067 человек (18,6 % городского населения всей Ивановской области), а на 1 января 2017 г. – 153 617 человек (18,5 % всего городского населения региона). Если же брать все население области, то жители моногородов составляют 15 % населения [3, 5].

К *проблемам малых моногородов Ивановской области* следует отнести следующие.

1. В 90-х годах XX века в процессе перехода к рыночной экономической системе в Ивановской области произошло *существенное падение промышленного производства* (в 1991–1996 гг. до 29–31 % от уровня 1990 г.). В связи с тем, что многие градообразующие предприятия, особенно расположенные в небольших поселках, обанкротились, положение моногородов резко ухудшилось. Люди оказались безработными, остались без средств к существованию, стали уезжать на работу в более благополучные регионы, в первую очередь в Москву. С банкротством и закрытием промышленных предприятий тесно связаны и проблемы обеспечения населенных пунктов теплом и водой, поскольку они подавались в жилые дома от промышленного предприятия, сохранения объектов социальной сферы (детских садов, домов культуры, клубов, библиотек), которые при нормально функционирующем предприятии находились на его балансе. В некоторых малых городах Ивановской области вообще не осталось промышленных предприятий. Так, в г. Юрьевеце, родине архитекторов Весниных, кинорежис-

серов А. Роу и А. Тарковского, на 8,5 тыс. человек (с районом – 14 тыс. человек) жителей нет ни одного хлебопекарного производства. Хлеб везут из близлежащих городов – Пучеж (50 км) и Кинешма (70 км) [6].

2. Острейшая проблема малых городов – финансовая проблема – недостаточность собственных ресурсов для развития. Следует отметить, что отсутствие самодостаточности и способности к саморазвитию регионов и их муниципальных образований является одной из серьезных проблем в региональном воспроизводстве в нашей стране. Недостаточность ресурсов выступает одной из основных причин депрессивного состояния как отдельных поселений, муниципальных образований, так и региональной экономики в целом, поскольку не позволяет обеспечить нормальные условия для общественного воспроизводства. Например, доля собственных доходов местного бюджета в общем объеме доходов бюджета муниципального образования по городу Тейково Ивановской области в 2008 г. составила 49 %, а по Тейковскому муниципальному району – 13,6 % [7]. В бюджете городского округа Тейково на 2016 г. доходы составили всего 415,4 млн руб, из них налоговые доходы 159,8 млн руб., неналоговые доходы 20,3 млн руб., безвозмездные поступления 235,3 млн руб. [8], т. е. доля собственных доходов в общем объеме доходов городского бюджета составила всего 43,35 %. На плечи местных бюджетов «упали» социальные объекты, от которых в 90–2000-е гг. отказались предприятия, в то время как от самих предприятий налоговые платежи уже не поступают в бюджет малого моногорода. Доходы бюджета городского округа Тейково на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. выглядят следующим образом: на 2017 г. доходы всего 378,6 млн руб., из них налоговые доходы 148,9 млн руб., неналоговые доходы 20,5 млн руб. (собственные доходы составят 44,8 %), безвозмездные поступления 209,2 млн руб. (55,2 %); на 2018 г. доходы всего 381,3 млн руб., из них налоговые доходы 155,8 млн руб., неналоговые доходы 20,3 млн руб. (доля собственных доходов 46 %), безвозмездные поступления 205,2 млн руб. (54 %); на 2019 г. доходы всего 385,8 млн руб., из них налоговые доходы 165,9 млн руб., неналоговые доходы 19,8 млн руб. (собственные доходы 48,1 %), безвозмездные поступления 200,1 млн руб. (51,9 %). Следует отметить, что это не самые плохие показатели в области. Даже бюджет областного центра наполовину дотационен. Так, на 2018 г. в бюджете города Иваново запланированы доходы в размере 5 899 млн руб., из них собственные налоговые и неналоговые доходы – 3 237 млн руб. (54,9 %), а поступления из областного и федерального бюджета (дотации, субсидии, субвенции) – 2 662 млн руб. (45,1 %) [9, с. 5].

3. Беда многих малых моногородов России и Ивановской области как ее части – удалённость от транспортных магистралей и крупных центров, плохие условия связи с ними, т. е. *проблема инфраструктурной обустроенности территории*. Мы рассматриваем инфраструктурную обустроенность территории как один из важнейших признаков региона и включаем в нее три типа инфраструктуры – производственную, социальную, рыночную. Рыночная инфраструктура, с нашей точки зрения, охватывает сферу обращения, обеспечивая рыночными услугами как производство, так и людей, властные структуры. При таком подходе получается, что само воспроизводство включает в себя производство и потребление и находящуюся между ними сферу обращения [1, с. 35]. Большинство малых городов страдает от отсутствия элементарных удобств, многих видов бытового обслуживания, низкого качества жилья, дорог. Не достаточно в малых городах предприятий оптовой и розничной торговли, банковских и страховых учреждений, предприятий культуры и отдыха, транспортных предприятий. Так, например, в уже упомянутом г. Юрьевец – в городе всемирно известных кинорежиссёров А. Роу и А. Тарковского – нет ни одного кинотеатра. Уничтожен речной флот. Порт, куда раньше причаливали суда, продан, и речное сообщение Юрьевца с другими регионами прекращено. Все это приводит к резкому отставанию этих населенных пунктов по уровню жизни от более крупных городов, особенно от областных центров, к оттоку населения в более привлекательные с точки зрения условий проживания места – г. Иваново, г. Нижний Новгород, г. Ярославль, г. Москва. Ивановская область полностью электрифицирована, однако газификация еще не завершена, уровень газификации региона к началу 2016 г. составил 74,3 % (в среднем по России – 66,2 %) [10]. Значительная часть жителей деревень, поселков и малых городов не имеет центрального водоснабжения.

Хозяйственное пространство надо поддерживать, этим задачам как раз отвечает указанный выше характер расселения людей («деревня (село) – малый город (малое или средних размеров поселение) – крупный населенный пункт (областной центр, другие поселения со значительным числом проживающих)»). В подобных условиях нужно обратить особое внимание на инфраструктурное обустройство территории (развитие и состояние дорожной сети, транспорта, связи, энергетики), которое влияет и на возрождение хозяйственной деятельности в малых городах и поселениях, и на решение проблемы занятости, поддержание хозяйственной территории. Именно инфраструктура выступает объективной основой сохранения целостности социально-экономической системы региона. При достаточной развитости инфраструктуры люди могут проживать в малых населенных пунктах (там обычно остра проблема занятости), а работать в средних или крупных городах, находящихся на расстоянии 20–30 км от мест проживания. Этот вариант реалистичен, если у людей есть личный транспорт (или регулярно курсирует общественный транспорт), хорошее состояние дорог, позволяющее транспорту двигаться с хорошими скоростями, сравнительно дешевый бензин и техническое обслуживание автомобилей. Естественно, что размер заработной платы работника должен быть достаточен, чтобы покрывать эти транспортные издержки.

4. Существенной проблемой для моногородов является проблема *кадров* как результат оттока жителей из малых городов, демографической проблемы 90-х гг. XX в., низкого уровня и качества жизни. Отсутствие необходимых трудовых ресурсов существенно затрудняет не только сохранение и развитие оставшихся на плаву предприятий, но и реализацию инвестиционных проектов. Кадровая проблема проявляется как в нехватке определенного количества работников, так и в качественном составе и структуре имеющейся рабочей силы, неадекватном потребностям социально-экономического развития. Наиболее инициативные, предприимчивые, мобильные люди уезжают в столицу как на постоянное место жительства и трудоустройство, так и для работы «вахтовым

методом» (например, неделя в Москве, неделя – в своем городе). Даже из областного центра уезжают на работу в Москву строители, преподаватели вузов (кандидаты и доктора наук), медицинские работники и другие специалисты. Во многом это связано с непривлекательностью и недостаточной обустроенностью бытовых условий для молодых специалистов, низкой заработной платой и рядом других проблем.

В результате, серьезной проблемой для жителей малых городов Ивановской области становится доступность медицинских и образовательных услуг. Эксперты Фонда независимого мониторинга «Здоровье», ссылаясь на данные Минздрава, отмечают, что в 2015 г. 25 российских регионов не смогли ликвидировать нехватку врачей и достичь запланированных показателей по обеспеченности населения медработниками. В 9 регионах этот показатель в 2015 г. и вовсе снизился. Среди них и Ивановская область (за 2015 г. обеспеченность населения врачами снизилась на 1 %) [11], хотя в областном центре имеется Ивановская государственная медицинская академия, готовящая нужных специалистов. К примеру, в Шуе, третьем по величине городе Ивановской области, нет лор-специалиста, за помощью приходится обращаться в областной центр. В Родниках было временно приостановлено функционирование отремонтированного, оснащенного современным оборудованием родильного дома из-за отсутствия узкого специалиста (неонатолога).

Для моногородов и поселков характерна и психологическая проблема – люди привыкают к сложившемуся положению дел, мирятся с ситуацией и не предпринимают активных действий по поиску другой работы, по переобучению, переквалификации. Низкая инициативность остающегося в регионе населения сказывается и на бизнес-климате в регионе.

5. Проблемой для производителей в малых городах, с одной стороны, является продвижение товаров на рынок, *реализация своей продукции*. С другой стороны, можно говорить о *недостаточной диверсификации производства*. Имеет существенное значение конкуренция со стороны производителей соседних регионов, которые в условиях свертывания производства в Ивановской области оказались более предприимчивыми и реализуют свою продукцию на местных рынках. По этой причине многие потребности населения, которые могли бы быть обеспечены за счет собственных ресурсов, обеспечиваются за счет ввоза, «привозят даже такие технологически простые вещи, как гвозди, скобы, запорные устройства и прочие виды металлоизделий, для создания которых в границах области всегда существовали необходимые предпосылки» [12, с. 64]. В конечном итоге доходы местных жителей (зарплаты, пенсии, пособия) уходят за пределы города и области, выгода – только от рабочих мест в торговых предприятиях.

Каковы же перспективы развития малых моногородов?

Для моногородов развитие промышленных предприятий как основы материального производства – необходимое условие сохранения статуса города, обеспечения налоговых поступлений в бюджет, занятости и доходов населения. Необходимо развитие собственного производства, замещающего ввозимую продукцию, а также развитие производства, ориентированного на вывоз за пределы города. При этом для моногородов важно ориентироваться на диверсификацию производства как основу устойчивости экономики. Речь не только о том, что следует уходить от узкой специализации производства, но и об определении местных возможностей по реальному удовлетворению местных потребностей за счет собственного производства. Только при отсутствии таких возможностей следует ориентироваться на ввоз тех или иных товаров.

Поскольку для организации крупного производства необходимы значительные инвестиционные вложения, то наиболее разумным видится организация и поддержка малого и среднего предпринимательства. Например, предприятий пищевой промышленности по переработке сельхозпродукции, выращенной в регионе (молоко, мясо, картофель, капуста, другие овощи), а также лесных даров (грибы, ягоды) и продукции рыболовства (в связи с последним целесообразно возрождение прудового рыбоводства). Кроме этого, имеется возможность открытия в малых городах небольших швейных предприятий, ориентированных как на местные нужды, так и на реализацию продукции в соседних регионах, в областном центре, принимающем туристов в рамках шоп-туров из Костромской, Владимирской, Ярославской, Московской, Липецкой, Вологодской и многих других областей.

Поскольку практически единственным видом промышленных сырьевых ресурсов, которыми располагает Ивановская область, является лес (леса занимают 37,6 % от площади земель области (806,6 тыс. га)), то целесообразно развивать деревообрабатывающую промышленность для нужд строительства, машиностроения, химической и мебельной промышленности. В связи со значительными запасами торфа в регионе имеет смысл возобновление деятельности торфопредприятий для нужд сельского хозяйства, личных подсобных хозяйств, садово-огородных товариществ.

Важную роль с древних времен в Ивановской области играли народные промыслы. Мировую известность имеют работы палехских и холуйских мастеров, ювелиров Приволжска и Плёса, продукция строчевышивальных мастерских Пучежа, Палеха, Шуи и другие изделия. Их сохранение и развитие – еще одно направление развития материального производства в моногородах.

Возможны и другие варианты с учетом запросов рынка и взаимодействий предпринимателей, властных структур по обеспечению необходимых условий, в том числе инфраструктурных (например подъездные пути, транспортные средства для населения).

С проблемой занятости в малых населенных пунктах, включая малые моногорода, связан ряд проектных решений. Так, крупные предприятия с выгодой для себя могут развертывать филиальную систему производства. В этом случае в малых поселениях возникают небольшие производства, к примеру, «на уровне производства деталей» (возможно, это вид аутсорсинга). Другой вполне реалистический проект, имеющий особое значение для сельского хозяйства, а также для дорожной отрасли, – это создание передвижных (подвижных) механизированных отрядов. Начинается время весеннего сева, люди с техникой выезжают в поле, разбивают лагерь, ведут посевную кампанию, временно проживая там, где в данный момент работают. Такое же положение складывается и в другие периоды – ухода за растениями, уборки урожая.

Решение этих вопросов не под силу не только малому моногороду, но и депрессивному региону в целом. Требуется активная поддержка со стороны государства в виде реализации крупномасштабных инвестиционных проек-

тов, изменения государственной политики в отношении выпускников, обучавшихся на бюджетной основе, и другие меры. Надо сказать, что государство принимает ряд мер, которые, однако, носят точечный, а не комплексный характер. Летом 2016 г. Минэкономразвития приняло решение о включении городов Вичуга и Наволоки в федеральную программу поддержки моногородов. Вичуга заявила проект поддержки инфраструктуры индустриального парка с комплексом по производству синтетического волокна, Наволоки – строительство очистных сооружений и капитальный ремонт берегозащитной дамбы для нового производства перевязочных материалов на предприятиях «Навтекс» и «Приволжская коммуна». В конце 2017 г. подписано соглашение о финансировании строительства объектов инфраструктуры в г. Наволоки, по которому Ивановская область получит из Фонда развития моногородов свыше 250 млн руб., софинансирование со стороны региона составит чуть выше 20 млн руб. От Ивановской области в Минэкономразвития поданы заявки на создание территории опережающего развития в Наволоках, Юже, ведется подготовка заявки на Приволжск. Еще раз обратим внимание, что требуется комплексная поддержка проблемных городов и регионов, реализация с помощью федеральных средств амбициозных инвестиционных проектов, совершенствование законодательной базы. Сохранение малых городов – это важнейшее условие обеспечения производственной и социальной целостности экономической системы нашей страны.

Литература

1. Бабаев Б. Д., Бабаев Д. Б., Боровкова Н. В., Езерская С. Г., Зайцева Н. Е., Николаева Е. Е., Попова Т. К., Сергеева М. Е., Белкин Е. А. О некоторых фундаментальных вопросах регионального воспроизводства: постановка проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2016. Вып. 2. С. 29–58.
2. Востриков С. Наш край в истории отечества (От древнейших времен до окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): учеб. пособие по ист. краеведению для учащихся 8–11-х кл. шк. Иван. обл. Иваново, 1995. 154 с.
3. Численность населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2017 года (человек) // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области. Режим доступа: http://ivanovo.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ivanovo/resources/53aea6004fd6d38d8fcebfa19f9463e4/NAS2017.pdf (дата обращения 11.01.2018).
4. Официально признанные моногорода Ивановской области. 06.03.2018, 19:20. Режим доступа: http://1000inf.ru/news/44594/ (дата обращения: 11.11.2016).
5. Население Ивановской области на 2016, 2016: численность, крупные города. Режим доступа: http://www.statdata.ru/naselenie/ivanovskoj-oblasti (дата обращения: 11.11.2016).
6. Активисты ОНФ призывают власти Ивановской области обратить внимание на проблемы старинного города Юрьевец // Иваново – сегодня. 30.12.2015. Режим доступа: http://ivanovo-today.com/news/25283/ (дата обращения: 11.11.2016).
7. Как нам реорганизовать районы и поселения? // Иваново-Вознесенск. 2009. № 42. С. 9.
8. Бюджет для граждан // Официальный сайт администрации городского округа Тейково. Режим доступа: http://teikovo37.ru/glavnaja/byudzhet-dlja-grazhdan/byudzhet-dlja-grazhdan.html (дата обращения: 11.11.2016).
9. Мы настроены на позитив: главный финансист города – о том, на что в этом году хватит денег // Рабочий край. 2018. № 2. С. 4–5.
10. Утверждена пятилетняя программа развития газоснабжения и газификации Ивановской области // Газпром: официальный сайт. 14.09.2016, 18:00. Режим доступа: http://www.gazprom.ru/press/news/2016/september/article283782/ (дата обращения: 16.11.2016).
11. 25 российских регионов не ликвидировали нехватку врачей. 10.11.2016, 15:56. Режим доступа: http://www.vademec.ru/news/2016/11/10/fond-zdorove-25-regionov-rossii-ne-vypolnili-plan-po-obespechennosti-naseleniya-vrachami/ (дата обращения: 21.11.2016).
12. Бабаев Б. Д., Бабаев Д. Б., Боровкова Н. В., Езерская С. Г., Зайцева Н. Е., Николаева Е. Е., Попова Т. К. Проблемы и перспективы развития экономики Ивановского региона // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2017. Вып. 3. С. 58–78.

MONOTOWNS: SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS AND PROSPECTS (THE CASE OF THE IVANOVO REGION)

***Elena E. Nikolaeva*[1, @]**

[1] *Ivanovo State University, 39, Ermaka St., Ivanovo, Russia, 153025*
[@] *politeconom@yandex.ru*

Received 25.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: monotown, region, socio-economic development, problems, perspectives, state support.

Abstract: A region can be presented as the sum of its people, enterprises, organizations, and authorities. Such a territorial agglomeration shapes the need for satisfaction of public requirements and ensuring normal public reproduction. Regional economy has three-levels: regional, municipal and settlement. The last one has been out of focus of science. The current

research relies on the system and reproduction approach and investigates fundamental problems of monotowns in the Ivanovo region as industrial centers created mainly around city-forming textile enterprises. Throughout the post-reform period, these small towns has seen a «curtailment» of material production (industry, construction, trade) as well as intangible production (health, education, culture), an outflow of population to more prosperous settlements and regions, an acute shortage of labor resources in both the quantitative and structural aspects, a lack of financial opportunities for self-development. All these problems bring about economy depression, both in small monotowns and in the region in general. The solution for the problems of small cities in the conditions of an old industrial depressive region like Ivanovo seems impossible without participation of the federal center.

For citation: Nikolaeva E. E. Monogoroda: sotsial'no-ekonomicheskie problemy i perspektivy (na primere Ivanovskoi oblasti) [Monotowns: Social and Economic Problems and Prospects (the Case of the Ivanovo Region)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 137–142. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-137-142.

References

1. Babaev B. D., Babaev D. B., Borovkova N. V., Ezerskaia S. G., Zaitseva N. E., Nikolaeva E. E., Popova T. K., Sergeeva M. E., Belkin E. A. O nekotorykh fundamental'nykh voprosakh regional'nogo vosproizvodstva: postanovka problemy [Fundamental questions of regional reproduction: problem statement]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Ekonomika = Ivanovo State University Bulletin. Series: Economics*, no. 2 (2016): 29–58.

2. Vostrikov S. *Nash krai v istorii otechestva (Ot drevneishikh vremen do okonchaniia Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.)* [Our region in the history of the fatherland: studies (From the most ancient times before the termination of the Great Patriotic War of 1941–1945)]. Ivanovo, 1995, 154.

3. *Chislennost' naseleniia po munitsipal'nym obrazovaniiam Ivanovskoi oblasti na 1 ianvaria 2017 goda (chelovek)* [Population across municipal units of the Ivanovo region, January 1, 2017 (people)]. Available at: http://ivanovo.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ivanovo/resources/53aea6004fd6d38d8fcebfa19f9463e4/NAS2017.pdf (accessed 11.01.2018).

4. *Ofitsial'no priznannye monogoroda Ivanovskoi oblasti* [Officially recognized monotowns of the Ivanovo region]. 06.03.2018, 19:20. Available at: http://1000inf.ru/news/594/ (accessed 11.11.2016).

5. *Naselenie Ivanovskoi oblasti na 2016, 2016: chislennost', krupnye goroda* [The population of the Ivanovo region for 2016, 2016: number, large cities]. Available at: http://www.statdata.ru/naselenie/ivanovskoj-oblasti (accessed 11.11.2016).

6. *Aktivisty ONF prizyvaiut vlasti Ivanovskoi oblasti obratit' vnimanie na problemy starinnogo goroda Iur'evets* [Activists of ONF urge the authorities of the Ivanovo region to pay attention to problems of the ancient city of Yuryevets]. 30.12.2015. Available at: http://ivanovo-today.com/news/25283/ (accessed 11.11.2016).

7. Kak nam reorganizovat' raiony i poseleniia? [How are we to reorganize areas and settlements?]. *Ivanovo-Voznesensk = Ivanovo-Voznesensk*, no. 42 (2009): 9.

8. *Biudzhet dlia grazhdan* [The budget for citizens]. Available at: http://teikovo37.ru/glavnaja/byudzhet-dlja-grazhdan/byudzhet-dlja-grazhdan.html (accessed 11.11.2016).

9. My nastroeny na pozitiv: glavnyi finansist goroda – o tom, na chto v etom godu khvatit deneg [We are positive: the chief financier of the city – about what there will be enough money for this year]. *Rabochii krai = Working edge*, no. 2 (2018): 4–5.

10. *Utverzhdena piatiletniaia programma razvitiia gazosnabzheniia i gazifikatsii Ivanovskoi oblasti* [The five-year program of the development of gas supply and gasification of the Ivanovo region is approved]. 14.09.2016, 18:00. Available at: http://www.gazprom.ru/press/news/2016/september/article283782/ (accessed 16.11.2016).

11. *25 rossiiskikh regionov ne likvidirovali nekhvatku vrachei* [25 Russian regions didn't liquidate the shortage of doctors]. 10.11.2016, 15:56. Available at: http://www.vademec.ru/news/2016/11/10/fond-zdorove-25-regionov-rossii-ne-vypolnili-plan-po-obespechennosti-naseleniya-vrachami/ (accessed 21.11.2016).

12. Babaev B. D., Babaev D. B., Borovkova N. V., Ezerskaia S. G., Zaitseva N. E., Nikolaeva E. E., Popova T. K. Problemy i perspektivy razvitiia ekonomiki Ivanovskogo regiona [Problems and prospects of economy development of the Ivanovo region]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Ekonomika = Ivanovo State University Bulletin. Series: Economics*, no. 3 (2017): 58–78.

УДК 338.98

ЭФФЕКТИВНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

***Александр С. Новоселов*[1, @1, *], *Асия С. Маршалова*[1, @2, *], *Галина В. Ждан*[1, @3, *]**

[1] *Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, 630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17*
[@1] *asnov@ieie.nsc.ru*
[@2] *marnov@ieie.nsc.ru*
[@3] *gvzhdan@ieie.nsc.ru*

Поступила в редакцию 29.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: региональное и муниципальное управление, институциональная структура, комплексное социально-экономическое развитие региона.

Аннотация: Цель исследования – разработка методологических подходов к формированию институциональной системы регионального управления, обеспечивающей комплексное социально-экономическое развитие регионов. Система управления представлена как взаимосвязанная совокупность подсистем, в число которых входят организационные структуры (институциональная система), планово-прогнозные документы и механизм управления (инструменты воздействия). Выявлены проблемы комплексного развития, которые действующая система управления не в состоянии решить или решает их неэффективно. Дана оценка роли институциональной системы управления в реализации стратегических направлений комплексного социально-экономического развития региона.
Сделан анализ институциональной структуры управления пространственным развитием субъекта РФ, анализ функций, полномочий, схем и процедур практической деятельности региональных органов власти с позиции обеспечения единства и взаимосвязи между региональным и муниципальным уровнями управления. Разработаны основные направления формирования институциональной системы регионального управления, обеспечивающей комплексное развитие регионов. Исследованы проблемы реализации полномочий органов власти по комплексному развитию территорий, институциональные проблемы комплексного обустройства территорий. Сделан вывод о том, что основные проблемы экономического и социального развития регионов вызваны преобладанием отраслевого подхода и недостаточным учетом пространственного фактора в управлении, слабостью территориального планирования, отсутствием специальных органов и механизмов управления пространственным развитием, т. е. отсутствием того, что в совокупности должно составлять институциональную систему регионального управления. Предложены рекомендации для органов власти по обоснованию полномочий, прав, обязанностей и функций институциональных структур регионального управления, обеспечивающих повышение эффективности институциональной системы управления.

Для цитирования: Новоселов А. С., Маршалова А. С., Ждан Г. В. Эффективная институциональная система управления как условие комплексного регионального и муниципального развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 143–147. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-143-147.

Современные тенденции развития страны и постоянные реформы административной системы показывают, что региональный уровень наименее адаптивен к рыночным отношениям. Это обусловлено следующими положениями. Во-первых, в условиях административно-командной системы, когда преобладал отраслевой подход к управлению и значительная часть социальных вопросов решалась в рамках отраслевого планирования, сам объект регионального управления был четко сформулирован в действовавшем законодательстве. Во-вторых, и в настоящее время место регионов как самостоятельных объектов управления в силу разных причин остается столь же неопределенным. Экономический потенциал многих территорий не позволяет им реализовать свою финансовую самостоятельность.

В течение последних лет система управления демонстрирует неспособность обеспечить реализацию формулируемых стратегических целей развития экономики и региональной политики [1–3]. Доказательством неэффективности этой системы является практически полное отсутствие положительных результатов в достижении этих целей и реализации приоритетов региональной политики, главными из которых являются радикальное изменение структуры российской экономики и развитие наукоемких отраслей, усиление конкурентоспособности экономики России, ее регионов и освоение внутреннего рынка товаров и услуг (импортозамещение); сокращение высокой дифференциации в уровне социально-экономического развития регионов России [4–7].

**** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-02-00157.***

Значительная дифференциация в уровне и качестве жизни населения регионов России также говорит о серьезных недостатках в институциональной системе управления пространственным развитием экономики и социальной сферы. Отсутствие комплексного подхода к развитию территориальных образований является прямым следствием принятия ведомственных управленческих решений и неспособности институциональной системы управления обеспечить сочетание отраслевых и территориальных интересов. В реальной жизни это приводит к неэффективному использованию финансовых средств и не обеспечивает достижения целей, ради которых эти средства затрачены [8].

Для более глубокого анализа институциональной системы управления экономикой региона рассмотрим проблемы реализации полномочий органов власти по комплексному развитию территорий на примере Новосибирской области. Наиболее важные полномочия по комплексному развитию территории области предусмотрены в Положении о Министерстве экономического развития Новосибирской области. Это Министерство является областным исполнительным органом государственной власти, которое осуществляет управление и нормативно-правовое регулирование в сфере создания условий для развития инвестиционной деятельности, формирования и проведения территориальной политики, обеспечивающей устойчивое комплексное социально-экономическое развитие территорий Новосибирской области.

К полномочиям Министерства экономического развития относится проведение мониторинга и анализа социально-экономического развития муниципальных образований области. На это же Министерство возложена подготовка информационно-аналитических материалов о социально-экономическом положении муниципальных районов и городских округов области и осуществление экспертизы проектов комплексных программ их социально-экономического развития. Кроме того, за Министерством экономического развития закреплено оказание консультационной и методической помощи органам местного самоуправления области по таким вопросам, как разработка стратегических направлений социально-экономического развития и планово-прогнозных документов и программ, предусмотренных действующим законодательством, подготовка предложений по совершенствованию межбюджетных отношений.

Таким образом, задача комплексного развития территории находит непосредственное отражение в полномочиях Министерства экономического развития, но на практике она не реализуется, так как не может быть осуществлена в рамках действующих институциональных условий по следующим причинам.

Во-первых, несмотря на то, что Положение о Министерстве экономического развития области включает задачи по формированию системы стратегических целей, приоритетов пространственного развития области в целом, а также по организации разработки и реализации проектов комплексного развития территорий, основные вопросы территориального развития замкнуты преимущественно на проблемах и перспективах развития отдельных муниципальных образований. Такой подход не соответствует современным реалиям. В условиях глобализации мировой экономики бессмысленно пытаться эффективно использовать ресурсный потенциал территории, ограничиваясь лишь возможностями и потребностями самого муниципального образования. В практике управления отсутствует задача целостного комплексного пространственного развития области, при этом исключение составляет только Новосибирская агломерация, и ее развитие планируется на территории нескольких муниципальных образований [3].

Во-вторых, комплексный подход в региональной политике предполагает согласованное и сбалансированное развитие всех элементов хозяйственного комплекса территории, включая жилье, социальную и инженерную инфраструктуры, транспортную систему. Такой подход может быть обеспечен лишь в том случае, если он находит отражение и в инвестиционной политике. Вместе с тем проведенное исследование показывает, что полномочия Министерства экономического развития Новосибирской области в сфере создания условий для развития инвестиционной деятельности слабо согласуются с комплексным подходом к развитию территорий, хотя формально Министерство экономического развития наделено широкими полномочиями по организации отбора и экспертизы инвестиционных проектов на соответствие стратегическим приоритетам развития области, а также по организации разработки проектов создания особых экономических зон в Новосибирской области.

В решении вопросов создания условий для развития инвестиционной деятельности Министерство экономического развития тесно сотрудничает с ОАО «Агентство инвестиционного развития» и руководит подведомственным Государственным казенным учреждением «Центр регионального развития». В его функции входит формирование бренда области как конкурентоспособной территории, привлекательной для отечественных и зарубежных партнеров, содействие созданию и развитию благоприятного инвестиционного климата и реализации кластерной политики Новосибирской области.

В инвестиционной сфере в составе полномочий Министерства экономического развития можно выделить те из них, которые в определенной степени способствуют комплексному подходу к развитию территорий области. К таким полномочиям, прежде всего, следует отнести разработку проектов создания особых экономических зон, но на практике эти полномочия не реализуются. Полномочия по координации деятельности при реализации проекта создания промышленно-логистического парка на территории Новосибирской области осуществляются с участием ОАО «Агентство инвестиционного развития». Но это может являться примером комплексного подхода к формированию лишь отдельных новых промышленных зон на территории области, когда комплексно решаются вопросы землеотвода, формирования и развития инженерной инфраструктуры, транспортной инфраструктуры. Важно отметить, что распространение опыта создания промышленно-логистических парков, промышленных зон в каждом районе или выделенных в Схеме территориального планирования Новосибирской области подрайонах могло бы внести большой вклад в создание комплекса условий для экономического роста территорий области.

Полномочия по координации деятельности по реализации проектов создания биотехнологического кластера и IT-кластера реализуются в форме скоординированной государственной (федеральной и областной) поддержки развития инфраструктуры. Это направление с еще большей натяжкой можно отнести к полномочиям в сфере инвести-

ционной политики по комплексному развитию территорий. В данном случае речь не идет о формировании территориальных кластеров, скорее можно говорить о создании экстерриториальных научно-технологических кластеров. Тем не менее такой подход является шагом вперед в развитии экономического потенциала области, поскольку он свидетельствует о формировании условий для взаимодействия взаимосвязанных субъектов экономической деятельности и направлен на рост экономики, создание новых рабочих мест, усиление налогового потенциала и укрепление бюджета области.

В определенной степени предпосылки формирования комплексного подхода к развитию территорий области можно увидеть в рамках задач по проведению административной реформы и совершенствованию государственного и муниципального управления. Об этом свидетельствует тот факт, что Министерство экономического развития наделено полномочиями, которые нацелены на модернизацию и оптимизацию сети объектов инфраструктуры, выработку рационального подхода к условиям и стандартам оказания государственных и муниципальных услуг, обеспечению их доступности и комфортности условий оказания.

Анализ полномочий и функций управления исполнительных органов государственной власти, проведенный на примере Новосибирской области, еще раз подтверждает приоритетность отраслевых принципов в практике управления социально-экономическим развитием региона. В процессе анализа полномочий исполнительных органов государственной власти области, проведенном в рамках исследования, не удалось выявить явные признаки, свидетельствующие о том, что действующая институциональная система управления нацелена на комплексное, рациональное и эффективное использование ресурсов территории, в том числе на эффективное использование земельных и природных ресурсов, на формирование территориальных кластеров, прежде всего, в рамках районов и подрайонов, выделенных в Схеме территориального планирования Новосибирской области.

Исследование показало, что рациональное сочетание отраслевого и территориального подхода в управлении социально-экономическим развитием области, в использовании региональных ресурсов (которые всегда ограничены) является необходимым условием для обеспечения комплексного использования ресурсного потенциала территории и создания условий для эффективного развития экономики и благополучия населения. Это подтверждается положительным мировым опытом взаимодействия институтов отраслевого и территориального управления.

Многие проблемы экономического и социального развития регионов вызваны недостаточным учетом пространственного фактора в управлении, слабостью территориального планирования и управления, отсутствием специальных органов и механизмов управления пространственным развитием, т. е. отсутствием того, что в совокупности должно составлять институциональную систему управления социально-экономическим развитием региона.

Исследование проблем регионального управления позволяет сформулировать основные направления формирования новой институциональной системы управления экономикой региона: приближение показателей качества регионального управления к уровню развитых стран, соблюдение стандартов государственных услуг, повышение эффективности закупок для государственных нужд, снижение издержек бизнеса, связанных с избыточным государственным регулированием, снижение коррупционных потерь в экономике, внедрение системы управления по результатам, которая увязывает цели, мероприятия и ресурсы, необходимые для достижения целей управления, а также расширение сферы применения стратегического планирования.

Литература

1. Клименко А. В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8–51.
2. Барабашев А. Г., Киндрась А. А. Об эффективности программно-целевого метода реформирования государственной службы: опыт России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 7–27.
3. Вебер Ш., Давыдов Д. В., Савватеев А. В. Институты принятия решений // Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 45–57.
4. Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широв А. А. От модернизации экономической политики к качественному росту экономики // Российский экономический журнал. 2016. № 1. С. 3–15.
5. Маневич В. Е. Долговременные макроэкономические процессы и условия роста российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 1. С. 40–63.
6. Сухарев О. С. Экономический рост: проблема управления // Экономист. 2016. № 7. С. 21–31.
7. Угрозы и защищённость экономики России: опыт оценки / отв. ред. С. В. Казанцев, В. В. Карпов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. 279 с.
8. Маршалова А. С., Новосёлов А. С., Волянская Т. В. Концепция регионального управления на этапе поиска эффективной модели экономического развития России // Современные технологии управления. 2016. № 8. С. 11–26.

EFFECTIVE INSTITUTIONAL GOVERNANCE SYSTEM AS A CONDITION FOR INTEGRATED REGIONAL AND MUNICIPAL DEVELOPMENT

Alexander S. Novoselov[1, @1, *], Asya S. Marshalova[1, @2, *], Galina V. Zhdan[1, @3, *]

[1] *Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences , 17, Ac. Lavrentiev Av., Novosibirsk, Russia, 630090*
[@1] *asnov@ieie.nsc.ru*
[@2] *marnov@ieie.nsc.ru*
[@3] *gvzhdan@ieie.nsc.ru*

Received 29.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: regional and municipal governance, institutional structure, comprehensive social and economic regional development.

Abstract: The goal of the current research is to develop methodological approaches to the institutional system of regional governance targeting comprehensive social and economic development of a region. The governance system has been presented as an interconnected set of subsystems, including organizational structures (institutional system), planning and forecasting documents and a management mechanism (instruments of influence). The research makes it possible to identify the problems in integrated development which the current governance system is unable to solve or solves inefficiently. The paper features assessment of the role of the institutional governance system in implementing strategic directions of integrated regional social and economic development.

It also includes an analysis of the institutional structure of spatial development management in a Russian Federation subject. The analysis involves functions, authorities, schemes and procedures used by regional governments in terms of ensuring unity and interrelation between regional and municipal levels of governance. The paper identifies the major development lines of the institutional system of regional governance ensuring integrated regional development. The research features the problems of regional integrated development and those associated with exercising authorities' powers in regard to integrated development of territories. It has been concluded that the main problems of regional economic and social development are due to the prevalence of sectoral approach and insufficient spatial factor consideration in governance, weak spatial planning, lack of special bodies and mechanisms for managing spatial development, i.e. the lack of what should constitute the institutional system of regional governance.

The authors propose recommendations to be used by the authorities on determining the powers, rights, duties and functions of institutional structures of regional governance ensuring the effectiveness of institutional governance system.

For citation: Novoselov A. S., Marshalova A. S., Zhdan G. V. Effektivnaia institutsional'naia sistema upravleniia kak uslovie kompleksnogo regional'nogo i munitsipal'nogo razvitiia [Effective Institutional Governance System as a Condition for Integrated Regional and Municipal Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 143–147. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-143-147.

References

1. Klimenko A. V. Desiatiletie administrativnoi reformy: rezul'taty i novye vyzovy [The Decade of Administrative Reform: Results and New Challenges]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia = Public Administration Issues*, no. 1 (2014): 8–51.
2. Barabashev A. G., Kindras A. A. Ob effektivnosti programmno-tselevogo metoda reformirovaniia gosudarstvennoi sluzhby: opyt Rossii [On the Effectiveness of the Program-target Method of Public Administration Reform: the Experience of Russia]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia = Public Administration Issues*, no. 2 (2014): 7–27.
3. Veber Sh., Davydov D. V., Savvateev A. V. Instituty priniatiia reshenii [Institutions of Decision-making]. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues,* no. 6 (2017): 45–57.
4. Ivanter V. V., Porfirev B. N., Shirov A. A. Ot modernizatsii ekonomicheskoi politiki k kachestvennomu rostu ekonomiki [From Economic Policy Upgrading to a Qualitative Economic Growth]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal,* no. 1 (2016): 3–15.
5. Manevich V. E. Dolgovremennye makroekonomicheskie protsessy i usloviia rosta rossiiskoi ekonomiki [Long-term Macroeconomic Processes and Conditions for Economic Growth in Russia]. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*, no. 1 (2017): 40–63.

**** The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-02-00157.***

6. Sukharev O. S. Ekonomicheskii rost: problema upravleniia [Economic Growth: Governance Issues]. *Ekonomist = Economist,* no. 7 (2016): 21–31.

7. *Ugrozy i zashchishchennost' ekonomiki Rossii: opyt otsenki* [Threats to the Economy of Russia and its Security: the Experience of Assessment]. Eds. Kazantsev S. V., Karpov V. V. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2016, 279.

8. Marshalova A. S., Novoselov A. S., Volyanskaya T. V. Kontseptsiia regional'nogo upravleniia na etape poiska effektivnoi modeli ekonomicheskogo razvitiia Rossii [Concept of Regional Management in the Period of Search for Effective Model of Economic Development of Russia]. *Sovremennye tekhnologii upravleniia = Modern Management Technology*, no. 8 (2016): 11–26.

УДК 338.22

КРИТЕРИИ ВЫБОРА ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ С ПОЗИЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анастасия Д. Пивень [1, @]

[1] *Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4*
[@] *ada20.00@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: экономическая безопасность, приоритетные национальные проекты, регион, кластерный подход, потенциал, устойчивое развитие.

Аннотация: В статье представлены результаты теоретико-методического обоснования процесса выбора приоритетных национальных проектов в условиях необходимости обеспечения экономической безопасности Российской Федерации и ее отдельных регионов. Отражена роль экономической безопасности в системе национальной безопасности государства, показана взаимосвязь приоритетных национальных проектов и системы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в контексте вызовов и угроз, сформулированных в отечественных нормативно-законодательных актах стратегического характера. Показано, что стратегия устойчивого развития регионов сегодня формируется и реализуется через призму приоритетных национальных проектов, а оптимальное обеспечение экономической безопасности на региональном уровне невозможно без научно- и методически обоснованного государственного регулирования. С целью методически обоснованных критериев выбора приоритетных национальных проектов в отдельных регионах, в том числе с позиции обеспечения их экономической безопасности, предложено использование кластерного подхода, позволяющего определить приоритеты развития региона и направления обеспечения его экономической безопасности. На основании теоретико-монографических обобщений была скорректирована методика оценки потенциала кластеризации региона в контексте обеспечения его экономической безопасности. Апробация разработанной методики показала возможность ее применения для оценки уровня приоритетности национальных проектов на региональном уровне.

Для цитирования: Пивень А. Д. Критерии выбора приоритетных национальных проектов с позиции обеспечения экономической безопасности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 148–154. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-148-154.

Понятие безопасности в последние годы является одним из наиболее обсуждаемых на различных уровнях управления и в различных слоях общества. Это связано с обострением геополитической ситуации в крупнейших странах мира, в число которых входит и Российская Федерация. Проблемы обеспечения национальной безопасности сегодня сфокусированы в сфере сохранения территориальной целостности государства, его положения и статуса на мировой арене, охраны от внешних угроз различного характера, недопущения военных конфликтов. Однако даже в нестабильных экзогенных условиях одним из наиболее важных направлений национальной безопасности является экономическая безопасность. Это подтверждается и положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, не только указывающими на экономическую безопасность как часть системы национальной безопасности России, но и оценивающими состояние национальной безопасности преимущественно с помощью оценок состояния экономики государства (п. 115 Стратегии) [1]. Стоит также отметить, что из всех видов национальной безопасности, предусмотренных Конституцией и законодательством Российской Федерации, только 2 (экономическая и экологическая) имеют отдельно разработанные Стратегии на уровне государства [2; 3].

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации она обеспечивается в целях защиты национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов России, в числе которых названы повышение качества жизни граждан, экономический рост, наука, технологии и образование, здравоохранение, экология живых систем и рациональное природопользование [1]. Данные направления являются и основополагающими в приоритетных национальных проектах Российской Федерации в области здравоохранения, образования, жилья и развития агропромышленного комплекса [4]. Национальные проекты выступают инструментами обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, в то же время решение задач, обозначенных в национальных проектах, тесно связано со стратегическими целями развития национальной экономики [5; 6].

Комплексную роль приоритетных национальных проектов с позиции обеспечения экономической безопасности Российской Федерации и учетом ее угроз можно сформулировать следующим образом (см. таблицу).

Через призму приоритетных национальных проектов сегодня формируется и реализуется стратегия устойчивого развития Республики Крым. И это вполне закономерно: практика государственного регулирования национальной экономики развитых стран показывает, что наилучших

результатов в рыночных условиях можно достичь преимущественно в сочетании с эффективной регулятивной функцией государства. Экономическая безопасность региона не является исключением – оптимальное обеспечение экономической безопасности на региональном уровне невозможно без научно- и методически обоснованного государственного регулирования. Используя прямые и косвенные рычаги вмешательства, государственные органы власти создают и регулируют экономические условия деятельности региона, предназначенные для защиты экономических интересов национальной экономики [7].

Приоритетные национальные проекты определяют векторы развития всех регионов Российской Федерации, однако в силу их значительного количества и существенных отличий также неравнозначны. При этом время методически обоснованных критериев выбора приоритетных национальных проектов в отдельных регионах, в том числе с позиции обеспечения их экономической безопасности, в настоящее время не разработано. С этой целью можно предложить использование кластерного подхода, позволяющего определить приоритеты развития региона и направления обеспечения его экономической безопасности.

Первоначально основы кластерного подхода к формированию хозяйственных агломераций были заложены американским ученым М. Портером, который в рамках разработанной концепции конкурентной стратегии ввел понятие «кластер», под которым понимается группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга [8]. Алгоритм оценки кластеров по М. Портеру заключается в выявлении отраслей национальной экономики с максимальной концентрацией экономически активного населения.

Идея формирования программ устойчивого развития регионов на основе построения кластерных систем не раз находила свое отражение в последующих исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Кроме того, особый интерес представляют исследования, касающиеся формирования математических моделей оценки потенциала кластеризации,

Таблица. Взаимосвязь приоритетных национальных проектов и системы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации (составлено автором по материалам проведенного исследования)
Table. Interrelation between priority national projects and the system of ensuring economic security of the Russian Federation (as made by the author according to the materials of the research conducted)

Приоритетный национальный проект	Вызовы и угрозы экономической безопасности	Роль в обеспечении экономической безопасности
Доступное и комфортное жилье – гражданам России	1. Недостаточность трудовых ресурсов. 2. Усиление дифференциации населения по уровню доходов.	Качество жизни населения в значительной степени зависит от уровня его обеспеченности жильем. Комфортные условия проживания трудоспособного населения мотивируют его на продуктивный труд, способствуют повышению его производительности, и в конечном итоге повышают как эффективность национальной экономики в целом, так и уровень ее безопасности.
Здоровье	1. Снижение качества и доступности медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала.	Эффективное функционирование системы экономической безопасности требует соответствующего трудового обеспечения. Максимально полно человеческий потенциал используется только при ритмичной работе персонала всех отраслей экономики, что невозможно в случае болезни работников или снижении их профессиональной трудоспособности.
Образование	1.Снижение качества и доступности образования. 2. Недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов. 3. Усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации.	Обеспечение экономической безопасности в условиях информатизации и глобализации мировой экономики предъявляет повышенные требования к уровню подготовки и квалификации специалистов экономического профиля. При этом современный экономист должен обладать не только профессиональной, но и технологической, правовой и социальной компетенциями.
Развитие АПК	1. Использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики России. 2. Развитие «зеленых технологий».	Агропромышленный комплекс является одной из бюджетообразующих сфер многих регионов Российской Федерации, обеспечивая не только их продовольственную, но и экономическую безопасность, устойчивое развитие сельских территорий и имидж страны на мировом продовольственном рынке.

среди них – методика, предложенная Европейской кластерной обсерваторией [9]. Данная методика позволяет выявить потенциал кластеризации отдельных отраслей региона с учетом их приоритетного развития. Оценка потенциала строится на расчетном интегральном показателе, который включает следующие индикаторы:

– удельный вес наемных работников в регионе (отрасли) в эквиваленте полной занятости к общей их численности в других регионах;

– индекс среднегодового прироста численности работников предприятий;

– средняя численность работников на 1 предприятие;

– количество предприятий в регионе (отрасли);

– индекс среднегодового роста работников предприятий;

– средний уровень оплаты труда 1 работника;

– уровень «звезд» в зависимости от сочетания в кластере трех факторов: размер, специализация и концентрация;

– частное локализации (непосредственно специализация);

– сведения об инновациях в регионе (например численность работников интеллектуального труда, постоянное повышение квалификации, сектор «хай-тек», затраты на НИОКР и патенты);

– численность населения в регионе;

– плотность населения;

– ВВП на душу населения;

– среднегодовой прирост ВВП на душу населения;

– уровень занятости;

– доля работников с частичной занятостью;

– доля НИОКР частного бизнеса в ВВП;

– доля НИОКР общественных организаций в ВВП;

– уровень пользования Интернетом.

Данная методика была принята за основу создания алгоритма оценки потенциала кластеризации региона в рамках исследования региональных проблем инновационного развития Республики Крым И. В. Бережной, Е. А. Михуринской и Е. А. Смирновой [10].

Предложенная модель базируется на расчете интегрального показателя, который представляет собой среднеарифметическую величину 9-ти разработанных индикаторов:

– коэффициента локализации по объему произведенной продукции;

– коэффициента локализации по числу действующих организаций;

– коэффициента локализации по числу малых предприятий;

– коэффициента локализации по стоимости основных фондов;

– коэффициента локализации по инвестициям в основной капитал;

– коэффициента локализации по сальдированному финансовому результату;

– коэффициента локализации по среднемесячной заработной плате;

– коэффициента душевого производства продукции отрасли;

– коэффициента специализации района в конкретной отрасли.

Для отраслей, уровень интегрального показателя которых выше 1, рекомендовано формирование кластеров, для остальных такие рекомендации нецелесообразны.

Предложенная методика имеет ряд недостатков. Во-первых, при формировании интегрального показателя учитывается равноценное влияние каждого из предложенных индикаторов, когда было бы точнее определить соответствующие удельные веса для коэффициентов в зависимости от уровня их значимости. Причем все индикаторы предварительно следует разбить на отдельные логические группы и создать интегральный показатель двухуровневого типа (в зависимости от весовых значений самих индикаторов и значимости их групп).

Во-вторых, отдельной критики заслуживает коэффициент локализации по стоимости основных фондов. Известно, что не для всех отраслей экономики рекомендовано наличие тяжелой структуры баланса (преобладание внеоборотных активов в их структуре). Ввиду специфики хозяйственной деятельности предприятий отдельных отраслей национальной экономики целесообразно учитывать также коэффициент локализации по стоимости оборотных активов.

Кроме того, формирование кластеров (или интеграционных объединений) является одним из направлений повышения эффективности деятельности входящих в них предприятий и организаций. Поэтому показатель – коэффициент локализации по сальдированному финансовому результату – не может быть одним из индикаторов, на основании которых выявляется потенциал кластеризации. Целесообразнее при расчете весовых значений индикаторов провести корреляционный анализ зависимости уровня рентабельности деятельности хозяйствующих субъектов отдельных отраслей экономики от рассчитанных коэффициентов локализации и по абсолютным значениям парных коэффициентов корреляции установить весовые значения значимости для интегрального показателя. Т. е. те факторы, которые оказывают наивысшее влияние на улучшение показателей эффективности деятельности предприятий, должны в большей степени учитываться при оценке потенциала кластеризации.

Авторами данной методики показатели, отражающие инновационное развитие отраслей региона, были вынесены в отдельный интеграционный показатель. При условии построения 2-х-уровневого интегрального показателя появляется возможность их включения в общий показатель потенциала формирования интеграционных форм хозяйствования.

Скорректированную методику оценки потенциала кластеризации региона в контексте обеспечения его экономической безопасности можно применить для оценки уровня приоритетности национальных проектов на региональном уровне. В процессе подбора основных индикаторов, которые целесообразно и возможно включить в общую модель оценки потенциала кластеризации (интеграционных объединений) региона, была сформирована система определяющих факторов, которые можно объединить в 4 группы (рис. 1).

Среди представленных индикаторов основная часть – коэффициенты локализации, которые представляют собой соотношение между долей отрасли по определенному признаку в экономике региона к аналогичному показателю, рассчитанному по Российской Федерации в целом.

После расчета отдельных индикаторов необходимо объединить их в интегральную оценку, с целью чего проводится формирование вектора значимости индикаторов, включенных в модель на основании парных коэффициентов корреляции для самих индикаторов и уровня рентабельности операционной деятельности отдельных отраслей:

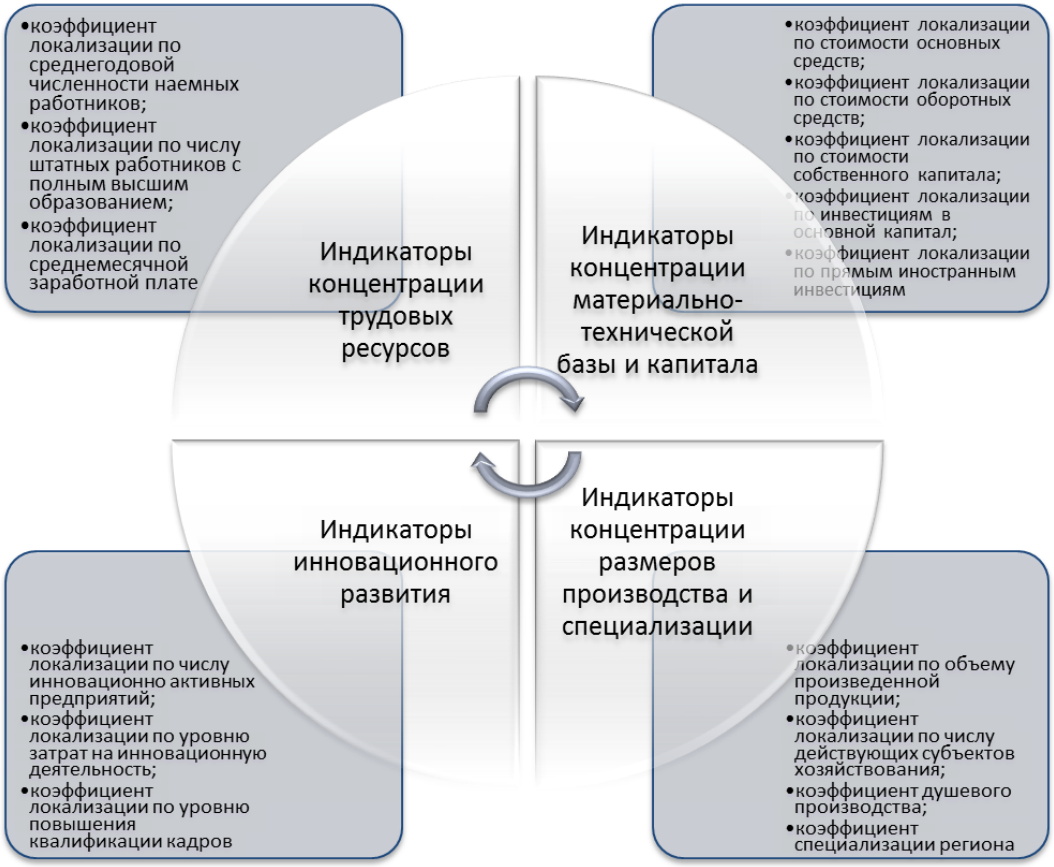


Рис. 1. Система индикаторов оценки приоритетных направлений развития региона в контексте обеспечения его экономической безопасности (сформировано автором на основании проведенного исследования)
Fig. 1. System of assessment indicators of the regional priority development directions in the context of its economic security (as compiled by the author according to the research conducted)

$$v_{ij} = r_{ij}(\psi_{ij}, \Omega), \qquad (1)$$

где v_{ij} – весовой коэффициент i-го индикатора j-й группы;

r_{ij} – парный коэффициент корреляции;

ψ_{ij} – множество показателей системы обеспечения экономической безопасности;

Ω – множество значений выборки рентабельности основной деятельности.

Значимость (весовое значение) выборки исследуемых индикаторов определяется по каждой группе j отдельно: нормирование вектора V_j производится на основании выявления удельных весов абсолютных значений парных коэффициентов корреляции при соблюдении равенства:

$$\sum_i^{r_j} v_{ij} = 1, j = \overline{1, m}. \qquad (2)$$

На следующем этапе анализа рассчитывается интегральное значение потенциала кластеризации по отдельным группам индикаторов. Совокупное значение коэффициента определяется по формуле средневзвешенной величины:

$$G_j = \overline{V}_j^T \times X_j = \sum_i^{n_j} v_{ij} x_{ij}, i = \overline{1, r_j}, j = \overline{1, m}, \qquad (3)$$

где G_j – интегральное значение потенциала j-й группы;

$\overline{V}_j^T$ – вектор показателей уровня значимости индикаторов j-й группы;

X_j – вектор индивидуальных значений x_{ij} j-й группы;

n_j – число элементов j-й группы.

На заключительном этапе необходимо рассчитать комплексный показатель потенциала отдельных групп системы критериев оценки приоритетных направлений развития региона. На втором уровне расчета интегрального показателя рекомендуется учитывать весовое значение каждой отдельной группы k_j:

$$I = k_1 G_1 + k_2 G_2 + k_3 G_3 + k_4 G_4, \qquad (4)$$

причем $\sum k_j = 1, j = \overline{1, m}$. (5)

Выбор удельных весов проводится в соответствии с методом парных сравнений на основе многомерного шкалирования. Суть метода заключается в попеременном попарном сравнении групп факторов между собой, а затем формировании значения коэффициентов значимости k_j, в зависимости от веса средней гармонической этих оценок. Для проведения оценки значимости факторных групп и их влияния на эффективность функционирования приоритетных отраслей региональной экономики целесообразно привлечение группы экспертов, сформированной из ведущих

специалистов предприятий исследуемых отраслей, а также ученых ведущих вузов региона.

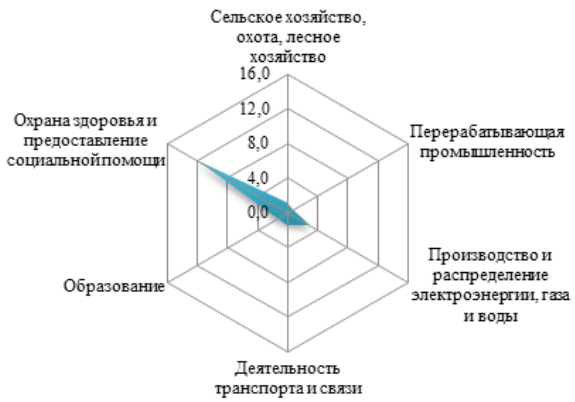
Предложенная методика оценки приоритетных отраслей экономики региона с позиции обеспечения его экономической безопасности была апробирована на примере Республики Крым [11]. По расчетам интегральных значений отдельных групп вышеуказанных показателей были получены следующие результаты. В частности, в настоящее время в Крыму максимально реализован потенциал по концентрации трудовых ресурсов в следующих отраслях: охрана здоровья и предоставление социальной помощи – интегральное значение коэффициента 1,3594; сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство – 1,2606; деятельность транспорта и связи – 1,1147 (рис. 2).

В формировании потенциала по концентрации материально-технической базы и капитала особых результатов добились такие приоритетные отрасли экономики: охрана здоровья и предоставление социальной помощи – 12,1262; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 2,9898; образование – 1,3290; деятельность транспорта и связи – 1,1816; сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство – 1,1049. Высокие темпы инновационного развития характерны для подотраслей промышленности: перерабатывающая промышленность – 3,2105; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 1,6996. Наиболее крупные размеры специализации и углубленная специализация отмечается в следующих отраслях: охрана здоровья и предоставление социальной помощи – 1,6990; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 1,1793; деятельность транспорта и связи – 1,1216.

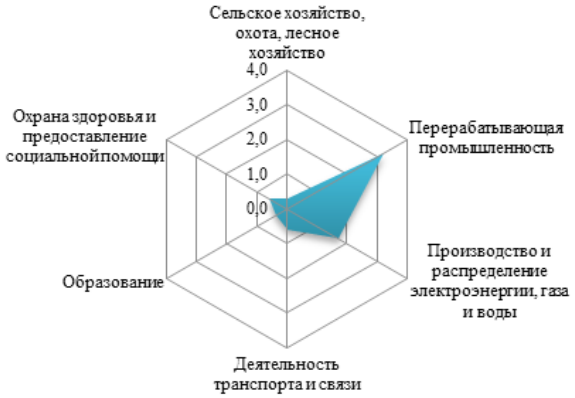
Как видим, наивысший потенциал приоритетности развития и системы экономической безопасности региона присущ отрасли охраны здоровья и предоставления социальной помощи (ядром которой выступает санаторно-курортный комплекс Республики Крым) – значение интегрального коэффициента – 19,2266. Достаточно высокий потенциал также показывают: производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 9,1133; деятельность транспорта и связи – 6,6026; образование – 3,9082; перерабатывающая промышленности – 3,6315.

Такое положение отражает исторические и территориальные особенности региональной специализации полуострова, где санаторно-курортный комплекс – основная отрасль перспективного развития, а сельское хозяйство, медицина, ТЭК, деятельность транспорта и связи, перерабатывающая промышленность – инфраструктурообразую-

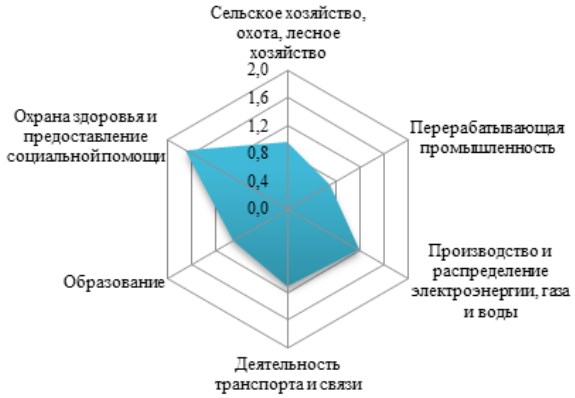
I. Индикаторы концентрации трудовых ресурсов



II. Индикаторы концентрации материально-технической базы и капитала



III. Индикаторы инновационного развития



IV. Индикаторы концентрации размеров производства и специализации

Рис. 2. Результаты интегральной оценки приоритетных направлений развития Республики Крым в контексте обеспечения экономической безопасности региона (сформировано автором по материалам проведенного исследования)
Fig. 2. Results of integrated assessment of the priority development directions of the Republic of Crimea in the context of ensuring the economic security of the region (as compiled by the author according to the materials of the research conducted)

щие ветви экономики Республики Крым. Для эффективной реализации приоритетных национальных проектов в регионе необходимо комплексное реформирование систем взаимодействующих отраслей:

– перерабатывающая промышленность нуждается в ресурсном обеспечении, для обеспечения экономической безопасности региона соответствующие региональные органы управления должны способствовать стабильному развитию основы ресурсной базы отрасли – сельского хозяйства (программы льготного кредитования и налогообложения, финансирование);

– производство и распределение электроэнергии, газа и воды (топливно-энергетический комплекс) – модернизация оборудования и сетей в соответствии с требованиями современного уровня потребления соответствующих услуг;

– деятельность транспорта и связи – интеграция в действующие международные и создание новых региональных систем бронирования и резервирования для предприятий санаторно-курортного комплекса; внедрение пакетов услуг санаторно-курортного отдыха с возможностью предоплаты транспортных услуг; восстановление железных и автодорог;

– образование – усиление научной деятельности в сфере университетского образования, проведение научных исследований для различных отраслей инновационного характера; усиление интеграции с предприятиями для возможности качественной подготовки и переподготовки персонала.

Таким образом, формирование системы критериев для оценки и выбора приоритетных национальных проектов в контексте обеспечения экономической безопасности отдельных регионов способствует повышению эффективности как государственных, так и региональных программ устойчивого развития Российской Федерации, оптимизации расходования бюджетных средств, росту валового национального и регионального продукта.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента от 31.12.2015 г. № 683 // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения: 25.01.2018).
2. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 25.01.2018).
3. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879 (дата обращения: 25.01.2018).
4. Приоритетные национальные проекты России. Режим доступа: http://national.invur.ru/ (дата обращения: 25.01.2018).
5. Изгияева М. Д. Государственное управление приоритетными национальными проектами // Вестник российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2017. № 1. С. 23–30.
6. Имамов М. М. Приоритетные национальные проекты в Российской Федерации: организационное обеспечение социально-экономического развития // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: материалы XV Международной научно-практической конференции (4 октября 2016). СПб., 2016. Т. 2. С. 23–24.
7. Пивень А. Д. Региональные аспекты обеспечения экономической безопасности Республики Крым // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях: сб. тр. Всеросс. научн.-практ. конф. мол. учен., аспир. и студ. (Симферополь, 13 апреля 2017 г.). Симферополь, 2017. С. 261–265.
8. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2010. 592 с.
9. Clusters at your fingertips. Режим доступа: http://www.clusterobservatory.eu (дата обращения: 26.01.2018).
10. Бережная И. В., Михуринская Е. А., Смирнова Е. А. Региональные проблемы инновационного развития: монография. Симферополь: АРИАЛ, 2012. 226 с.
11. Гроздева Е. А. Экономико-математическое моделирование интеграционных процессов в санаторно-курортном комплексе АР Крым // Научные труды Южного филиала Национального университета биоресурсов и природопользования Украины «Крымский агротехнологический университет». Серия: Экономические науки. 2013. Вып. 150. С. 210–215.

SELECTION CRITERIA FOR PRIORITY NATIONAL PROJECTS FROM THE PERSPECTIVE OF ECONOMIC SECURITY

***Anastasiia D. Piven*[1, @]**

[1] *Vernadsky V. I. Crimean Federal University, 4, Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Russia, 295007*
[@] *ada20.00@mail.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: economic security, priority national projects, region, cluster approach, potential, sustainable development.

Abstract: The current paper features some results of theoretical and methodical justification of selection process for priority national projects that would ensure the economic security of the Russian Federation and its regions. The role of economic security is reflected in the system of national security of the state, the interrelation between the priority national projects and the system of economic security of the Russian Federation in the context of the challenges and

threats formulated in domestic standard acts of strategic character. It is shown that the current strategy of sustainable development of regions is formed and implemented through a prism of priority national projects, but optimum ensuring economic security at the regional level is impossible without a scientifically and methodically reasonable regulation from the state. To provide methodically reasonable selection criteria for priority national projects in certain regions from the perspective of economic security, the author proposes to use the cluster approach, which allows one to define development priorities in the region and the direction of its economic security ensuring. Some theoretical and monographic generalizations have made it possible to correct the region clustering potential assessment technique in the context of economic security. Approbation of the developed technique has shown a possibility of its application to assess the level of priority of national projects at the regional level.

For citation: Piven A. D. Kriterii vybora prioritetnykh natsional'nykh proektov s pozitsii obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti [Selection Criteria for Priority National Projects from the Perspective of Economic Security]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 1 (2018): 148–154. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-148-154.

References

1. *O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [About the Strategy of national security of the Russian Federation]. Decree of the President of 31.12.2015 No. 683. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (accessed 25.01.2018).

2. *O Strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda* [On the Strategy of economic security of the Russian Federation until 2030]. Decree of the Russian President of 13.05.2017 No. 208. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (accessed 25.01.2018).

3. *O Strategii ekologicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda* [On the Strategy of ecological safety of the Russian Federation until 2025]. Decree of the Russian President of 19.04.2017 No. 176. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879 (accessed 25.01.2018).

4. *Prioritetnye natsional'nye proekty Rossii* [Priority national projects of Russia]. Available at: http://national.invur.ru/ (accessed 25.01.2018).

5. Izgiiaeva M. D. Gosudarstvennoe upravlenie prioritetnymi natsional'nymi proektami [Public administration by priority national projects]. *Vestnik rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. Plekhanova G. V. Vstuplenie. Put' v nauku = Vestnik of the Plekhanov Russian university of economics. Introduction. The road to science*, no. 1 (2017): 23–30.

6. Imamov M. M. Prioritetnye natsional'nye proekty v Rossiiskoi Federatsii: organizatsionnoe obespechenie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia [Priority national projects in the Russian Federation: organizational support of social and economic development]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia v sovremennom mire: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (4 oktiabria 2016)* [Basic and applied researches in the modern world: Proc. XV Intern. Sc.-Prac. Conf. (October 4 2016)]. Saint-Petersburg, vol. 2 (2016): 23–24.

7. Piven A. D. Regional'nye aspekty obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti Respubliki Krym [Regional aspects of ensuring economic security of the Republic of Crimea]. *Organizatsionno-ekonomicheskie problemy regional'nogo razvitiia v sovremennykh usloviiakh: sb. tr. Vseross. nauchn.-prakt. konf. mol. uchen., aspir. i stud. (Simferopol', 13 aprelia 2017 g.)* [Organizational and economic problems of regional development in modern conditions: All-Russian Sc.-Prac. Conf. young scientists, graduate students and students (Simferopol, April 13 2017)]. Simferopol, 2017, 261–265.

8. Porter M. *Konkurentsiia* [Competition]. Moscow: Vil'iams, 2010, 592.

9. *Clusters at your fingertips*. Available at: http://www.clusterobservatory.eu (accessed 26.01.2018).

10. Berezhnaia I. V., Mikhurinskaia E. A., Smirnova E. A. *Regional'nye problemy innovatsionnogo razvitiia* [Regional problems of innovative development]. Simferopol': ARIAL, 2012, 226.

11. Grozdeva E. A. Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie integratsionnykh protsessov v sanatorno-kurortnom komplekse AR Krym [Economic-mathematical modeling of integration processes in the Autonomous Republic of Crimea health resort]. *Nauchnye trudy Iuzhnogo filiala Natsional'nogo universiteta bioresursov i prirodopol'zovaniia Ukrainy «Krymskii agrotekhnologicheskii universitet». Seriia: Ekonomicheskie nauki = Proceedings of the Southern Branch of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine «Crimean Agrotechnological University». Economic sciences*, no. 150 (2013): 210–215.

УДК 332.1:330.34

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ «РЕСУРСНОГО РЕГИОНА» (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Игорь С. Пыжев[1, @, *]

[1] *Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79*
[@] *igsep@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова:
Ресурсный регион, инновационное развитие, экономический рост, институциональные изменения.

Аннотация: Экономика «ресурсных» российских регионов характеризуется превалирующей ролью относительно небольшого числа крупных производств с низкой добавленной стоимостью. При этом современная институциональная среда для предпринимателя в России является явно недружественной и затратной. Устойчивый же рост региональной или национальной экономики, измеряемый количественно, не может быть обеспечен, на наш взгляд, без качественных институциональных изменений инновационного характера. На основе методологии институционального проектирования через выработку и реализацию стратегии институционального развития можно решить задачи обеспечения качественного инновационного экономического роста региона «ресурсного типа» на примере Красноярского края. Можно сформировать институциональную среду, которая будет не углублять противоречия между интересами субъектов, а балансировать эти интересы. Следует нивелировать противоречия между формальными и неформальными нормами путем повышения эффективности механизмов принуждения, ускорять позитивные институциональные изменения путем развития квалифицированного потребления благ, стимулировать производителей на реализацию конкурентных возможностей, стимулировать регуляторов на обеспечение результативного надзора за производством благ, формировать стимулы производителям благ к инновационной активности.

Для цитирования: Пыжев А. С. Институциональные изменения, обеспечивающие инновационное развитие экономики «ресурсного региона» (на примере Красноярского края) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 155–160. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-155-160.

Введение

Экономика «ресурсных» российских регионов характеризуется, как известно, относительно небольшим числом крупных добывающих и перерабатывающих промышленных производств. При этом только институциональные изменения, направленные на инновации, могут обеспечить увеличение темпов экономического роста на постоянной основе на национальном, региональном и муниципальном уровнях.

Основным результатом инновационно-институционального развития региональной экономики, в конечном счете, должно стать более производительное использование человеческого капитала в рамках существующего прямого или опосредованного взаимодействия потребителей и производителей благ.

Общие тенденции развития экономики и промышленного производства Красноярского края

В период очередного кризиса, начиная с 2013 г. рост ВВП России существенно замедлился. Даже предварительные данные о темпе роста ВВП за 2017 г. не вселяют в этом отношении оптимизм (от 1,4 до 1,8 % по разным оценкам). При этом ВРП Красноярского края, хоть и превышал общероссийский, но следовал той же тенденции (рис. 1).

В данном случае немаловажное влияние на показатель ВРП региона оказывает его ярко выраженный «ресурсный» характер, который проявляется в доминировании добывающей и обрабатывающей промышленности.

Соотношение их долей в структуре промышленного производства Красноярского края в последние десятилетия стабилизировалось (рис. 2).

При этом в обрабатывающей промышленности края ведущую роль играют сектора первого передела (рис. 3). На территории Красноярского края расположены территории Крайнего Севера и приравненные к ним местности, к которым относятся муниципальные образования, расположенные в Арктической зоне Российской Федерации на Таймыре и в Эвенкии. Там находится ряд крупных промышленных площадок (рудников, обогатительных фабрик, металлургических заводов и их инфраструктура). Территория Арктической зоны региона отличается предельно низкой плотностью населения – 0,14 человека на 1 кв. км против 1,2 человека по Красноярскому краю в целом. Площадь муниципальных образований Арктической зоны в 2013 г.

**** Статья подготовлена с использованием результатов исследований, полученных при выполнении проекта «Разработка системы мониторинга финансово-экономического состояния региона, создающей условия для развития институтов качественного экономического роста (на примере Красноярского края и его Арктической зоны)» по гранту, предоставленному РГНФ – региональный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2015 – Красноярский край» (№ 15-12-24006).***

составила 1 648,7 тыс. кв. км, что составляет около 70 % общей территории Красноярского края [2].

Для региона развитие северных территорий, обладающих огромным ресурсным потенциалом, является стратегическим направлением развития.

В проекте «Стратегии развития Красноярского края до 2030 года» сказано, что «возможности развития Красноярского края связаны с дальнейшим расширением использования потенциала традиционно сильных отраслей региональной экономики, которые не только создают предпосылки формирования сектора глубокой переработки, но и формируют спрос на продукцию обрабатывающих отраслей, а также с наращиванием потенциала инновационного развития – внедрением инновационных технологий и выпуском инновационной продукции, формированием новых сфер и направлений, основанных на достижениях современной науки и производстве новых знаний» [4].

Обращает на себя внимание то, что авторы проекта Стратегии предусматривают существенное расширение использования инноваций и производства инновационной продукции, причем глобального характера. При внимательном же рассмотрении можно понять, что речь идет о внедрении инноваций в традиционных для Красноярского края первичных промышленных переделах.

Таким образом, перспектива экономического развития территорий Красноярского края, и особенно его Арктической зоны, связаны, главным образом, с сохранением и развитием нефтегазового комплекса и цветной металлургии.

Известные региональные институциональные проблемы российской экономики

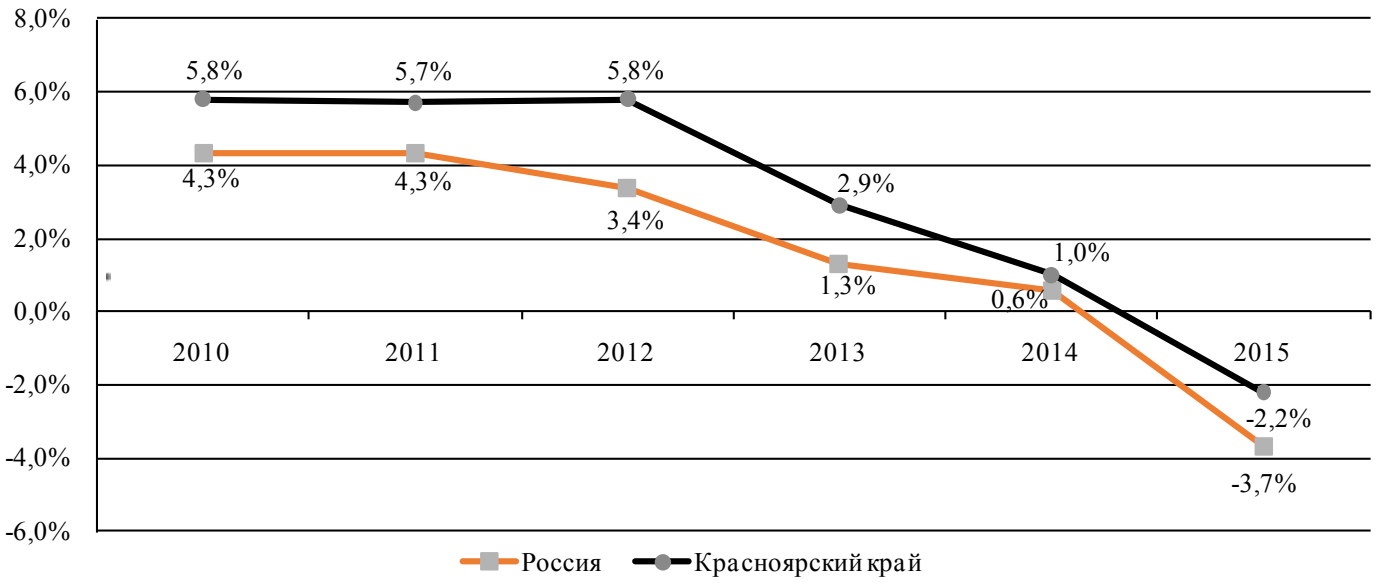


Рис. 1. Рост ВРП Красноярского края и ВВП России [1–3]
Fig. 1. Growth of GRP of the Krasnoyarsk Territory and GDP of Russia [1–3]

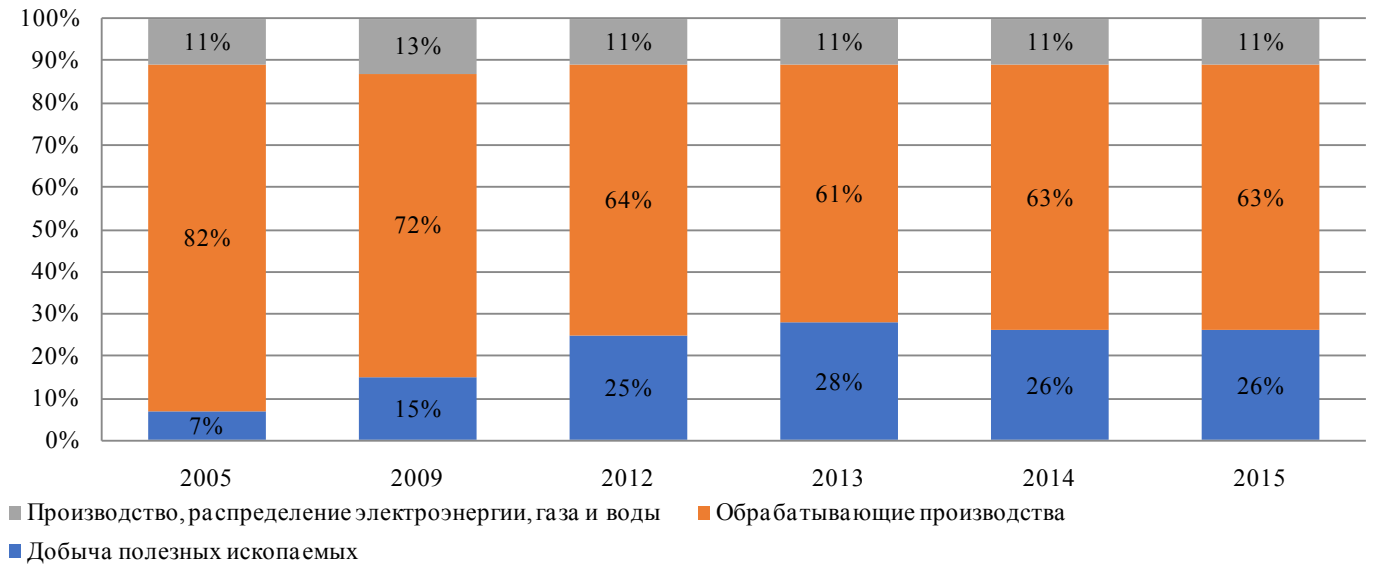


Рис. 2. Структура промышленности Красноярского края [2]
Fig. 2. Industry structure of the Krasnoyarsk Territory [2]

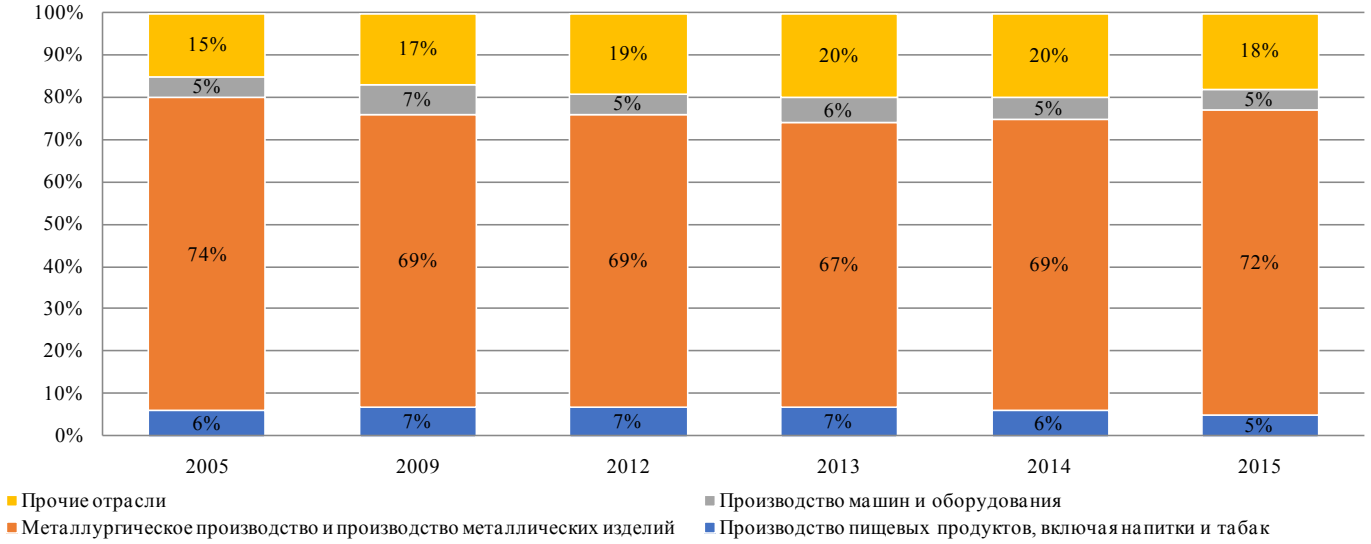


Рис. 3. Отраслевая структура обрабатывающей промышленности Красноярского края [2]
Fig. 3. Branch structure of manufacturing industry of the Krasnoyarsk Territory [2]

Опыт постсоветской институциональной трансформации экономики явно свидетельствует о формировании в России, в первую очередь, на региональном уровне особой конфигурации институциональной среды: «В отечественной экономике, несмотря на заявленную официально ориентацию на формирование универсальных правил игры либерального типа, развитие пошло по пути формирования «гибридной» институциональной среды, которая характеризуется преобладанием нехарактерных для либеральной рыночной экономики форм взаимодействия власти и бизнеса, их «сращиванием» между собой» [5].

Бесконечные властные реформации породили уже множество вполне сложившихся типов региональных институциональных систем, базирующихся на устойчивом и плотном сетевом взаимодействии власти и бизнеса.

При этом следует обратить внимание и на сам характер институциональной среды федерального и регионального уровней. Автором настоящей статьи совместно с Е. Н. Таненковой был проведен анализ нормативно-правовых актов в части поддержки бизнеса и инноваций в России на уровне Красноярского края. Рассмотрены 25 нормативно-правовых актов. Из них 2 федеральных закона, 1 доктрина, 1 указ, 1 стратегия, 1 проект концепции, 1 письмо, 1 распоряжение Правительства РФ, 6 постановлений Правительства РФ, 9 законов Красноярского края, 2 постановления Правительства Красноярского края.

Нормативно-правовые акты анализировались на предмет того, какие нормы регламентируют поведение предпринимателей малого и среднего бизнеса. Все нормы, содержащиеся в анализируемых нормативно-правовых актах, были разделены на стимулирующие и ограничивающие. В соответствии с проведенным исследованием были получены следующие результаты. Число норм, в которых адресатом выступает предприниматель, составляет 38. Из них 34 нормы (89,5 %) являются ограничивающими, 4 – стимулирующими (10,5 %). Число норм, в которых в роли адресата выступает регулятор, составляет 75. Из них 32 (42,7 %) – ограничивающие, 43 (57,3 %) – стимулирующие.

Так оказалось, что современная институциональная среда для предпринимателя в России вообще и на уровне конкретного региона в частности, является явно недружественной и затратной. Значительный объем ограничений даже на уровне формальных норм, регулирующих деятельность предпринимателей – явное тому свидетельство [6, с. 57–66].

Определяющей институциональной характеристикой российской экономики, на наш взгляд, является то, что группы специальных интересов не заинтересованы в накоплении человеческого и инфраструктурного капитала, способного обусловить устойчивый экономический рост. Это, в свою очередь, объясняются следующими институциональными проблемами: институциональные ловушки так называемого «ресурсного проклятия» [7]; преобладание рентоориентированного поведения со стороны экономических субъектов [8]; неразвитое гражданское общество [9; 10].

Институциональные изменения, направленные на переход к устойчивому экономическому росту инновационного характера на уровне региона

Путем реформирования институциональной среды можно решать задачи обеспечения экономического роста региона инновационного характера, который может носить только качественный характер.

Качественный экономический рост, по нашему мнению, определяется как экономическое воспроизводство, существенным образом зависящее от характера институциональной среды, в которой действуют экономические отношения. Три основных категории экономических субъектов со сходными интересами участвуют в обеспечении экономического роста: фирмы и корпорации; домохозяйства и некоммерческие организации; органы власти. Данная экономическая категория теоретического характера введена, обоснована и проанализирована в соответствующих исследованиях с участием автора настоящей статьи [11, с. 57].

Реформирование институциональной среды в качественную сторону может быть произведено посредством институционального проектирования, что в результате позволит решить ряд поставленных задач. Для чего можно использовать известные принципы институционального проектирования [12], которые авторы статьи подробно анализировали ранее [13, с. 273–276]:

1. «Принцип этапной полноты проекта» [13, с. 273–274]. В данном случае проект института должен содержать все процедуры принятия и реализации управленческого решения.

2. «Принцип компонентной полноты проекта» [13, с. 274–275]. Проектируемый институт как коллективная деятельность, наполняется необходимыми компонентами: объектом, средствами воздействия, субъектом, знаниями для изменения объекта, целями субъекта, условиями соединения компонентов.

3. «Принцип разнообразия стимулов» [13, с. 275]. Этот принцип указывает на широкое разнообразие мотивов, стимулов действий, которые, в свою очередь, вызваны значительным разнообразием причин.

4. «Принцип защиты от отклоняющегося поведения» [13, с. 275]. При проектировании института удовлетворяются потребности целеполагающего субъекта, которые могут затрагивать интересы других субъектов через другие институты.

5. «Принцип соучастия» [13, с. 276]. Чем шире участие всех субъектов проектируемого института в процессе его создания, тем больше вероятность его «выживания».

Таким образом, можно сформулировать основные направления институционального развития Красноярского края как региона ресурсного типа [14, с. 87–88]:

• сгладить или нивелировать противоречия между формальными и неформальными нормами путем повышения эффективности механизмов принуждения, направленного на снижение возможностей оппортунистического и (или) рентоориентированного поведения адресатов институтов;

• ускорить позитивные институциональные изменения путем развития квалифицированного потребления благ, стимулирование производителей на реализацию конкурентных возможностей, стимулирование регуляторов всех видов к обеспечению результативного надзора за производством благ;

• сформировать стимулы производителям благ к инновационной активности.

Заключение

Рост экономики Красноярского края обеспечивается главным образом развитием нефтегазового комплекса и цветной металлургии.

В данном случае имеется необходимость перехода экономики России и регионов к инновационной модели экономического роста качественного характера. Качественный экономический рост имеет социально-экономическую природу воспроизводственного характера и базируется на эволюционирующей институциональной среде. Характеристики качественного экономического роста могут определяться, в свою очередь, инновационным потенциалом соответствующего субъекта экономики. Наращивание объема регулирующих воздействий на экономику со стороны регуляторов создает ситуацию, когда правила и институты, регламентирующие взаимодействие экономических агентов, в том числе регуляторов, могут не углублять противоречия между имеющимися интересами субъектов, а на компромиссной основе балансировать эти интересы.

Так, через институциональные изменения в региональной экономике можно создать условия для инновационного роста экономики региона.

Литература

1. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2015 года. Режим доступа: http://riarating.ru/infografika/20160615/630026367.html (дата обращения: 12.04.2017).

2. Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. Режим доступа: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/about/administration/ (дата обращения: 12.04.2017).

3. European Commission Joint Research Centre (JRC). Режим доступа: http://ec.europa.eu/dgs/jrc/index.cfm (дата обращения: 25.05.2017).

4. Красноярский край. Официальный портал. Режим доступа: http://www.krskstate.ru/2030/plan (дата обращения: 10.04.2017).

5. Левин С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Journal of institutional Studies. 2015. Т. 7. № 3. С. 91–101.

6. Пыжев И. С., Руцкий В. Н., Таненкова Е. Н., Ферова И. С. Предпринимательская деятельность в современной инновационной экономике: теоретический аспект. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. 156 с.

7. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.

8. Волчкова Н. А., Суслова Е. Н. Человеческий капитал, промышленный рост и ресурсное проклятие // Экономический журнал высшей школы экономики. 2008. Т. 12. № 2. С. 217–238.

9. Аузан А. А., Тамбовцев В. Л. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 28–49.

10. Курбатова М. В., Левин С. Н., Гоосен Е. В., Трофимова Ю. В. Общественно-договорные механизмы формирования социально-экономических моделей рыночной экономики / под общ. ред. М. В. Курбатовой. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2005. 358 с.

11. Руцкий В. Н., Пыжев И. С. Качественный экономический рост: сущность и условия формирования. Саарбрюккен, Германия: Lambert Academic Publisching, 2012. 117 с.

12. Тамбовцев В. Л. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1998. № 3. С. 82.

13. Пыжев И. С., Руцкий В. Н. Механизм институциональных изменений в инфраструктуре жизнедеятельности населения региона // Институциональные аспекты взаимодействия власти, общества и бизнеса на постсоветском пространстве (постсоветский институционализм 2012). Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2013. С. 265–286.

14. Ферова И. С., Пыжев И. С., Янкина И. А., Руцкий В. Н., Бачерикова Е. В., Таненкова Е. Н. Мониторинг финансово-экономического состояния региона как условие развития институтов качественного экономического роста. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. 160 с.

INSTITUTIONAL CHANGES IN THE INNOVATIVE ECONOMY DEVELOPMENT OF A «RESOURCE REGION» (THE CASE OF THE KRASNOYARSK TERRITORY)

Igor S. Pyzhev [1, @, *]

[1] *Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041*
[@] *igsep@yandex.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: Resource Region, Innovation Development, Economic Growth, Institutional Change.

Abstract: Economy of the so-called «resource» regions of Russia is characterized by the predominant role of a relatively small number of large enterprises with low added value. At the same time, the modern institutional environment for entrepreneurs in Russia is clearly unfriendly and costly. Sustainable growth of regional or national economy, if measured quantitatively, cannot be achieved without the institutional changes of innovative character. Innovative economic growth in a resource region, such as the Krasnoyarsk region, should be based on the methodology of institutional design with the help of institutional development strategy. It is possible to create an institutional environment that will not aggravate the contradictions between the interests of its subjects but will balance these interests. The contradictions between formal and informal norms should be neutralized by increasing the efficiency of enforcement mechanisms; positive institutional change should be accelerated by developing minimal-consumption goods, stimulating producers to innovative activity by maintaining competitive opportunities, encouraging regulative organs to ensure effective production supervision.

For citation: Pyzhev I. S. Institutsional'nye izmeneniia, obespechivaiushchie innovatsionnoe razvitie ekonomiki «resursnogo regiona» (na primere Krasnoiarskogo kraia) [Institutional Changes in the Innovative Economy Development of a «Resource Region» (the case of the Krasnoyarsk Territory)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 155–160. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-155-160.

References

1. *Reiting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia sub»ektov RF po itogam 2015 goda* [Rating of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation as in 2015]. Available at: http://riarating.ru/infografika/20160615/630026367.html (accessed 12.04.2017).
2. *Upravlenie Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Krasnoiarskomu kraiu, Respublike Khakasiia i Respublike Tyva* [Administration of the Federal State Statistics Service for the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia and the Republic of Tuva]. Available at: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/grp/ (accessed 12.04.2017).
3. *European Commission Joint Research Centre (JRC)*. Режим доступа: http://ec.europa.eu/dgs/jrc/index.cfm (accessed 25.05.2017).
4. *Krasnoiarskii krai* [Krasnoyarsk region]. Available at: http://www.krskstate.ru/2030/plan (accessed 10.04.2017).
5. Levin S. N., Kagan E. S., Sablin K. S. Regiony «resursnogo tipa» v sovremennoi rossiiskoi ekonomike [Regions of the «resource type» in the modern Russian economy]. *Journal of institutional Studies*, 7, no. 3 (2015): 91–101.
6. Pyzhev I. S., Rutskii V. N., Tanenkova E. N., Ferova I. S. *Predprinimatel'skaia deiatel'nost' v sovremennoi innovatsionnoi ekonomike: teoreticheskii aspect* [Entrepreneurship in modern innovative economy: theoretical aspect]. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2013, 156.
7. Polterovich V. M. Institutsional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*, 35, no. 2 (1999): 3–20.
8. Volchkova N. A., Suslova E. N. Chelovecheskii kapital, promyshlennyi rost i resursnoe prokliatie [Human Capital, Industrial Growth and the Resource Curse]. *Ekonomicheskii zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = The Economic Journal of the Higher School of Economics*, 12, no. 2 (2008): 217–238.

**** The research uses the results of the project «Development of a monitoring system for the financial and economic situation in the region to create conditions for the development of institutions of quality economic growth (based on the example of the Krasnoyarsk Territory and its Arctic zone)» under a grant provided by the Russian Regional Public Fund, "The Power of Russia will grow by Siberia and the Arctic Ocean» 2015 – Krasnoyarsk Territory» (No. 15-12-24006).***

9. Auzan A. A., Tambovtsev V. L. Ekonomicheskoe znachenie grazhdanskogo obshchestva [Economic significance of civil society]. *Voprosy ekonomiki = Issues of economics*, no. 5 (2005): 28–49.

10. Kurbatova M. V., Levin S. N., Goosen E. V., Trofimova Iu. V. *Obshchestvenno-dogovornye mekhanizmy formirovaniia sotsial'no-ekonomicheskikh modelei rynochnoi ekonomiki* [Social-contractual mechanisms for the formation of socio-economic models of a market economy]. Ed. Kurbatova M. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 358.

11. Rutskii V. N., Pyzhev I. S. *Kachestvennyi ekonomicheskii rost: sushchnost' i usloviia formirovaniia* [Qualitative economic growth: the essence and conditions of formation]. Saarbruecken, Germany: Lambert Academic Publisching, 2012, 117.

12. Tambovtsev V. L. Teoreticheskie voprosy institutsional'nogo proektirovaniia [Theoretical issues of institutional design]. *Voprosy ekonomiki = Issues of economics*, no. 3 (1998): 82.

13. Pyzhev I. S., Rutskii V. N. Mekhanizm institutsional'nykh izmenenii v infrastrukture zhiznedeiatel'nosti naseleniia regiona [Mechanism of Institutional Changes in the Infrastructure of the Community's Livelihoods]. *Institutsional'nye aspekty vzaimodeistviia vlasti, obshchestva i biznesa na postsovetskom prostranstve (postsovetskii institutsionalizm 2012)* [Institutional Aspects of Interaction between Authorities, Society and Business in the Post-Soviet Space (Post-Soviet Institutionalism 2012)]. Omsk: Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, 265–286.

14. Ferova I. S., Pyzhev I. S., Iankina I. A., Rutskii V. N., Bacherikova E. V., Tanenkova E. N. *Monitoring finansovo-ekonomicheskogo sostoianiia regiona kak uslovie razvitiia institutov kachestvennogo ekonomicheskogo rosta* [Monitoring of the financial and economic state of the region as a condition for the development of institutions of quality economic growth]. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2016, 160.

УДК 332.13

МОНОГОРОДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ирина Н. Русак[1, @]

[1] *Белорусский государственный экономический университет, Республика Беларусь, 220672, г. Минск, пр. Партизанский, 26*
[@] *RusakIN@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногород, градообразующее предприятие, критерии моногородов, региональное развитие, Республика Беларусь.

Аннотация: Целью исследования является рассмотрение существующих критериев отнесения городов к моногородам в Республике Беларусь. Предметом исследования являются моногорода Республики Беларусь. В статье обобщены основные подходы к понятию «монопрофильный город». На основе анализа Государственной схемы комплексной территориальной организации Республики Беларусь показано положение моногородов Беларуси в системе расселения. Проанализированы существующие критерии отнесения городов к категории «моногород» и представлены крупнейшие градообразующие предприятия Республики Беларусь. Предложены основные направления дальнейшего развития монопрофильных городов Беларуси, которые могут быть использованы органами государственного управления и местного самоуправления при разработке основных положений регионального развития и законодательном закреплении категории «монопрофильный город» в Республике Беларусь, а также включение в основные стратегические документы Республики Беларусь пункта развития монопрофильных городов с постоянным мониторингом их развития и принятием корректирующих мероприятий в случае депрессивного состояния. Необходимо отметить, что важным направлением дальнейших исследований выбранной тематики является определение критериев комплексного анализа моногородов, которое будет учитывать не только уровень экономического развития градообразующего предприятия, но и уровень социально-экономического развития города как административно-территориальной единицы с градообразующим предприятием.

Для цитирования: Русак И. Н. Моногорода Республики Беларусь: особенности оценки социально-экономического развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 161–165. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-161-165.

Проблема моногородов является актуальной для Республики Беларусь в свете научных исследований, что особенно проявляется в последние несколько лет. Большинство исследователей пытается предотвратить проблемы, с которыми столкнулись государства бывшего СССР.

В Республике Беларусь на данный момент нет официально признанного понятия «моногород». В Законе «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 13 июля 2012 г. № 415-З выделяется понятие «градообразующая организация», под которым понимается «юридическое лицо, численность работников которого составляет не менее одной четвертой части занятого населения соответствующего населенного пункта или за счет осуществления хозяйственной (экономической) деятельности которого поддерживается жизнеобеспечение соответствующего населенного пункта» [1].

В связи с этим общепризнанная практика отнесения малых городов к моногородам, применяемая в ЕС и РФ (к моногородам относятся городские населенные пункты, в экономической структуре которых доминирует одна отрасль, представленная одним или несколькими предприятиями, которые обслуживают один сегмент экономики), не признается данным пунктом законодательного акта и исключает часть городов, в которых существуют градообразующие предприятия, но на которых занято менее 25 % от общей численности занятых города. Примерами таких городов являются г. Новополоцк, г. Жодино и некоторые другие.

Как считает большинство исследователей, такие города целесообразно в Республике Беларусь относить к моногородам, а в качестве основного критерия отнесения того или иного города использовать не критерий количества занятых предприятия (организации) в % к общему количеству занятых города, а зависимость местного бюджета от градообразующего предприятия [2–4].

Важной составляющей в оценке моногородов является также количество занятых работников на производстве градообразующего предприятия в совокупности с общим количеством членов из семей по отношению к общему числу населения города (таблица 1).

В Беларуси насчитывается 49 моногородов по состоянию на 1 января 2016 года. Данное количество соответствует 40 % всех городских поселений страны, в которых проживает 19 % городского населения. При анализе Государственной схемы комплексной территориальной организации Республики Беларусь (далее – ГСКТО) более 70 % моногородов являются региональными центрами.

По функциональному назначению 40 моногородов являются промышленными или агропромышленными, 9 – туристско-рекреационными и природоохранными (рис. 1).

Таблица 1. Основные монопрофильные города Республики Беларусь
Table 1. The main mono-profile cities of the Republic of Belarus

№ п/п	Населенный пункт	Ключевой работодатель	Доля числа работников и членов их семей в общей численности населения, в %
1	Городея	Городейский сахарный комбинат	93
2	Елизово	Стеклозавод «Елизово»	90
3	Микашевичи	«Гранит»	70
4	Березовка	Стеклозавод «Неман»	54
5	Красносельский р-н, Волковысский р-н	Красносельск-стройматериалы	54
6	Солигорск	Беларуськалий	48
7	Руденск	«Руденск»	48
8	Костюковичи	Белорусский цементный завод	47
9	Оболь	Обольский керамический завод	46
10	Новолукомль	Лукомльская ГРЭС	46
11	Коссово	Коссовское МПО	42
12	Мосты	Мостовдрев	40
13	Руба	Доломит	38
14	Кричев	Кричев-цементношифер	32
15	Подсвилье	Подсвильский винзавод	31

Прим.: таблица составлена автором на основе данных сайта «Завтра твоей страны» [5].

В демографической структуре моногородов преобладающим является класс малых городов по численности населения (42,1 %), на мелкие (менее 5 тыс. человек) приходится около 25 %, полусредние (20–50 тыс. человек) – 14,3 %. На оставшиеся классы суммарно приходится менее 20 % [4].

В Республике Беларусь проблему моногородов необходимо рассматривать не только на уровне академической научной среды, но и на высоком управленческом уровне при разработке нормативно-правовых документов регионального и национального значения. Еще в 2005 году Эксперты Программы развития ООН в своем докладе «Экономика и общество Беларуси: диспропорции и перспективы развития» констатировали, что благосостояние более 70 населенных пунктов зависит от работы одного предприятия.

Большое значение в последние годы в хозяйственной деятельности моногородов приобретает финансовая составляющая. К сожалению, большинство градообразующих предприятий, которые находятся в государственной собственности, являются убыточными, дотационными и проблемными. Это необходимо учитывать при разработке стратегии размещения производительных сил Республики Беларусь на период до 2030 года.

При анализе численности населения моногородов Республики Беларусь (таблица 2) видно, что большинство из них являются малыми и мелкими, т. е. с численностью населения от 10 до 50 тыс. человек.

При анализе социально-экономического развития монопрофильных городов Республики Беларусь значение необходимо уделить отраслям специализации данных городов.

Как видно из исследований, приводимых в стране в последние годы [3; 4; 6; 7], основным направлением специализации является пищевая промышленность (рис. 2). Такой вид деятельности, как производство пищевых продуктов, включая напитки и табака, является основным для 75 % моногородов Республики Беларусь.

Необходимо отметить, что на данный момент особое внимание оценке развития моногородов уделяется и российскими учеными [8–11], что еще раз подтверждает актуальность тематики исследования социально-экономического развития монопрофильных городов и их оценки.

В качестве заключения можно предложить следующие аспекты, касающиеся дальнейшего развития моногородов в Республике Беларусь:

– законодательное закрепление статуса моногорода, «монопрофильного города»;

– определение основных критериев отнесения к моногороду или градообразующему предприятию, которое будет состоять из комплексного анализа (с расчетом индекса монопрофильности) и учитывать не только количество занятых на основном предприятии, но и некоторые основные тенденции развития города как территориальной единицы;

– разработка основных направлений развития монопрофильных городов Республики Беларусь, учитывающих особый статус территориальной единицы с градообразующим предприятием и особенности социально-экономического развития данной территории;

– применение передового зарубежного опыта в решении проблемных вопросов развития монопрофильных городов с

целью исключения негативного опыта их развития и последующего разрушения;

– включение в основные стратегические документы Республики Беларусь пункта развития монопрофильных городов с постоянным мониторингом их развития и принятием корректирующих мероприятий в случае депрессивного состояния;

– взаимодействие местных органов власти с бизнес-структурами монопрофильного города с целью создания альтернатив развития города, а также развития бизнес-среды.

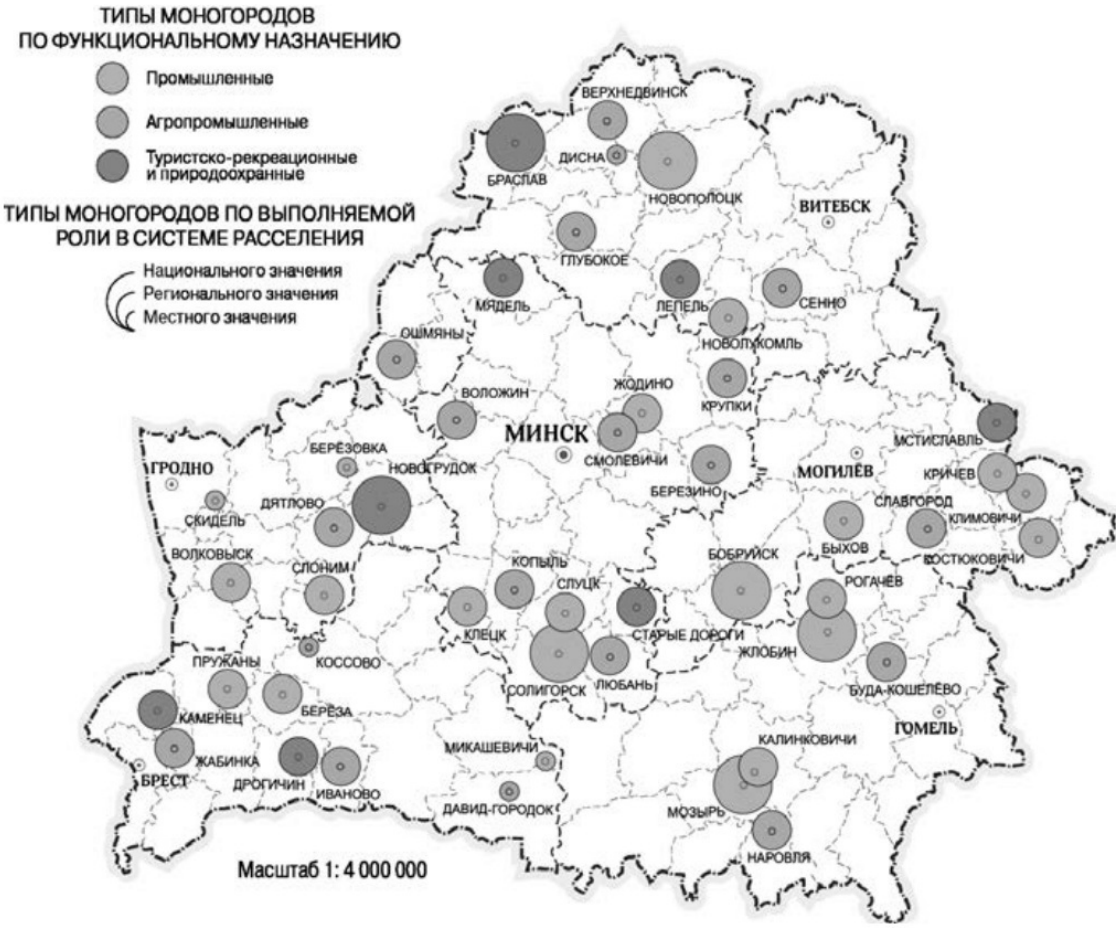


Рис. 1. Распределение моногородов Республики Беларусь по роли в системе расселения и функциональному назначению [6]
Fig. 1. Distribution of single-industry towns of the Republic of Belarus according to their role in the system of population displacement and functional purpose [6]

Таблица 2. Распределение монопрофильных городов Республики Беларусь по численности населения в соответствии с ГСКТО
Table 2. Distribution of mono-profile cities of the Republic of Belarus by population in accordance with the State Scheme of the Integrated Territorial Organization of the Republic of Belarus

№ п/п	Наименование города	Численность населения, тыс. человек
1	Бобруйск, Мозырь, Новополоцк, Солигорск	100–500
2	Жлобин, Жодино, Слуцк	50–100
3	Браслав, Буда-Кошелево, Верхнедвинск, Давид-Городок, Дятлово, Крупки, Каменец, Копыль, Мядель, Наровля, Сенно, Славгород	20–50
4	Березино, Березовка, Быхов, Воложин, Глубокое, Дрогичин, Жабинка, Иваново, Клецк, Климовичи, Костюковичи, Лепель, Любань, Микашевичи, Мстиславль, Новолукомль, Ошмяны, Пружаны, Скидель, Смолевичи, Старые Дороги	10–20
5	Береза, Волковыск, Калинковичи, Кричев, Новогрудок, Рогачев, Слоним	5–10
6	Дисна, Коссово	менее 5

Прим.: таблица составлена автором на основе данных Белстат и ГСКТО.

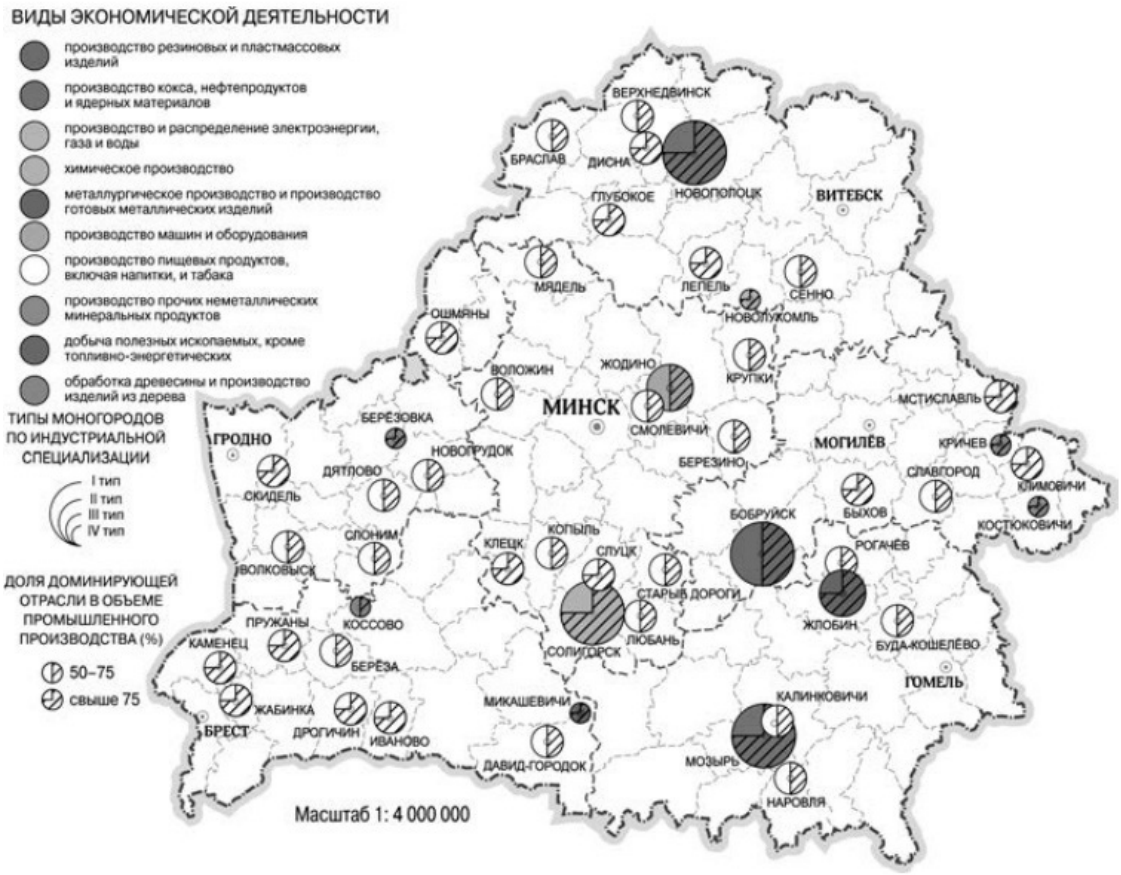


Рис. 2. Распределение монопрофильных городов Республики Беларусь по направлениям специализации градообразующего предприятия [6]

Fig. 2. Distribution of mono-profile cities of the Republic of Belarus in the areas of specialization of the city-forming enterprise [6]

Литература

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве). Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З.

2. Мыцких Н. П. Монопрофильные поселения: проблемы трансформации и развития // Наука и инновации. 2012. Т. 4. № 110. С. 24–26.

3. Antipova E. A. Spatial differentiation of demographic development of Belarusian cities in the post-soviet period // Scientifc annals of “Alexandru Ioan Cuza” University of Iaşi (II–c, Geography serie). 2012. Vol. LVII I. P. 223–236.

4. Антипова Е. А., Титов А. Н. Динамика пространственно-функциональной структуры моногородов Беларуси (на примере Солигорска, Жодино и Кричева) // Вести БГПУ. Серия 3. 2016. № 1. С. 73–80.

5. Заўтра тваёй краіны. Режим доступа: http://www.zautra.by/ (дата обращения: 04.02.2018).

6. Антипова Е. А., Титов А. Н. Современный портрет белорусского монопрофильного города // Земля Беларуси. 2017. № 2. С. 27–36.

7. Русак И. Н. Особенности размещения производительных сил в регионах Республики Беларусь // Управление социально-экономическими системами: материалы междунар. научно-практ. конференции: в 2-х т. / М-во образ. и наука РФ; Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2017. Т. 1. С. 395–398.

8. Фатеева С. В., Тайгунов А. М. Оценка социально-экономического развития моногородов Южного федерального округа // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 1. С. 253–264. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-monogorodov-yuzhnogo-federalnogo-okruga (дата обращения: 04.02.2018).

9. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Монопрофильные города России: блокировки и драйверы инновационного поиска // Форсайт. 2016. Т. 10. № 3. С. 53–64.

10. Пьянкова С. Г. Индикаторы оценки влияния институциональной подсистемы на развитие монопрофильного города // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 2. С. 78–86.

11. Лукишин А. В. Роль градообразующих предприятий в социально-экономическом развитии моногородов // Дискуссия. 2016. № 5. С. 33–37.

MONOTOWNS OF THE REPUBLIC OF BELARUS: ASSESSMENT FEATURES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

***Iryna N. Rusak*[1, @]**

[1] *Belorussian State Economic University, 26, Partizanski Ave., Minsk, Belarus, 220672*
[@] *RusakIN@mail.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: a single industry town, forming enterprise, criteria of single industry towns, regional development, Republic of Belarus.

Abstract: The aim of the article is to consider the existing criteria of single-industry towns (monotowns) in the Republic of Belarus, which are the subject of the current research. The article summarizes the main approaches to the concept of «single-industry city». The study is based on the analysis of the state scheme of complex territorial organization of the Republic of Belarus and shows the position of the single-industry towns of Belarus in the system of population displacement. The paper features an analysis of the existing criteria for attributing urban settlements to the category of «monotowns» and includes a list of the largest city-forming enterprises in the Republic of Belarus. The study proposes some basic directions of the further development of single-industry towns in Belarus, which can be used by the government and local authorities in the regional development. The results will help to institutionalize the category of «single-industry town» in Belarus. The study also proposes to include an article on the development of monoprofile cities into main strategic documents of the Republic of Belarus. Such an article should provide a permanent monitoring of the development of such urban settlements as well as adoption of corrective measures in case of depression. An important direction for future research is the definition of the criteria for a comprehensive analysis of single-industry towns – not only on the level of economic development of the city-forming enterprise, but also on the level of socio-economic development of the settlement as an administrative-territorial unit with a town-forming enterprise.

For citation: Rusak I. N. Monogoroda Respubliki Belarus': osobennosti otsenki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia [Monotowns of the Republic of Belarus: Assessment Features of Socio-Economic Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 161–165. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-161-165.

References

1. Ob ekonomicheskoi nesostoiatel'nosti (bankrotstve) [On economic insolvency (bankruptcy)]. *Law of the Republic of Belarus of July* 13, 2012 No. 415-3.
2. Mytskikh N. P. Monoprofil'nye poseleniia: problemy transformatsii i razvitiia [Phenomenon of monoprofile settlements: problems of transformation, development]. *Nauka i innovatsii = The Science and Innovations*, 4, no. 110 (2012): 24–26.
3. Antipova E. A. Spatial differentiation of demographic development of Belarusian cities in the post-soviet period. *Scientifc annals of "Alexandru Ioan Cuza" University of Iaşi (II–c, Geography serie)*, vol. LVIII (2012): 223–236.
4. Antipova E. A., Titov A. N. Dinamika prostranstvenno-funktsional'noi struktury monogorodov Belarusi (na primere Soligorska, Zhodino i Kricheva) [Dynamics of the spatially-functional structure of monotowns in Belarus (by the example of Soligorsk, Zhodino and Krichev)]. *Vesti BGPU. Seriia 3 = News from the Belarusian State Pedagogical University. Series 3,* no. 1 (2016): 73–80.
5. Zavtra tvaei krainy [Tomorrow of your country]. Available at: http://www.zautra.by/ (accessed 04.02.2018).
6. Antipova E. A., Titov A. N. Sovremennyi portret belorusskogo monoprofil'nogo goroda [Modern portrait of Belarusian monoprofile city]. *Zemlia Belarusi = Land of Belarus*, no. 2 (2017): 27–36.
7. Rusak I. N. Osobennosti razmeshcheniia proizvoditel'nykh sil v regionakh Respubliki Belarus' [Features of the location of productive forces in the regions of the Republic of Belarus]. *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami: materialy mezhdunar. nauchno-prakt. konferentsii* [Management of socio-economic systems: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Vologda: VoGU, vol. 1 (2017): 395–398.
8. Fateeva S. V., Taigunov A. M. Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monogorodov Iuzhnogo federal'nogo okruga [Assessment of the socio-economic development of single-industry towns of the Southern Federal District]. *Gumanitarii Iuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*, 6, no. 1 (2017): 253–264. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-monogorodov-yuzhnogo-federalnogo-okruga (accessed 04.02.2018).
9. Zamyatina N. Iu., Pilyasov A. N. Monoprofil'nye goroda Rossii: blokirovki i draivery innovatsionnogo poiska [Single-Industry Towns of Russia: Lock-In and Driver of Innovative Search]. *Forsait = Foresight and STI Governance*, 10, no. 3 (2016): 53–64.
10. Pyankova S. G. Indikatory otsenki vliianiia institutsional'noi podsistemy na razvitie monoprofil'nogo goroda [Indicators to Assess the Institutional Subsystem Influence on the Development of Single-Industry Towns]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Izvestiya Ural State University of Economics,* no. 2 (2016): 78–86.
11. Lukishin A. V. Rol' gradoobrazuiushchikh predpriiatii v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii monogorodov [The role of city-forming enterprises in the socio-economic development of single-industry cities]. *Diskussiia = Discussion*, no. 5 (2016): 33–37.

УДК 332.14

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МОНОГОРОДОВ

Ольга Д. Угольникова[1, @]

[1] *Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21*
[@] *olga_ugolnikova@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.01.2018. Принята к печати 12.03.2018.

Ключевые слова: моногород, инновационная инфраструктура, информационная экспертно-консультационная инфраструктура, проектный офис.

Аннотация: Предмет работы – элементы системы развития моногородов. Цель – описание модели системы развития моногородов, обеспеченной элементами инновационной инфраструктуры. Основа методологии работы – концепции С. Паркинсона, Х. Такеучи, Й. Шумпетера. Область применения результатов работы – российские моногорода, отнесенные к категории с наиболее сложной экономической ситуацией.

Результатом работы являются рекомендации по формированию инновационной инфраструктуры моногородов, что приведет к повышению их конкурентоспособности, переходу из категории с наиболее сложной социально-экономической ситуацией в категорию управляемого риска.

Вывод состоит в необходимости создания инфраструктуры инновационного развития моногорода с ресурсным центром подготовки кадров (проектный офис с учреждением дополнительного образования, центром стандартизации квалификаций, методическим центром взаимодействия образовательных учреждений и предприятий моногорода) и информационной экспертно-консультационной инфраструктурой (проектный офис инновационного развития и предпринимательства с отделами коуч- и форсайтного управления, центром стандартизации и центром инвестиционно-инновационного развития, инновационно-коммуникационная площадка, консорциум бизнес-инкубаторов). Разработанная модель служит для эффективного управления социально-экономическим развитием моногородов.

Для цитирования: Угольникова О. Д. Управление социально-экономическим развитием моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 166–171. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-166-171.

Негативные тенденции социально-экономического развития российских моногородов привлекли внимание власти, общественности начиная с 2009 г. Спад производства и спроса продукции градообразующих предприятий, рост безработицы в связи с высвобождением их работников, резкое снижение деловой активности в моногородах стали проблемами на длительный промежуток времени. В 2009 г. премьер-министр РФ дал поручение подготовить федеральную программу поддержки моногородов. В задачи программы входила активизация работы на местах по созданию новых рабочих мест вне градообразующих предприятий. Базовой моделью поддержки моногородов стали диверсификация градообразующего предприятия; утверждение крупных инвестиционных проектов; массовая поддержка малого и среднего бизнеса. Администрации моногородов разрабатывали Комплексные инвестиционные планы модернизации (КИП), и в течение 2011 г. и 2012 г. на экспертизу были поданы 38 проектов диверсификации монопрофильных экономик. Данная программа была завершена в 2013 г., не принеся значимых результатов, а центр тяжести обеспечения стабильности развития моногородов был перенесен в регионы их расположения.

Усилия региональных властей по диверсификации экономики в последующий период были связаны с реализацией КИП, стратегий социально-экономического развития моногородов, а также согласованием стратегий регионального и муниципального развития. Зачастую параллельно с деятельностью владельцев градообразующих предприятий по оптимизации производства шли активные поиски инвесторов для привлечения к реализации проектов территориального развития на условиях софинансирования. При этом негативные явления в социальных процессах ввиду закрытия, приостановки или сокращения деятельности градообразующих предприятий продолжали нарастать. Скрытая безработица, рост оттока молодого, трудоспособного населения, высокопрофессиональных кадров, снижение предпринимательской и бизнес-активности, срыв сроков, объемов строительства и запуска «якорных» производств, отсутствие планов по переобучению новым специальностям, приток значительного числа мигрантов и сельского населения, разрушение городской и трудовой культуры. Перечень монопрофильных муниципальных образований, утвержденный и классифицированный в 2014 г., расширился до 319 [1].

На федеральном уровне в 2015 г. были приняты нормативно-правовые акты, направленные на снижение действия негативных факторов [2]. В числе других решений – оказание поддержки проектам высокотехнологичного экспорта, импортозамещения, обеспечение условий для внедрения модели высокой конкурентоспособности моногородов при сохранении их природных, социальных и культурно-исторических ресурсов. Новым инструментом развития моно-

городов был выбран проектный офис по реализации инвестиционных проектов в моногородах. Функция этого офиса была возложена на НКО «Фонд развития моногородов» (ФРМ). Помимо инвестиционной поддержки малого и среднего бизнеса моногородов был сделан акцент на роли инноваций и развитии человеческого капитала.

Перенесение в тот период ответственности за результат социально-экономического развития моногородов на региональные власти также не привело к ожидаемым результатам, а выявило другую проблему – неготовность региональных команд для этих решений. По-нашему мнению, это было связано с несоответствием имеющихся стратегий социально-экономического развития регионов, моногородов, расположенных на их территории, требованиям времени, отсутствием взаимоувязки этих документов, а также с проблемами планирования и прогнозирования инновационного развития территорий. Такую же неготовность, но связанную с действием других факторов, продемонстрировали местные власти моногородов.

Важным фактором инновационного развития региона является уровень его обеспеченности объектами инновационной инфраструктуры. Инфраструктура знаний развита в моногородах на достаточном уровне, если принять во внимание количество общеобразовательных, профессиональных образовательных организаций (школьное образование, ПТУ, колледжи, техникумы), связанных с ними организаций дополнительного и дополнительного профессионального образования. Строительство в моногородах бизнес-инкубаторов, организация индустриальных парков на базе объединения «якорных» производств» по ряду принципов, открытие технологических центров формируют производственно-технологическую инфраструктуру моногородов. И это формирование проходит активно, особенно в условиях преференций для инвесторов ТОСЭР и высокой заинтересованностью моногородов приобрести статус территории опережающего социально-экономического развития.

Фонд Бортника, РВК, Фонд развития моногородов (ФМР) представляют финансовую инновационную инфраструктуру и способствуют привлечению инвестиций, финансированию, например, для создания объектов инженерной инфраструктуры, инвестиционных проектов и т. д., как в случае ФРМ. По данным ФМР, 100 российских моногородов из 319 находятся в социально-экономической ситуации, классифицируемой как наиболее сложная. Ориентируясь на классифицирующий показатель «управляемый риск», в период с 2020 г. количество моногородов, относящихся к категории управляемого риска, составит не менее 6 моногородов [3]. Таким образом, в стратегии устойчивого социально-экономического развития моногородов должно быть учтено как одно из направлений – стратегия управления рисками, включая идентификацию рисков, их оценку и управление.

Отметим, что средства ФРМ частично направляются на подготовку и формирование управленческих команд. Одним из показателей эффективности деятельности Фонда был установлен показатель «Количество человек, прошедших обучение управлению проектами», и его числовое значение составило 50 человек (2015 г.). Другими показателями в последующие 2016–2017 гг. были установлены «Количество созданных рабочих мест» (250 и 2000 соответственно) и «Количество моногородов, получивших поддержку за счет субсидии, перешедших из категории моногородов с наиболее сложной социально-экономической ситуацией в иные категории» (0 и 1 соответственно) [3]. Эти цифры вызывают вопрос об эффективности ФРМ, хотя следует согласиться, что для достижения высоких показателей необходима активность администрации, бизнес-сообщества и населения моногородов.

На текущем этапе резко ощущается недостаток высокоэффективных кадров по управлению развитием объектов экономики на всех уровнях (микро-, мезо-, макро-), включая управление экономикой и социальным развитием моногородов. Согласно представленной на официальном сайте схеме работы проектного офиса ФРМ – структурного элемента бизнес-модели Фонда, проектный офис осуществляет мониторинг, координацию программы «Комплексное развитие моногородов», обеспечивает соблюдение единых методологических подходов управления, развитие системы обмена знаниями и информацией. Среди существующих представлен продукт Фонда «Обучение управленческих команд» для всех моногородов, любого сегмента матрицы моногородов.

В связи с отсутствием описания модели предоставления данного продукта выскажем свое видение ее возможной формы и связей с акторами экономической деятельности моногорода. Дефицит управленческих кадров, обладающих компетенциями управления, необходимыми не только в условиях резкого повышения конкурентоспособности других субъектов экономики, но и учета различных рисков, связанных с особенностями монопрофильных территорий, может быть минимизирован через формирование в моногородах особых типов инновационной инфраструктуры – информационной и экспертно-консалтинговой. Она содержит следующие элементы: консалтинговые и коучинговые центры, центры трансфера технологий. Образовательный аспект, наиболее учтенный в части инфраструктуры знаний, в данном случае расширяется через создание ресурсных центров подготовки кадров инновационных производств моногородов; проектного офиса инновационного развития производства и предпринимательства. Рассмотрим подробней особенности элементов инновационной инфраструктуры моногородов.

1. Создание ресурсного центра подготовки кадров

В целях повышения качества управления развитием моногородов в современных условиях высокой конкуренции предлагается создание ресурсно-образовательного центра. Это позволит обеспечить опережающее развитие экономики моногородов. Ресурсный центр включает свой проектный офис; учреждение дополнительного образования; центр стандартизации квалификаций; методический центр взаимодействия образовательных учреждений и предприятий моногорода (рис. 1).

Предложенный подход к управлению опережающим развитием моногородами с использованием технологий проектного управления является широко применяемым в самых различных отраслях. Его преимуществом является учет влияния на процессы управления факторов постоянно меняющейся внешней среды. Ниже дано описание элементов ресурсного центра. Взаимосвязи этого центра с субъектами экономической деятельности моногорода указаны на рисунке 2.

Центральный элемент модели – проектный офис, создаваемый для эффективного управления ресурсным центром.

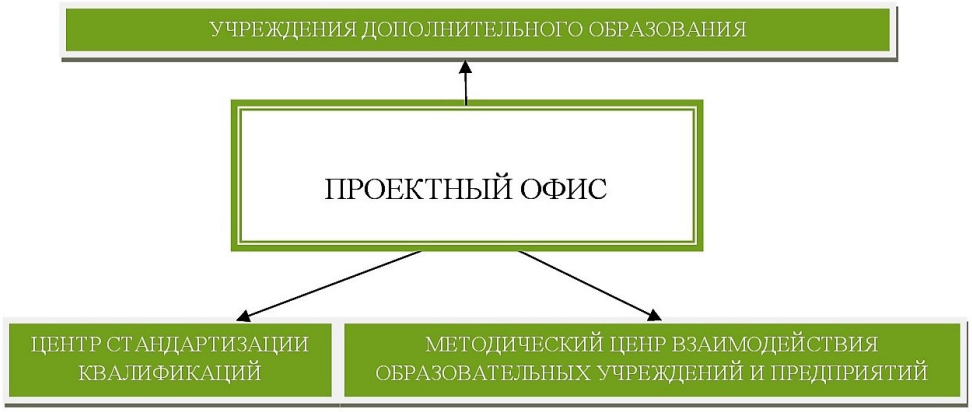


Рис. 1. Модель ресурсного центра [4]
Fig. 1. Resource Center Model [4]

Функции проектного офиса: интеграция органов власти и организаций для создания единой программы производственно-кадрового инновационного развития моногорода; планирование и координация деятельности учреждений дополнительного образования, центра стандартизации квалификаций, методического центра взаимодействия образовательных учреждений и предприятий моногорода; разработка прогнозов технико-технологического развития, рекомендаций по инициированию, внедрению, продвижению, привлечению инновационных технологий в моногород.

Руководство проектным офисом осуществляется коллегиальным органом, включающим представителей организаций, органов власти, общественности моногорода. Деятельность проектного офиса регламентируется нормативно-правовым актом (Положением).

Для подготовки высококвалифицированных специалистов для инновационной экономики моногорода создаются (при-

Рис. 2. Взаимосвязи ресурсного центра с субъектами экономической деятельности моногорода [4]
Fig. 2. Interconnections between the resource center and the subjects of economic activity of a single-industry city [4]

влекаются) учреждения дополнительного образования. Они не конкурируют, а расширяют, дополняют предмет деятельности ПО ФРМ. Функции учреждения дополнительного образования проектного офиса: профессиональная подготовка, переподготовка, повышение квалификации, в том числе с учетом инновационной компоненты; курсы по формированию недостающих компетенций, включая компетенции по инновационным направлениям деятельности; развитие компетенций работников в соответствии с требованиями заказчиков к качеству персонала.

Систематизация и легимитизация профессиональных требований организаций к персоналу с учетом их планов и программ опережающего технологического развития (на микроуровне), а также инновационного развития моногорода осуществляется в Центре стандартизации квалификаций. Организационно Центр может входить в состав проектного офиса. К его функциям относятся подготовка профессиональных стандартов по определенным профессиям (должностям) для организаций моногорода с учетом опережающего технико-технологического развития; регистрация профессиональных стандартов по определенным профессиям (должностям) в Министерстве труда и социальной защиты РФ.

С целью приведения в соответствие содержания обучения к требованиям организаций к персоналу создается Методический центр взаимодействия образовательных учреждений и организаций моногорода. Он также входит в проектный офис. К его функциям отнесены участие в государственных аттестационных испытаниях выпускников в качестве представителей работодателей; участие в разработке учебных планов и образовательных программ образовательных учреждений для их согласования с требованиями работодателей; организация и руководство практиками, стажировками обучающихся в организациях моногорода, в том числе с целью формирования компетенций, относящихся к инновационной деятельности; формирование реестра инноваций; разработка методических материалов по подготовке высококвалифицированных кадров на основе прогнозов технико-технологического развития с учетом стратегии регионального и муниципального развития.

Функционирование Ресурсного центра включает такие аспекты деятельности, как разработка прогнозов, профессиональных стандартов, формирование методологической базы, реестра методик и др. Особенность деятельности базируется на требовании инновационного развития моногорода в целях обеспечения конкурентоспособности его экономики, стабильности социально-экономического развития, высокого качества жизни населения, формирования производственной и общественной активностей. Ресурсный центр обеспечивает разработку прогнозов муниципального технико-технологического развития; профессиональных стандартов, направленных на систематизацию требований к квалификации опережающего, инновационного развития; разработку и подбор методических материалов для профессиональной подготовки специалистов с новыми технико-технологическими компетенциями и инновационным мышлением; инфраструктурные условия формирования компетенций, соответствующих требованиям инновационного и опережающего развития, повышения компетентности выпускников образовательных учреждений; формирование в образовательном учреждении дополнительного образования необходимых компетенций опережающего, инновационного развития.

В центре предусмотрена подготовка к инновационной предпринимательской деятельности. Работа всех подразделений осуществляется на основе договоров подряда. Требуемые для запуска проектного офиса инвестиции могут быть привлечены из частных источников, а также путем участия в государственных программах, грантах, конкурсах.

Ресурсный центр подготовки кадров для экономики моногородов на основе инновационных подходов имеет предысторию. Его модель была обсуждена, апробирована в рамках научно-исследовательских работ совместно с компаниями, реализующими деятельность в СНГ. Данная модель была представлена на «Научных неделях» университета Saxion и технопарка Кенигспарк (Нидерланды) в лекциях автора статьи. Ресурсный центр данного типа является прообразом образовательного учреждения, где для моногородов, реализующих инновационные проекты, готовятся кадры, проходят переподготовку высвобождающиеся специалисты и работники градообразующих предприятий, жители моногорода, специалисты из других регионов, моногородов, желающие пройти обучение в дистанционном режиме.

2. Создание информационной экспертно-консультационной инфраструктуры инновационного развития моногорода

Указанная инфраструктура включает свой проектный офис инновационного развития и предпринимательства, осуществляющий стратегическое планирование, координацию акторов экономических отношений, их интеграцию. Офис включает специальные отделы: коуч- и форсайтного управления развитием моногорода. В этот проектный офис входит Центр стандартизации, создаваемый с участием администрации, научно-образовательных учреждений, градообразующего и иных предприятий моногорода для разработки нормативных документов, технических стандартов, регламентов, технологических карт формирования баз данных и знаний в инновационной сфере, реестра инновационного оборудования. Центр проводит экспертизу и оценку эффективности созданного инновационного продукта, оборудования, инновационных технологий, разрабатывает технологические стандарты инновационной продукции, получает свидетельства на инновационные продукты и технологии. Как особый структурный элемент информационной экспертно-консультационной инфраструктуры рассматривается инновационно-коммуникационная площадка. Она организуется в сети интернет. В ее рамках проводятся форумы, выставки, конкурсы инновационных идей, осуществляется обмен ресурсами по методам краудсорсинга, фандрайзинга, инноватики. Может быть инициировано проведение ежегодного Форума российских моногородов в конкретном моногороде. Управление инновационно-коммуникационной площадкой осуществляется из проектного офиса инновационного развития и предпринимательства.

В целях диверсификации экономики каждому из моногородов в 2010–2012 гг. было рекомендовано включать в КИП создание бизнес-инкубатора. На большие проблемы бизнес-инкубаторов моногородов указывали участники научно-практических мероприятий в Санкт-Петербурге [5; 6]. Вопросы развития инновационных процессов, сотрудничества региональных центров и моногородов, муниципалите-

тов в области предпринимательской активности остаются актуальными. Но именно бизнес-инкубаторы остаются традиционно начальными площадками активности данного вида. Мы предлагаем дополнить их структуру рядом элементов: это сектор реализации специальной концепции развития инновационного предпринимательства; сектор организации, разработки и ведения реестра инновационных разработок молодежных стартапов; проектный офис инновационного предпринимательства; подразделение «Молодежный бизнес-инкубатор» с созданием учебных фирм, бизнес-команд, проведением тренингов по технологии модернизационного коучинга; самостоятельная группа коучей, специализирующейся на технологии, адаптированной к формированию предпринимательского мышления с раннего школьного возраста; сектор коммуникаций с российскими университетскими и бизнес-инкубаторами других моногородов. Одним из направлений работы сектора рассматривается привлечение молодых предпринимателей к бизнес-партнерству, иным видам сотрудничества с перспективой создания межрегионального Консорциума бизнес-инкубаторов с участием бизнес-инкубаторов моногородов. Автор имеет большой опыт организации такой работы [7; 8].

В проектный офис инновационного развития и предпринимательства входит Центр инвестиционно-инновационного развития. Он создается с участием администрации моногорода, взаимодействует с банками, страховыми компаниями, инвестиционными и венчурными фондами, крупными промышленными группами. Центр разрабатывает инвестиционные проекты для их направления в ФРМ, частным инвесторам, Оргкомитеты конкурсов по участию в госпрограммах для получения бюджетного финансирования. Разработанная и представленная в данной работе модель служит для эффективного управления социально-экономическим развитием моногородов [9; 10].

Литература

1. О внесении изменений в перечень монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов), утв. распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р. Распоряжение Правительства РФ от 16.04.2015 № 668-р. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178479/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 27.01.2018).
2. Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году. Распоряжение Правительства РФ от 27.01.2015 № 98-р Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174635/ (дата обращения: 27.01.2018).
3. Фонд развития моногородов: официальный сайт. Режим доступа: http://www.frmrus.ru/work/ (дата обращения: 27.01.2018).
4. Угольникова О. Д., Пастухов А. Л. Создание инновационной инфраструктуры старопромышленных моногородов // Инновационное развитие старопромышленных моногородов: от идеи к реализации / под ред. О. Д. Угольниковой, А. Д. Ризова, А. Л. Пастухова, В. В. Угольникова, Д. В. Буряка, Е. А. Тимощенко. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. С. 49–60.
5. Круглый стол с международным участием «Развитие молодежной бизнес-среды в сфере услуг. Университетский опыт». 27.12.2013. Режим доступа: http://spbsseu.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/kruglyy-stol-s-mezhdunarodnym-uchastiem-razvitie-molodezhnoy-biznes-sredy-v-sfere-uslug-univ.html (дата обращения: 27.01.2018).
6. Интеграция межкультурного, информационно-коммуникационного, образовательного и бизнес-пространства / ред. и сост. Г. Д. Дроздов, О. Д. Угольникова. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2013. 235 с.
7. В СПбГУСЭ открыт молодежный бизнес-инкубатор. 04.10.2013. Режим доступа: http://unecon.ru/ad/v-spbguse-otkryt-molodezhnyy-biznes-inkubator (дата обращения: 27.01.2018).
8. Угольникова О. Д., Шарафутдинова Л. Р. Университетские бизнес-инкубаторы: новые модели управления // Экономическая наука сегодня. 2014. № 2. С. 250–255.
9. Угольникова О. Д., Базен Ж., Бийлевельд П., Коупман Р., Ризов А. Д., Угольников В. В. Социально-экономические проблемы моногородов. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2012. 159 с.
10. Угольникова О. Д., Петров А. П., Угольников В. В. Инновационная экономика: региональные кластерные инициативы. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010. 191 с.

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF MONOTOWNS

Olga D. Ugolnikova [1, @]

[1] *St. Petersburg State Economic University, 21, Sadovaia St., Saint-Petersburg, Russia, 191023*
[@] *olga_ugolnikova@mail.ru*

Received 29.01.2018. Accepted 12.03.2018.

Keywords: monotowns, innovation infrastructure, information expert and consulting infrastructure, project office.

Abstract: The current research features some elements of the monotown development system. The research objective is a model description of the monotown development system provided by the elements of the innovation infrastructure. The conceptual basis of the work methodology is shaped by the works of S. Parkinson, H. Takeuchi, J. Schumpeter. The results can be applied to solve the problems of Russian monotowns that belong to the category of monotowns with the most difficult economic situation.

The research resulted in a series of recommendations on the formation of innovative infrastructure for monotowns, which may lead to an increase in the competitiveness of monotowns and to their transition from a category with the most difficult socio-economic situation to a managed risk category.
The conclusion is that it is necessary to create an infrastructure for the innovative development of monotowns. It is necessary to set up a resource center for personnel training (a project office for additional education, a center for standardization of qualifications, a methodological center for interaction between educational institutions and monotown organizations). It should involve an information expert and consulting infrastructure (project office of innovation development and entrepreneurship with departments of coach and foresight management, standardization center and the center of investment and innovation development, innovation and communication platform, consortium of business incubators, etc.). The model in question provides an effective management of the socio-economic development of monotowns.

For citation: Ugolnikova O. D. Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem monogorodov [Management of Social and Economic Development of Monotowns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 1 (2018): 166–171. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-166-171.

References

1. *O vnesenii izmenenii v perechen' monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii RF (monogorodov), utv. rasporiazheniem Pravitel'stva RF ot 29.07.2014 № 1398-r* [On introducing amendments to the list of single-profile municipal entities of the Russian Federation (mono-cities) approved by the RF Government Decree No. 1398-r dated July 29, 2014]. Order of the Russian Federation Government of 16.04.2015 No. 668-r. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178479/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (accessed 27.01.2018).

2. *Ob utverzhdenii plana pervoocherednykh meropriiatii po obespecheniiu ustoichivogo razvitiia ekonomiki i sotsial'noi stabil'nosti v 2015 godu* [On approval of the plan of priority measures to ensure sustainable development of the economy and social stability in 2015]. Order of the Russian Federation Government of 27.01.2015 No. 98-r (revision of 16.07.2015) Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174635/ (accessed 27.01.2018).

3. *Fond razvitiia monogorodov* [Fund for development of single-industry towns]. Available at: http://www.frmrus.ru/work/ (accessed 27.01.2018).

4. Ugol'nikova O. D., Pastukhov A. L. Sozdanie innovatsionnoi infrastruktury staropromyshlennykh monogorodov [Creation of the innovation infrastructure of old industrial monocities]. *Innovatsionnoe razvitie staropromyshlennykh monogorodov: ot idei k realizatsii* [Innovative development of old industrial monocities: from idea to realization]. Ed. Ugol'nikova O. D., Rizov A. D., Pastukhov A. L., Ugol'nikov V. V., Buriak D. V., Timoshchenko E. A. Saint-Peterburg: Izd-vo SPbGEU, 2016, 49–60.

5. *Kruglyi stol s mezhdunarodnym uchastiem «Razvitie molodezhnoi biznes-sredy v sfere uslug. Universitetskii opyt»* [Round table with international participation «Development of the youth business environment in the service sector. University experience»]. 27.12.2013. Available at: http://spbsseu.ru/kruglyy-stol-s-mezhdunarodnym-uchastiem-razvitie-molodezhnoy-biznes-sredy-v-sfere-uslug-univ.html (accessed 27.01.2018).

6. *Integratsiia mezhkul'turnogo, informatsionno-kommunikatsionnogo, obrazovatel'nogo i biznes-prostranstva* [Integration of intercultural, information-communication, educational and business space]. Ed. and comp. Drozdov G. D., Ugol'nikova O. D. Saint-Peterburg: Izd-vo SPbGUSE, 2013, 235.

7. *V SPbGUSE otkryt molodezhnyi biznes-inkubator* [A youth business incubator is opened at the Saint-Petersburg State University]. 04.10.2013. Available at: http://unecon.ru/ad/v-spbguse-otkryt-molodezhnyy-biznes-inkubator (accessed 27.01.2018).

8. Ugol'nikova O. D., Sharafutdinova L. R. Universitetskie biznes-inkubatory: novye modeli upravleniia [University business-incubators: new management models]. *Ekonomicheskaia nauka segodnia = Economic science today*, no. 2 (2014): 250–255.

9. Ugol'nikova O. D., Bazen Zh., Biilevel'd P., Koupman R., Rizov A. D., Ugol'nikov V. V. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy monogorodov* [Socio-economic problems of single-industry towns]. Saint-Peterburg: Izd-vo SPbGUSE, 2012, 159.

10. Ugol'nikova O. D., Petrov A. P., Ugol'nikov V. V. *Innovatsionnaia ekonomika: regional'nye klasternye initsiativy* [Innovative economy: regional cluster initiatives]. Saint-Peterburg: Izd-vo SPbGUSE, 2010, 191.

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 16.03.2018. Формат А 4.
Дата выхода в свет 21.03.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 20. Уч.-изд. л. – 12,2.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано: 650000, г. Кемерово, ул. Мичурина, 13 А.